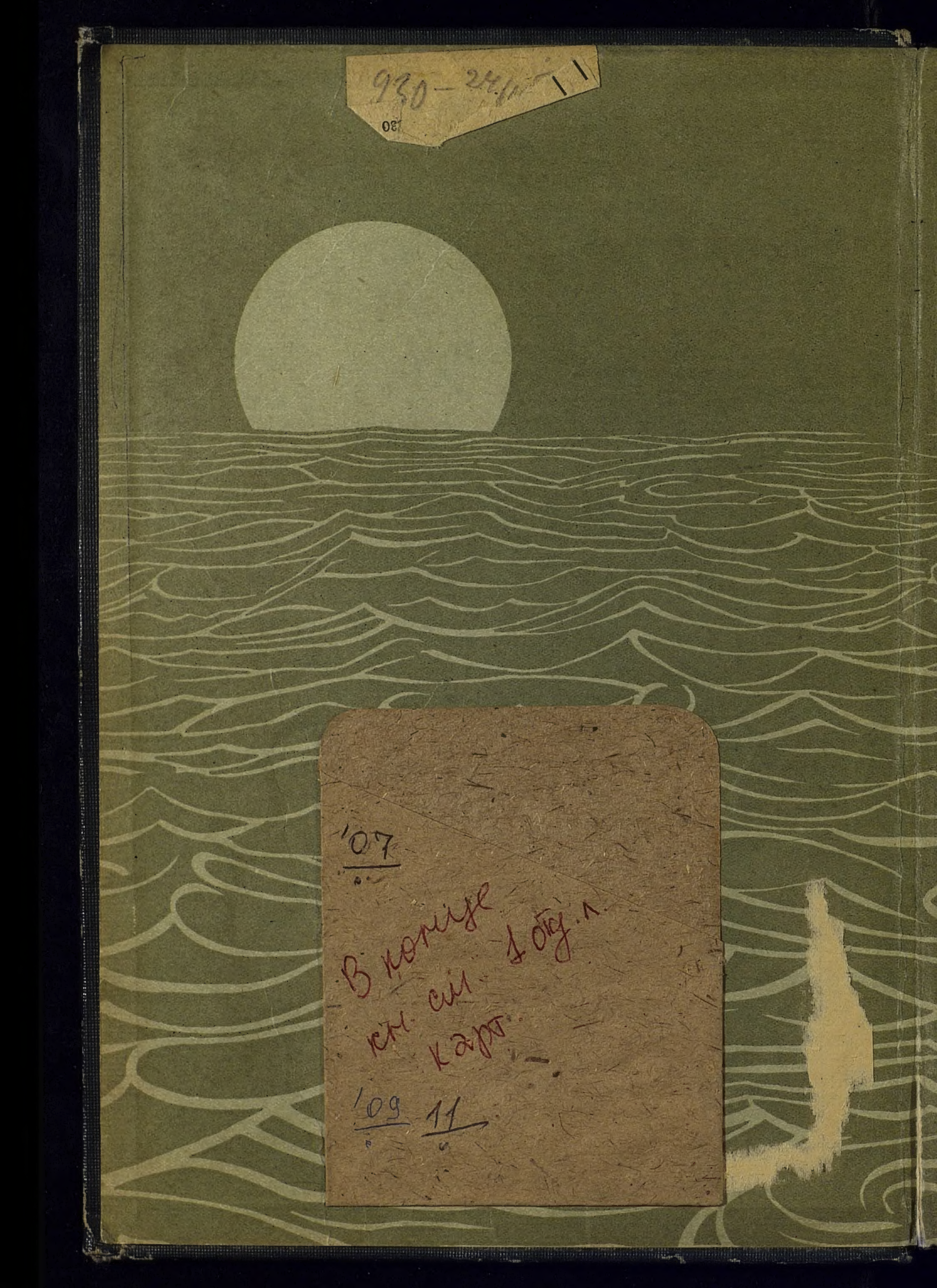
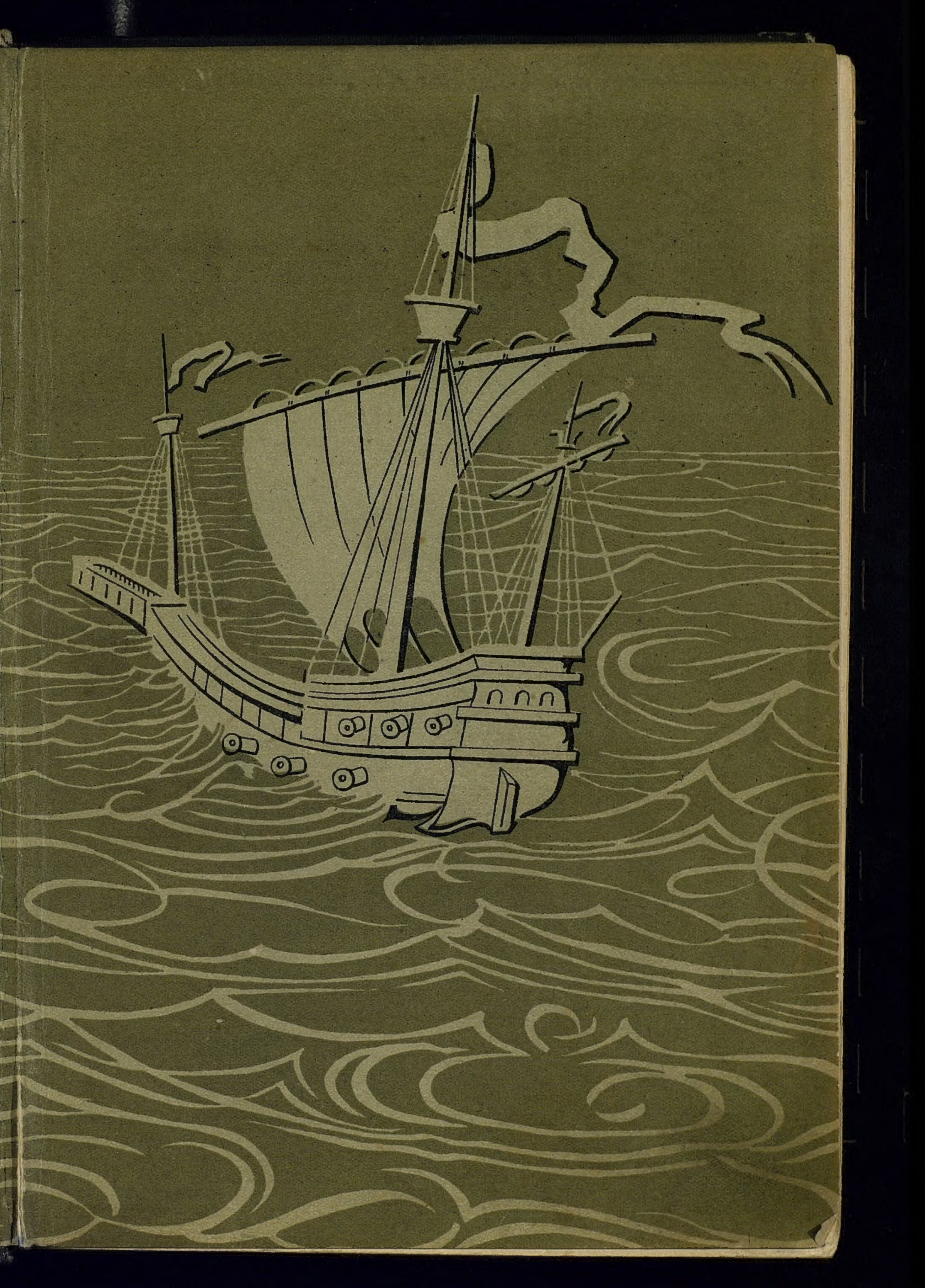
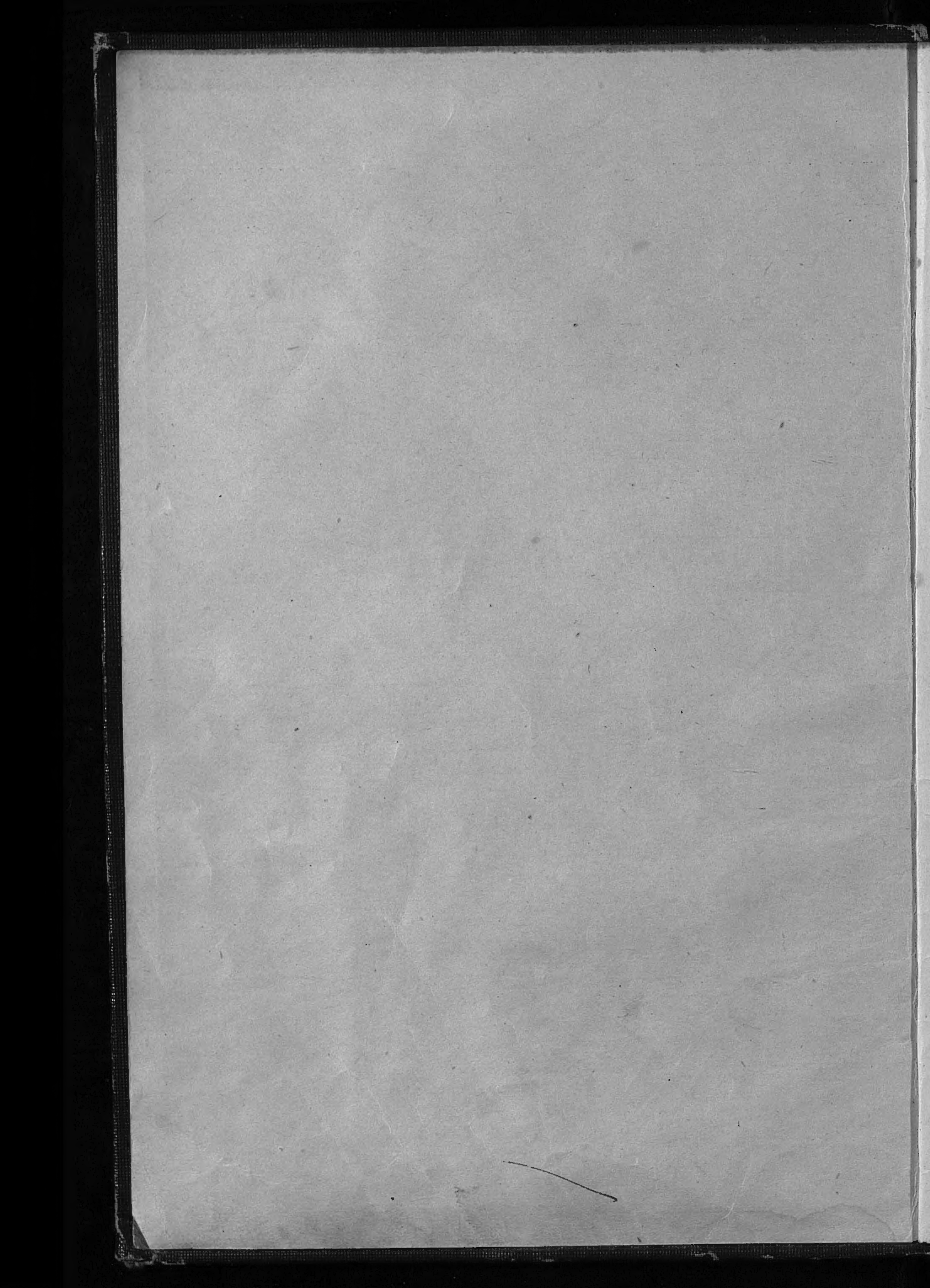
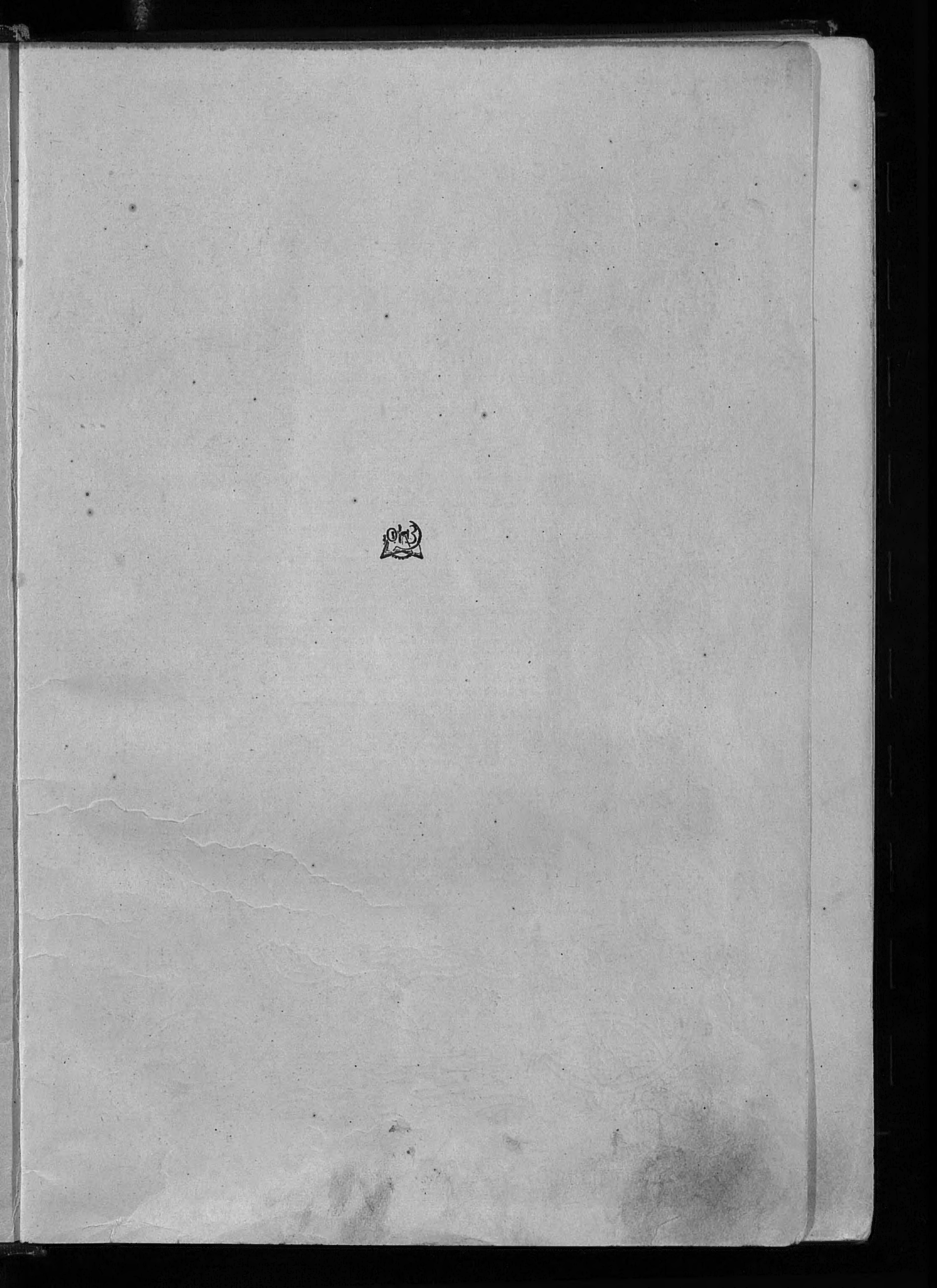
Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке

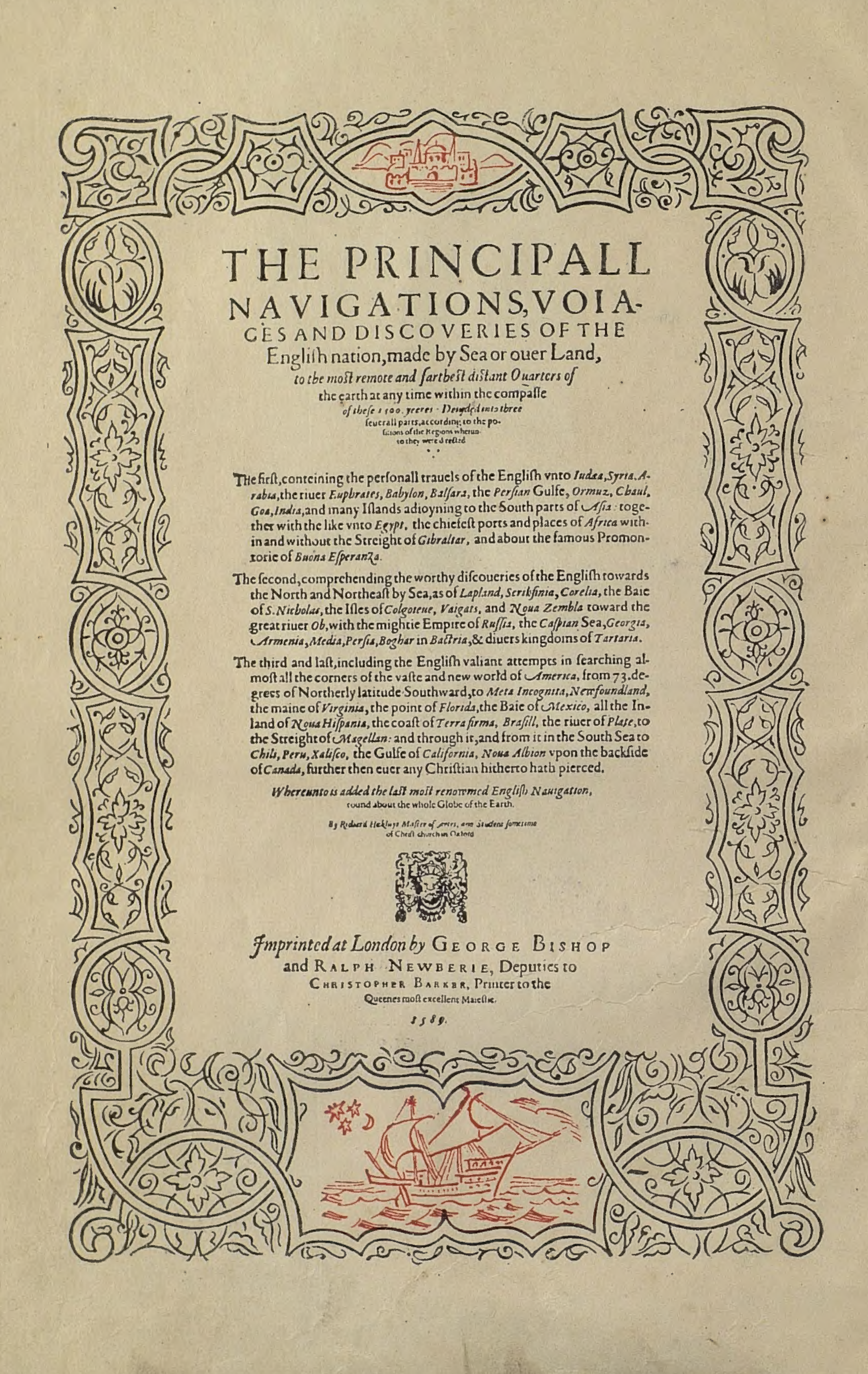

930-24
07
09 11

THE PRINCIPALL NAVIGATIONS, VOIAGES AND DISCOVERIES OF THE English nation, made by Sea or ouer Land,

to the most remote and farthest distant Quarters of the earth at any time within the compasse *of these 1500. yeeres: Deuided into three* seuerall parts, according to the positions of the Regions wherunto they were directed.

The first, conteining the personall trauels of the English vnto *Iudæa, Syria, Arabia*, the riuer *Euphrates, Babylon, Balsara*, the *Persian* Gulfe, *Ormuz, Chaul, Goa, India*, and many Islands adioyning to the South parts of *Asia*: together with the like vnto *Egypt*, the chiefest ports and places of *Africa* within and without the Streight of *Gibraltar*, and about the famous Promontorie of *Buona Esperanza*.

The second, comprehending the worthy discoueries of the English towards the North and Northeast by Sea, as of *Lapland, Scrikfinia, Corelia*, the Baie of *S. Nicholas*, the Isles of *Colgoieue, Vaigats*, and *Noua Zembla* toward the great riuer *Ob*, with the mightie Empire of *Russia*, the *Caspian* Sea, *Georgia, Armenia, Media, Persia, Boghar* in *Bactria*, & diuers kingdoms of *Tartaria*.

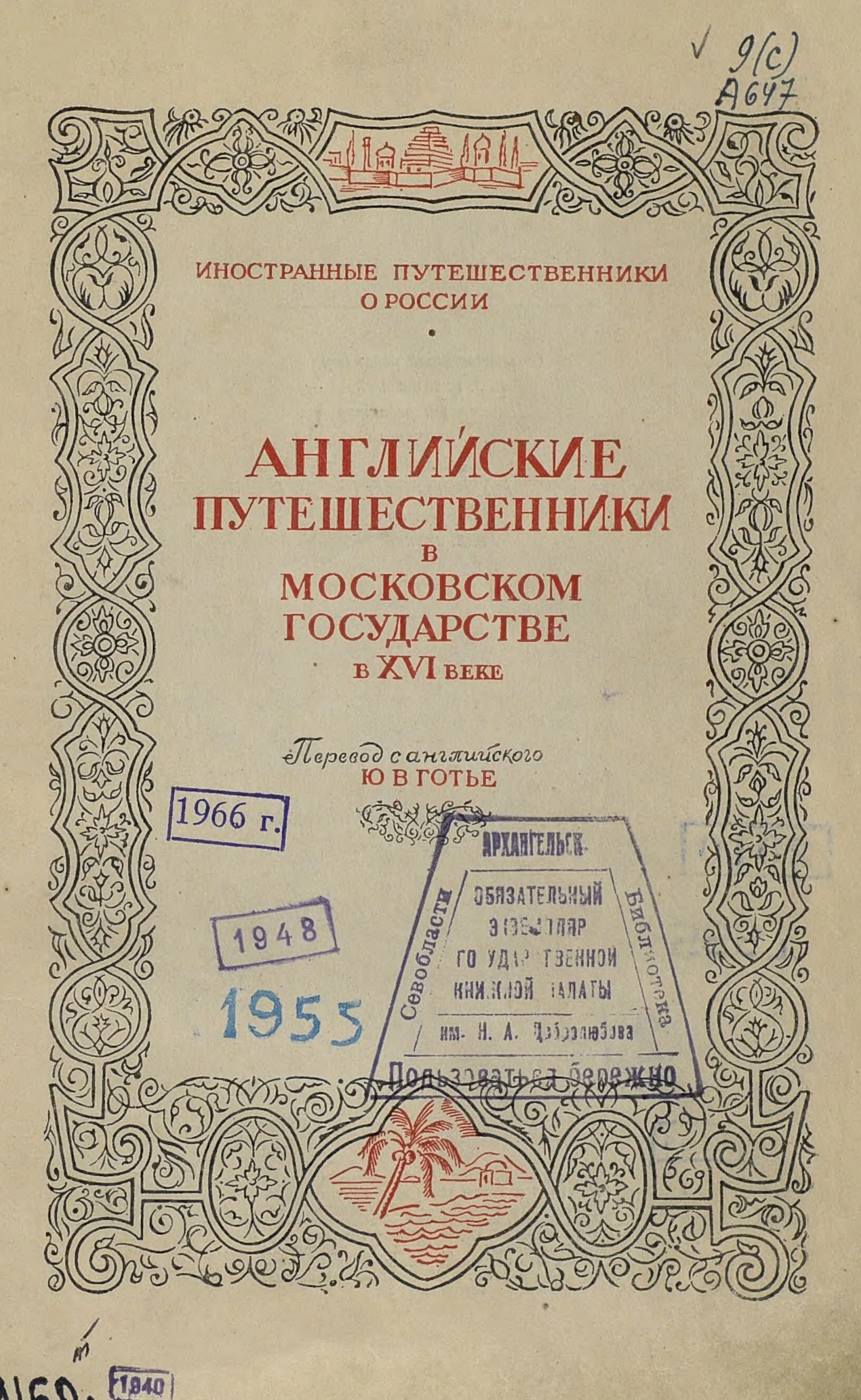
The third and last, including the English valiant attempts in searching almost all the corners of the vaste and new world of *America*, from 73. degrees of Northerly latitude Southward, to *Meta Incognita, Newfoundland*, the maine of *Virginia*, the point of *Florida*, the Baie of *Mexico*, all the Inland of *Noua Hispania*, the coast of *Terra firma, Brasill*, the riuer of *Plate*, to the Streight of *Magellan*: and through it, and from it in the South Sea to *Chili, Peru, Xalisco*, the Gulfe of *California, Noua Albion* vpon the backside of *Canada*, further then euer any Christian hitherto hath pierced.

Whereunto is added the last most renowmed English Nauigation, round about the whole Globe of the Earth.

By Richard Hakluyt Master of Artes, and Student sometime of Christ church in Oxford.

Imprinted at London by GEORGE BISHOP and RALPH NEWBERIE, Deputies to CHRISTOPHER BARKER, Printer to the Queenes most excellent Maiestie.

1589.

ИНОСТРАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О РОССИИ

АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVI ВЕКЕ

Перевод с английского
Ю. В. ГОТЬЕ

Ответственный редактор
Н. Л. РУБИНШТЕЙН
Технический редактор
О. С. ПРОХОРОВА
Художник
В. А. СЕЛЕНГИНСКИЙ
Корректор
Е. Е. ЛИТКЕНС

Сдано в набор 31/I-37 г. Подписано в печать 15/VIII-37 г. Тираж 10 000 экз. Формат бумаги 72 × 105 1/16. 19 1/4 п. л. Уч.-авт. объем 20,763 л. Огиз № 1857. Заказ № 1232. Уполномоч. Главлита № Б-13729. Серия путешествия. Цена 6 р. 25 к. Переплет 1 р. 75 к. 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград. Гатчинская, 26.

КАРТА ЕВРОПЫ

Teatrum orbis Terrarum of Abraham Ortelius. 1570

ВВЕДЕНИЕ

I

Последнее десятилетие XV в. и первые два десятилетия нового, XVI века ознаменовались величайшими географическими открытиями, сыгравшими совершенно исключительную роль в дальнейшем социально-экономическом развитии европейских стран. 12 октября 1492 г. Кристобаль Колон (Христофор Колумб) бросил якорь у берегов острова Сан-Доминго и тем положил начало исследованию и завоеванию стран Нового Света. Португальский адмирал Васко-де-Гама, в погоне все за тем же волнующим воображение западноевропейских купцов морским путем в Индию, обогнул южную оконечность необозримого «черного» континента (Африки) и установил с 20 мая 1498 г. непосредственные морские сношения Западной Европы с Индией, избавляя таким образом страны Западной Европы от тяжелого и дорогого посредничества арабов в торговле пряностями европейских купцов с Востоком.

Изменения торговых путей оказали колоссальное влияние на экономику всей Западной Европы: «...революция мирового рынка с конца XV столетия стала уничтожать торговое преобладание северной Италии...» *

Установление прямого морского пути из Западной Европы в Индию нанесло страшный удар торговой мощи Венеции, базировавшейся на монопольной торговле пряностями, получавшимися из Индии и проходившими через руки арабских купцов, Египет и Сирию. С укреплением испанских хищников-конквистадоров на необъятных просторах Нового Света и с расцветом португальской грабительской торговли в Индии уже в первой четверти XVI в. большие массы ценных заморских товаров появляются на рынках Западной Европы, минуя посредничество богатейших венецианских купцов. Уже в первые годы XVI в., как отмечает венецианец Джироламо Приули в своем дневнике, паника и уныние царили на венецианской бирже: корабли с пряностями стали приходить из Египта все реже и реже, и венецианские цены на восточные пряности совершенно не могли конкурировать с ценами на те же товары, установившимися в Лиссабоне. Старой левантинской торговле, так долго служившей источником обогащения венецианского купеческого патрициата, наступил конец. «Теперь-то уж можно оценить и признать, какой великий вред нанесли португальские каравеллы, — восклицает Приули в своем

* *Маркс*, Капитал, т. I, ч. I, изд. 4-е, 1929 г., стр. 574, прим. 189.

дневнике. — Они забрали все пряности в Индии, которые не привозятся поэтому в Сирию. И с каждым днем все будет хуже и хуже, если эти каравеллы будут повторять это путешествие и будут собирать все пряности и ничего не будет привозиться в Сирию» *.

Стали быстро расти новые центры торговли. Не столько порты Испании и Португалии сделались средоточием этой зарождающейся заокеанской торговли, сколько города северо-западной Европы, лежащие около устья Рейна, — Антверпен, Амстердам, Брюгге и др. Здесь на базе уже мощно развитого ремесла и торговли начинают складываться новые формы торговли. В 1531 г. возникает в Антверпене биржа, где купцы и их агенты начинают вести торговлю, только показывая образцы тех товаров, которыми они торгуют. Старая средневековая ремесленного характера торговля начинает уступать новым ее формам, характерным для эпохи первоначального накопления. «...Великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках после географических открытий и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический» **. Открытие больших залежей серебра в Новом Свете стало наводнять Европу большим количеством благородных металлов: в 1521—1540 гг. доля американского серебра по отношению ко всему серебру, добытому в Западной Европе, была 13 300 *кг* (17,9%), в 1545—1560 гг. 199 000 *кг* (75,5%), в 1581—1600 гг. 305 000 *кг* (88,1%).

Все эти явления привели к так называемой «революции цен», которая, с одной стороны, очень больно ударила по всем трудовым слоям населения и, с другой — содействовала страшному обогащению купеческих и феодальных верхов, с зверской жестокостью эксплоатировавших феодального крестьянина и ремесленника. Самое типичное явление всей эпохи первоначального накопления — экспроприация крестьянства, «когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев» ***. Экспроприация земли у сельского населения совершилась в классической форме в Англии, что и обусловило предпосылки для более быстрого роста капиталистических отношений в этой стране в дальнейшем. В своем экономическом развитии Англия к средине XVI в. не только стала догонять другие страны Западной Европы, но и значительно опережать даже такие страны, как Португалия и Испания, которые в итоге колониальных грабежей эпохи первоначального накопления превратились в огромные колониальные империи, на территории которых никогда не заходило солнце, как кичливо хвастались паразиты-феодалы, испанские гранды и португальские «cavolheiros».

В Англии развитие овцеводства привело к быстрому росту товарных отношений внутри страны и к сильному расширению внешнеторговых связей.

Уже в последние годы XV в. в Англии имели место попытки организовать экспедиции с целью открытия и исследования новых земель. Особенно большую активность в организации таких экспедиций в Англии проявили бристольские купцы. Еще в 1480 г. крупный бристоль-

* Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время, М.—Л., 1929 г., ГИЗ, стр. 44.

** *Маркс,* Капитал, т. III, ч. I, гл. 20, стр. 317.

*** *Маркс,* Капитал, т. I, 4-е изд. 1929 г., стр. 574.

ский купец, местный шериф Джон Джэй (Jay), был инициатором целой экспедиции для отыскания острова Бразилии; но два корабля по 80 *т* вместимостью каждый, снаряженные смелым бристольским шерифом, постигла катастрофа. Выйдя 15 июля 1480 г. из Бристоля, Джон Джэй уже в сентябре был вынужден вернуться обратно, так как его корабли были пригнаны назад бурей. Венецианский моряк Джон Кабота на средства бристольских купцов отплывает из Бристоля в 1494 г. в составе целой экспедиции, которой удалось 24 июня 1494 г. в 5 часов утра достичь берегов Северной Америки. Карта Парижской национальной библиотеки, приписываемая Себастиану Каботе, называет эту землю Prima Uista («первая увиденная»), а ближайший, примыкающий к ней, остров — островом святого Иоанна. В 1496 г. Кабота отправился уже в новое путешествие на корабле «Матвей», снаряженном на его собственные средства, предварительно получив от короля Генриха VII грамоту на монопольную торговлю с землями, которые им будут открыты. После трехмесячного путешествия, во время которого ему, очевидно, удалось достигнуть берегов Северной Америки, Джон Кабота возвратился в Англию, где он сделался в итоге этого путешествия необычайно популярным. Современник — венецианский писатель Л. Паскуалиго — так рассказывает о нем. «Ему (Д. Кабота) оказывают большие почести: он одевается в шелк, и эти англичане бегают за ним, как помешанные, так что он может навербовать их столько, сколько ему вздумается».

В 1498 г. сын Джона Кабота Себастиан отправился во главе новой экспедиции в составе пяти кораблей и открыл остров Нью-Фаундлэнд; ему даже впоследствии казалось, что он нашел путь через северо-западный проход, который через Север соединил бы Англию с заманчивыми для купеческого воображения Молуккскими островами и другими странами Востока; особенно чувствуется настойчиво проявлявшаяся инициатива английского крупного купечества *.

Если в XIV и XV вв. Англия главным образом вывозила во Фландрию шерсть для удовлетворения спроса со стороны местной суконной промышленности, которая не могла уже работать только на местном сырье, то уже с начала XVI в. организация английских купцов-суконщиков, так называемая «merchant adventurers», окончательно оформляется в особую компанию с монопольными правами. Компания «merchant adventurers» уже в 1505 г. получила от Генриха VII Тюдора хартию, сильно содействовавшую превращению этой организации английских купцов-суконщиков в компанию с широкими монопольными правами. Последняя уже переходит от вывоза шерсти в Нидерланды к вывозу английского сукна, и вскоре почти весь экспорт английских товаров сосредоточивается в руках этой компании на обширном пространстве побережья Северного моря от реки Соммы во Франции до Дании. В 1564—1565 гг. размеры английского экспорта выражались в сумме 1 097 035 ф. ст., из которой на сукно падало 896 079 ф. ст. Английские «купцы-предприниматели» наносят окончательный разгром ганзейской торговле в Северном море и начинают завязывать торговые сношения с другими странами. Известный рост английской экономики к этому времени не мог не вызвать в Англии к жизни самых разнообразных конквистадорских планов в духе эпохи

* У. *Кеннингэм,* Рост английской промышленности и торговли, М. 1904 г., стр. 430—432.

первоначального накопления. Крайне ограниченный запас географических сведений у людей того времени тем более содействовал созданию самых смелых по своим задачам и даже фантастических по своей неразрешимости для того времени географических экспедиций.

Не имея еще сил открыто потягаться с военно-морской мощью Испании в середине XVI в., англичане пока ограничивались дерзкими пиратскими нападениями на бесконечно длинное побережье испанских владений, грабили возвращавшиеся домой с грузом серебра испанские галеоны. В этих пиратских операциях принимали живейшее участие моряки английского «королевского» флота и очень многие из «благородных» представителей английской земельной аристократии, даже и сама королева Елизавета имела «пай» в этих чрезвычайно доходных «предприятиях». Такие люди, как Ультер Рэли («the great Raleigh»), Фрэнсис Дрэк, Мартин Фробишер и другие менее известные английские моряки XVI в., были яркими представителями типа английских конквистадоров, которые представляли собой поочередно то самых откровенных морских разбойников, то адмиралов королевского флота, то смелых мореплавателей и энергичнейших агентов английской купеческой верхушки по изысканию новых торговых путей и неведомых стран, могущих сулить сказочное обогащение. Для людей этого склада очень типичен девиз У. Рэли — «tam Marti quam Mercurio» (в одинаковой степени преданного богу войны Марсу и покровителю торговли Меркурию), который без всякого преувеличения мог бы быть назван девизом правящих классов «доброй старой Англии».

После путешествия Гаукинса в 1530 г. англичане начинают делать попытку утвердиться в Гвинее и в Бразилии: саутгемптонские купцы начинают развертывать в этих местах свою торговлю. В 1536 г. некий Гор из Лондона, «человек... большой отваги и преданный изучению космографии», организует экспедицию, которая в итоге привела к основанию английской колонии на Нью-Фаундлэнде и к открытию знаменитых местных рыбных ловель. Придя в разочарование после этой цепи экспедиций, стремившихся открыть во что бы то ни стало северо-западный проход в сказочные страны Восточной Индии и Китая, английские мореплаватели начинают обращать свои взоры на северо-восток. Идея возможности установления морского пути из Западной Европы в Китай и Индию и через северо-восточной проход возникла впервые в Англии в средине XVI в., когда на нее обратил внимание английского купечества Себастиан Кабота около 1553 г. Эта мысль стала оформляться еще ранее в ряде стран и у путешественников, попадавших в Московское государство с начала XVI в.

Так, еще Павел Иовий в 1525 г., со слов члена русского посольства Дмитрия Герасимова, говорит о возможности установления водного пути через Московское царство и Каспийское море в Иран и Индию. В 1527 г. возникает целый проект через отыскание северо-восточного прохода установить морской путь в Китай и Индию. Почти одновременно с организацией английской экспедиции Хью Уиллоуби возникает аналогичный проект у шведского короля Густава Вазы (1523—1560 гг.), который хотел поставить во главе целой экспедиции довольно известного в то время гуманиста — французского писателя Юбера Лангэ. Хотя этот проект шведского короля и не вышел за пределы предварительных переговоров об

организации экспедиции, но самый факт возникновения такого проекта чрезвычайно симптоматичен для всей Западной Европы эпохи первоначального накопления: усиливающийся рост товаризации сельского хозяйства, возникновение мануфактуры, рост городов и расширение внешнеторговых связей — все это не могло не толкать к попыткам нахождения морских путей, связывающих каждый из городов Западной Европы с далекими странами юга и юго-востока Азии, о богатствах которых ходили в Западной Европе XVI в. самые фантастически-преувеличенные рассказы, разжигавшие алчные аппетиты английских, французских, итальянских и шведских купцов, испытывавших глубочайшую зависть к пресловутым «героям» испанской и португальской конкисты — Кортесу, Писсаро, Альбукерку, Альмейде и другим типичным представителям грабительских колониальных «подвигов» эпохи первоначального накопления.

II

Таким образом в средине XVI в. английские купцы особенно настойчиво начинают искать новых рынков для расширения своей торговли. Возникает идея по инициативе Себастиана Каботы, окончательно к этому времени (1548 г.) осевшего в Англии, организовать специальное общество «общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых». Ряд лондонских купцов во главе с лорд-мэром Лондона Джорджем Барнсом и одним из шерифов (aldermen) Уилльямом Гарретом (Гаррард) при ближайшем участии Томаса Грешема, основавшего впоследствии (в 1566 г.) первую Лондонскую биржу, собрали капитал в 6 тыс. ф. ст., сложившийся из паев по 25 ф. ст. На эту сумму было снаряжено 3 корабля: «Добрая Надежда», «Благое Упование» и «Эдуард — Благое Предприятие»; последний в 160 *т* вместимостью и с экипажем в 28 человек. Во главе всей экспедиции был поставлен сэр Хью Уиллоуби, в главные кормчие был выбран Ричард Ченслор, опытный моряк и знаток механики и астрономии*. Английским морякам предстояло путешествие в далекий и незнакомый морской путь: до экспедиции Уиллоуби ни один английский корабль не огибал Норвегии и едва ли мог попасть восточнее Вардехуса. Только наши русские моряки, заинтересованные в установлении морских сношений с Норвегией через Белое море и Мурманский берег, огибали на небольших ладьях северные берега Скандинавии и хорошо знали Нордкап, называвшийся ими Мурманским Носом. Эти сведения о северном морском пути, которые были почерпнуты С. Герберштейном из показаний Григория Истомы, Василия Власьева и Дмитрия Герасимова, были им так сильно искажены, что совершенно не могли служить для ориентировки английским морякам во время их экспедиции в поисках северо-восточного прохода. 11 мая 1553 г. с рейда у Детфорда снялась с якоря экспедиция Хью Уиллоуби и после небольшой остановки у Гринича отправилась в свое плавание, мечтая через обнаружение северо-восточного прохода установить правильные торговые сношения с Китаем и Восточной Индией. Этими мечтами буквально пронизаны все параграфы той инструкции «для управления предположенным путешествием в Китай», которая была составлена Себастианом Каботой и была вручена

* См. текст, стр. 48.

Хью Уиллоуби. «...Вы не можете не знать, — говорится в § 32 этой инструкции, обращенной ко всем участникам экспедиции, — сколь много лиц, в том числе его королевское величество, лорды его досточтимого совета, вся компания, а равно ваши жены, дети, родственники, свойственники, друзья и знакомые горят желанием узнать ваше положение, условия, в которых вы находитесь, и ваше благополучие, и в какой степени вы имеете надежду успешно осуществить это замечательное предприятие, которое, как все надеются, будет иметь не меньший успех и принесет не меньшую прибыль, чем та, какую Восточная и Западная Индии принесли императору и королям Португалии» *.

Крупные лондонские купцы, ставшие во главе компании, очевидно, очень боялись каких-либо попыток параллельной торговли за свой страх со стороны мелких купцов, участвовавших в экспедициях: «Каждый из мелких купцов должен предъявлять свои расчеты купеческому старшине по первому требованию, — сурово гласит § 20 инструкции. — Без согласия указанных выше лиц мелкие купцы не имеют права производить какой-либо обмен» **.

Во всей этой инструкции купцы-монополисты угрожали всем своим соотечественникам, которые попытаются отнять хотя бы часть награбленных ими торговых барышей.

Во главе экспедиции, по существу, стоял не столько сам Хью Уиллоуби, сколько целый совет из 12 человек под его непосредственным председательством. Сюда входили два купца — Джордж Бэртон Кейн и Томас Лэнгли, дворянин Джэмс Дэйлэбир, англиканский пастор, 3 штурмана с 3 своими помощниками. Из «достоверной записки», найденной на «Доброй Надежде», видно, что из общего количества всех 116 человек участников экспедиции 11 были помечены, как «купцы», очевидно, никаких прямых обязанностей по морской службе не имевшие. Среди матросов этих кораблей были такие люди, которые в истории дальнейших путешествий англичан к северным берегам Московского государства сыграли известную роль. Среди таких в особенности надо отметить Артура Пэта и Уильяма Бэрроу.

Началось длительное и тяжелое путешествие, закончившееся трагической гибелью двух кораблей экспедиции. Еще 2 августа вся эскадра шла вместе с Вардехуса, в гавань которого ей не удалось войти из-за сильного ветра. Вскоре буря разбросала по морю утлые парусные суда XVI в., которые потеряли из вида друг друга. Главный кормчий экспедиции Ричард Ченслор на своем корабле «Эдуард — Благое Предприятие» сумел войти в Вардехус, как гавань, назначенную Уиллоуби местом встречи кораблей. Простояв целую неделю в Вардехусе, Ричард Ченслор так и не дождался остальных своих спутников по экспедиции и решил отправиться дальше один по намеченному для экспедиции маршруту. 24 августа 1553 г. он приплыл в устье Северной Двины к монастырю «святого Николая». «Того же лета, — повествует Двинская летопись, — августа в 24-й день, прииде корабль с моря на устье Двины реки и обослався: приехали на Холмогоры в малых судех от английского короля Эдварда посол Рыцарт, а с ним — гости» ***

* См. текст, стр. 36.
** См. текст, стр. 33.
*** Двинская летопись, изд. Титова, стр. 10.

В то время как Ченслор с 23 ноября двинулся в путь на Москву, где он, выдавши себя за посла короля Эдуарда, был торжественно принят Грозным, который «королевенного посла Рыцарта и гостей английския земли пожаловал, в свое государство российское с торгом из-за моря на кораблех им велел ходить безопасно и дворы им покупать и строить невозбранно» (Двинская летопись, изд. Титовым, стр. 11), остальные два корабля из экспедиции Х. Уиллоуби, начиная со 2 августа и вплоть до 18 сентября, блуждали в южной части Баренцова моря, когда, уже будучи затерты льдами около «Святого Носа», вынуждены были стать па якорь у гавани при устье Арзины реки. Английские моряки, не имевшие понятия о всех тягостях экспедиции в суровых условиях Арктики, были совершенно не готовы к тому, чтобы перенести трудные условия полярной зимовки. Не имея соответствующего снаряжения и необходимых для полярной зимовки запасов продовольствия, англичане были обречены на верную гибель. Х. Уиллоуби, имевший не малый боевой опыт, не растерялся и в этой трудной обстановке и проявил достаточную энергию в борьбе с условиями, сложившимися неудачно для первой английской экспедиции, поставившей себе целью открытие северо-восточного прохода. Последняя запись дневника, который вел сам Х. Уиллоуби, чрезвычайно в этом отношении показательна. «Пробыв в этой гавани с неделю, — пишет Х. Уиллоуби, — и видя, что время года позднее и что погода установилась плохая — с морозами, снегом и градом, как будто бы дело было в середине зимы, мы решили тут зимовать. Поэтому мы послали троих человек на ю.-ю-запад посмотреть, не найдут ли они людей; они проходили три дня, но людей не нашли; после этого мы послали еще четырех человек на запад, но и они вернулись, не найдя никаких людей. Тогда мы послали троих человек в юго-восточном направлении, которые таким же порядком вернулись, не найдя ни людей, ни какого бы то ни было жилища» *. Как видно из завещания, найденного на корабле, Х. Уиллоуби и большая часть его спутников были еще живы в январе 1554 г. Лишь на следующую зиму корелы обнаружили на Мурманском море два корабля — «стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы и товаров на них много» **.

Итак, как будто бы с точки зрения интересов лондонских купцов, снарядивших дорогую экспедицию, последняя потерпела полную неудачу, и все затраченные на нее средства погибли безвозвратно.

Попав вместо далекого Камбалика (Пекина), манившего к себе жадного до торговых барышей английского купца, в самое сердце Московской Руси XVI в., Ченслор оказался на высоте всех тех требований, которые ставила перед составом экспедиции инструкция лондонских «купцов-предпринимателей». Опытный моряк показал себя не менее опытным, пронырливым купцом-разведчиком, быстро сумевшим оглядеться вокруг себя и собрать все те сведения, которые могли более всего заинтересовать его лондонских хозяев. В форме живого рассказа-письма, адресованного своему дяде К. Фрозсингэму, Ченслор сумел дать в сильных и образных фразах все те наиболее характерные черты экономики, общественно-политического строя, быта и религии Московии, которые заинтересовали его как купца. Он сразу схватил то, что было для

* См. текст, стр. 46.

** Двинская летопись, изд. Титовым.

него новым характерным явлением в экономике Московской феодальной Руси XVI в.: рост связей с рынком и довольно сильное для того времени развитие внутренней торговли ярко выступают в его кратком, но очень насыщенном фактами описании Московии. Очень живо интересует Ченслора, кто из западных купцов уже проник в Московское государство XVI в. и какое сумел занять положение во внешней торговле Москвы с Западом. Давая характеристику Новгорода и Пскова как поставщиков ряда товаров (льна, конопли, воска, меда и кож), Ченслор тут же указывает на наличие в Новгороде досадливых для англичан конкурентов: «У голландских купцов есть там свои склады», — замечает он.

В марте 1554 г. Ченслор и сопровождавшие его лица отправились из Москвы в обратный путь в Англию, проделав морскую часть пути на «Эдуарде — Благом Предприятии», увозя с собой грамоту Ивана IV на право свободной торговли с Московским государством. Намереваясь начать большую войну с Ливонией за часть побережья Балтийского моря, Иван IV был очень заинтересован в установлении постоянных торговых сношений с одним из крупных государств Западной Европы, откуда он мог бы получать не только нужные ему для организации большой военной борьбы предметы вооружения и хороших мастеров, в которых так нуждалось Московское государство XVI в., но и в котором он в случае нужды мог бы найти политического союзника в своей борьбе за Ливонию. Во время обратного путешествия в Англию Ченслор попал в руки голландцев, которые дочиста ограбили весь корабль, после чего английские моряки с трудом добрались до Лондона.

Информация Ченслора о вновь открытых возможностях для английской торговли настолько была убедительна, что общество «купцов-предпринимателей» поскорее постаралось получить особую хартию от королевы Марии на исключительное право торговли с Московским государством. Хартия 6 февраля 1555 г. положила начало образованию «Московской компании» («Moscovy company»), сыгравшей такую исключительную роль в англо-русских отношениях второй половины XVI и XVII вв. Капитал этой компании был определен в 6 тыс. ф. ст. и составлялся из акций по 25 ф. ст., размещенных в 1555 г. между 207 акционерами. Во главе компании находилось правление, состоявшее из 1 или 2 губернаторов, 4 консулов и 24 ассистентов губернатора и консулов. Все эти должностные лица компании избираются сроком на один год, за исключением Себастиана Каботы, который был выбран первым губернатором общества пожизненно, после же его смерти губернаторов обычно бывало по два. По большей части должностные лица компании переизбирались и занимали свои должности по несколько лет подряд. Так, известный Уильямс Гаррард занимал должность губернатора в продолжение 10 лет (1561—1571 гг.). Правление общества обладало большими правами: отменяло старые правила, выпускало новые, следило за их выполнением, принимало новых членов общества, налагало наказания на провинившихся. Проводили в жизнь решения и постановления общества особые сержанты (sergeants). Кроме заседаний правления или совета общества существовали еще годичные собрания членов, где голосовали обычным поднятием рук. Годичные собрания обычно приурочивались к началу весны или лета, когда уже развертывались торговые дела компании с Московским государством. Из списка членов «Moscovy company», относящегося

к маю 1555 г., можно составить себе известное представление о социальном составе этого акционерного общества. Кроме одного «earl'a,» список членов компании возглавляют 6 лордов, 22 человека с титулом «knight», (из них 5 ольдерменов), 13 «esquires», 8 ольдерменов и 8 «gentlemen», остальные члены компании состояли из представителей верхушечных и средних слоев английского купечества. Из этого одного уже можно судить, насколько сильное влияние могли оказывать на дела компании представители английского высшего дворянства, тесно связанного с двором королевы *.

Члены правления компании сами непосредственно торговлей в Московии не руководили, а назначали для этой цели особых лиц, носивших название агентов (agents). Полномочия агентов за удаленностью места их деятельности на деле были очень широки — обычно бывало 2 или 3 агента, один из которых являлся главным. Он носил название «губернатора» (governor), точнее «правитель», или «управляющий». В обязанность агентов входило управлять в Московском государстве всеми делами компании: агентам же были подчинены и слуги компании, делившиеся на более привилегированную часть — стипендиатов — и остальную массу — подмастерьев, положение которых очень напоминает быт подмастерьев старых средневековых гильдий. Над подмастерьями агенты обладали всей полнотой своей власти, вплоть до наложения самых различных наказаний, стипендиатов же они должны были отправлять для наложения взысканий в Англию. Такова в самых кратких чертах была организация «Moscovy company», жадно стремившейся к захвату в свои руки всей торговли Англии с Московским государством во второй половине XVI в. **.

III

«Открыв» дорогу в Московию, лондонские заправилы «Moscovy company» стараются, с одной стороны, как можно скорее укрепиться на московском рынке и поискать новых многообещающих сухопутных путей, а с другой стороны, не бросают и мысли о возможности открытия северо-восточного прохода. Вот почему мы видим, как в одно и то же время часть английских моряков настойчиво продолжает свои поиски в области изыскания путей на русском севере и в своем обследовании заходит далеко за о. Вайгач, а Стифен Бэрроу делает интересные открытия в направлении р. Оби.

Не успел еще А. Дженкинсон прибыть со своей небольшой флотилией к берегам Белого моря, как уже двое англичан — Томас Соутэм и Джон Спарк — в 1556 г. тщательно обследуют возможность для провоза товаров пользоваться путем, ведущим от Онежской губы до Сумского посада и от Сумского посада до Новгорода через Онежское и Ладожское озера, т. е. приблизительно в направлении нынешнего Беломорско-Балтийского канала ***. Суховатый, деловитый отчет этих двух английских торговых разведчиков показывает, с каким вниманием относились англи-

* *И. Любименко,* История торговых сношений России с Англией, Юрьев 1912 г., гл. I и II.

** Studies in the History of English Commerce in the Tudor period. A. J. Gerson, The organization and Early History of the Moscovy company. New York 1912, pp. 116—120.

*** См. текст, стр. 81—88.

чане ко всякой возможности установить торговые пути и связи между Белым и Балтийским морями, которые для их кораблей были сравнительно так мало доступны в это время, в особенности в связи со сложной борьбой за Балтику, разгоревшейся между Данией, Швецией, Польшей, Ливонией и Московией. Соутэм и Спарк внимательно обследуют складочные возможности в промежуточных пунктах на том пути, по которому они мечтают перебрасывать товары из Новгорода к стоянке английских кораблей в Онежском устье. Они указывают, например, что «в Повенце можно нанять немало складочных помещений: если бы товаров было столько, сколько могут увезти девять кораблей, то и на это складов хватило бы». Соутэм и Спарк кропотливо вычислили, во сколько может обойтись перевозка товаров с пуда на всем протяжении исследованного ими пути. Оказалось, что перевозка пуда товара от Новгорода до Сумского посада может стоить 8—9 пенсов, а от Сумского посада до рейда у Св. Николая «не более, как по 3 пенса с пуда. Таким образом... перевозка товаров будет стоить 2 алтына с пуда или по 23 алтына с бочки» *. Но розовые надежды на большие торговые барыши и сбыт больших партий товара иногда терпели фиаско: целая партия товара, захваченная Соутэмом и Спарком из Холмогор, не могла быть продана: «очень уж бедно повсюду население страны», добавляют угрюмо авторы этого отчета, давая тем самым еще лишний штрих для характеристики экономики Московской феодальной Руси XVI в.

Одной из наиболее ярких страниц в истории изучения нашего Севера иностранными мореплавателями в XVI в. являлись, безусловно, записи Уилльяма и Стифена Бэрроу, впервые попавших в Баренцово море на «Эдуарде — Благом Предприятии». Старший штурман Стифен и скромный рядовой матрос Уилльям внесли солидный вклад в ознакомление Западной Европы с нашим Севером. В итоге многочисленных путешествий 1553—1588 гг. Уилльям Бэрроу составил крайне интересную карту побережья Баренцова моря, которую Гаклюйт в заглавии посвятительной записки к этой карте, представленной Елизавете, называет «точной и замечательной». Не меньший интерес представляют его «показания», касающиеся Нарвы, Кигора и других местностей.

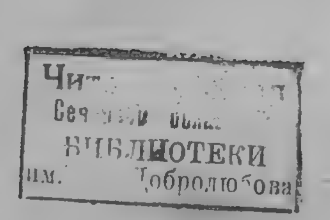
В истории попыток открытия северо-восточного прохода до путешествия Баренца, безусловно, первое место среди западноевропейских мореплавателей принадлежит Стифену Бэрроу. Его плавание в 1556 г. в Баренцовом море на небольшом судне-пинассе «Серчсрифт» не может не вызвать огромного интереса у каждого, кто занимается вопросами истории географических исследований. Стифен Бэрроу сумел на своем маленьком, даже по масштабам XVI в., судне проделать очень большой путь от Лондона вдоль норвежских берегов к берегам Новой Земли вплоть до широты 70° 42′, почти к ней приблизившись около острова Междушарского на широте 70° 20′; отсюда Бэрроу направился к острову Вайгачу, обследовал его северные берега, увидел своими глазами необозримую панораму сплошного льда на Карском море и, повернув назад, огибая с юго-востока остров Колгуев, направился в Чешскую губу, оттуда, минуя Канин Нос, пришел на зимовку в Двинское устье. «Купцы-предприниматели» придавали, очевидно, большое значение экспедиции С. Бэрроу,

* См. текст, стр. 87, 88.

КОРОЛЬ ЭДУАРД VI, НАГРАЖДАЮЩИЙ ПРИВИЛЕГИЕЙ ЛОНДОНСКИХ КУПЦОВ; ПЕРВЫЙ ИЗ СТОЯЩИХ НА КОЛЕНЯХ — ДЖОН БАРНС, ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ КОНСУЛОВ МОСКОВСКОЙ КОМПАНИИ

Со старинной английской картины

БИБЛИОТЕКИ
им.

о чем свидетельствует описание проводов, устроенных Бэрроу Себастианом Каботой *.

Насколько хорошо Баренцово море было известно русским поморам, даже в восточной своей части, еще в XVI в., показывает одно интересное место из описания путешествия С. Бэрроу. Идя на юг от Междушарского острова, английский мореплаватель встретил целую экспедицию из 4 больших лодок русских поморов, ладьи которых были отнесены ветром от Канина Носа к Новой Земле. Сам С. Бэрроу должен был признать, что русские моряки дали ему целый ряд ценных указаний относительно пути к Оби, которой интересовался английский мореплаватель: англичане за эти ценные сведения «подарили» русским морякам стальное зеркало, 2 оловянных ложки и пару ножей в бархатных ножнах, получив «в подарок» от русских 17 диких гусей. Подарки были типичнейшей меновой торговлей в духе эпохи первоначального накопления. Так же интересны у С. Бэрроу данные о ценах, по которым русские «промышленники» продавали свои товары: клык моржа оценивался в рубль, шкура белого медведя — в 2—3 рубля.

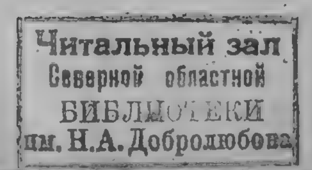
При изучении истории ненцев никак нельзя обойти молчанием те данные, которые сообщает о них С. Бэрроу **.

Заслуживают известного интереса в заметках шкипера Ричарда Джонсона сведения о религии ненцев. В описании путешествия Стифена Бэрроу в 1557 г. из Холмогор в Вардехус, которое им было предпринято в целях поисков английских судов «Благой Надежды», «Благого Упования» и «Филиппа и Марии», встречаются любопытные сведения о лопарях. «Они составляют общество или орду в 100 человек, — пишет он, — не считая женщин и детей, и живут неподалеку на реке Иеконге (впадающей в Святоносскую Губу). Они сказали мне, что ходили искать еды по скалам, добавив, что если они ее не находят, то ничего и не едят». Эти рассказы английских моряков XVI в. впервые познакомили благодаря сборнику Р. Хаклюйта Западную Европу с народами Севера нашей родины, о которых на Западе до того имелись самые скудные и часто полуфантастические сведения из сочинений М. Меховского, С. Герберштейна и других иностранцев, писавших о Московском государстве. Описание этого путешествия любопытно еще и в том отношении, что оно дает очень ранние сведения о той нарастающей конкуренции со стороны голландцев, которая впоследствии нанесла такой сильный удар английской торговле с Московским государством ***.

Интересные сведения о раннем развитии голландской торговли, хотя еще и не в очень больших размерах, значительно пополняют наши сведения о первых шагах русско-голландских отношений в XVI в., которые в имеющейся исторической литературе принято относить к несколько более позднему времени.

Во время пребывания посла Елизаветы к Грозному Т. Рэндольфа в Москве была составлена в 1568 г. особая инструкция на имя Бэссейдайна, Удкока и Броуна, которых посол английской королевы вместе с агентом «Moscovy company» Т. Беннистером хотел направить в новую экспедицию на поиски северо-восточного прохода. Хотя экспедиция эта

* См. текст, стр. 97.
** См. текст, стр. 119.
*** См. текст. стр. 123, 124.

и не состоялась, однако это несомненно показывает, что, несмотря на неудачи экспедиции Стифена Бэрроу в 1556 г., англичане и не думали отказываться от мысли отыскать северо-восточный проход в Китай.

Насколько, действительно, возможность открытия северо-восточного прохода будоражила умы английских купцов, лучше всего можно почувствовать, когда читаешь длинные и чрезвычайно обстоятельные наставления и инструкции, которые сопровождали подготовку новой экспедиции, отправленной «Moscovy company» на поиски северного морского пути в Китай в 1580 г. Шкиперам кораблей, отправлявшихся в новое далекое плавание — Артуру Пэту, плывшему на «Джордже», и Чарльзу Джэкмэну — на «Уилльяме», даны были инструкции не только от компании, но они были снабжены и целым рядом ценных практических указаний от Уилльяма Бэрроу, причем им особенно рекомендовалось пользоваться его картой. Подготовка к новой экспедиции на поиски северо-восточного прохода вызвала к себе огромный интерес не только в Англии: Гергардт Меркатор обратился с особым письмом к Р. Хаклюйту, в котором высказывал очень оптимистическую точку зрения на легкость плавания в северо-восточном направлении, считая этот путь наиболее коротким.

Для того же, чтобы понять, что собой представляла по своему характеру вся экспедиционная деятельность «Moscovy company», необходимо внимательно вчитаться в те «письменные замечания», которые даны были Ричардом Хаклюйтом Пэту и Джэкмэну. В этих подробных и охватывающих решительно все задачи экспедиции советах и указаниях, принадлежащих перу кабинетного собирателя географических сведений из среды английских клириков, чувствуется биение пульса экономической жизни Англии второй половины XVI в. В этих подробных указаниях есть такие любопытные разделы, как например: «каким образом можно устроить, чтобы дикари приобретали наши материи», — «следует собрать сведения о их морских и сухопутных силах». Кроме длинного списка товаров, которые Хаклюйт рекомендовал везти с собой, он особенно советовал Пэту и Джэкмэну взять специальный ассортимент товаров для устройства выставки английских товаров во вновь открытых странах, прежде всего — в Китае. Из всех указаний Хаклюйта чувствуется, что он, отражая настроения английских купцов, только и думал о том, как бы найти сбыт ряду тех товаров, которыми стала богата Англия; в числе последних упоминаются маститым географом свинец, железо, железная и медная проволока и сера.

Путешествие Пэта и Джэкмэна, на которое возлагалось столько надежд «купцами-предпринимателями», мечтавшими о скорейшем открытии северо-восточного прохода, также не принесло ничего нового в этом отношении, хотя и сыграло известную роль в обогащении Западной Европы новыми географическими сведениями. Пройдя за Вайгач, Пэт и Джэкмэн убедились лишний раз в невозможности на парусных судах XVI в. двигаться в Карском море, покрывшемся льдами уже в конце июля. Английским морякам пришлось повернуть назад, ограничившись, таким образом, только более обстоятельным обследованием Баренцова моря: обогнув о. Колгуев с юга, Пэт и Джэкмэн прошли вдоль мурманского и норвежского берегов обратно в Англию.

Попытка Пэта и Джэкмэна найти северо-восточный проход, который мог бы сделаться торной морской дорогой в Китай для английских куп-

цов, заканчивает собою всю серию английских путешествий, предпринимавшихся с этой целью в XVI в. Изучение истории этих неудачных попыток установления Великого северного морского пути представляет интерес не только для советского специалиста-историка и географа, но и для каждого гражданина нашей великой социалистической родины: то, что оказалось несбыточной мечтой для Англии XVI в. и всех последующих периодов в изучении Арктики, стало реальной возможностью в итоге планомерной борьбы за освоение Арктики, проводимой нашими героическими моряками-полярниками и летчиками под победоносным руководством партии и великого вождя народов СССР товарища Сталина, поднявших нашу чудесную страну до небывалого уровня развития техники и культурного роста.

Быстро добившись права на монопольную торговлю с Россией и получив привилегии от Ивана IV в 1555 г. и в 1569 г., компания «купцов-предпринимателей» этими успехами в развитии своей торговли не удовлетворяется. С развитием своих коммерческих операций Московская компания начала вводить в жизнь акционерный принцип в своей организации, торгуя на общий капитал своих членов, число которых с 207 в 1555 г. выросло до 400 к 1565 г. Раннее развитие формы организации московской компании типа «joint stock company», значительно ранее возникновения акционерных компаний в других странах, делало организацию английских «купцов-предпринимателей» гораздо конкурентно-способней в ее борьбе за рынки и торговые пути по сравнению с ганзейскими и некоторыми другими купцами. Закрепив свои позиции на московском рынке, сулившие особенно благоприятные перспективы в связи с новыми возможностями для английской торговли на Балтике после захвата Иваном IV Нарвы в 1558 г., англичане пытаются использовать волжский путь, только что попавший в руки Московского государства, для установления непосредственных торговых связей через Среднюю Азию и Иран с Индией.

Начинает организовываться ряд путешествий в этом направлении: на протяжении с 1558 по 1581 г. было снаряжено 7 путешествий на Восток: 1 — в Бухару и 6 — в Иран. Описание путешествия Антония Дженкинсона в Бухару в 1558—1560 гг., хорошо известное специалистам по изучению истории торговли Московского государства со Средней Азией и истории народов Средней Азии, проникнуто большим разочарованием в возможности завязать усиленные торговые сношения с узбекскими государствами XVI в., вследствие напряженной борьбы за власть между различными группами феодалов *. Смелый путешественник и ловкий торговец А. Дженкинсон не упустил случая во время пребывания в Бухаре собирать сведения о путях, ведущих в Китай. Не только много в описании этого путешествия А. Дженкинсона фактов, пополняющих наши сведения по истории Средней Азии в XVI в., но оно содержит также ценные наблюдения очевидца жутких приемов расправы русских феодалов-крепостников над населением новой колонии Московского государства — Астраханского ханства. «. . .Мертвые тела (татар и ногайцев, умерших от голода) кучами валялись по всему острову. . . многих из остав-

* О торговых сношениях Москвы с Средней Азией в XVI—XVII вв. см. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Материалы по истории народов СССР, вып. 3, Акад. Наук СССР. Л. 1933.

*

шихся в живых русские продали в рабство, а остальных прогнали с острова. — Когда я был в Астрахани, я мог бы купить много красивых татарских детей, целую тысячу, если бы захотел, у их собственных отцов и матерей, а именно мальчика или девочку за каравай хлеба, которому цена в Англии 6 пенсов» *.

Начиная торговлю с Ираном, агенты Московской компании не очень обнадеживали себя перспективами продажи большого количества сукна и каразеи.

В своей инструкции А. Дженкинсону губернаторы, в том числе Гарард и Мерик, указывают на то, что они не решились дать ему товара больше чем 80 тюков с 400 кусками каразеи, прибавляя при этом: «Тем не менее, если нам посчастливится найти им хороший сбыт в Москве, то мы думаем, что хорошо было бы продать часть их там и взять с собой поменьше, ибо мы совсем не знаем, какой сбыт вы найдете в Персии или в других местах, куда вы поедете». Успех для компании первого путешествия в Иран был несомненен: А. Дженкинсону удалось получить торговые привилегии от иранского шаха Тахмаспа и специальную привилегию от его Ширванского вассала Абдалла-хана. Привилегия последнего была особенно ценна для «купцов-предпринимателей» — «. . . чтобы вышесказанные английские купцы и их компании не платили никаких пошлин за товары, которые они будут покупать или продавать в наших владениях».

Во время второго путешествия в Иран Томаса Олкока, Джорджа Ренна и Ричарда Чини в 1563—1564 гг. выяснилась на деле несколько менее благоприятная обстановка для расширения англо-иранской торговли, хотя Олкоку с товарами уже удалось добраться до самого Казвина, в Шемахе же главным потребителем английских товаров была местная феодальная знать. Возникшие недоразумения между шемахинским ханом и русскими купцами отразились неблагоприятно и на этой поездке служащих английской компании. Тем не менее Ричард Чини, описавший это путешествие, указывает: «Такие путешествия следует продолжать. Гилянский король, с которым вы до сих пор не вели торговли, живет только товарами. Гилян лежит близко от Казвина и не более чем в шести неделях от Ормуза, куда привозят все пряности. Там (я подразумеваю в Гиляне) можно учредить торговлю» **.

Во время третьего путешествия в Иран, проведенного в 1565—1567 гг. Ричардом Джонсоном, Александром Китчином и Артуром Эдуардсом, уже появились у служащих компании розовые перспективы захватить в свои руки вывоз шелка-сырца и шелковых тканей из Ирана. «Я, однако, не сомневаюсь, — пишет в своем письме правлению компании Эдуардс, — что раз привилегия будет приобретена и получена, мы будем жить в спокойствии. . . и скоро вырастем в большую торговлю шелком-сырцом и шелковыми материями, всякими сортами пряностей и москательных товаров, а равно и другими здешними товарами». В следующем письме А. Эдуардса из Персии от 8 августа 1566 г. дается крайне интересное описание разговора этого английского агента с шахом Тахмаспом при получении от последнего грамот с торговыми привилегиями. «Шах спросил меня, будете ли вы в состоянии ежегодно доставлять ему по сто тысяч кусков каразеи и сукна. Я ответил, — пишет Эдуардс в своем

* См. текст, стр. 172.
** См. текст, стр. 218.

письме, — что вы можете снабдить его страну двумя стами тысяч. Этому его высочество был очень рад, так как турецкий посол в прошлом году привел его, как мне передавали разные лица, в отчаяние, сказав, что великий турок (турецкий султан) не позволит провозить никакого сукна в его страну» *.

Все это письмо Эдуардса особенно богато насыщено нужными для Московской компании сведениями: оказавшись ловким коммерческим агентом, А. Эдуардс собрал самые обстоятельные сведения о всей торговле в Иране, уделив исключительное внимание торговле конкурентов — венецианцев. Обычные представления о резком и быстром упадке венецианской торговли не совсем верны, если их относить ко всему XVI в. в целом. Совершенно бесспорно то, что венецианская торговля потерпела сильный урон после великих географических открытий; тем не менее морская купеческая республика еще продолжала господствовать в торговле на всем пространстве восточного Средиземноморья. Недавно опубликованные результаты исследования американских историков над архивными материалами Венеции показывают, что в средине и во второй половине XVI в. в Венеции усиливается строительство морских судов и весь венецианский торговый морской флот вырастает довольно значительно в своем тоннаже. Рост венецианского флота зависел, конечно, не от большого количества лесов в Истрии, как это склонны думать американские буржуазные ученые, а определялся всеми линиями развития венецианской торговли в это время **. А. Эдуардс в своем донесении компании очень ярко характеризует этот размах венецианской торговли в Малой Азии и Иране через Алеппо и Диарбекир ***.

Англичане в лице венецианцев столкнулись с очень серьезным конкурентом в Иране при первых своих поездках туда. Благоприятное отношение иранского шаха Тахмаспа к английским купцам, выразившееся в даровании им ряда торговых льгот, только и могло создать некоторые благоприятные предпосылки для развития английской торговли в Иране. «Благосклонность» иранского шаха Тахмаспа к английским купцам вытекала целиком из соображений прямых экономических и политических интересов Сефевидов. В сильной степени экономическую основу политической силы иранского шаха определяла торговля шелком: первый иранский феодал-крепостник в итоге жесточайшей феодальной эксплоатации крестьян Ирана отнимал от последних бо̀льшую часть возделывавшегося в их хозяйствах шелка-сырца и являлся, таким образом, главным поставщиком шелка и на иностранные рынки. Английские агенты не раз указывают в своих донесениях из Ирана, что главный и единственный товар, который имеет шах, — это шелк. В силу этого шах Тахмасп и был очень заинтересован в установлении прямых торговых сношений с Западной Европой, минуя территории враждебных себе турецких феодалов: отсюда тот интерес, который проявил Тахмасп к торговым путям, шедшим через Волгу и Северную Двину в Англию. Эти факты еще ярче подчеркивают чисто феодальную природу торговли в XVI в. и роль иностранного торгового капитала как агента крупных феодалов-крепостников.

* См. текст, стр. 228.

** *Fred. Chapin Lane,* Venetian Shipping during the Commercial Revolution. The American Historical Review, vol. XXXVIII, № 2, 1933, pp. 219—237.

*** См. текст, стр. 229—230, 241.

Во время четвертого путешествия в Иран А. Эдуардса в 1568—1569 гг. последний был принужден признать, что позиции венецианцев и других купцов на иранском рынке очень крепки и подорвать их для англичан будет стоить большого труда. Поэтому внимание английских агентов не ограничивается шелком-сырцом, и они принимаются за осуществление самой заветной своей мечты — установление торговли пряностями через Иран и Ормузд, чего им удалось добиться только в правление шаха Аббаса.

Наиболее удачным обещало быть пятое путешествие в Иран, проделанное агентами Московской компании Томасом Бэннистером и Джеффри Дэкетом в 1568—1574 гг. Англичане провели ряд удачных сделок, но на обратном пути в Каспийском море на них напали казаки и завладели всем кораблем. Хотя услужливый астраханский воевода и снарядил погоню за казаками, но удалось вернуть лишь часть товаров. И все же, несмотря на эти потери, англичанам удалось привезти в Лондон товаров на сумму от 30 до 40 тыс. ф. ст. В результате этого путешествия Д. Дэкет составил интересные «Заметки о состоянии Персии».

Шестое путешествие в Иран в 1579—1581 гг. протекало в обстановке очень неблагоприятно сложившегося для англичан внешнеполитического положения Ирана. Оттоманская империя, чрезвычайно раздраженная захватом волжского торгового пути Иваном IV Грозным, организовала целый поход с помощью Крыма на Астрахань в 1569 г. После неудачи этого похода турки начали решительное наступление на Азербайджан и Дербент и завладели после смерти Тахмаспа всем Закавказьем, включая Каспийское побережье вплоть до Дербента. Это появление Турции на берегах Каспия и ослабление Ирана в период борьбы феодалов после смерти Тахмаспа не могло не нанести серьезного урона видам английских купцов на развитие их торговли не только в Закавказье, но и в Иране в целом, во всяком случае вплоть до начала XVII в., когда при шахе Аббасе опять начинается укрепление позиций английского купечества в Иране. В 1580 г. к Астрахани подошли вновь ногайцы и крымские татары. Все эти события не могли не сказываться отрицательным образом на английско-иранской торговле. Поэтому шестое путешествие англичан ограничилось главным образом небольшими торговыми операциями на Кавказском побережье Каспийского моря.

Вся история английских путешествий в Иран представляет собой одну из ярких и интереснейших страниц из истории торговли эпохи первоначального накопления. Донесения агентов английской компании содержат ряд очень ценных штрихов и отдельных фактов, внимательное изучение которых несомненно обогатит наши представления по отдельным вопросам истории Московской феодальной Руси XVI в. и которые смогут представлять немалое значение наряду с публикациями документов Н. И. Веселовского по истории сношений Московского государства с Ираном в XVI—XVII вв. и «Материалами по истории Узбекской, Таджикской и Туркестанской ССР, ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв.».

Г. Новицкий.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Все рассказы о путешествиях англичан, собранные в настоящем издании, помещены в английских подлинниках в известном собрании Гаклэйта: «The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the english nation», впервые изданном в 1598—1600 гг.; перевод был сделан с предпоследнего издания 1902 г. и сверен с последним изданием 1927 г. Все описания путешествий и отдельные документы, помещенные у Гаклэйта и вошедшие в настоящее собрание, написаны на английском языке, за исключением письма Гергарда Меркатора по поводу путешествия Пэта и Джэкмэна, написанного на латинском языке. Оригинал рассказа Климента Адамса о путешествии Ченслора был написан также на латинском языке, у Гаклэйта же он приведен только в английском переводе XVI в. Предлагаемый в настоящем издании перевод части сочинения К. Адамса сделан с латинского текста, напечатанного в издании «Rerum moscoviticarum scriptores varii» под заглавием «Anglorum navigatio ad moscovitos auctore Clemente Adamo» (Francf. 1600, стр. 142—153).

В основу настоящего перевода английских текстов положены следующие принципы: переводчик добивался прежде всего возможной близости к оригиналу и возможной точности передачи мысли автора. Стремление передать текст как можно ближе заставляло переводчика иногда, может быть, отступать от соблюдения всех требований современного русского литературного языка; вместе с тем казалось, что при переводе было необходимо сохранить колорит старинного английского языка XVI в., сильно отличавшегося в оборотах речи и в отдельных выражениях от современного английского языка.

Именно это последнее стремление переводчика было одним из оснований, почему для предлагаемого издания были сделаны новые переводы рассказа самого Ченслора, дополнений к нему, взятых из сочинений Кл. Адамса и рассказов Дженкинсона о его путешествии из Англии в Москву, из Москвы в Бухару и из Москвы в Иран.

Язык русских переводов сочинения Кл. Адамса, появившихся в 20-х и 30-х годах XIX в. *, сильно устарел; этому, может быть, способствовало то обстоятельство, что самый оригинал написан на тяжеловесном, вычурном и мертвом латинском языке XVI столетия.

* В «Отечественных записках» за 1826 г., ч. XXVII, стр. 368, и ч. XXVIII, стр. 83 и 177, и в «Журнале Мин. Народн. Просвещения» за 1838 г., октябрь.

В сделанном в 80-х годах XIX в. профессором С. М. Середониным переводе рассказа Ченслора * английский язык того времени заменен гладким русским изложением, в котором колорит старины вовсе не сохранен, что, по нашему мнению, умаляет достоинство перевода и недостаточно выявляет присущие некоторым страницам рассказа Ченслора яркость и красочность.

Еще с бо́льшим основанием можно утверждать это о середонинском переводе путешествий Дженкинсона. К сказанному надо добавить еще одно существенное обстоятельство, оправдывающее в наших глазах появление новых переводов Ченслора и Дженкинсона. В переводе рассказа Ченслора Середонин сделал несколько пропусков, правда, небольших, оставив, например, без перевода заключительные фразы с посвящением рассказа дяде, что отнимает у памятника его оригинальный и интимный характер. При переводе путешествия Дженкинсона в Иран Середонин оставил совсем без внимания чрезвычайно важную памятную записку или инструкцию, данную Дженкинсону компанией, без которой не все в его рассказе делается понятным. В рассказе о путешествии из Англии выпущено все, что относится к морскому плаванию до устья Двины, на том проблематичном основании, что эта часть рассказа будто бы утомительна и неинтересна; пропущены также и добавления о путях в Азию. Из рассказа о путешествии в Бухару по тем же сомнительным основаниям выпущен рассказ о плавании по Каспийскому морю от Астрахани до Мангышлака, хотя рассказ об обратном пути от Мангышлака до Астрахани сохранен в переводе.

В настоящем издании текст Ченслора и Дженкинсона переведен полностью и вместе с тем устранены, как нам кажется, и те отдельные неточности, которых довольно много в середонинском переводе.

Очень многие из личных имен и названий местностей норвежских, русских, среднеазиатских и кавказских передаются английскими авторами очень своеобразно и часто неправильно. В переводе, как правило, в тех случаях, когда удается точно определить по историческим и географическим источникам, дается название, принятое в русских памятниках. В сомнительных случаях переводчик считал себя обязанным давать просто транскрипцию имен и названий, как они передаются в английских оригиналах, относя толкование этих названий в примечания.

Английские имена и названия переданы возможно ближе к современному английскому произношению. Во всех случаях для поверки и возможной поправки при первом упоминании названия или имени приводится в скобках английская транскрипция.

В настоящем сборнике помещены только путешествия и те отдельные документы, которые имеют прямое и непосредственное отношение к путешествиям. Совершенно устранены документы, относящиеся к общим дипломатическим сношениям между Россией и Англией, и документы, касающиеся чисто торговой деятельности английской компании в России **.

При размещении памятников на первом месте поставлены документы, относящиеся к неудачной экспедиции Уиллоуби, которые в основном не были переведены до сих пор на русский язык. Последним по времени

* *С. М. Середонин*, Известия англичан о России XVI в. (Чтения Общ-ва Ист. и Др. Росс. 1884 г., и отдельно).

** О публикациях этих документов см. ниже список литературы.

в ряду печатаемых в переводе памятников стоит рассказ о путешествии англичан на Кавказ в 1580 г. Этим путешествием заканчиваются на некоторое время упорные попытки англичан развить торговлю с Ираном. Сношения с Московским государством также несколько меняют свой характер после смерти Ивана Грозного в 1584 г. Время с 1553 г. до начала 1580-х годов составляет таким образом определенную и как бы законченную эпоху в истории сношений Англии и России и, в частности, в истории путешествий англичан по Московскому государству и далее на Кавказ и в Иран. Эта до некоторой степени законченная эпоха соответствовала более или менее тому объему издания, который был в распоряжении переводчика.

Передвижения англичан по территории Ирана ограничились дорогой через Ардебиль в Казвин, эпизодическими поездками в Тавриз и одной поездкой в Кашан. Все остальные путешествия относятся к территории, входящей в настоящее время в состав Советского Союза; да и так называемые путешествия в Иран имели целью прежде всего Азербайджан. Рассказы о путешествиях некоторых из англичан в Казвин и другие города современного Ирана не были исключены из перевода во избежание нарушения цельности памятников, а также потому, что их место в составе всего издания невелико.

Публикуемые в настоящем издании путешествия англичан дают в первый раз полное объединение в одном издании путешествий, свидетельствующих об упорных попытках англичан освоить в XVI столетии северный морской путь и проложить сухопутную дорогу в направлении Индии; они принесут также свою долю пользы при изучении истории народов и территорий, составляющих теперь неразрывные части СССР.

ВАЖНЕЙШИЕ СОЧИНЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СНОШЕНИЙ РОССИИ И АНГЛИИ В XVI СТОЛЕТИИ

ГАМЕЛЬ И. Начало торговых и политических сношений между Англией и Россией (Жур. Мин. Нар. Просв., 1856, № 2 и 3 и отдельно).

ГАМЕЛЬ И. Англичане в России в XVI — XVII вв. (Зап. Акад. Наук, т. VIII, 1865, и т. XV, 1869 и отдельно. СПБ. 1865—1869).

ТОЛСТОЙ Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПБ. 1876.

ТОЛСТОЙ Ю. В. Первые сношения Англии с Россией (Русск. Вестник, 1873, № 6).

ТОЛСТОЙ Ю. В. Англия и ее виды на Россию в XVI в. (Вестник Европы, 1875, № 8).

ЛЮБИМЕНКО И. И. История торговых сношений России с Англией. Вып. I, XVI в., Юрьев 1912.

ЛЮБИМЕНКО И. И. Английские торговые компании в России в XVI в. (Истор. обозрение, т. VII, 1894).

ЛЮБИМЕНКО И. И. Проекты англо-русского союза в XVI и XVII вв. (Истор. Известия, 1916, № 3—4).

ЛЮБИМЕНКО И. И. Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией (Истор. Изв., 1916, № 2).

ЛЮБИМЕНКО И. И. Русский рынок как арена борьбы Голландии с Англией (Русское прошлое, 1923, № 5).

ЛЮБИМЕНКО И. Г. Сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. (Зап. Ак. Наук, 1932, № 10). Эта же работа повторена автором во французском издании — Inna Lubimenko «Relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand». Paris 1933. XX + 310.

ПЛАТОНОВ С. Ф. Прошлое русского Севера, II, 1923.

ПЛАТОНОВ С. Ф. Иноземцы на русском Севере в XVI — XVII вв. (В «Очерках по истории колонизации Севера, изд. Комитета Севера», вып. 2, II, 1923).

ВАЛК С. Н. К истории англо-русских отношений в XVI в. (Голос Минувшего, 1914, № 10).

УЛЯНИЦКИЙ В. А. Сношения России с Средней Азией и Индией в XV — XVII вв. (Чтения О-ва Ист. и Древн. Росс., 1888, кн. 3).

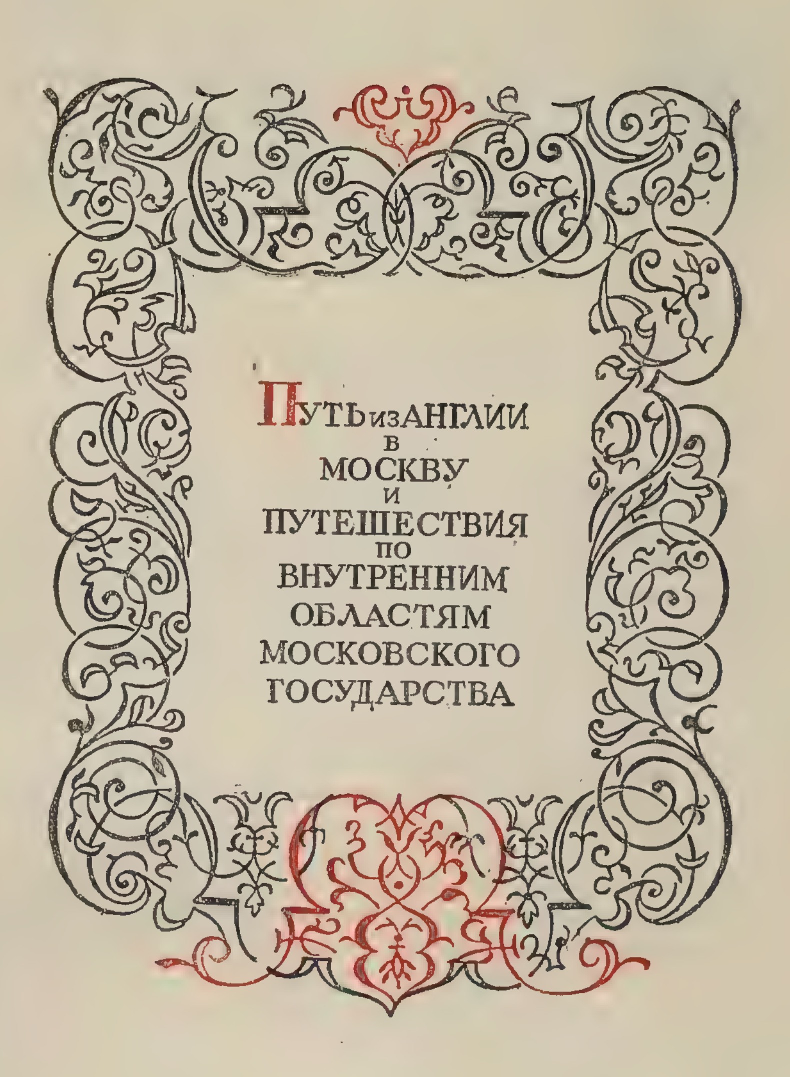
ШПАКОВСКИЙ А. Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI — XVII вв. (Сбор. Ист. Эти. кружка при университете св. Владимира, вып. 7, Киев 1915 г.).

ФОРСТЕН Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI вв. СПБ. 1884.

ФОРСТЕН Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII вв. СПБ. 1892.

Актовый материал, относящийся к англо-русским сношениям XVI в., опубликован в книге Ю. В. Толстого «Первые 40 лет сношений России с Англией» (II. 1876), — в Сборнике Русск. Истор. Общества, т. XXXVIII (документы, напечатанные в этом томе, хронологически продолжают документы, напечатанные Толстым) и в книге И. И. Любименко «История торговых сношений России с Англией» (Юрьев 1912) и в «Актах и письмах к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII ст.» СПБ. 1889.

Историко-археографический сектор Института Истории Акад. Наук подготовляет к печати сборник документов по англо-русским отношениям XVI — XVII столетий.

ПУТЬ из АНГЛИИ
В
МОСКВУ
И
ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО
ВНУТРЕННИМ
ОБЛАСТЯМ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВА

I

СЭР Х. УИЛЛОУБИ

1553—1554 гг.

ПУТЕШЕСТВИЕ ХЬЮ УИЛЛОУБИ

1. Устав, инструкции и постановления для руководства предположенным путешествием в Китай (Cathay), составленные, сочиненные и изложенные весьма достопочтенным господином Себастианом Кабота, эсквайром, правителем мастерства (mysterie) и компании купцов-предпринимателей для открытия стран, владений, островов и неизвестных местностей мая 9-го дня лета господня 1553, в седьмой год царствования нашего, весьма грозного повелителя государя Эдуарда VI, милостию божией короля Англии, Франции и Ирландии, защитника веры и высшего земного главы Английской и Ирландской церкви.

лавный начальник и старший кормчий, капитаны, купцы и другие должностные лица должны быть так тесно связаны и согласны в единении, любви, согласии и повиновении во всех степенях и рангах, чтобы между ними и матросами компании не могло возникнуть никакого несогласия, расхождения или спора, ведущих к ущербу и помехе для путешествия: ибо такие несогласия (как видно из многих опытов) погубили многие намеченные предприятия и подвиги, подобные этому.

2. Так как каждый участник дал клятву быть верным, прямым и честным подданным и вассалом превосходнейшего королевского величества и его наследников и преемников, соблюдать все законы и уставы, изданные для сохранения его превосходнейшего величества и императорской короны его королевств Англии и Ирландии, верно служить его милости

и королевству во время настоящего путешествия и не отказываться, не прерывать и не покидать означенного путешествия и предприятия, пока оно не будет закончено, насколько может простираться для каждого человека возможность и позволяет его жизнь, то в силу этого надлежит каждому человеку, согласно его звания, как ради совести, так и ради долга, помнить об этом обязательстве и об его исполнении.

3. Далее, ввиду того что каждый моряк и пассажир на (своем) корабле дал подобную же клятву повиноваться главному начальнику, капитану и штурману своего корабля и соблюдать приказы, содержащиеся в этой книге, и всякие иные приказы, которые будут внесены в эту книгу впоследствии 12 советниками или большинством их для лучшего ведения и сохранения флота и благополучного окончания путешествия и для того, чтоб быстро с готовностью и с повиновением поступать во всех действиях, при выполнении которых должны быть проявлены и показаны честь, разум и чувство долга для успешного продвижения и завершения путешествия и совершения подвигов, то поэтому подобает, чтоб один раз в неделю (по усмотрению капитана) настоящая книга прочитывалась с тою целью, чтоб каждый лучше помнил свою клятву, совесть, долг и обязанности.

4. Каждый человек в силу своей присяги должен добровольно исполнять (поскольку это ему окажется возможным) все поручения и приказания главного начальника с согласия его помощников и советников как во время самого морского путешествия, так и при открытии земель и во время высадок, в соответствии с тем, как этого будут требовать различные обстоятельства.

5. Во время плавания все отдельные курсы должны быть устанавливаемы и соблюдаемы после совещания главного начальника с старшим кормчим, командирами судов и их помощниками, с согласия советников или их большинства и по неизменно единогласном решении вопроса, причем главный начальник во всех совещаниях и собраниях будет иметь 2 голоса.

6. Весь флот должен держаться вместе и суда не должны отделяться одно от другого, поскольку это позволяет ветер и погода; капитаны судов, лоцманы и шкипера должны немедленно являться на борт адмиральского корабля, всякий раз когда адмирал найдет нужным собрать их на совещание или для совета по делам флота и путешествия.

7. Купцы и другие лица искусные в писании должны ежедневно составлять записи, описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи с отметками и наблюдениями над землями, приливами и отливами, стихиями, высотой солнца и движением луны и звезд. Все эти наблюдения должны по приказанию командира судна и кормчего излагаться в письменной форме, а главный начальник должен раз в неделю (если ветер и погода будут благоприятствовать) собирать вместе всех

командиров для обсуждения всех заметок и наблюдений, сделанных на отдельных кораблях и для определения, в чем они сходятся и в чем расходятся. После достаточного обсуждения, когда придут к общему заключению, весь материал должен записываться в общую постоянную книгу, сохраняющуюся как документ для компании. Такой же порядок должен соблюдаться относительно карт, астролябий и других инструментов, заготовленных для путешествия за счет компании.

8. Все мероприятия и действия, связанные с открытием островов, стран и т. п. и с высадкой на них, должно изыскивать, испытывать и приводить в исполнение после достаточного обсуждения и по общему выработанному на совещании согласию. Все общие предприятия, важнейшие посольства, просьбы, требования и подношения даров государям должны быть исполняемы главным начальником лично или же иным лицом, которое будет им по общему согласию назначено или которое он заставит это сделать.

9. Главный эконом (steward) и повар каждого корабля и их помощники должны еженедельно или чаще (если это покажется необходимым) давать капитану или иным старшим чинам своего корабля точный, ясный и полный отчет в расходовании съестных припасов — мяса, рыбы, бисквитов, сушеного мяса и хлеба, а также пива, вина, растительного масла и уксуса, равно и в расходовании всех других видов пищевых запасов, находящихся на их попечении. Сами же они и каждый из них в отдельности должны распоряжаться припасами так, чтобы не было никаких лишних непроизводительных выдач, за исключением тех случаев, когда это будет продиктовано разумными соображениями или необходимостью.

10. Если в отношении кого-нибудь из низших должностных лиц, какого бы звания или состояния он ни был, будет установлена лживость, нерадение, небрежность или непригодность к службе во время путешествия или невыполнение служебных обязанностей, то всякое такое должностное лицо снимается с работы и наказывается по усмотрению капитана и прочих участников разбирательства или большинства их. Лицо, снятое таким образом с работы, с этого момента не будет считаться и приниматься за должностное лицо, но должно оставаться в таких условиях и в таком месте, какие будут ему назначены. Никто из экипажа не смеет противиться наказанию или достойному возмездию, которое будет ему назначено со всей умеренностью, соответственно его проступку по силе его преступления и на основании морских законов и обычаев, до сего времени соблюдаемых в подобных случаях.

11. Если кто-либо из матросов или низших должностных лиц окажется по своей работе неподходящим и недостойным места, для занятия которого он был принят на корабль, такое лицо может быть снято с корабля и высажено на берег в любом месте в пределах державы и владе-

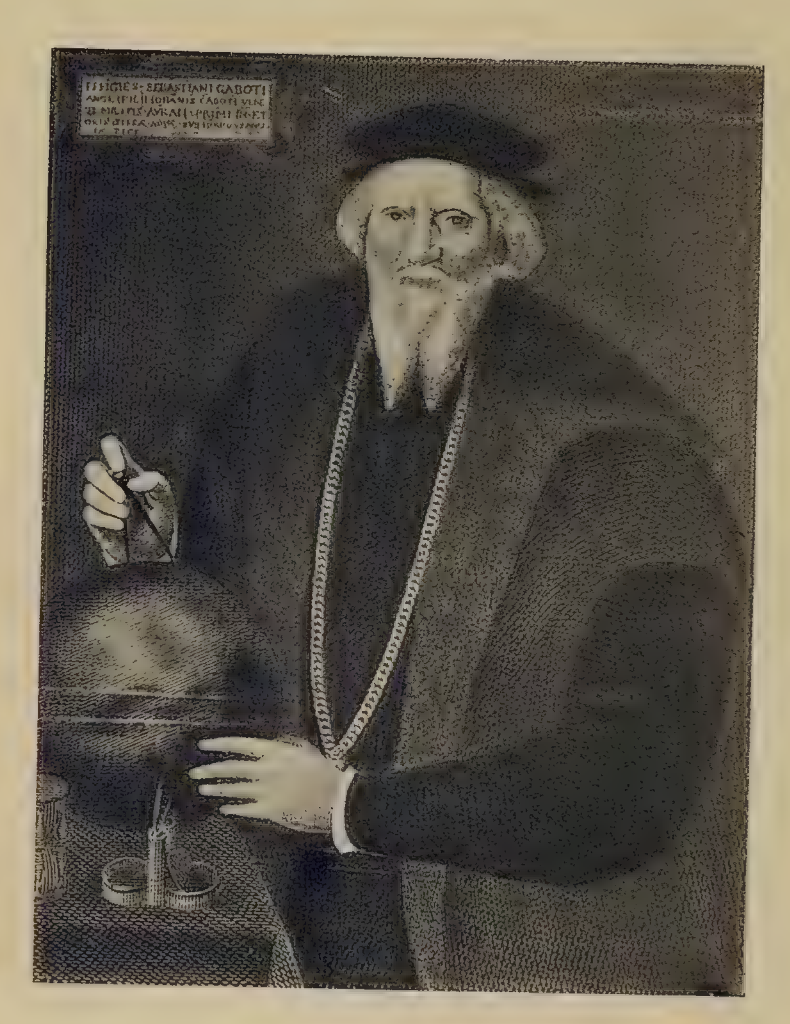
ний королевского величества, а на его место может быть принято другое более способное и более достойное лицо по усмотрению капитана или штурманов. При этом должны быть приняты меры, чтобы уволенный был удовлетворен соответственно тому, что он заработал по день своего увольнения или освобождения от должности; с своей стороны уволенное лицо должно дать расписку с ручательством или внести залог или дать иную гарантию в том, что он выплатит суммы, полученные им сверх того, что он заслужил. Жалование лицу вновь принятому устанавливается по разумному соглашению, причем он получает все предметы снабжения, предназначавшиеся для уволенного в согласии с правом и справедливостью.

12. На корабле не должно быть ни богохульства, ни гнусных ругательств; среди судовых экипажей не должны быть терпимы сквернословие, непристойные рассказы и безбожные разговоры, равно как игра в кости, карты и иные дьявольские игры, от которых происходит не только разорение игроков, но споры, раздоры, ссоры и драки и часто даже убийства, ведущие к последней погибели обеих сторон и навлекающие справедливый гнев божий и меч его возмездия. Надо изгнать эти чумные заразы, пороки и грехи; нарушители же, не исправляющиеся после увещания в первый раз, подвергаются наказанию по усмотрению капитана или штурмана, по принадлежности.

13. Утреннюю и вечернюю молитву и другие общие службы, определенные королевским величеством и законами нашего королевства, надлежит ежедневно читать и произносить на каждом корабле: на адмиральском — священнику, на прочих судах — купцу или иному ученому человеку. Библию и толкования следует читать с благочестивым христианским чувством во славу господа, чтобы униженной и сердечной молитвой мореплавателей заслужить его милости.

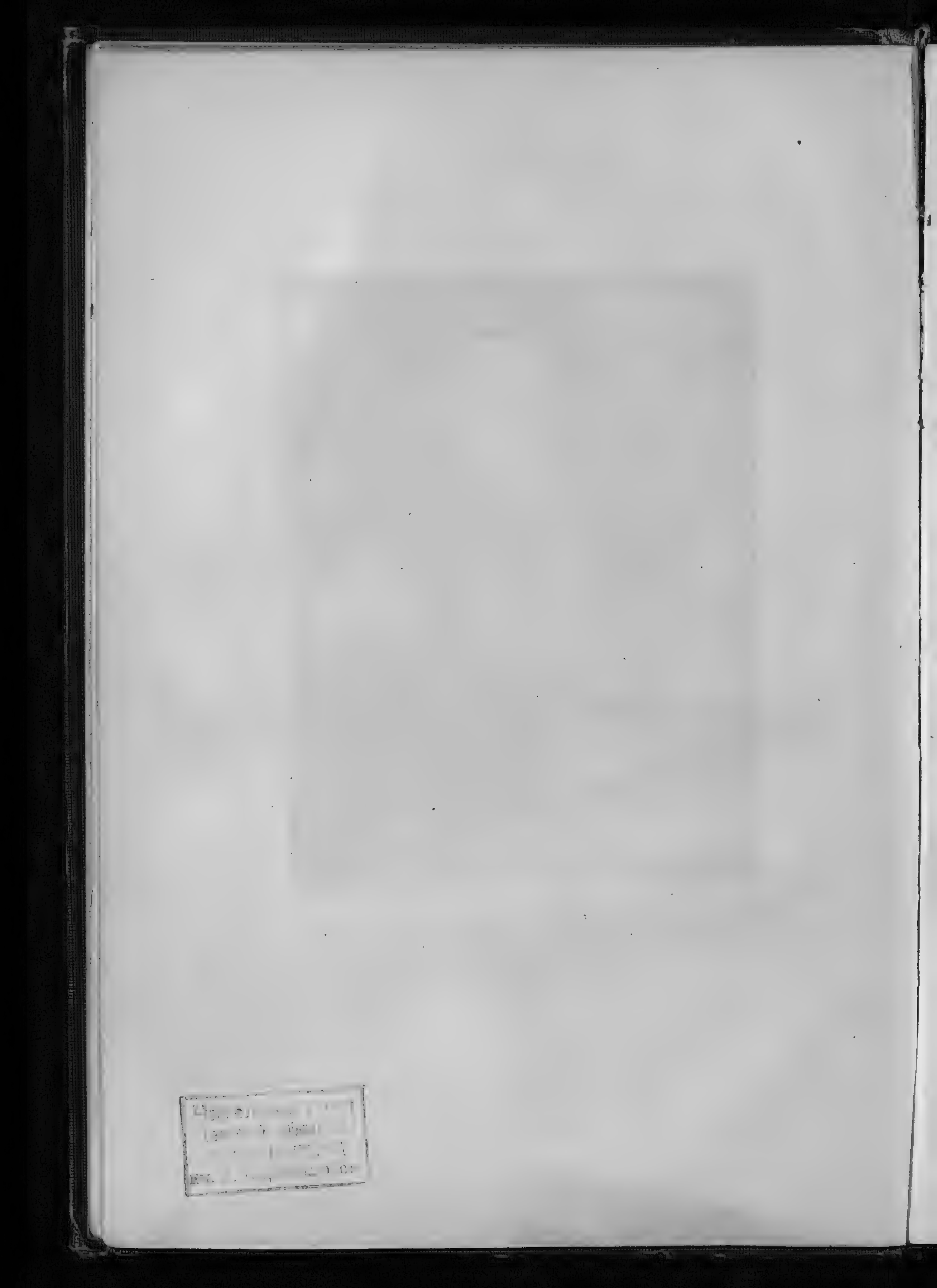
14. Каждому должностному лицу (officer) поручаются по описи все предметы, принадлежащие к его должности. Он должен давать точный отчет об их употреблении, соблюдая при этом скромность и умеренность в расходовании пороха, снарядов и всех видов артиллерийских припасов, которыми не следует злоупотреблять, а надо бережно хранить для нужд обороны флота и плавания. Точно так же следует должным образом хранить все инструменты, нужные для вашего плавания, и другие необходимые предметы.

15. Запрещается проливать жидкость на баласт и оставлять грязь на корабле. Кухонное помещение и другие места следует содержать в чистоте для лучшего здоровья экипажа. Молодые люди и юнги (gromels and pages) должны быть воспитываемы в духе достохвальных морских обычаев в изучении мореплавания и в соответствующих упражнениях.

СЕБАСТИАН КАБОТА

С портрета Гольбейна

16. Парадные мундиры матросов должны храниться под наблюдением купцов; они надеваются только по приказанию капитана, когда он найдет нужным сделать смотр или показать матросов в красивых нарядах для успеха и чести экспедиции. Затем мундиры подлежат снова возвращению купцам для хранения до тех пор, пока не сочтут подходящим предоставить каждому в полное пользование его одеяние.

17. Когда матрос или какое-нибудь иное лицо, едущее на корабле, будет нуждаться в необходимой одежде для прикрытия тела и сохранения здоровья, то таковая должна быть выдана ему купцом по предписанию капитана и штурмана корабля, причем стоимость одежды нуждающегося в ней лица должна быть записана в купеческую книгу по себестоимости без какой бы то ни было прибыли для купца и затем должна быть вычтена из жалованья лица, которое получит и будет носить одежду.

18. Находящиеся на корабле тяжело больные, нездоровые, слабые и находящиеся под наблюдением лица должны получать уход, облегчение, утешение и помощь во время их болезни; при этом каждый, независимо от его положения, должен нести бремя другого и никто не имеет права отказываться от работы, наложенной на него для наибольшего успеха, общего блага и завершения в срок плавания и всего предприятия.

19. Если кому-нибудь приведется умереть или погибнуть во время путешествия, то одежда и прочее имущество, какое было у него ко времени его смерти, должно быть сохранено в распоряжении капитана и штурмана корабля; имуществу составляется опись, и она сохраняется для его жены и детей или для других целей соответственно его мыслям и его воле. День его смерти отмечается в купеческой книге и в книге главного эконома для того, чтобы было известно, сколько он заработал ко дню своей смерти и сколько остается ему уплатить.

20. Купцы, назначенные участвовать в настоящем путешествии, не имеют права показывать или продавать свои товары или же открывать свои товары кому-либо из иностранных государей или из его подданных без ведения и согласия капитанов, старшины купцов и их помощников, или по крайней мере четырех из них, причем в это число входят начальник экспедиции, старший кормчий и старшина купцов. Каждый из мелких купцов должен предъявлять свои расчеты купеческому старшине по первому требованию. Без согласия указанных выше лиц мелкие купцы не имеют права производить какой-либо обмен. Все товары, вымененные, купленные или переданные компании посредством торговых сделок, обмена или иным каким-либо способом, вносятся в купеческие книги, приводятся в порядок, запаковываются и хранятся в одном общем складе. Вскрытие тюков и подмена не допускаются до того времени, когда корабль возвратится и приступит к правильной выгрузке, тогда и описи

всего имущества грузов и товаров, поступивших в порядке обмена, купли или израсходованных, должны быть представлены в полном порядке правителю компании, консулам и их помощникам для того, чтобы было возможно дать правильный отчет королевскому величеству в том, что его касается, в силу дарованного им устава компании и соответственно нашему первейшему долгу, а также для того, чтобы компания в целом получила все то, что по праву приходится на ее долю. Не допускается никакой утайки; экспедиция должна быть показана во всем ее истинном свете для общего блага и для пользы всей компании, как и подобает, без хитрости, обмана и плутовства.

21. Отдельным лицам запрещается чинить препятствия или наносить ущерб товарным фондам компании путем предпочтительной продажи своих собственных товаров и вещей; никакой особый случай и никакая покупная сделка не должны быть обращены к выгоде отдельных лиц, пока общее товарное имущество компаний не будет пополнено. Никто не имеет права наносить ущерб общему доходу подобными случайными приобретениями, которые посчастливится сделать отдельным лицам их частной деятельностью, искусством или благодаря случаю; в соответствии с этим запрещается поднимать какой бы то ни было спор, о чем бы дело ни шло: о драгоценных украшениях, камнях, жемчуге, драгоценных металлах или других предметах такой страны, где по счастливой случайности перечисленные предметы распространены или могут быть найдены, выменены или получены в дар. Каждый в подобном случае обязан повиноваться приказаниям и правилам, отдаваемым и определяемым начальником экспедиции и советом: решение в подобных случаях представляется на распоряжение и усмотрение последних, ибо в неясных случаях не может действовать заранее определенное правило.

22. Запрещается сообщать какому бы то ни было народу сведения о нашей религии, но предлагается обходить этот вопрос молчанием и не высказываться о ней, делая вид, что мы имеем те же законы и обычаи, какие имеют силу в той стране, куда вы приедете.

23. Ввиду того что наши люди и наши корабли могут показаться местным жителям странными и удивительными, как и тамошние люди нашим, следует выяснить, как бы их использовать, изучив их характер и их взгляды через какого-нибудь одного человека, которого вы могли бы прежде всего заманить или же захватить и привезти на ваши корабли и там уже выведать у него, что вы можете, без насилий, причем женщин запрещается вводить в искушение, приводить к невоздержанию или бесчестию.

24. С человеком, захваченным таким образом, следует хорошо обращаться, хорошо кормить и хорошо его одеть и затем высадить на берег с тою целью, чтобы он или она мог побудить других подойти поближе

и показать продукты их страны; если же захваченное лицо можно будет напоить допьяна вашим пивом или вином, то вы узнаете тайны его сердца.

25. Наши люди не должны заходить на берег так далеко, чтобы не оставалась возможность тотчас же возвратиться на свои пинассы и корабли, и не должны верить ласковым словам иностранных людей, могущим оказаться лукавыми и лживыми; ваши люди не должны также подвергать себя опасности погибнуть из-за желания получить золото, серебро или иное сокровище. Считайте ваши собственные товары выше всех других и не очень показывайте своим видом, что вы желаете получить иноземные товары, но тем не менее берите их как в знак дружбы, так и посредством мены.

26. С каждым народом и в каждой местности следует поступать обдуманно и не раздражать народы надменностью, насмешками и презрением или чем-нибудь подобным; следует обращаться с ними осторожно и осмотрительно со всяческой вежливостью и любезностью и не задерживаться долго на одном месте, пока вы не достигнете наиболее важного места, какое вами может быть открыто, с таким расчетом, чтобы вы могли возвратиться назад счастливо и с достаточными съестными припасами.

27. Названия народов каждого острова должны записываться, равно продукты и отрицательные черты страны; следует отмечать характер, качества и обычаи населения, местность, где они живут, какие предметы они более всего желают получить и с какими продуктами они наиболее охотно расстанутся и какие металлы имеются у них в холмах, горах, потоках, реках, на поверхности земли или в земле.

28. Если вы увидите, что люди на приморском песке собирают камни, золото, металлы или что-нибудь подобное, ваши суда могут подойти ближе и наблюдать, что они собирают; при этом следует бить в барабаны или играть на иных подобных инструментах, которые могут обратить их внимание, возбудить их воображение, желание что-то видеть и слушать вашу игру и ваши голоса; но держитесь вне опасности и ничем не выказывайте жестокости и враждебности к ним.

29. Если вас пригласят в дом какого-нибудь государя или правителя на обед или для переговоров, идите туда в таком порядке и снаряжении, чтобы всегда быть сильнее их; избегайте лесов и засад, и пусть ваше оружие всегда остается в вашем обладании.

30. Если вы увидите, что население носит львиные или медвежьи шкуры и имеет длинные луки со стрелами, не бойтесь этого вида, ибо все это носится больше из страха перед чужеземцами, чем от других причин.

31. Могут встретиться люди, которые умеют плавать в море, в гаванях, в реках, нагими, с луками и дротиками, стараясь приблизиться к вашим кораблям; если они увидят, что суда плохо стерегутся и охраняются,

*

они возьмут их приступом, желая получить людские тела для еды. Если вы окажете им сопротивление, они нырнут и обратятся в бегство: поэтому на некоторых островах необходимо держать бдительную стражу день и ночь.

32. Вам может представиться случай прислать известие о ваших действиях в делах, отвечающих интересам компании, например, касательно вероятности успеха путешествия, преодоления морских опасностей, опасностей от льда, от невыносимых холодов и иных препятствий. Многие авторы и писатели уже посеяли в некоторых умах подозрение, что это путешествие не будет иметь успеха из-за близости северного полюса, изза отсутствия морских проходов и т. п., а это в свою очередь заставило колеблющиеся умы и сомневающиеся головы не только уклониться от путешествия, но и других отговаривать от него. Для удостоверения о его успешном исходе, когда вы убедитесь о том из опыта (самого лучшего учителя во всех людских знаниях), и для провозглашения истины, в которой вы успеете убедиться, вы можете с общего согласия совета отправить сушей или иначе одного или двух посланцев, которые по вашему мнению будут в состоянии невредимые привезти ваше удостоверенное сообщение. Однако такое сообщение следует посылать только по самым неотложным причинам: при вероятности успеха путешествия, при открытии морских проходов, при обнаружении признаков благоприятного развития торговли и т. п. Компания, будучи осведомлена о вашем положении и ваших действиях, может в дальнейшем заботиться, предусмотреть и принять решения, наилучшие и наиболее полезные для общего блага предприятия; она может заранее позаботиться о предметах, необходимых для продолжения путешествия, или принять иные меры сообразно обстоятельствам. Во всех этих вопросах вы должны показать свою мудрость и осмотрительность; содержание этой статьи должно быть вами взвешено много раз, ибо вы не можете не знать, сколь много лиц, в том числе королевское величество, лорды его досточтимого совета, вся компания, а равно ваши жены, дети, родственники, свойственники, друзья и знакомые, горят желанием узнать, каково ваше положение, условия, в которых вы находитесь, и ваше благополучие и в какой степени вы имеете надежду успешно осуществить это замечательное предприятие, которое, как все надеются, будет иметь не меньший успех и принесет не меньшую прибыль, чем та, какую восточная и западная Индии принесли императору * и королям Португалии. Рвение их подданных и морские путешествия последних обогатили их такими землями и островами, которые оставались неизвестными и космографам и другим писателям и по соображениям не имевшего опыта разума счита-

* Речь идет об императоре священной римской империи Карле V, в качестве короля Испании (1516—1556 гг.), являвшемся владетелем «Западной Индии», или «Вест-Индии» — частей американского материка, открытых Колумбом и последующими испанскими мореплавателями.

лись непригодными для обитания из-за крайней жары и крайнего холода, а на деле признаны богатейшими, населенными, умеренными по климату и столь удобными, что Европа не может и сравниться с ними.

33. Не должны быть терпимы создаваемые злыми языками заговоры, расколы, группировки, сплетни, неверные сообщения, которые являются настоящими семенами и плодами споров, раздоров и беспорядка: все это, как и прочее нечестие, следует наказывать с милосердием и братской любовью. Люди всех степеней должны оказывать повиновение не только по совести и долгу в отношении бога, всемилостивейшей деснице которого моряки ближе, чем все остальные создания, но и ради благоразумных мирских отношений и общего благополучия. Соображайте и помните всегда, что вы все подданные величайшего из королей и соотечественники; ежедневно помните о великом значении путешествия, о чести, славе, хвале и выгодах, связанных с ним, для общего блага нашей благородной державы, для преуспеяния всех вас, путешественников, ваших жен и детей; старайтесь оправдать ожидания тех, кто, понеся большие траты, расходы и попечения, так хорошо и обильно снабдил вас всем необходимым; никогда ни в одном государстве не было видано или слыхано, чтоб столь много полезного и необходимого было совершено для подобного подвига. Есть полная надежда, что он будет завершен и принесет добрые плоды, если только каждый, призванный к нему, будет стараться в соответствии со своими обязанностями и твердым сознанием своего долга.

Моля бога даровать вам свою милость для выполнения порученного вам дела во славу того, чья милосердная рука сделает ваше путешествие счастливым и избавит вас от всех опасностей, в удостоверение сего я, Себастиан Кабота, вышесказанный правитель, подписал свое имя и поставил свою печать под настоящими постановлениями в день и год, показанные выше.

2. Имена двенадцати советников, назначенных в это путешествие.

1. Сэр Х. Уиллоуби (Sir Hugh Willoughby), рыцарь, начальник экспедиции (captaine general).
2. Ричард Ченслор (Richard Chancellour), капитан судна «Эдуард — Благое Предприятие» (Edward Bonaventure), главный кормчий флота.
3. Джордж Бэртон Кейп (George Burton Cape), купец.
4. Магистр Ричард Стэффорд, священник.
5. Томас Лэнгли (Langlie), купец.
6. Джемс Дейлебир (Dalabere), дворянин.
7. Уилльям Джефферсон, штурман адмиральского судна «Благая Надежда» (Bona Speranza).
8. Стифен Бэрроу (Stephen Burrough), штурман судна «Эдуард — Благое Предприятие».

9. Корнелиус Дэрфэрэс (Cornelius Durfurth), штурман «Конфиденции».
10. Роджер Уильсон
11. Джон Бэкленд } помощники штурманов
12. Ричард Ингрэм

3. Достоверная копия записки, найденной на одном из двух кораблей, а именно на судне «Надежда», которое зимовало в Лапландии, где сэр Х. Уиллоуби и его спутники умерли, замерзши до смерти в 1553 г. *.

Путешествие для открытия Китая и различных других стран, владений, островов и неизвестных мест, организованное достопочтенным господином Себастианом Каботою, эсквайром и правителем цеха и компании купцов-предпринимателей в городе Лондоне.

Флот, окончательно снаряженный, отбыл в 10-й день мая 1553 г., в седьмой год царствования нашего весьма грозного государя повелителя и короля Эдуарда шестого.

Названия кораблей флота, их тоннаж вместе с именами капитана, советников, старшего кормчего, штурманов судов, купцов, других должностных лиц и матросов следуют ниже.

Первый корабль «Добрая Надежда» (Bona Speranza) — адмиральский корабль флота, 120 тонн водоизмещения, при нем пинасса и бот.

Сэр Х. Уиллоуби, рыцарь, главный капитан флота (captaine general), начальник экспедиции.

Уилльям Джефферсон, штурман корабля.

Роджер Уильсон, его помощник.

Уилльям Гиттонс (Gittons), Чарльз Бэррет, Гавриил Уиллоуби, Джон Эндрюс, Александр Удфорд (Woodford), Рэльф Чэттертон, купцы.

Матросы и должностные лица, согласно морским обычаям:

Джон Брок, пушечный мастер.

Николай Энтони, боцман.

Джон Уэб, его помощник.

Христофор Бэнбрэк, Томас Дэвисон, Роберт Росс, Томас Симпсон, квартирмейстеры.

Уилльям Уайт, Джемс Смитс, Томас Пэйнтер, Джон Смитс, их помощники.

Ричард Гуинн (Gwinne), Джордж Гойсуайн (Goiswine), плотники.

Роберт Гуинн, судовой комиссар.

Лоренс Эдуардс, его помощник и купор.

* Завещание Гавриила Уиллоуби, родственника сэра Х. Уиллоуби, ехавшего в качестве купца на «Благой Надежде», от января 1554 г., найденное на корабле вместе с запиской Х. Уиллоуби, является доказательством того, что бо́льшая часть экипажа, ставшего на зимовку, была еще жива.

Ричард Морган, повар.

Томас Нэйш, его помощник.

Уилльям Ляйт, Джон Брэнд, Кэтберт Чельси, Джордж Блейдж, Томас Уокер, Томас Эллен (Allen), Эдуард Смитс, Эдуард Хэнт, Джон Фокнер, Роланд Брук.

Александр Гардинер, Ричард Мольтон, хирурги, которые оба приняты на борт в Гаруиче.

Спущены на берег в Гаруиче по болезни — Джордж Блэйк, Николай Энтони.

За кражу выкупан с райны и спущен на берег Томас Нэйш.

Второй корабль «Эдуард — Благое Предприятие» (Edward Bonaventure), 160 тонн, на нем пинасса и бот.

Ричард Ченслор (Chancelor), капитан и старший кормчий флота (Pilot major of the fleet).

Стифен Бэрроу, штурман корабля.

Джон Бэкленд, его помощник.

Джордж Бэртон, Артур Эдуардс, купцы.

Джон Стэффорд, пастор.

Джемс Дэллебер (Dallaber), Николай Ньюборро, Джон Сегсуик, Томас Фрэнсис, Джон Хэсс, Ричард Джонсон, Уилльям Кемп.

Матросы и должностные лица согласно морским обычаям:

Роберт Стэнтон, пушечный мастер.

Джон Уокер, его помощник.

Джемс Лонг, Джон Кокс, артиллеристы.

Томас Уолтер, хирург.

Питер Полмер, боцман.

Ричард Строуд, его помощник.

Джон Робинсон, Джон Кэйро (Carowe), Томас Стон, Роджер Лишби, квартирмейстеры.

Джон Остен, главный эконом; Патрик Стивенс, его помощник.

Остен Джекс, повар.

Уилльям Эвери, купор.

Гриффин Уэгем, плотник.

Томас Стельстон, Томас Тоунс, Джон Робинсон, Джон Уайт, Уилльям Лоренс, Майлс Бэттер, Джон Броун, Уилльям Моррен, Уилльям Уотсон, Томас Хэндкокс, Эдуард Пэйси, Томас Броун, Артур Пэт, Джордж Файбери (Phibarie), Эдуард Пэттерсон, Уилльям Бир, Джон Поттер, Николай Лоренс, Уилльям Бэрроу, Роджер Уельфорт, Джон Уилльямс.

Третий корабль «Доброе Доверие» (Bona Confidentia), 90 тонн; на нем пинасса и бот.

Корнелиус Дэрфурэс (Durfourth), штурман корабля.

Ричард Ингрэм, его помощник.

Томас Ленгли, Эдуард Кивер, Генри Дорсет, купцы.

Матросы и должностные лица согласно морским обычаям:

Генри Тэйлер, пушечный мастер.

Джордж Тсэрленд, его помощник.

Уилльям Хэймэн (Hamane), боцман.

Джон Эдуардс, его помощник.

Томас Кэрби, Генри Дикенсон, Джон Хэй, Уилльям Шейуош, квартирмейстеры.

Джон Рин (Reyne), главный эконом.

Томас Хэнт, повар; Уилльям Лэсси, его помощник.

Николай Найт, плотник.

Питер Люик (Lewike), Николай Уиггльуорэс, Джон Мур, Уилльям Чэймап, Брайян Честер, Уилльям Бэррли, Ричард Уд, Климент Диксон, Джон Клейрок.

Эрасмус (Erasmus) Бентли, Джон Дэрифорэс.

Присяга капитана

Вы клянетесь быть верным подданным нашего высшего повелителя, его королевского величества, его наследника и его преемников, во всех действиях и обязанностях, которые вам, как подданному, надлежит исполнять. Вы будете служить в настоящем плавании, порученном вашим заботам, исправно и верно до пределов ваших способностей, разума и знаний, не остановитесь и не прервете его, пока не доведете его до конца, насколько вы будете в состоянии это сделать, не подвергаясь опасности потерять жизнь и погубить флот. Вы будете добрым, верным и достойным доверия советником компании и всех, кто будет служить с вами, или под вашим начальством; и никому ни в каком случае не будете разглашать тайн компании ко вреду, ущербу и убытку последней. Вы будете оказывать справедливое отношение ко всем, находящимся под вашей командой, невзирая на лица и на какую бы то ни было привязанность, которая могла бы отклонить вас от истинной справедливости. Далее, вы будете соблюдать и заставлять соблюдать, поскольку от вас зависит, все правила, уставы и меры предосторожности, до сего времени установленные или имеющие быть впредь установленными, для сохранения и для благополучного водительства флота в его плавании и для пользы компании. Вы не дозволите и не потерпите, чтобы товары компании были расхищены, утаены или истреблены, но будете хранить их целыми и невредимыми, без убыли, до тех пор, пока не сдадите или не приведете к сдаче этих товаров в распоряжение компании. Наконец, во всех отношениях, случаях и условиях, вы будете поступать, как полагается и надлежит поступать достойному доверия капитану, братски связанному с компанией.

Присяга штурмана корабля и других лиц

Вы клянетесь священным содержанием этой книги в том, что в своей деятельности, соответственно и до пределов ваших знаний и вашей осведомленности в морской науке и искусстве, вы будете всячески стараться вести добрый корабль под названием N, которого вы отныне начальник перед богом, как до гаваней, которые вы откроете, так и обратно, и таким образом приложите усилия и верные старания в погрузке, выгрузке, в новых погрузках и в размещении товаров на вашем корабле к наибольшей пользе и прибыли для нашего весьма досточтимого товарищества. Вы не будете совершать частных сделок и не будете покупать, продавать, менять или раздавать каких бы то ни было товаров или тому подобных предметов (за исключением только необходимых корабельных снастей и съестных припасов) для вашего собственного барыша и выгоды, равно как для прибыли иного какого-нибудь лица или лиц. Далее, если вы узнаете, что какой-нибудь боцман, матрос или иное лицо или лица покупают, продают или меняют какие-нибудь товары за свой частный счет, расчет или для своей выгоды, вы должны приложить все старания, чтоб противостать и воспрепятствовать этому. Если же вам не удастся сделать это подходящими средствами, то перед отгрузкой таких товаров, которые куплены за частный счет, вы должны уведомить об этом старшину купцов вашего товарищеского объединения, который в это время будет нести эту должность. Во время плавания вы не примете и не позволите принять на ваш корабль никакого лица или лиц, как по пути туда, так и на обратном, но должны допускать пребывание на корабле только таких моряков, которые без обмана и хитрости наняты в ваш экипаж, чтобы служить в морском деле и искусстве. Итак, да поможет вам бог, и т. д.

Когда указанные выше корабли были полностью снабжены своими пинассами и ботами и снаряжены всякого рода артиллерией и другими предметами, необходимыми для их защиты, то со всем своим вышесказанным экипажем они двинулись из Рэтклиффа и спустились к Детфорду *.

11 мая около 2 часов дня мы вышли из Детфорда и прошли мимо Гринича, отсалютовав пребывавшему здесь королевскому величеству нашей артиллерией, и дошли до Блейкуола, где оставались до 17 мая. В этот день утром мы вышли из Блейкуола и прибыли в Улич (Woolwich) около 9 часов; здесь мы оставались в течение прилива и отлива и в ту же ночь пришли в Хийрезс (Heyreth), до 20-го. В этот день, который был субботой, мы продвинулись от Грейвзенда до Тильбери Хоп и здесь пробыли до 22-го.

* Исходные пункты экспедиции Рэтклифф и Детфорд (Ratcliff, Deptford или Detford) были в то время пригородами Лондона, лежавшими на Темзе к востоку от Лондона; в настоящее время входят в состав восточных кварталов города.

22-го от Тильбери Хоп до Холли Хэвен.

23-го мы шли от Холли Хэвен до места против Ли (Lee), где простояли ночь из-за противного ветра.

24-го при утреннем юго-западном ветре мы прошли под парусами вдоль берега за косы, пока около 6 часов вечера не стали против св. Озайзса; здесь мы стали на якорь и пробыли всю ночь.

25-го около 10 часов мы вышли от св. Озайзса (Osyth) и пошли дальше до Нэза (Nase) *, где из-за ветра и волнения простояли эту ночь.

26-го в 5 часов утра мы подняли якорь, объехали при юго-западном ветре Нэз, пришли к Оруэльской «зыби», стали на якорь и оставались здесь до 28-го.

29 мая — оттуда до Холлихэда, где мы стояли целый день и держали совет, какого пути и какого курса нам следует держаться, чтоб добиться новых открытий в нашем плавании, и наконец пришли к единогласному решению.

30 мая в 5 часов утра мы подняли паруса и дошли до места в 3 лигах против Ярмута, где стояли на якоре всю эту ночь.

В последний день мая — 6 лиг в море в направлении на северо-восток, где задержались всю ночь, так как дул очень сильный ветер.

1 июня дул противный нам северный ветер; вследствие этого мы вернулись к Оруэллю, где оставались до 15 июня, задерживаясь из-за ветра, который все время был противным.

15-го утром, находясь в Оруэлле, на широте 52°, мы подняли якоря и прошли в «зыби», где простояли ночь.

16-го в 8 часов утра мы двинулись далее и плыли, пока не остановились против Ольберро (Allburrough), где пробыли всю ночь.

17-го около 5 часов утра мы вернулись к Орфорднэссу и пробыли там до 19-го.

19-го в 8 час. утра мы пошли назад к Оруэллю и там оставались 3 дня, задерживаясь из-за ветра.

23 июня при попутном юго-западном ветре мы радостно вышли в море к Орфорднэссу, а оттуда прошли в открытое море на 10 лиг к северо-востоку. Миновав пески, мы переменили курс и прошли 6 лиг в направлении на с.-в.; около полуночи мы снова переменили курс и пошли прямо на север, держась этого курса до 27-го.

27-го к 7 часам мы прошли 42 лиги к с.-с.-в. с целью приблизиться к Шотландии; но ветер перешел на запад, так что мы могли итти только к северу с уклоном к западу и продолжали держать этот курс на протяжении 40 лиг, вследствие чего не могли достигнуть Шотландии. Тогда мы

* Упомянутые местности отмечают этапы плавания экспедиции до выхода в море. Ли — соответствует устью Темзы; Сэнт-Озайз находится уже на морском берегу; Нэз — мыс неподалеку от Харunча.

прошли приблизительно 16 лиг на север, потом на север с уклоном к западу, потом на с.-с.-з., потом на юго-восток, меняя курс еще и еще, разъезжая и бороздя море до 14 июля вследствие различных и разнообразных противных ветров. В этот день солнце вступило в созвездие Льва, и мы увидели землю к востоку от нас; в течение ночи мы шли по направлению к ней со всей возможной скоростью. Съехав на берег в нашей пинассе, мы нашли до 30 маленьких хижин; мы узнали таким образом, что берег этот обитаем, но жители разбежались; мы подумали, что это произошло из страха перед нами.

Вся страна кругом состояла из бесчисленных маленьких островов, называвшихся, как мы потом узнали, Эгеланд и Хальгеланд. Они лежат к северо-востоку от Орфорднэсса на широте 66°. Расстояние между Орфорднэссом и Эгеландом — 250 лиг. Отсюда мы проплыли 12 лиг к северо-западу и открыли много других островов. Здесь мы бросили якорь 19 июня, вооружили свою пинассу, съехали на остров и увидели, что жители косят и убирают сено; они подходили к берегу и приветствовали нас. И в этом месте было бесчисленное количество островов; они называются Ростскими островами, состоят во владении датского короля и расположены на широте 66°30′. Из-за противного ветра мы оставались здесь 3 дня и наловили очень много самых разнообразных птиц, которых там было бесчисленное множество.

22-го подул попутный ветер; мы пошли от Ростских островов на с.-с.-в., держась в открытом море до 27-го. 27-го мы приблизились к берегу, который все время лежал к востоку от нас. Мы выслали пинассу искать хорошей гавани. Найдя несколько гаваней и очень хороших, мы ввели в одну из них наши суда. Она называлась Стэнфью (Stenfew), вся же страна состояла из островов, называвшихся Лофутскими, или Люфутскими. Их населяют многочисленные и приветливые обитатели, также подданные датского короля. Но мы не могли узнать, как далеко находятся эти острова от материка. Тут мы оставались до 30 июля, находясь на широте 68° и в 30 лигах к с.-с.-в. от вышеупомянутых Ростских островов.

30 июля около полудня, подняв якоря, мы вышли в море и поплыли вдоль этих островов к с.-с.-в., не теряя из виду земли, и плыли до 2 августа, когда мы вплотную подошли к побережью, чтобы узнать, что это за земля. С острова подошли к нам шлюпки; ответы жителей на наши многочисленные вопросы показали, что остров назывался Сийнэм; что он лежит на широте 70°, в 30 лигах от Стэнфью, и также принадлежит датскому королю, но что тут нет никаких товаров, за исключением сушеной рыбы и ворвани. Предполагая итти в Финмаркен, мы спросили говорившего, нельзя ли нам получить лоцмана, который повел бы нас туда. Он ответил, что если бы мы вошли в гавань, то у нас была бы хорошая стоянка, а на следующий день мы имели бы хорошего лоцмана.

который повел бы нас в Финмаркен и довел бы до Вардехуса (Wardehouse), самой сильной крепости в Финмаркене и, по слухам, очень посещаемой. Но когда мы собирались входить в гавань, защищенную со всех сторон высокими горами, налетели такие порывы ветра и вихри, что мы не могли этого сделать и были вынуждены снова выйти в открытое море, не успев поднять на борт нашей пинассы. Мы пошли к северо-востоку. Ветер был так силен, что нам нельзя было оставить парусов; мы убрали их и легли на дрейф в ожидании, пока утихнет шторм. В эту ночь, вследствие силы ветра и густого тумана, наши суда не могли держаться вместе в виду друг друга; кроме того, около полуночи мы потеряли свою пинассу, что было для нас большим неудобством. Как только рассвело и рассеялся туман, мы огляделись вокруг и, наконец, увидели одно из наших судов на подветренной стороне. Мы распустили часть парусов на фоке и направились к нему. Это оказалась «Конфиденция», но «Эдуарда» мы не видели. Так как ветер несколько ослабел, мы и «Конфиденция» подняли 4 августа паруса и пошли к северо-востоку с уклоном к северу, чтоб добраться до Вардехуса, как мы еще ранее условились, на случай если наши суда разъединятся. Пройдя в этом направлении 50 лиг, мы опустили зонд, показавший 160 сажен, из чего сделали вывод, что мы находимся далеко от берега; мы убедились также, что расположение берега не соответствовало данным глобуса. Вследствие этого 6 августа мы переменили курс и прошли в юго-восточном направлении, с уклоном к югу 48 лиг, думая отыскать Вардехус.

8 августа поднялся сильный ветер с в.-с.-в.; не зная, в каком направлении находится берег, мы убрали паруса и легли на дрейф. Лот показал, как и прежде, 160 сажен.

9-го ветер перешел на ю.-ю.-в., и мы прошли 25 лиг к северо-востоку.

10-го мы измеряли глубину, но дна не нашли; не видели мы и берегов; это повергло нас в удивление. Когда ветер подул с северо-востока, мы прошли 48 лиг к юго-востоку.

11-го при южном ветре промеры дали 40 сажен с чистым песком.

12-го при юго-восточном ветре мы прошли под парусами 30 лиг к востоку с уклоном к северу.

14-го рано утром мы увидели землю. Мы подошли к ней и спустили наш бот, чтобы посмотреть, что это была за земля. Но бот не мог подойти к берегу из-за мелководья и из-за большого количества льда. Однако на берегу не было видно никаких признаков жилья. Земля эта находится на широте 72° в 160 лигах к востоку с уклоном к северу от Сийнэма. После этого 15, 16 и 17 августа мы плыли к северу *.

* Англичане, не раз пытавшиеся вновь открыть эту землю (см. VI. Стифена Бэрроу, и VIII. Пэта и Джэкмэна), называли ее «Землею Уиллоуби». Вопрос об

18-го ветер перешел к северо-востоку. В трюме «Конфиденции» появилась вода, и она накренилась. Мы сочли за лучшее поискать гавани, чтобы привести «Конфиденцию» в порядок, и прошли 70 лиг в ю.-ю.-в. направлении.

21 августа зонд показал 10 сажен; новые промеры дали только 7 сажен. Море было все мельче и мельче, и все же не было видно берега, что вызывало в нас большое удивление. Чтоб избегнуть опасности, мы отошли в открытое море и шли всю ночь к северо-западу с уклоном к западу.

На следующий день лот показал 20 сажен. Мы переменили курс и шли к з.-ю.-з. до 23-го. Тут мы снова увидели низкий берег, к которому подошли как можно ближе, но он показался нам необитаемым. Мы поплыли в западном направлении вдоль этого берега, который тянется с ю.-ю.-з. на в.-с.-в., но из-за сильного западного ветра мы должны были выйти в открытое море на 30 лиг. Когда ветер сменился на северо-восточный, мы пошли к з.-с.-з., но после, когда он перешел в северо-западный, мы прошли около 14 лиг к з.-ю.-з. и, увидев берег, подошли к нему 28-го, плывя по мелководью до глубины в 3 сажени. Однако, убедясь, что здесь очень мелко и увидев сухие песчаные отмели, мы снова поплыли вдоль берега к северо-востоку, пока не дошли до выдающегося мыса. Берег поворачивал к западу, и мы прошли вдоль него 16 лиг в северо-западном направлении и вошли в отличную бухту. Тут мы спустили наш бот и съехали на берег. Место было необитаемо, но нам показалось по крестам и другим признакам, что люди бывали здесь. Отсюда мы снова продолжали путь к западу вдоль берега.

4 сентября мы потеряли берег из виду вследствие противного ветра, но 8-го увидели его снова. В течение двух следующих дней мы снова его не видели, но пройдя 30 лиг к западу с уклоном к югу, мы опять увидели землю и приближались к ней до ночи. Однако, увидев, что это подветренный берег, мы отошли в открытое море, ища простора.

12 сентября мы снова направились к берегу при слабом ветре и посредственной погоде. Подойдя к берегу почти к окончанию прилива, мы бросили якоря на глубине 30 сажен. 13-го мы шли вдоль берега, тянувшегося с северо-запада на юго-восток.

14-го мы стали на якоря в 2 лигах от берега на глубине 60 сажен. Мы съехали на берег на своем боте и нашли 2 или 3 хороших гавани; берега были скалисты и высоки, но никаких людей мы не видели.

этой земле занимал мореплавателей еще в XVIII в. В начале этого века англичанин Томас Идж доказывал, что Уиллоуби открыл Шпицберген. В настоящее время господствует мнение, что Уиллоуби видел Гусиный полуостров Новой Земли; это соответствует и сообщаемой Уиллоуби широте открытой им земли. В XIX в. Норденшельд выразил мнение, что виденная Уиллоуби земля была островом Колгуевым. Основанием для такого предположения было указание Уиллоуби на мелководье около виденного берега, что свойственно как раз Колгуеву.

15-го мы продолжали итти вдоль берега и шли до 17-го. В этот день, имея противный ветер, мы сочли за лучшее возвратиться в гавань, которую мы нашли перед тем. Поэтому мы пошли по направлению к ней, однако наше желание не могло исполниться в этот день. На следующий день, 18 сентября, мы вошли в эту гавань и бросили якоря на глубине 6 сажен. Гавань эта * вдается в материк приблизительно на 2 мили, а в ширину имеет полмили. В ней было много тюленей и других больших рыб, а на материке мы видели медведей, больших оленей и иных странных животных и птиц, как например, диких лебедей, чаек, а также других, неизвестных нам и возбуждавших наше удивление. Пробыв в этой гавани с неделю и видя, что время года позднее и что погода установилась плохая — с морозами, снегом и градом, как будто бы дело было в середине зимы, мы решили тут зимовать. Поэтому мы послали 3 человек на ю-ю-з. посмотреть, не найдут ли они людей; они проходили три дня, но людей не нашли; после этого мы послали еще 4 человек на запад, но и они вернулись, не найдя никаких людей. Тогда мы послали 3 человек в юго-восточном направлении, которые таким же порядком вернулись, не найдя ни людей, ни какого бы то ни было жилища **.

Две следующие заметки были записаны на обложке этой тетради или книжки

1) Действия сэра Х. Уиллоуби, после того как он отделился от «Эдуарда — Благое Предприятие».

2) «В то время как наши корабли стояли на якоре в гавани, называемой Стерфиер, на острове Лофот.

Река или гавань, в которой сэр Х. Уиллоуби и экипаж его двух судов погибли от холода, называется Арзина *** и находится в Лапландии неподалеку от Кигора. Однако из завещания, найденного на корабле ****, видно, что сэр Х. Уиллоуби и большая часть его спутников были живы еще в январе 1554 г.

* Позднейшая заметка: в этой гавани они умерли.

** Позднейшая заметка: здесь кончается записка сэра Х. Уиллоуби, писанная его собственной рукой.

*** «А от речки Сидорова ручья до устья речки Арзиной — 30 верст. А промеж Сидорова ручья и речки Арзиной становище корабельное, а на устье речки Арзиной — на море остров» (*Спасский*, Книга, глаголемая Большой Чертеж, М. 1846, стр. 163).

«Становище корабельное» и есть бухта, где погибли Уиллоуби и его спутники. Теперь река называется Варзина, а губа носит название Нокуевской губы, так же как и находящийся в ней остров. Нокуевская губа находится приблизительно в 75—80 *км* к северо-западу от Святого Носа.

**** Речь идет о завещании Гавриила Уиллоуби; см. примечание на стр. 38.

II

РИЧАРД ЧЕНСЛОР

1553—1554 гг.

1. Новое плавание и открытие царства Московии по северо-восточному пути в 1553 г., предпринятое рыцарем сэром Х. Уиллоуби и выполненное Ричардом Ченслором, старшим кормчим плавания. Написано на латинском языке Климентом Адамсом.

огда наши купцы заметили, что английские товары имеют мало спроса у народов и в странах вокруг нас и близ нас и что эти товары, которые иностранцы когда-то на памяти наших предков настойчиво разыскивали и желали иметь, теперь находятся в пренебрежении и цены на них упали, хотя мы их сами отвозим к воротам своих покупателей, а между тем иностранные товары дают большую прибыль и цены на них сильно поднимаются, некоторые почтенные граждане Лондона, люди большой мудрости и заботящиеся о благе своей родины, начали раздумывать между собой, как бы помочь этому тяжелому положению. Им казалось, что средство удовлетворить их желание и изжить все неудобства имеется налицо, ибо, видя, как удивительно растет богатство испанцев и португальцев, вследствие открытий новых стран и поисков новых торговых рынков, они предположили, что могут добиться того же самого, и задумали совершенно новое и необыкновенное морское путешествие. А так как в то самое время случилось, что в Лондоне находился некто Себастьян Кабота, муж в те времена знаменитый, то они начали с того, что прилежно советовались с ним и, после многих переговоров и совещаний, было в конце концов принято решение, что будут приготовлены и снаряжены три корабля для исследований и открытий в северных частях света, чтоб найти нашим людям путь и проход для путешествий в новые неизвестные государства.

Требовалось предусмотреть очень многое в этом тяжелом и трудном деле; поэтому они прежде всего избрали некоторых почтенных и мудрых людей и составили нечто вроде сената или общества, чтобы совместно обсудить, дать свои заключения и озаботиться заготовлением необходимых и полезных вещей на всякий случай. Общество сочло полезным,

чтобы публичным порядком была собрана некоторая сумма денег на снаряжение стольких кораблей. Чтобы не обременять каждое отдельное лицо слишком большими издержками, было решено, что каждый, кто желает быть членом общества, уплачивает долю в 25 фунтов; благодаря этому в короткое время была собрана сумма в шесть тысяч фунтов; были куплены три корабля, которые в значительной мере были вновь перестроены и отделаны. Я не знаю, чему в этом деле отдать предпочтение — заботливости ли купцов или прилежанию корабластроителей: купцы доставали крепкий, хорошо выдержанный строевой лес; кораблестроители же, работая изо дня в день с величайшим искусством, приготовили корабли к отправке. Они проконопатили и осмолили их и, благодаря искусному изобретению, сообщили им крепость и стойкость. Они узнали, что в некоторых местах в океане водятся черви, которые проникают в самый крепкий дуб и проедают его и, чтобы предохранить моряков и остальных участников путешествия от такой опасности, они покрыли часть киля тонким свинцовым листом. После того как корабли были отстроены и снабжены оружием и артиллерией, последовала новая забота, не менее настоятельная и трудная, чем первая, а именно — забота о съестных припасах, которые надо было иметь в количестве, соответствующем сроку и длине путешествия. Они заранее решили плыть в восточную часть света, но так как море в том направлении было закрыто и туда можно проникнуть только северным путем, а с другой стороны, было неясно, есть ли в той стороне проход или нет, они решили снабдить корабли запасами на 18 месяцев по такому расчету: мудро предвидя, что нашим людям придется плыть по ужасно холодным странам, они положили, что следует иметь припасов на шесть месяцев, чтобы доехать до места, столько же, чтобы оставаться на месте, если крайние зимние холода помешают их возвращению, и столько же на время обратного плавания.

Когда провиант был заготовлен и свезен на корабли вместе с вооружением и всякими другими припасами, потребовались достаточно хорошие капитаны и руководители этого огромного предприятия. Хотя очень многие (в числе их были и совсем неопытные люди) предлагали свои услуги, особенно настойчивое желание, чтобы ему были поручены заботы и руководство предприятием, выражал некий сэр Хью Уиллоуби, храбрый дворянин, знатного происхождения. Компания ставила его очень высоко в сравнении с другими, как вследствие его представительной наружности (он был высокого роста), так и его замечательного искусства в делах военных. Таким образом в конце концов они и постановили избрать его начальником плавания и назначили адмиралом с полной властью и с подчинением ему всех остальных лиц. Получить в управление другие корабли также желали очень многие и также предлагали услуги, но по общему согласию был избран некто Ричард Ченслор, человек пользовав-

ХЬЮ УИЛЛОУБИ

Со старинного английского портрета

шийся большим уважением за свой ум. С ним одним связывались наибольшие надежды на то, что предприятие будет выполнено. Он был выдвинут неким господином Генри Сиднеем, благородным молодым дворянином, очень близким к королю Эдуарду. Сидней, явившись в собрание купцов, произнес красноречивую речь, обратившись к ним со следующими словами:

«Мои достопочтенные друзья, я могу только приветствовать ваше настоящее угодное богу и добродетельное намерение начать это важное предприятие, объясняемое вашей особенной любовью к родине. Я надеюсь, что начатое дело принесет пользу нашему народу и почет нашей стране. И мы, дворяне, готовы в меру наших сил помогать и содействовать вашим намерениям, и нет ничего столь дорогого и ценного, чем бы мы не пожертвовали в столь почтенном деле. Что касается меня, то я особенно радуюсь тому, что я всегда держался мысли какими-нибудь средствами и в какой-нибудь мере помочь и содействовать вам в вашем достойном деле. Но я хотел бы, чтоб вы знали, что я расстаюсь с Ченслором вовсе не потому, что я невысоко ставлю его или потому, что его пребывание здесь было бы для меня тягостным, но для того чтобы вы могли усвоить себе и понять мою добрую волю и готовность содействовать успеху вашего дела и чтобы Ченслору был воздан почет, которого он заслуживает. Вы знаете этого человека со слов других, я — по опыту; вы по его словам, я — по его делам; вы — на основании речей в обществе, я же, ежедневно наблюдая его жизнь, знаю его в совершенстве. Вы должны помнить, на какие опасности он идет для вас и из любви к родине; поэтому необходимо, чтобы его не забыли, если богу будет угодно послать ему успех. Мы вверяем немного денег счастью и случайностям фортуны; он же вверяет жизнь, самое дорогое для человека, свирепому морю и случайностям многочисленных опасностей. Мы будем жить и отдыхать у себя дома, спокойно проводя время с друзьями и знакомыми, а он в то самое время будет нести тяжелый труд, поддерживая порядок и послушание среди невежественных смутьянов моряков. Какие заботы будут смущать и мучить его? Какие тревоги будут терзать его? Сколько беспокойств ему придется перенести? Мы останемся на наших берегах и в нашей стране; он будет искать необыкновенных и неведомых государств. Свою безопасность он будет вверять жестоким варварским народам и страшным, чудовищным морским зверям. Поэтому, приняв во внимание великие опасности и важность данного ему поручения, вы обязаны сочувствовать ему и любить человека, который теперь покидает вас, а если ему случится счастливо к нам вернуться, то ваше дело и ваш долг щедро наградить его».

Когда этот благородный молодой дворянин закончил свою речь или, вернее, приблизительно подобную приведенной, во всяком случае более красноречивую, нежели то, что я мог передать, присутствующие стали

смотреть друг на друга, спрашивать один другого и совещаться между собой. Те же, которые знали высокие качества Ченслора, радовались в душе и надеялись, что со временем он выкажет свои редкие качества и что его добродетели, уже ясно видимые и сиявшие миру, еще возрастут к великой чести и успехам английского королевства.

Когда вслед за этим общество успокоилось, то самым серьезным людям из числа присутствующих показалось необходимым расспросить, поискать и выяснить все, что можно было узнать о восточных странах света. Послали за двумя татарами, служившими в то время в королевских конюшнях, и позвали переводчика, через которого их расспрашивали о их странах и обычаях их народа. Но они не были в состоянии ответить ничего, касавшегося дела, будучи более привычны (как это и сказал весело и откровенно один из них) пьянствовать, чем изучать строй и наклонности народов. После большого шума и разных разговоров пришли, наконец, к решению назначить срок для отплытия судов, так как многие были того мнения, что значительная часть лучшего времени года уже упущена и что если срок отплытия будет еще отдален, то путь будет остановлен и прегражден силой льдов и холодного климата. В силу этого было единогласно решено, что если будет угодно богу, то 20 мая капитаны и матросы сядут на корабли и отплывут из Рэтклиффа с началом отлива. В назначенный день все, простившись с близкими, кто с женой, кто с детьми, кто с родственниками, кто с друзьями, более дорогими, чем родня, были на месте, готовые к отплытию. Подняв якоря, они двинулись с началом отлива и, идя тихим ходом, дошли до Гринича. Большие корабли вели на буксире лодки, шедшие на веслах, и моряки, все одетые в уэчет, т. е. небесно-голубые суконные одежды, сильно гребли, старательно направляя путь.

Когда они подошли к Гриничу, где в то время был королевский двор, и когда о приходе кораблей разнеслись первые вести, придворные выбежали из дворца и собрался простой люд, густой толпой стоявший на берегу. Члены тайного совета смотрели из окон дворца, остальные взобрались на верхушки башен. Тут корабли дали артиллерийский залп, выстрелив из всех орудий на военный и морской образец, так что в ответ зазвучали вершины холмов, а долины и вода отозвались эхом; моряки же так закричали, что небо зазвенело от шума. Кто стоял на корме и жестами прощался с друзьями, как умел, кто расхаживал над люками, кто карабкался на ванты, кто стоял на реях, кто на марсе. Коротко говоря, это было некоторым образом настоящее торжество для зрителей. Но увы! добрый король Эдуард, в честь которого это все было, главным образом, устроено, не присутствовал при этом зрелище вследствие болезни, а недолго спустя после отплытия этих судов последовало печальное и горестное событие — его кончина.

Но возвратимся к делу.

Идя вниз по реке с отливом, суда дошли до Улича, где остановились и бросили якоря, намереваясь итти дальше, как только состояние воды и более благоприятный ветер позволят поднять паруса. Отплыв затем, они дошли до Гарича; в этой гавани они стояли долго, не без большой потери и траты времени. Наконец, при попутном ветре они подняли паруса и вверили себя морю, послав последнее прости родине и не зная, возвратятся ли они когда-нибудь и увидят ли ее снова или нет. Многие из них оглядывались назад и не могли удержаться от слез, думая о том, какие случайности их ожидают и какие им придется испытать превратности моря.

В числе других, капитан судна «Эдуард — Благое Предприятие» был не мало озабочен боязнью недостатка в съестных припасах, часть которых в Гариче оказалась сгнившей и испорченной; бочки с вином также ослабели и текли. Его естественная отеческая привязанность также несколько тревожила его, потому что он оставил на родине двух маленьких сыновей, которые оказались бы сиротами, если бы он погиб. Заботило его и состояние экипажа, которое до некоторой степени было неудовлетворительно, а между тем этому экипажу суждено было переживать вместе с ним все хорошее и все дурное. Тем временем, пока мысли его были заняты многочисленными горестями и заботами, после многих дней плавания, они увидели вдалеке землю, куда кормчий и направил корабли. Подойдя к земле, они высадились и узнали, что это остров Рост. Здесь они простояли несколько дней, потом снова поплыли дальше и, подвигаясь к северу, увидели еще несколько островов, которые назывались Крестовыми островами *.

Когда они несколько отошли от этих мест, начальник экспедиции, сэр Х. Уиллоуби, человек очень предусмотрительный в своих действиях, поднял флаг, созывая начальствующих лиц с других кораблей, чтобы при их совете внести возможные улучшения в порядок управления судами и ведения их во время всего плавания. Съехавшись вместе, они, в соответствии с желанием начальника, порешили и согласились, что в случае, если когда-нибудь поднимется сильная буря и разбросает и рассеет их, каждый корабль будет всячески стараться дойти до Вардехуса, гавани и замка того же имени в Норвежском королевстве, и что те, которые благополучно придут туда раньше всех, остановятся там и будут ждать прихода остальных.

В тот же самый день около четырех часов пополудни поднялась такая сильная буря и море так разбушевалось, что корабли не могли держаться намеченного курса и силою волнения принуждены были итти ка-

* Вероятно, имеется в виду группа Лофотенских островов.

ждый своей дорогой к великой для себя опасности и навстречу всяким случайностям. Начальник громким голосом кричал Ричарду Ченслору и настойчиво просил его не отдаляться; но последний не хотел и не мог держаться поблизости, пока адмиральское судно продолжало итти так же быстро, потому что оно было лучшим парусником, нежели корабль Ченслора. Адмиральский корабль (я не знаю как это случилось) унесся на всех парусах с такой силой и быстротой, что вскоре исчез вовсе из виду, а третий корабль был также отнесен в сторону этой страшной бурей и потерял нас.

Корабельный бот адмиральского корабля опрокинулся на глазах моряков «Благого Предприятия». Те, которые вернулись на родину, с тех пор ничего не знают об остальных кораблях и о том, что сталось с ними.

Но если случилось так, что они погибли в несчастном крушении, если бешенство моря поглотило этих добрых людей или если они до сих пор живут и блуждают в неведомых краях, мой долг сказать, что они заслуживали лучшей судьбы. Если они живы, то пожелаем им благополучного и счастливого возвращения; если их постигла жестокая смерть, то пошли им бог христианское погребение и могилу.

Ричард Ченслор, оставшись один со своим кораблем и экипажем, тяжело призадумался и испытывал большое горе вследствие рассеяния флота. Согласно полученному ранее приказанию, он направил курс в Норвегию, в Вардехус, чтобы там дожидаться прихода других судов. Придя туда и безуспешно прождав их 7 дней, Ченслор решил, наконец, один продолжать начатое путешествие. Случилось так, что, приготовляясь к отъезду, он познакомился и разговорился с некими шотландцами. Последние, узнав о его намерении и желая ему добра, стали настойчиво отговаривать его от дальнейшего продолжения плавания, преувеличивая грозящие ему опасности и не упуская ни одного довода в пользу своего мнения. Однако, считая непостоянство и легкомыслие постыднейшим делом, заслуживающим самых сильных упреков, и будучи убежден, что отважный человек не может совершить более бесчестного поступка, как избегать и уклоняться от всяких дерзаний, Ченслор не изменил своего намерения и не пришел в уныние от слов и разговоров шотландцев. Он остался твердым и непреклонным в своем первом решении, твердо поставив задачей или привести в исполнение то, что было намечено, или умереть.

Что касается экипажа Ченслора, то хотя люди были очень огорчены потерей своих спутников, которых отделила от них вышеописанная буря, и немало смущены думами и размышлениями о своем ненадежном плавании, однако они были так единодушны во взглядах с капитаном Ченслором, что твердо решили под его управлением и начальством перенести все испытания без всякой боязни и недоверия к себе в грядущих опасностях.

Подобная твердость всего экипажа очень усилила заботливость их капитана. Их готовность и любовь к нему подняли его дух, и он стал менее опасаться подвергнуть опасности свой экипаж.

Коротко говоря, когда они увидели, что их надежды на приход остальных судов с каждым днем становятся все более и более тщетными, они вышли в море, и капитан Ченслор направил курс к неизвестным странам и зашел так далеко, что оказался в местах, где совсем не было ночи, но постоянно сиял ясный свет солнца над страшным и могучим морем *. После пользования непрерывным солнечным светом в течение нескольких дней богу угодно было привести их в большой залив длиной в сто миль или больше. Они вошли в него и бросили якорь, далеко зайдя вглубь. Оглядываясь вокруг и ища пути, они заметили вдалеке рыбачью лодку. Капитан Ченслор с несколькими людьми отправился к ней, чтоб завязать сношения с бывшими в ней рыбаками и узнать от них, какая здесь страна, какой народ и какой их образ жизни. Однако, рыбаки, пораженные странным видом и величиной его корабля (ибо здесь до того времени ничего подобного не видели), тотчас же обратились в бегство; он все же следовал за ними и, наконец, догнал их. Когда Ченслор подъехал к ним, рыбаки, помертвев от страха, пали перед ним ниц и собирались целовать его ноги. Но он, по своей всегдашней большой любезности, ласково посмотрел на них, ободряя их знаками и жестами, отказываясь от их знаков почтения, и с дружеской лаской поднимал их с земли. Даже странным кажется, как много сочувствия приобрел он в этих местах своим ласковым обращением! Отпущенные Ченслором рыбаки разнесли по всей округе весть о приезде неведомых людей чрезвычайно любезных и ласковых. Вслед за этим простые люди начали приезжать к кораблю. Они добровольно предлагали новоприезжим гостям съестные припасы и не отказались бы от торговых сношений, если бы не чувствовали себя связанными религиозно соблюдаемым обычаем не покупать иностранных товаров без ведома и согласия своего короля.

Тем временем наши люди узнали, что страна эта называлась Россией, или Московией, и что Иван Васильевич (таково было имя их тогдашнего короля) правил далеко простиравшимися вглубь землями. Русские варвары, в свою очередь, спрашивали у наших, откуда они и зачем они приехали, на что они получали ответ, что приехали англичане, посланные к этим берегам превосходнейшим королем Эдуардом шестым с приказанием сделать их королю сообщение о некоторых делах, что они ничего не ищут кроме его дружбы и возможности торговать с его подданными, отчего великая прибыль будет для подданных обоих королевств.

* Риторическое увлечение Адамса: огибая Нордкап, Ченслор находился в значительно более высоких широтах.

Варвары охотно слушали такие речи и обещали помочь и содействовать немедленному осведомлению своего короля о столь умеренной просьбе.

В то самое время капитан Ченслор обратился с просьбой к губернатору этих мест, который вместе с другими приезжал на корабль, чтоб тот позволил ему приобрести за деньги нужные для экипажа съестные припасы, и просил дать ему заложников для бо́льшей безопасности своей и экипажа. Губернатор ответил, что они не знают, какова будет в этом деле воля их короля, но что они охотно сделают ему угодное во всем, в чем они могут по закону распоряжаться сами, и разрешил доставку ему продовольствия.

Пока все это происходило, послали тайно гонца к царю, чтобы сообщить о прибытии иностранцев и вместе с тем чтобы узнать, как ему угодно поступить с ними. Царь принял известие очень благосклонно и по своему почину пригласил наших прибыть к его двору. Если же англичане не захотят ехать вследствие продолжительности пути, то царь дозволяет своим подданным вести сношения и торговать с ними. Далее он обещал, что если им угодно будет к нему приехать, то он возьмет на себя все издержки по переезду. Тем временем местные правители откладывали дело со дня на день, то говоря, что нужно единогласное решение всех их, то, что большие и важные государственные дела заставляют их отложить ответ. Все это они делали нарочно, чтоб протянуть время, пока гонец, посланный к королю, не вернулся с извещением его воли.

Однако капитан Ченслор, видя, что ему так долго приходится ждать понапрасну, и думая, что они все время откладывают дело, чтоб обмануть его, настаивал перед местными правителями на исполнении их обещания. В противном случае, сказал он, он уедет и будет продолжать свое путешествие. Поэтому московиты, хоть и не знали еще решения своего короля, но, боясь, что наши действительно уедут со всеми своими товарами, которые они так хотели получить, решили, наконец, снабдить наших всем необходимым и отвезти их сухим путем к королю. Так капитан Ченслор отправился в сухопутное путешествие, которое было очень длинным и тяжелым. Он пользовался санями, очень распространенными в этой стране; все там ездят на санях, и все их повозки такого вида; народ почти не знает других повозок вследствие чрезвычайной твердости земли, замерзающей зимой от холода. Последний в этой стране ужасен и достигает крайних размеров, о чем мы скажем кое-что ниже.

Уже когда они проехали бо́льшую часть пути, они встретили ехавшего на санях гонца, о котором я говорил выше и который был послан судьями и правителями. Тот по какому-то несчастному недоразумению сбился с дороги и ездил к морскому берегу, лежащему поблизости от страны татар, думая, что там найдет наш корабль. После долгих блужданий по неверным путям он выехал на прямую дорогу и здесь встретил

капитана на пути в Москву. Он передал ему грамоты царя, написанные со всею возможною вежливостью и благосклонностью. В них содержалось и прямое приказание, чтобы лошади для капитана и его спутников доставлялись бесплатно. Во всю остальную часть пути русские везли наших так охотно, что ссорились и дрались, споря между собой, кто заложит почтовых лошадей в сани. Так после многих хлопот и трудов, перенесенных во время длинного и тяжелого путешествия, ибо они проехали около тысячи пятисот миль, капитан Ченслор приехал, наконец, в Москву — главный город королевства и местопребывание короля *.

2. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны, написанная Ричардом Ченслором.

Ввиду того что всем, кто ставит себе целью путешествовать в далеких, чужеземных краях, приличествует и даже необходимо стараться не только узнать о порядках, товарах и плодородии этих стран, но и сообщать об этом во всеобщее сведение и тем побудить других к путешествиям, я счел ныне за благо составить короткий рассказ о ходе этого моего путешествия в Россию и Московию и в другие прилегающие к ней страны. А так как я имел случай попасть в северные области России прежде, чем проехать в Московию, я отчасти сообщу сведения и о них. Россия изобилует землей и людьми и очень богата теми товарами, которые в ней имеются. Русские — отличные ловцы семги и трески; у них много масла, называемого нами ворванью, которая большею частью изготовляется у реки, называемой Двиной. Они производят ее и в других местах, но не в таком количестве, как на Двине. Они ведут также крупную торговлю вываренной из воды солью. В северной части страны находятся места, где водится пушнина — соболя, куницы, молодые бобры, белые, черные и рыжие лисицы, выдры, горностаи и олени. Там добывают рыбий зуб; рыба эта называется морж. Ловцы ее живут в месте, называемом Пустозеро (Postesora), и привозят рыбий зуб на оленях в Лампожию (Lampas) на продажу, а из Лампожии везут в место, называемое Колмогоры (Colmogro), где бывает в Николин день большая ярмарка. К западу от Колмогор есть город Гратанове (Gratanove), по нашему Новгород **, где растет много хорошего льна и конопли, а также имеется очень воска и меда. У голландских купцов есть там склады. Там также очень много кож, равно как и в городе, называемом Псковом (Plesco); и во

* Дальнейший рассказ Адамса представляет собой риторическое и высокопарное повторение рассказа самого Ченслора, который и приводится здесь полностью.

** Откуда получилось такое искажение названия Новгорода — неясно; далее в подлиннике везде такое название повторится, в нашем тексте даем название Новгород.

Пскове много льна, конопли, воска и меда; город этот находится от Колмогор в 120 милях *.

Есть там город, называемый Вологда: тамошние товары — сало, воск и лен, но там их не так много, как в Новгороде. От Вологды в Колмогоры течет река называемая Двиной, которая за Колмогорами впадает в море. Колмогоры снабжают Новгород, Вологду и Москву и все окрестные области солью и соленой рыбой. От Вологды до Ярославля (Ieraslave) — 200 миль; это — очень большой город. Тамошние товары — кожа, сало и хлеб — в очень большом количестве и некоторое количество воска, но его не так много, как в других местах.

Москва (Mosco) находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным **. Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву; другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше, чем за тысячу миль; все их перевозки производятся на санях. Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу — так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных; в тех местностях количество хлеба невелико.

Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями. Но она построена очень грубо и стоит без всякого порядка. Все дома деревянные, что очень опасно в пожарном отношении. Есть в Москве прекрасный замок, высокие стены которого выстроены из кирпича. Говорят, что стены эти толщиною в 18 футов, но я не верю этому; они не кажутся такими. Впрочем, я не знаю этого наверно, так как ни один иностранец не допускается к их осмотру. По одну сторону замка проходит ров; по другую — река, называемая Москвой (Moscua), текущая в Татарию и в море, называемое Каспийским. С северной стороны расположен нижний город; он также окружен кирпичными стенами и таким образом примыкает к стенам замка ***. Царь (emperour) живет в замке, в котором есть 9 прекрасных церквей и при них духовен-

* Расстояние, явно преуменьшенное, на какие бы мили ни вести расчет.

** Очень интересно сопоставить цветущее состояние страны между Вологдой, Ярославлем и Москвой, отмечаемое Ченслором в 1553—1554 гг., до наступления экономического кризиса в центральных областях с их упадком в конце 1580-х годов, отмечаемым Флетчером.

*** Ченслор совершенно верно передает топографическое соотношение Кремля (замка) и Китай-города (город, населенный низшими слоями), кирпичные стены которого были построены в 1530-х годах.

ство. Там же живет митрополит с различными епископами. Я не буду описывать их зданий и сооружений и оценивать их крепости, потому что у нас в Англии замки лучше во всех отношениях. Впрочем, московские крепостные сооружения хорошо снабжены всевозможной артиллерией.

Дворец царя или великого князя как по постройке, так и по внешнему виду и по внутреннему устройству далеко не так роскошен, как те, которые я видел раньше. Это очень низкая постройка из камня, обтесанного гранями *, очень похожая во всех отношениях на старинные английские здания.

Теперь перехожу к рассказу о моем представлении царю. После того как прошло уже 12 дней с моего приезда, секретарь **, ведающий дела иностранцев, послал за мной и известил меня, что великому князю угодно, чтоб я явился к его величеству с грамотами короля, моего государя. Я был очень доволен этим и тщательно приготовился к приему. Когда великий князь занял свое место, толмач пришел за мною во внешние покои, где сидели сто или больше дворян, все в роскошном золотном платье; оттуда я прошел в зал совета, где сидел сам великий князь со своею знатью, которая составляла великолепную свиту. Они сидели вдоль стен комнаты на возвышении, но так, что сам великий князь сидел много выше их на позолоченном сидении в длинной одежде, отделанной листовым золотом, в царской короне на голове и с жезлом из золота и хрусталя в правой руке; другой рукой он опирался на ручку кресла. Канцлер *** и секретарь стояли перед великим князем. Когда я отдал поклон и подал свои грамоты, он обратился ко мне с приветствием и спросил меня о здоровье короля, моего государя. Я ответил, что при моем отъезде от его двора король находился в добром здоровьи и что я уверен, что он и теперь находится в таком же добром здоровьи. После этого царь пригласил меня к обеду. Мое приношение канцлер представил его милости с непокрытой головой (до того они все были в шапках). Когда его милость получил мои грамоты, мне предложили удалиться; мне было сказано, что я не могу сам обращаться к великому князю, а только отвечать ему, если он говорит со мной. Итак, я удалился в комнату секретаря, где оставался два часа. Затем снова пришли за мной и повели меня в другую палату,

* Вероятно, имеется в виду Грановитая палата.

** Ченслор прибыл к устью Двины 24 августа 1553 г., из Колмогор он выехал 3 ноября того же года. Его представление царю должно было происходить в январе 1554 г. «Секретарь, ведающий дела иностранцев» — вероятно, кто-нибудь из дьяков или старших подьячих посольского приказа.

*** Под «канцлером» следует, вероятно, разуметь думного дьяка посольского приказа Ивана Михайловича Висковатого, занимавшего эту должность до своей опалы и казни в 1570 г.

называемую «Золотой» *. Я не вижу, однако, причин, почему бы ей так называться, ибо я видел много гораздо лучших, чем эта. Итак, я вошел в залу, которая невелика и гораздо меньше зал английского королевского величества. Стол был накрыт скатертью; на конце его сидел маршал ** с небольшим белым жезлом в руке; стол был уставлен золотой посудой; на другой стороне залы стоял поставец с посудой. Отсюда я прошел в обеденную палату, где сам великий князь сидел не в торжественном наряде, в серебряном одеянии с царской короной на голове. Он сидел на кресле, поставленном довольно высоко; около него не сидел никто; все сидели в некотором отдалении. Длинные столы были накрыты вокруг комнаты; все они были заполнены теми, кого великий князь пригласил к обеду; все были в белом. Все места, где стояли столы, были на две ступени выше, чем пол остальной части палаты. Посередине палаты стоял стол, или поставец для посуды: он был полон золотых кубков, среди которых стояли четыре чудесных жбана, или кружки (crudences), как их здесь называют. Я думаю, что они были высотой в добрые полтора ярда. У поставца стояли два дворянина с салфетками на плечах; каждый из них держал в руках золотую чашу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями: это были личные чаши великого князя; когда у него являлось желание, он выпивал их одним духом. Что касается яств, подаваемых великому князю, то они подавались без всякого порядка, но сервировка была очень богата: все подавалось на золоте не только ему самому, но и всем нам, и блюда были массивные; кубки также были золотые и очень массивные. Число обедавших в этот день было около 200, и всем подавали на золотой посуде. Прислуживавшие дворяне были все в золотых платьях и служили царю в шапках на голове. Прежде чем были поданы яства, великий князь послал каждому большой ломоть хлеба, причем разносивший называл каждого, кому посылалось, громко по имени и говорил: «Иван Васильевич царь Русский и великий князь Московский жалует тебя хлебом». При этом все должны были вставать и стоять пока произносились эти слова. После всех он дал хлеб маршалу; тот ест его перед его великокняжеской милостию, кланяется и уходит. Тогда вносят царское угощение из лебедей, нарезанных кусками; каждый лебедь — на отдельном блюде. Великий князь рассылает их так же, как хлеб, и подающий говорит те же слова, как и раньше. Как я уже сказал, кушанья подаются без определенного порядка, но блюдо за блюдом. Затем великий князь

* Ченслор в этом месте говорит, что его повели в другой дворец (palace), но судя по дальнейшему описанию, дело, вероятно, идет не об отдельном дворце, а именно о так называемой «Золотой палате» царского дворца.

** Трудно точно определить, кого Ченслор называет маршалом. Боярином и дворецким был в то время боярин Даниил Романович Юрьев-Захарьин, старший брат царицы Анастасии Романовны.

рассылает напитки с теми же словами, какие сказаны выше. Перед обедом великий князь переменил корону, а во время обеда менял короны еще два раза, так что в один день я видел три разные короны на его голове. Когда все кушанья были поданы, он своей рукой дал еду и напитки каждому из прислуживавших дворян. Его цель, как я слышал, состоит в том, чтоб каждый хорошо знал своих слуг. По окончании обеда он призывает своих дворян одного за другим, называя их по имени, так что удивительно слушать, как он может называть их, когда их у него так много. Итак, когда обед кончился, я отправился к себе; это было в час ночи.

Теперь я оставлю этот предмет. Я не буду больше говорить ни о царе, ни о его придворном обиходе, но я сообщу кое-что о его стране и народе и о свойствах и могуществе русских в военных делах. Этот князь — повелитель и царь над многими странами, и его могущество изумительно велико. Он в состоянии выставить в поле 200 или 300 тысяч человек, и если он идет сам походом, то оставляет на всех границах своего государства немалое число воинов. На границах Лифляндии он оставляет 40 тысяч, на границе Литвы — 60 тысяч, а против Ногайских татар также 60 тысяч, что даже удивительно слышать. Однако он никогда не берет на войну ни крестьян, ни купцов. Все его воины — конные. Пехотинцев он не употребляет, кроме тех, которые служат в артиллерии, и рабочих; число их составляет 30 тысяч. Всадники — все стрелки из лука, и луки их подобны турецким; и, как и турки, они ездят на коротких стременах. Вооружение их состоит из металлической кольчуги и шлема на голове. У некоторых кольчуги покрыты бархатом или золотой парчей; они стремятся иметь роскошную одежду на войне, особенно знать и дворяне. Я слышал, что убранство их стоит очень дорого; я отчасти имел случай сам в этом убедиться, иначе трудно было бы поверить. Сам великий князь снаряжается свыше всякой меры богато; его шатер покрыт золотой или серебряной парчей и так украшен каменьями, что удивительно смотреть. Я видал шатры королевского величества Англии и французского короля, которые великолепны, но все же не так, как шатер московского великого князя. А когда русских посылают в далекие чужеземные страны или иностранцы приезжают к ним, то они выказывают большую пышность. В других случаях сам великий князь одевается очень посредственно, а когда он не разъезжает с одного места на другое, он одевается немного лучше обыкновенного. В то время когда я был в Москве, великий князь отправил двух послов к королю Польскому по крайней мере при 500 всадниках; они были одеты и снаряжены с пышностью свыше всякой меры — не только на них самих, но и на их конях были бархат, золотая и серебряная парча, усыпанные жемчугом и притом не в малом числе. Что мне еще сказать? Я никогда не слыхал и не видел столь пышно убранных людей. Но это не их повседневная одежда; как я уже сказал выше, когда у них

нет повода одеваться роскошно, весь их обиход в лучшем случае посредственный.

Теперь — о их ведении войны; на поле битвы они действуют без всякого строя. Они с криком бегают кругом и почти никогда не дают сражений своим врагам, но действуют только украдкой. Но я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около него. Так поступает большинство воинов великого князя за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест зеленые ветки и т. п., стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо. Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц. Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми и животными. Что могло бы выйти из этих людей, если бы они упражнялись и были обучены строю и искусству цивилизованных войн. Если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним, принимая во внимание степень его власти, выносливость его народа, скромный образ жизни как людей, так и коней и малые расходы, которые причиняют ему войны, ибо он не платит жалования никому, кроме иностранцев. Последние имеют ежегодное жалованье, но небольшое. Подданные великого князя служат каждый на свой собственный счет; только своим стрельцам он дает некоторое жалованье на порох и снаряды. Кроме них никто во всей стране не получает ни одного пенни жалованья. Однако если человек имеет большие заслуги, то великий князь дает ему ферму или участок земли *; за что получивший обязан быть готовым к походу с таким количеством людей, какое назначает князь; он же должен соображать в своем уме, что может дать этот участок и соответственно этому он обязан поставлять, что положено, когда во владениях великого князя ведутся войны. В этой стране нет ни одного земельного собственника,

* Т. е. поместье, которое Ченслор и имеет в виду в дальнейшем изложении.

который не был бы обязан, если великий князь потребует, поставить солдата и работника со всем необходимым.

Точно так же, если какой-нибудь дворянин или земельный собственник умирает без мужского потомства, то великий князь, немедленно после его смерти отбирает его землю, невзирая ни на какое количество дочерей, и может отдать ее другому человеку, кроме небольшого участка, чтобы с ним выдать замуж дочерей умершего. Точно так же, если зажиточный человек, фермер или собственник *, состарится или несчастным образом получит увечье и лишится возможности нести службу великого князя, то другой дворянин, нуждающийся в средствах к жизни, но более годный к службе, идет к великому князю с жалобой, говоря: у вашей милости есть слуга, неспособный нести службу вашего высочества, но имеющий большие средства; с другой стороны, у вашей милости есть много бедных и неимущих дворян, а мы, нуждающиеся, способны хорошо служить. Ваша милость пусть посмотрит на этого человека и заставит его помочь нуждающимся. Великий князь немедленно посылает расследовать об имении состарившегося. Если расследование подтвердит жалобу, то его призывают к великому князю и говорят ему: «друг, у тебя много имения, а в государеву службу ты негоден; меньшая часть останется тебе, а бо̀льшая часть твоего имения обеспечит других, более годных к службе». После этого у него немедленно отбирают имение, кроме маленькой части на прожиток ему и его жене. Он даже не может пожаловаться на это, он ответит, что у него нет ничего своего, но все его имение принадлежит богу и государевой милости; он не может сказать, как простые люди в Англии, если у нас что-нибудь есть, что оно — «бога и мое собственное». Можно сказать, что русские люди находятся в великом страхе и повиновении и каждый должен добровольно отдать свое имение, которое он собирал по клочкам и нацарапывал всю жизнь, и отдавать его на произволение и распоряжение государя. О, если бы наши смелые бунтовщики были бы в таком же подчинении и знали бы свой долг к своим государям! Русские не могут говорить, как некоторые ленивцы в Англии: «Я найду королеве человека, который будет служить ей за меня», или помогать друзьям оставаться дома, если конечное решение зависит от денег. Нет, нет, не так обстоит дело в этой стране; они униженно просят, чтоб им позволили служить великому князю, и кого князь чаще других посылает на войну, тот считает себя в наибольшей милости у государя; и все же, как я сказал выше, князь не платит никому жалования. Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними, а их

* Т. е. вотчинник. У Ченслора очень верное понимание принципа поместного владения, но он как будто склонен служебную вотчину слишком тесно сближать с поместьем.

соседи не имели бы покоя от них. Но я думаю, что не такова божья воля: я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собою и вести себя на уздечке, несмотря на всю свою великую силу; а ведь если бы этот конь сознавал ее, то с ним не справился бы ни ребенок, ни взрослый человек. Войны русские ведут с крымскими татарами и с ногайцами.

Я не буду продолжать дальше рассказа о их могуществе и их войнах; это было бы слишком скучно читателю, но я вкратце расскажу о их законах, наказаниях и судебном производстве. Я начну прежде всего с сельского населения, власть над которым принадлежит дворянам; дело в том, что каждый дворянин имеет право суда над своими крестьянами (tenants) *. И если случается, что холопы (servants) или крестьяне двух различных дворян затеют ссору, то оба дворянина, призвав обе стороны, рассматривают дело и постановляют решение. Но если они не могут окончательно разрешить дело между собою, то оба дворянина должны привести своего холопа или крестьянина и поставить его перед высшим судьей или судом данной области и объяснить сущность дела. Истец говорит: я требую правосудия; его просьба исполняется: приходит пристав (an officer) и арестует ответчика, поступая с ним совершенно противно английским законам. Задержанных людей у них бьют по ногам, пока они не представят поручительства по своему делу. Если же он этого не сделает, то ему привертывают руки к шее, водят по городу и бьют по ногам, налагая и другие крайние наказания, пока не приведут к судье. Судья спрашивает, если дело идет о долге: «повинен ли ты уплатить этому человеку такой-то долг?» Он может быть скажет: «нет». Тогда судья говорит: «можешь ли ты доказать, что ты не должен; послушаем, как ты это сделаешь». «Присягой», говорит ответчик. Тогда судья приказывает прекратить бить его до дальнейшего разбирательства дела.

В одном отношении русское судопроизводство достойно одобрения. У них нет специалистов-законников, которые бы вели дело в судах. Каждый сам ведет свое дело и свои жалобы и ответы подает в письменной форме, в противоположность английским порядкам. Жалоба подается в форме челобитной на имя великокняжеской милости, она подается в его собственные руки и содержит просьбу о правосудии, сообразно тому, как изложено в жалобе.

Великий князь постановляет решения по всем вопросам права. Конечно, достойно похвалы, что такой государь берет на себя труд отправления правосудия. Несмотря на это происходят удивительные злоупотребления и великого князя много обманывают. Но если окажется, что

* Называя крестьян английским термином tenants, Ченслор, видимо, сближает их с английскими арендаторами земельных участков.

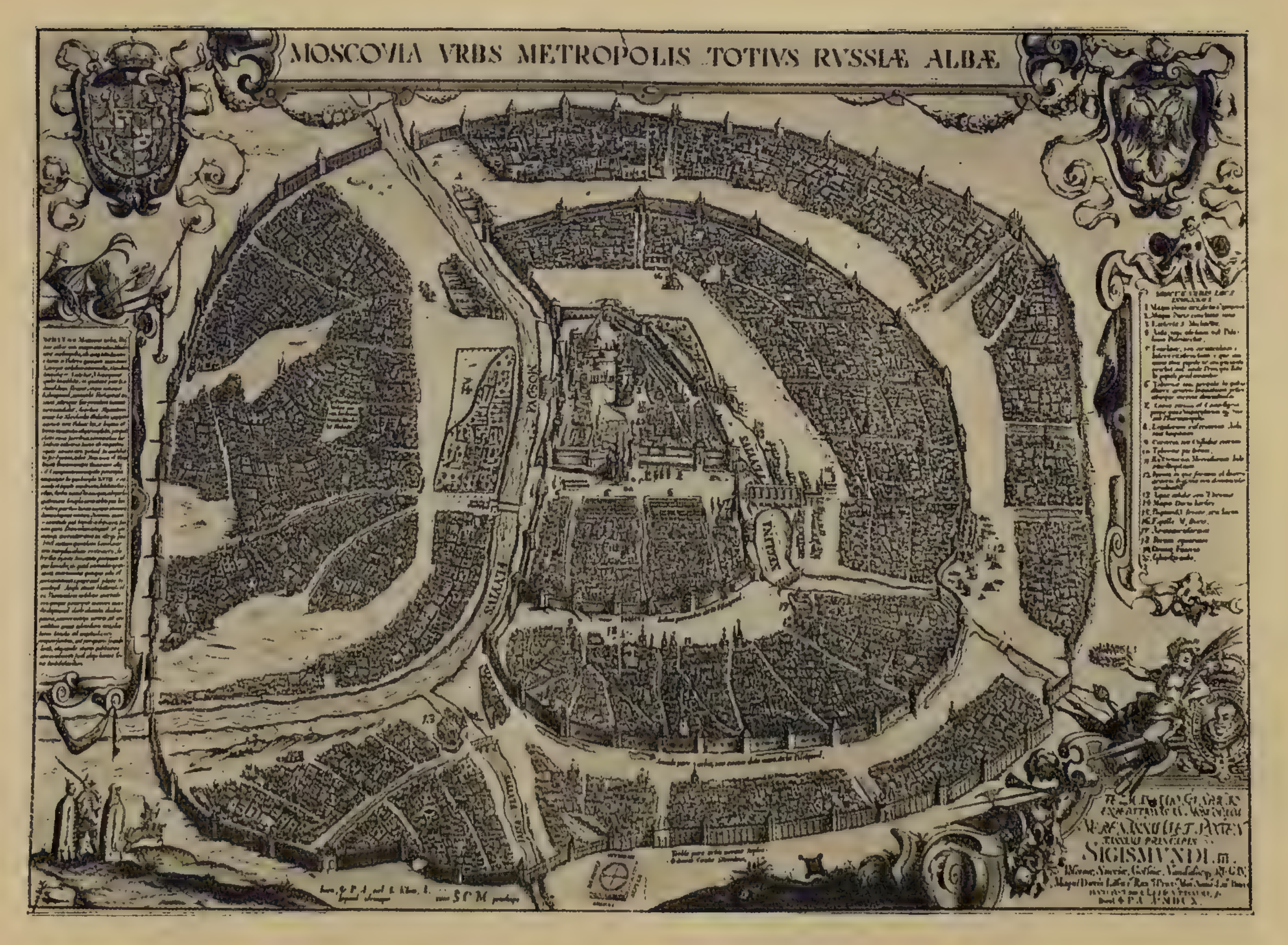
должностные лица скрывают истину, то они получают заслуженное наказание. Если же истец не может доказать ничего, то ответчик целует крест в том, что он прав. Тогда спрашивают истца, не может ли он представить какие-либо иные доказательства. Если нет, то он может иногда сказать: «я могу доказать свою правоту своим телом и руками или телом моего бойца», и таким образом просит поля. После того, как противная сторона принесет присягу, поле дается и той и другой; перед тем, как стать на поле, оба целуют крест, что они правы и что каждый заставит другого признать истину, прежде чем они уйдут с поля. Итак, оба выходят в поле с оружием, обычно употребляемым в этой стране. Они всегда сражаются пешими. Сами стороны бьются редко, если только они не из дворян. Последние очень стоят за свою честь и желают сражаться только с лицами, происходящими из столь же благородного дома, как они сами. Итак, если одна из сторон требует поля, то оно дается им, причем запрещается ставить вместо себя наемного бойца, благодаря чему дело обходится без обмана. Иначе обстоит дело, когда бьются наемные бойцы. Хотя они дают великие клятвы, что будут биться честно и по правилам, но часто наблюдается противоположное, потому что обычно наемные бойцы не имеют других средств существования. Как только одна сторона одержит победу, она требует уплаты долга, ответчика же отправляют в тюрьму, где подвергают его самому позорному обращению, пока он не примет своих мер. Есть и другой порядок суда: истец в некоторых тяжбах о долге сам принимает присягу. Если ответчик беден, его подводят под распятие, а истец клянется над его головой. Когда присяга принесена, великий князь берет ответчика в свое дворцовое хозяйство и обходится с ним, как со своим холопом, заставляет его работать или отдает его в наем каждому желающему до тех пор, пока его друзья не позаботятся о его выкупе: иначе он остается в холопстве до конца жизни. С другой стороны, есть много таких, которые сами продают себя дворянам и купцам в холопство, чтоб всю жизнь получать за это пищу, питье и платье, а при продаже они получают также деньги. А некоторые так даже продают своих жен и детей в наложницы и слуги покупателю.

Русские законы о преступниках и ворах противоположны английским законам. По их законам они не могут повесить человека за первое преступление, но они могут долго держать его в тюрьме, часто бить его плетьми и налагать на него другие наказания; и он будет сидеть в тюрьме, пока его друзья не возьмут его на поруки. Если это вор или мошенник, каких здесь очень много, то если он попадется во второй раз, ему отрезают кусок носа, выжигают клеймо на лбу и держат в тюрьме, пока он не найдет поручителей в своем добром поведении. А если его поймают в третий раз, то его вешают. Но и в первый раз его наказывают жестоко и не выпускают, разве только у него найдутся добрые друзья

или какой-нибудь дворянин пожелает взять его с собой на войну, но при этом последний принимает на себя большие обязательства: этими-то средствами и поддерживается в стране достаточное спокойствие. Русские по природе очень склонны к обману; сдерживают их только сильные побои. Точно так же от природы они привыкают к суровой жизни, как в отношении пищи, так и в отношении жилья. Я слышал, как один русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на воле, если бы только не подвергаться сильным побоям. Там они получают пищу и питье без всякой работы, да еще пользуются благотворительностью добрых людей, а на свободе они не зарабатывают ничего. Бедняков здесь неисчислимое количество, и живут они самым жалким образом. Я видел, как они едят селедочный рассол и всякую вонючую рыбу. Да и нет такой вонючей и тухлой рыбы, которую бы они не ели и не похваливали, говоря, что она гораздо здоровее, чем всякая другая рыба и свежее мясо. По моему мнению, нет другого народа под солнцем, который вел бы такую суровую жизнь.

Однако я оставляю теперь этот предмет и частично опишу их религию. Русские соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких и не слыхано. В их церквах нет высеченных изображений, но только писанные, дабы не нарушать заповеди *; но к своим писанным иконам они относятся с таким идолопоклонством, о каком в Англии и не слыхали. Они не поклоняются и не почитают никакой иконы, сделанной не в их стране. По их словам, начертания и образы их икон установлены от бога, не как у нас. Они говорят, что мы, англичане, чтим иконы в том виде, как сделает их живописец или ваятель, а они, русские, почитают иконы, только когда они освящены. Они считают нас только полухристианами, потому что мы, подобно туркам, не соблюдаем всего ветхого завета. Поэтому они считают себя святее нас. Они учатся только своему родному языку и не терпят никакого другого в своей стране и в своем обществе. Вся их церковная служба происходит на родном языке. Они почитают ветхий и новый завет, которые ежедневно читаются, но суеверие от этого не уменьшается. Ибо, когда священники читают, то в чтении их столько странностей, что их никто не понимает; да никто их и не слушает. Все время, пока священник читает, народ сидит и люди болтают друг с другом. Но когда священник совершает службу, никто не сидит, но все гогочут и кланяются, как стадо гусей. В знании молитв они мало искусны, но обычно говорят: «As bodi pomele», что значит «господи, помилуй меня», и десятая часть населения не сумеет прочесть «отче наш»; что касается «вéрую», то в это дело никто и впутываться не будет вне церкви, ибо они говорят, что об этой молитве можно даже и говорить

* Заповедь: «Не сотвори себе кумира...»

ПЛАН МОСКВЫ («СИГИЗМУНДОВ»), СОСТАВЛЕННЫЙ ОКОЛО 1610 г.

только в церкви. Заговорите с русскими о заповедях, они скажут, что они были даны Моисею в законе, который был отменен достойными почитания страданиями и смертью Христа; а потому мы (говорят русские) соблюдаем их плохо или вовсе не соблюдаем. И в этом я им верю, ибо если их начать испытывать одновременно во всем их церковном законе и в заповедях, то согласия было бы немного. Таинство причащения совершается у них под обоими видами и с большей торжественностью, чем у нас. Они выносят дары в чаше под обоими видами сразу и носят их по всей церкви на голове священника и так действуют каждый раз, как это потребуется. Они ставят большое количество свечей и часто жертвуют деньги, которые мы в Англии называем «деньгами по душе» (soule pence), и все с такими церемониями, что я их пересказать не могу. У русских четыре поста в году; из них наш пост считается важнейшим. Но мы начинаем его со среды, а они — с понедельника перед тем. Предыдущую неделю они называют «масляной» (Butterweek), и в эту неделю они не едят ничего, кроме молока и масла. Однако я думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства. Следующий пост называется Петровским; он всегда начинается в понедельник, следующий после Троицына дня, и заканчивается накануне Петрова дня. Русские убеждены, что если нарушить этот пост, то не пройдешь через небесные ворота. Когда кто-нибудь из них умирает, то в гроб ему кладут свидетельство, которое душа, подойдя к воротам рая, могла бы предъявить св. Петру, который тогда объявляет, что это верный и святой русский человек. Третий пост начинается за 15 дней до Успенья и кончается накануне его. Четвертый пост начинается в день св. Мартина и кончается накануне Рождества. В этот пост постятся в честь св. Филиппа, св. Петра, св. Николая и св. Климента. Эти четверо — главные и величайшие святые этой страны. Во время своих постов русские не едят ни масла, ни яиц, ни молока, ни сыра, но, строго соблюдая посты, питаются рыбой, капустой и кореньями. Кроме постов они круглый год свято соблюдают среды и пятницы, а по субботам едят мясо. Далее, у русских очень много духовных лиц: это — черные монахи, которые весь год не едят мяса, а только рыбу, молоко и масло. По их правилам они не должны есть свежей рыбы, а во время постов едят только молодую капусту, капусту кочанную, огурцы и другие коренья, вроде репы и т. п. Их напиток похож на наш пенсовый эль и называется «квас» (quass). В монастырских церквах служат ежедневно; идут монахи к службе за два часа до рассвета, а кончается она при дневном свете. В 9 часов идут к обедне, по окончании ее — обед; после этого опять служба и наконец ужин. Вы поймете, что за обедом и ужином каждый день объясняется евангелие на данный день, но как они коверкают и путают евангелие с другими частями св. писания — это, по слухам, удивительно. Что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного, да и по

вымогательствам это самые отвратительные люди под солнцем. Судите теперь о их святости. У них вдвое больше земли, чем у самого великого князя, но по отношению к ним он действует умеренно. Когда они обирают простых людей и бедняков, он получает часть. Когда настоятель (abbot) какого-нибудь монастыря умирает, великий князь наследует все его движимое и недвижимое имущество, так что его преемнику приходится выкупать его у великого князя; вследствие этого монахи — лучшие арендаторы князя. Здесь я кончаю о их религии, надеясь потом узнать ее лучше.

Весьма достопочтенному и моему единственному дяде

Господину Кристофору Фротсингэму отдайте это.

Сэр, прочтите и будьте корректором, ибо велики дефекты.

III

АНТОНИЙ ДЖЕНКИНСОН. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛОНДОНА В МОСКВУ

1557—1558 гг.

1. Названия стран, по которым я, Антоний Дженкинсон, путешествовал от 2 октября 1546 г., когда я совершил свое первое путешествие за пределы Англии, до лета господня 1572, когда я в последний раз возвратился из России.

режде всего я отправился во Фландрию и проехал все Нидерланды, а оттуда, через Германию, переехал Альпы и путешествовал по Италии. Из Италии я проехал через Пьемонт во Францию и все это королевство проехал насквозь. Я также путешествовал по королевствам Испании и Португалии, объехал по всем направлениям Левантское (Средиземное) море и побывал на всех главных островах этого моря — на Родосе, Мальте, Сицилии, Кипре, Кандии и на многих других.

Я был в различных местностях Греции — в Морее, Ахайе и там, где стоял древний город Коринф.

Я объехал бо̀льшую часть Турции, Сирии и разных других стран в Малой Азии.

Я совершил переход через Ливан в Дамаск и проехал через Самарию, Галилею, Филистину, или Палестину, до Иерусалима и объехал всю святую землю.

Я побывал в различных местностях в Африке, как Алжир, Кола, Бона, Триполи, и в узком проливе, ведущем в Тунисский залив.

Я ездил морем далеко на север в Ледовитое море, где десять недель подряд у нас был непрерывный день и мы видели солнце: это было путешествие в Норвегию, Лапландию, Самогитию и в другие изумительные страны.

Я проехал сквозь все обширные владения царя России и Московии, которые простираются от Северного моря и границ Норвегии и Лапландии до самого Каспийского моря.

*

Я был в разных странах, лежащих поблизости от Каспийского моря, языческих и магометанских, — в Казани, Крыму, в Рязани, у черемисов, у мордвы, у вятчан *, у нагайцев и у других народов с необыкновенными обычаями и верованиями.

Я проехал на корабле через Каспийское море и открыл примыкающие к нему страны черкесов, комул (Comul) **, шаскал (shascal), ширван и многих других.

Я совершил сорокадневное путешествие за Каспийское море по направлению к восточной Индии и Китаю (Cathaia) через разные пустыни и дикие места, я проехал пять татарских королевств, всю землю Туркменов и Джагатаев (Zagatay) до великого города Бухары в Бактрии, подвергаясь не раз большим страхам и опасностям.

После всего этого, в 1562 г., я снова переехал Каспийское море в другом направлении и высадился в Армении, в городе, называемом Дербент, построенном Александром Великим, и оттуда проехал через Мидию, Парфию и Гирканию в Персию ко двору великого Суфия *** по имени шаха Тахмаспа, которому представил письма королевского величества. Я пробыл при его дворе 8 месяцев и, возвращаясь домой, проехал через разные другие страны. Наконец, после этого я совершил еще два путешествия из Англии в Россию — одно в 1566 г., а другое в 1571 г.

И вот, устав и состарившись, я рад отдохнуть в моем собственном доме. Я утешаю себя больше всего тем, что служба моя была с честью принята и вознаграждена ее величеством и всеми остальными, которые пользовались моими услугами.

* У Дженкинсона стоит «Vachin»; это название он дал всему левому берегу Волги до устья Камы в своем путешествии в Средней Азии (см. отд. IX и карту, составленную Дженкинсоном). Наиболее вероятно, что за этим названием скрывается обширный Вятский край, о котором Дженкинсон должен был слышать, и считал, что, едучи по Волге, проезжал через него.

** Комул — вероятно, кумыки.

*** Почти все англичане называют персидского шаха «великим Суфием». Суфии — религиозная шиитская секта аскетического направления. В 1499 г. шейх, т. е. глава суфиев гор. Ардебиля, захватил власть над Западным Ираном и провозгласил себя шахом. Это был Измаил, основатель новой династии шахов суфиев, или сефевидов, правившей до 1722 г. Таким образом шейх суфиев, или «великий Суфий», сделался шахом. Этим и объясняется замена последнего титула первым в устах англичан, не слишком хорошо разбиравшихся в персидских делах. Измаил правил до своей смерти в 1524 г. Его преемником был шах Тахмасп (1524—1576 гг.), при котором появился в Иране Дженкинсон.

*2. Инструкции, данные шкиперам и матросам флота, отправляющегося в нынешнем, 1557 году в бухту св. Николая * в России, и подлежащие соблюдению во время рейса туда и обратно, при возвращении флота, по милости божией, в Лондонскую гавань, законное место его разгрузки, как обозначено в нижеследующих статьях:*

1. Соглашаются между собой хозяева и собственники, шкипера и матросы 4 кораблей под названием «Примроз» **, «Иоанн евангелист», «Анна» и «Троица», а также наместник (lieutenant), консулы, ассистенты и компания купцов-предпринимателей, что означенные четыре судна в добром порядке и под добрым водительством выйдут и будут плыть вместе, в сборе, сохраняя взаимное общение, ненарушимо соблюдаемое, не разъединяясь, но всегда оставаясь в виду одно другого, насколько это единение может быть поддерживаемо в зависимости от ветра и погоды.

2. Постановлено, что добрый корабль, называемый «Примроз», будет адмиральским судном флота, что дворянин Антоний Дженкинсон будет его капитаном и что остальные 3 судна будут всегда следовать за ним во всех его курсах и что никакая перемена курса или поднятие якорей особенно в гаванях не будет производиться без совета, согласия и разрешения названного капитана, шкипера, его помощника и двух других должностных лиц вышесказанного корабля или, по крайней мере, трех из этих лиц.

3. Означенный Антоний есть и впредь будет считаться старшим капитаном настоящего флота со всеми правами, преимуществами, привилегиями и предпочтениями, какие по морским обычаям предоставляются капитану во время исполнения им его обязанностей.

4. Устанавливается также, что, если одно или более из указанных судов исчезнет из вида адмиральского корабля, находясь впереди или сзади его, остальные суда опустят паруса с таким расчетом, чтоб они могли сблизиться и встретиться вместе в наилучшем возможном порядке, для того чтобы сохранять единство точно и всегда.

5. Постановляется, что если корабли потеряют связь вследствие тумана или темноты, так что одно не будет видеть другое, адмиральское судно будет производить шум барабанами, трубами, рожками, огнестрельным оружием и иными средствами, дабы суда могли подойти одно к другому настолько близко, насколько это позволяют порядок и безопасность.

* Со времени прибытия Ченслора к устью Двины, где находился Николо-Корельский монастырь, Двинская губа, а затем все Белое море, получило название «бухты св. Николая».

** Primrose — белая буквица, название цветка.

6. Подлежит соблюдению правило, по которому (ежедневно) один раз в день остальные 3 судна посылают своих представителей на борт адмиральского корабля для обсуждения и решения дел, касающихся обеспечения плавания и его преуспеяния.

7. Необходимо ежедневно делать заметки и записи о плавании и запечатлевать их в памяти, а молодых матросов и учеников обучать соблюдению морских обычаев.

8. Установлено, что капитан будет иметь высшее руководство над учениками. И не только ученики, но все другие моряки будут повиноваться ему согласно чувству долга и разуму.

9. Запрещается лить пиво, суп или иную жидкость на баласт или в ином месте корабля, дабы через это не возникли неудобство, вонь и дурной запах на корабле, ведя к заразе и нанося вред экипажу.

10. Капитан по своему усмотрению командирует от времени до времени мастеровых, служащих-англичан и учеников с «Примроза» на то или иное из остальных 3 судов и взамен их будет брать на «Примроз» того ученика, которого он найдет нужным и наиболее полезным для компании.

11. Особое внимание должно быть обращено на артиллерийские помещения и кухни для устранения и избежания опасности от взрыва пороха и пожара.

12. Особая забота должна быть обращена на груз корабля как при плавании, так и во время стоянок в гаванях и особенно при погрузке и разгрузке корабля, чтоб нигде не было недогрузки или перегрузки; торговые книги должны часто проверяться и согласоваться во избежание могущих последовать потерь.

13. С особой осторожностью следует смотреть, чтобы в Вардехусе не произошло измены, нападения или опасности, чтоб какой-либо вред не был нанесен нашим кораблям какими-нибудь королями, государями или компаниями, которым не нравится наша новооткрытая торговля с Россией и которые хотят помешать и препятствовать ей. Об этом было сказано немало хвастливых слов, и это требует еще большей осмотрительности и внимания.

14. Если ветер и погода будут благоприятны, то лучше объехать мимо Вардехуса, чем входить в него и бросать там якорь, так как можно ожидать какой-либо хитрости или опасности, могущих угрожать нашим товарам и кораблям, как это указано выше.

15. Сочтено полезным, чтобы Ричард Джонсон, бывший слуга г. Ченслора, был отправлен домой при следующем обратном плавании, чтобы осведомить компанию о состоянии страны и других делах, о которых его могут спросить для нашего лучшего осведомления и разрешения таможних вопросов, возбуждающих сомнения, и чтобы он получил место капитана на тех же условиях, на каких г. Дженкинсон имеет его по настоя-

щим инструкциям. Если же Джонсон не может или не хочет возвращаться и занять это место, пусть будет, по усмотрению нынешнего капитана, дано предпочтение другому лицу, которое, с согласия наших агентов, будет сочтено подходящим и способным занять его.

16. Но пусть во всяком случае возвращающиеся корабли не будут лишены руководства способного человека, который может занимать капитанскую должность в таком порядке, с той же исправностью, как это происходит и происходило до сих пор и как это соответствует разуму и доброму порядку.

17. Все другие прежние приказы, правила и инструкции, составленные для лучшего распорядка, связанного с нашими судами и товарами, которые не противоречат и не расходятся с настоящими инструкциями и их содержанием, остаются в полной силе и подлежат соблюдению всеми и каждым лицом или лицами, которых они касаются и к которым относятся.

В свидетельство того, что эти предписания будут верно соблюдаться, хозяева, капитаны и шкипера всех 4 судов вместе с указанным выше капитаном собственноручно подписали настоящие 17 статей, написанные на двух листах.

Дано в Лондоне 3 мая в лето нашего господа бога 1557-е.

Владельцы «Примроз»: Эндрю Джедд, Уилльям Честер, Антони Хикман, Эдуард Кэстелайн.

Владельцы «Иоанна Евангелиста»: Эндрю Джедд, Уилльям Честер.

Владелец «Анны»: Джон Димок.

Владелец «Троицы»: Р. Т.

3. Первое путешествие, совершенное господином Антонием Дженкинсоном из города Лондона в русскую землю, начатое 12 мая 1557 г.

Прежде всего, по милости божией, в указанный выше год и день, я выехал из названного города и в тот же день в Грейвзенде вошел на борт славного корабля, называемого «Примроз», назначенный, хотя и незаслуженно, главным капитаном этого и трех других *добрых* кораблей, а именно «Иоанна евангелиста», «Анны» и «Троицы», имея также поручение отвезти посланника русского царя (emperour) по имени Осипа Непею Григорьевича, который со своей свитой расположился на названной «Примроз».

Итак, наши четыре высокобортных корабля были обеспечены экипажем, съестными и другими необходимыми припасами, и мы подняли якорь в указанный двенадцатый день мая месяца и после полудня вышли из Грейвзенда. Плывя вниз по Темзе при восточном ветре и прекрасной погоде, 13 мая «Примроз» села на песчаную мель, называемую «Черным

хвостом», на которой мы просидели до утра 14-го, когда, хвала богу, наш корабль сошел с мели. В этот день мы доехали до Лэди-оф-Холланд (Our Lady of Holland), где вследствие восточного ветра стояли на якоре до 20-го. 20-го мая мы снялись с якоря и вышли к Гольдморским воротам, а оттуда к низине Болен и к Оруэлльским зыбям, где стали на якорь. Но когда мы выходили из Гольдморских ворот, «Троица» наскочила на скалы, находящиеся к северу от этих ворот, повредила подводную часть и едва не погибла. Однако с помощью божией она сошла со скал, хотя и с большой течью. 21-го «Примроз» оставалась на якоре у Оруэлльских зыбучих песков, остальные же три судна вошли в Оруэлльскую гавань, где под моим наблюдением «Троицу» вытащили на берег, осмотрели и починили. Так мы оставались в названной гавани до 28 мая. В этот день при западном ветре три судна, стоявшие в гавани, подняли якорь и вышли в море, но при этом «Иоанн евангелист» сел на пески, называемые Андрос, и просидел на них до следующего прилива, когда, благодарение богу, он снялся с мели без больших повреждений.

29 мая все четыре корабля подняли якорь и за время пока длился прилив и отлив дошли до Орфордского мыса, где мы стали на якорь из-за северного ветра. Около шести часов вечера ветер подул с юго-запада; мы подняли якоря и оставили мыс, держа курс на в.-с.-в. до полуночи, когда мы оказались за Ярмутскими песками. Мы продолжали итти на с.-з. и с.-с.-з. до полуночи 1 июня, когда наступил штиль, державшийся до полудня 2-го. Тут с севера начался ветер с бурей и с сильным дождем, мы легли на бейдевинд, идя на с.-с.-з. и с.-з. в зависимости от того, куда дул ветер. Так продолжалось до полудня 3-го, когда ветер снова подул с запада, и мы пошли по нашему правильному направлению на север до 3 час. пополудни. 4 июня, когда ветер еще раз перешел в северо-западный со штормом, не прекращавшимися до утра 7-го, мы продолжали итти на бейдевинде, стараясь держаться северного направления, но когда ветер стал почти северным, нам пришлось снова подойти к берегам Англии против Ньюкэстля. Не входя в гавань, мы плыли 8-го и 9-го вдоль берега.

10 июня ветер перешел к с.-с.-з, что принудило нас приблизиться к мысу Флэмборо, где мы, став на якорь, оставались до 17 июня. Наконец, ветер стал попутным, мы подняли якоря и при свежем ветре плыли к с.-в. все время до полудня 21-го, когда, определив широту, мы оказались на 60°. Затем мы изменили направление и шли к с.-с.-в. и снова к с.-в. с уклоном к северу до 25-го. В этот день мы увидели к с.-в. от нас острова, называемые Хейликскими *; мы находились тогда на широте 60° 40′. После этого мы пошли к с.-в., потому что нам не хотелось под-

* Вероятно, группа прибрежных островов к юго-востоку от острова Рост.

ходить слишком близко к берегу, и, пройдя по этому направлению четыре часа, увидели Ростские острова, прилегающие к Финмаркену. Продолжая итти вдоль берега Норвегии и Финмаркена и находясь на расстоянии выстрела от Лофотенских островов, мы измерили высоту солнца и получили широту 69°. В тот же день после полудня над нашими головами появилась радуга в виде полукруга с обоими нижними концами. Заметьте, что между упомянутыми Ростскими и Лофотенскими островами находится водоворот, называемый Мейлстрэнд *, который с половины отлива до половины прилива шумит так грозно, что сотрясает дверные кольца в домах жителей названных островов в десяти милях расстояния. А если в это течение попадает кит, то он издает самые жалобные крики. Более того, если в водоворот попадут приносимые течением стволы деревьев и их вновь выбросит после отлива, то их концы, а также сучья бывают подобны стеблям истолченой пеньки. Заметьте также, что все побережье Финмаркена состоит из высоких гор и холмов, круглый год покрытых снегом. Здесь у самого берега глубина достигает 100 и 150 сажен. Подвигаясь таким образом вперед, мы дошли до острова, называемого Зенам, расположенного на широте 70°. Вокруг этого острова мы видели много китов огромной величины, достигавших примерно 60 футов в длину, которые кружились вокруг наших кораблей. Это было время их нереста (ingendring); поэтому они ужасно рычали и кричали. После этого мы достигли острова, называемого Кеттельвик.

От Ростских до Лофотенских островов побережье тянется с юга на север, от Лофотенских островов до Зенама с ю.-з. на с.-в., а от Зенама до Кеттельвика с ю.-ю.-з. на с.-с.-в. От упомянутого Кеттельвика мы прошли 10 лиг на восток с уклоном к северу и достигли местности, называемой Ингер-Соунд; здесь, ввиду тихой погоды, мы занялись ловлей рыбы и наловили множество трески. Плывя таким образом вдоль берега, мы достигли мыса, называемого Нордкап; это — самая северная точка, которую проходишь по пути к св. Николаю; она лежит на широте 71° 10′ и от Ингерсоунда отстоит на 15 лиг к с.-в. Мы проходили мимо Нордкапа 2 июля, причем в полночь солнце возвышалось на 4° над горизонтом. На третий день после того мы достигли Вардехуса стоял такой туман, что мы не могли видеть земли. Замок на острове — в двух милях от берегов Финляндии; он принадлежит королю датскому и является крайним северо-восточным пунктом его владений. Рядом с островом, на котором стоит Вардехус, расположены два других. Обитатели всех трех островов живут исключительно рыбной ловлей, изготовляя очень много вяленой трески, которую сушат на морозе. Их главная пища — та же

* Другое название этого периодически повторяющегося сильного морского течения — Мальстрем.

рыба; у них нет ни хлеба, ни напитков, за исключением того, что им привозят из других мест. У них очень мало скота; кормят они его также рыбой. Пройдя от Вардехуса 10 лиг к ю.-ю.-в., мы достигли мыса, называемого Кигор — самой северной точки Лаппии. Между Уордхаузом (Вардехусом) и этим мысом лежит большая бухта, называемая Домсхаф, в южной части которой лежит монастырь монахов русской религии, называемый Печинчо. Продолжая наш путь вдоль названного берега Лаппии по направлению к ю.-в., мы на четвертый день, вследствие большого тумана и сумрака, потеряли из вида наши остальные три корабля и встретились с ними вновь только на седьмой день у мыса Святой Нос, который составляет вход в бухту св. Николая. У этого мыса лежит большой камень, которому проходящие мимо суда имеют обыкновение приносить жертвы маслом, мясом и другими съестными припасами, веря, что если этого не сделают, то ладья или корабль погибнет здесь, как это действительно часто имело место: здесь очень темно и стоят большие туманы. Следует заметить, что на шестой день нашего пути мы прошли около места, где погиб сэр Х. Уиллоуби со всем своим экипажем; место это называется Арзина река (Arsina reca that is to say, the river Arsina).

Берег Лаппии высок и обычно круглый год покрыт снегом. Обитатели страны — полуязычники. Летнее время они проводят у моря и ловят рыбу, из которой делают хлеб, на зиму они уходят в глубь страны, в леса, где занимаются охотой на оленей, медведей, волков, лисиц и других зверей; они питаются их мясом, а из шкур делают себе такую странную одежду, что не закрытыми остаются только глаза. Их единственное жилище — палатки, которые они переносят с одного места на другое, смотря по времени года. Они не знают никаких ремесел или искусств, но умеют только стрелять, причем как мужчины, так и женщины упражняются в этом ежедневно и бьют зверей, которые нужны им для пищи. Продолжая путь от упомянутого выше Святого Носа, мы подошли 9 июля к мысу «Милости» (Grace) на широте 66° 45′, близ входа в бухту св. Николая. У этого берега глубина достигает 20—30 сажен; дно песчаное, удобное для того, чтобы бросить якорь. Течение у этого мыса идет от ю.-з. к с.-в. От мыса пошли далее, пока не достигли Крестового острова (Cross Island), в 7 лигах к с.-в. от сказанного мыса. Здесь мы перешли на другую сторону бухты и поплыли к ю.-з. и в 25 лигах от названного острова подошли к мысу, называемому Лисий Нос (Foxnose). Вход в бухту от Крестового острова до ближайшего пункта на другой стороне имеет 7 лиг в ширину.

Идя от Лисьего Носа дальше, все наши четыре корабля в двенадцатый день указанного месяца благополучно прибыли на рейд св. Николая в русской земле, где мы и стали на якорь, пройдя от Лондона до этого рейда 750 лиг. Русский посланник со своей свитой в большой радости сошел на берег, а наши суда начали немедленно разгружаться. Приняв

новый груз и дождавшись попутного ветра, они 1 августа отправились в Англию. 3-го числа того же месяца я и некоторые мои спутники прибыли в город Колмогоры (Colmogro), лежащий на расстоянии около 100 верст от бухты св. Николая на широте 64° 25′. Я пробыл в Колмогорах до 15-го; в этот день я отплыл на небольшой лодке вверх по реке Двине, которая течет очень быстро. В тот же день я проехал устье реки, называемой Пинега (Pinego), по левую руку от нас, в 15 верстах от Колмогор. Оба берега реки Пинеги около ее устья очень высоки. Они состоят из алебастровых скал и покрыты лесом, а по всему берегу лежат стволы хвойных деревьев, которые, как говорят, находятся здесь со времен Ноева потопа. Так, подвигаясь вперед, 19 августа утром я доехал до Емца (Yemps), лежащего приблизительно в 100 верстах от Колмогор. Вдоль всего этого пути русские выделывают много дегтя, смолы и золы из осины. Выехав отсюда, я прибыл в последний день августа в старинный город, называемый Устюг (Ustiug). В нем сливаются две реки; одна называется Югом (Jug), другая — Сухоной (Sucana); обе сливаются в указанную реку Двину. Река Юг вытекает из страны татар, называемых черемисами, смежной с пермской землей, а Сухона берет начало из одного озера, неподалеку от города Вологды. Выехав из Устюга по реке Сухоне, мы прибыли в город, называемый Тотьмой. Здесь река очень мелка и дно каменисто; это место очень опасно для прохода здешних судов и лодок, которые они (русские) называют насадами (nassades) и дощаниками (dosneckes) и в которых перевозят товары из помянутых выше Колмогор в город Вологду. Суда, называемые насадами, очень длинны и широки, крыты сверху и плоскодонны; они сидят в воде не более, как на 4 фута и поднимают 200 тонн; на них нет никаких железных частей, но все сделано из дерева; при попутном ветре они могут плыть под парусами. В противном случае из многочисленных имеющихся на насадах людей иные тянут их, обвязав вокруг шеи длинные тонкие веревки, прикрепленные к насаду, иные же отталкиваются длинными шестами. На Двине очень много таких судов; по большей части они принадлежат вологжанам, ибо в этом городе живет много купцов, пользующихся вышеупомянутыми судами для доставки в Вологду соли с морского берега. 20 сентября я прибыл в Вологду; это большой город; река протекает посреди его. Дома построены из еловых бревен, соединяемых вместе и закругленных снаружи; они квадратной формы, без каких-либо железных или каменных частей, крыты берестой и лесом поверх ее. Все их церкви деревянные, по две на каждый приход: одна, которую можно топить зимою, другая — летняя.

На крыши домов они наваливают много земли из опасения пожара, ибо от огня они терпят великие бедствия. Этот город Вологда находится на широте 59° 11′ и отстоит на 1000 верст от Колмогор.

В течение всего путешествия я никогда не входил в дома, но останавливался в пустых местах на берегу реки и вез с собой провизию. Тот, кто хочет путешествовать в этих странах, должен иметь с собою топор, огниво и котелок, чтобы добывать огонь и варить мясо, когда оно есть; в этих странах мало помощи от людей; ее можно получить только в городах.

1 декабря я выехал из Вологды в почтовых санях *, как это обычно делается зимою. Дорога в Москву идет так: от Вологды до Комельского (Commelski) — 27 верст, оттуда до Ольмора (Olmor) — 25 верст, оттуда до Телойцкого (Teloytske) —20 верст, оттуда до Юре (Ure) —30 верст, оттуда до Вознесенского (Vosnanscko) — 30 верст, затем до Ярославля (Jeraslave) — 30 верст; Ярославль стоит на большой реке Волге; оттуда до Ростова (Rostove) — 50 верст, затем до Рогарина (Rogarin) — 30 верст, оттуда до Переяславля (Peraslave) —10 верст; это большой город, лежащий на берегу прекрасного озера. Оттуда до Дубны (Dowbnay) — 30 верст; оттуда до Городка (Gorodocke) — 30 верст; оттуда до Учи (Owchay) ** — 30 верст и, наконец, до Москвы — 25 верст; сюда я приехал 6 декабря.

Между Вологдой и Москвой 14 почтовых станций, называемых ямами (James); считая расстояния между каждой, все расстояние составит 500 верст.

10 декабря я был приглашен царем (emperour) в царский замок (castle) и вручил мои грамоты секретарю, который, по повелению царя, вел со мною переговоры о различных делах. После того, как мои грамоты были переведены, я получил ответ, что я желанный гость и что царь пожалует мне все, о чем я прошу.

25-го, в день Рождества, я был принят царем и поцеловал его руку. Он сидел на возвышении на красивом троне, имея на голове богато украшенную корону и золотой жезл в руке; он был одет в золотую одежду, украшенную драгоценными камнями. В расстоянии около 2 ярдов от него сидел его брат ***, а рядом с последним — мальчик лет 12, наследник казанского царя (emperour), покоренного русским царем тому назад 8 лет ****.

* Т. е. на ямских подводах.

** Некоторые из ямов, перечисленных Дженкинсоном, могут быть определены: Телейцкое — вероятно, Телячий Ям по почтовому тракту из Данилова в Грязовец. Не поддаются определению нижеследующие ямы: Комельское, Ольмор, Юре, Вознесенское и Рогарин. Быть может, это стоит в связи с укрупнением селений во второй половине XVI и первой четверти XVII столетия и с исчезновением и переименованием многих селений, имевших место в эту же эпоху. Дубна — река, приток Волги. Городок — бывший город Радонеж, ныне село между г. Загорском (б. Сергиевым) и ст. Хотьковом Ярославской железной дороги. Уча — река, пересекаемая дорогой из Москвы в Ярославль у села Пушкина, в 30 *км* от Москвы.

*** Князь Юрий Васильевич, 1531—1563 гг.

**** Утямыш-Гирей.

Далее вокруг царя сидели его вельможи, богато разодетые в золото и драгоценные каменья. Когда я поклонился царю, он собственными устами назвал меня по имени и пригласил меня к обеду.

После этого я возвратился на свое подворье до обеда, который происходил в 6 часов при свете свечей.

Царь обедал в большом, прекрасном зале, посреди которого была квадратная колонна, очень искусно сделанная; вокруг нее накрыто было много столов, а сам царь сидел на самом возвышенном месте палаты; за его столом сидели его брат, сын его дяди *, митрополит **, молодой казанский царь и несколько вельмож; все они сидели по одну сторону стола. Тут же были различные посланники и другие иностранцы, как христиане, так и язычники, одетые в самые разнообразные одежды; всего в этом зале обедало до 600 человек, не считая 2 000 татар-воинов, которые только что явились с изъявлением покорности царю и назначены были служить ему в его войне с лифляндцами ***, но татары обедали в других залах. Я сидел прямо против царя за маленьким столиком без других иностранцев по соседству. Будучи так посажен, я получил от царя из его собственных рук несколько кубков с вином и медом и несколько блюд с мясом, которые приносил мне какой-то князь (a duke). Вся посуда на моем столе была из золота и серебра; такая же посуда была и на других столах: кубки были из золота, украшенные каменьями, ценою не менее 400 фунтов стерлингов каждый, не считая серебра, расставленного на столах. Тут же стоял поставец с весьма богатым и роскошным серебром, которое не употреблялось. Среди прочих была вещь из золота, длиною в 2 ярда с башнями и драконовыми головами на верху чеканной работы; тут же стояли золотые и серебряные боченки с замками на втулках, очень искусно сделанные. Царя и весь зал обслуживали князья (dukes), а когда обед кончился, царь позвал меня по имени и соответственно дал мне кубок с вином, после чего я отправился домой.

Заметьте, что когда царь пьет, то все присутствующие встают, а он каждый раз, когда пьет или отведывает какого-нибудь блюда, крестится. В этот день я видел и много другого, чего не записал здесь.

4 января ****, когда у них бывает крещение, царь с братом и со всеми своими вельможами сделали торжественный выход в церковь вместе с митрополитом и разными епископами и священниками, все в богатых одеждах, украшенных золотом, жемчугами, драгоценными каменьями и дорогими мехами, причем царь был в короне татарского образца. В этот

* Князь Владимир Андреевич Старицкий, умер в 1569 г.

** Митрополитом был в то время Макарий (1542—1564 гг.).

*** Косвенные указания на подготовительные меры к уже решенной Ливонией войне.

**** Явная ошибка: 4-го вместо 6-го.

день я вновь предстал перед царем, одетый в русское платье; царь спросил, не я ли это, и его канцлер ответил «да». Тут он пригласил меня к обеду, после чего вышел из церкви и отправился в процессии к совершенно замерзшей реке и стал там с непокрытой головой вместе со всей своей знатью. Во льду сделано было отверстие, и митрополит с большою торжественностью освятил воду и окропил этой водой царского сына и вельмож; после всего этого народ толпой стал наполнять горшки освященной водой для того, чтобы нести ее домой. В прорубь стали бросать детей и больных, которых тотчас же вытаскивали, а также крестили в ней татар. На все это смотрел царь. Привели туда и лучших царских лошадей пить упомянутую святую воду. Когда все кончилось, царь возвратился во дворец и отправился обедать при свечах в деревянном доме, прекрасно позолоченном. Обедало свыше 300 иностранцев. Я сидел, как и прежде, один прямо против царя, который посылал мне мясо, хлеб и напитки.

Москва — большой город: дома в нем большей частью деревянные, и лишь немногие выстроены из камня с железными окнами, служащими для летнего времени *. В Москве много прекрасных каменных церквей, но еще больше деревянных, отапливаемых зимою. Царь живет в прекрасном большом квадратной формы замке с высокими и толстыми кирпичными стенами, расположенном на холме в 2 мили окружностью и выходящем юго-западной стороной на реку. В стенах 16 ворот и столько же бастионов. Дворец отделен от остальной части замка длинной стеной, идущей с севера на юг по направлению к реке **. В его дворце церкви, одни — каменные, другие — деревянные, с круглыми вышками, красиво позолоченными. На церковных дверях и внутри церквей — позолоченные образа. Главные рынки, где торгуют всем, находятся внутри указанного замка, а для отдельных предметов есть особые рынки: для каждого ремесла отдельно. А зимой бывает большой торг за стенами замка на замерзшей реке: там продают хлеб, глиняные горшки, кадки, сани и т. п. Замок имеет в окружности 2 900 шагов.

Страна полна болотистых мест, представляет собой равнину, изобилует лесами и реками, но родит также много хлеба.

Здешний царь очень могущественен, ибо он сделал очень много завоеваний, как у лифляндцев, поляков, литвы и шведов, так и у татар, и у язычников, называемых самоедами, и тем очень расширил свои владения. Свой народ он держит в большом подчинении; все дела, как бы

* Несомненно имеются в виду ставни.

** Дженкинсон считает замком Кремль и Китай-город вместе; собственно Кремль он считает «дворцом». «Длинная стена», отделяющая дворец от остальной части замка, есть кремлевская стена на участке Арсенальная башня — Спасские ворота — Москва-река.

незначительны они ни были, восходят к нему. Законы жестоки для всех обидчиков. Митрополит в делах, касающихся религии, поступает по своему усмотрению; царь относится к нему с большим почтением. Русские следуют обрядам и правилам греческой церкви. Они почитают много образов, написанных на досках, и особенно образ св. Николая. Их священники женаты, но если их жены умирают, то они не могут вторично вступить в брак и становятся монахами, отчего последних так много в стране.

У русских четыре поста в году, а неделю перед карнавалом они называют масляной неделей *. На пирах у них бывает много разных яств и напитков, и они наслаждаются, поедая грубые блюда и вонючую рыбу. Прежде чем выпить, они имеют обычай дуть в чашу. Женщины находятся в большом послушании у своих мужей; им строго запрещено выходить из дома, кроме особых случаев.

Когда я был там, я слышал о мужчинах и женщинах, которые пропивали в царском кабаке своих детей и все свое добро. Когда кто-нибудь заложит самого себя и не в состоянии бывает заплатить, то кабатчик выводит его на проезжую дорогу и бьет по ногам. Если прохожие, узнав, в чем дело, почему-нибудь пожалеют такого человека, то они платят за него деньги, и тогда его отпускают.

В каждом значительном городе есть распивочная таверна, называемая корчмой (Cursemay), которую царь иногда отдает на откуп, а иногда жалует на год или на два какому-нибудь князю или дворянину в награду за его заслуги. Тогда последний на весь этот срок становится господином всего города, грабя, расхищая и делая все, что ему угодно. Однако, когда он разживется, царь отзывает его и снова посылает на войну, где тот спускает все, что успел неправедно нажить. Таким образом, войны влекут за собой мало расходов для царя, но вся тяжесть ложится на бедное население.

Русские употребляют седла, сделанные из дерева и сухожилий; деревянный остов седла украшается узорчатым рисунком, а сиденье покрывается сукном, иногда парчей, а чаще всего хорошо стеганым сафьяном. Они употребляют маленькие барабаны, прикрепленные у луки седла; от их звука лошади бегут скорее.

Русский человек одевается следующим образом: его верхняя одежда состоит из парчи, шелка или сукна; она очень длинная, до земли, и застегивается большими серебряными пуговицами или же шелковыми шнурками, застегнутыми булавками; рукава очень длинные; ее носят собранной кверху. Под верхней одеждой — другое длинное одеяние, застеги-

* В Западной Европе карнавалом считаются три последних дня перед великим постом, который наступает в среду первой недели православного великого поста.

вающееся на шелковые пуговицы с высоким, стоячим цветным воротником; это одеяние шьется узким. Далее идет тонкая рубашка, вышитая красным шелком или золотом, с воротником, вышитым жемчугом. Под рубашкой полотняные штаны, а на ногах пара носков без пяток и сапоги из красной или черной кожи. На голове он носит белый колпак (colepacke) с пуговицами из серебра, золота, жемчуга или драгоценных камней, а под ним (under it — sic!) шапку из черной лисицы, сильно расширяющуюся кверху *.

Когда русский едет верхом в поход или в какое-нибудь путешествие, он надевает саблю турецкого образца и такой же лук со стрелами. В городе он не носит оружия, а только две или три пары ножей, с рукоятками из зубов рыбы, называемой моржом.

В зимнее время русские ездят на санях и в городе и в деревне, так как дорога крепкая и гладкая от снега; все воды и реки замерзают, и одна лошадь, запряженная в санки, может провезти человека до 400 миль в три дня; но в летнее время дороги покрыты глубокой грязью, и путешествие очень тяжело.

Если русский имеет хоть какие-нибудь средства, он никогда не выходит из дому пешком, но зимой выезжает на санях, а летом верхом; в санях он сидит на ковре или на шкуре белого медведя. Сани везет богато убранная лошадь с множеством лисьих и волчьих хвостов вокруг шеи; ею правит мальчик, сидящий на лошади; слуги стоят на запятках.

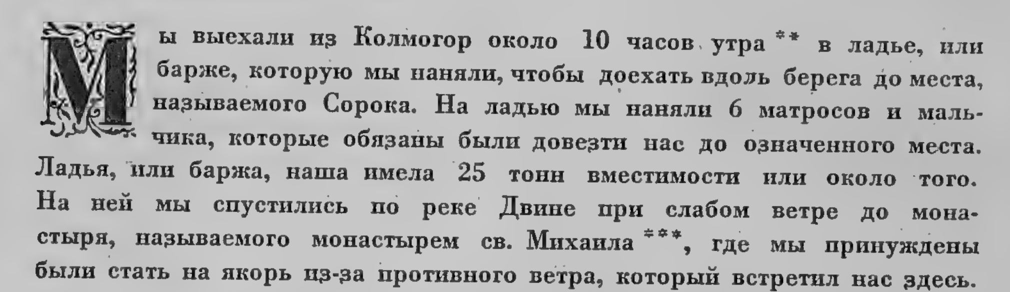
* Дженкинсон описывает одежду русских людей только богатых кругов, с которыми он, в это по крайней мере время, имел преимущественно дело.

IV

ТОМАС СОУТЭМ И ДЖОН СПАРК
1556 г.

Путь водою, открытый нами, Томасом Соутэм и Джоном Спарк, от гор. Колмогор через западный конец бухты св. Николая * *до города Новгорода в России с прибавлением некоторых подробностей, касающихся пути и расстояний в милях, как это следует ниже. 1566 г.*

Мы выехали из Колмогор около 10 часов утра ** в ладье, или барже, которую мы наняли, чтобы доехать вдоль берега до места, называемого Сорока. На ладью мы наняли 6 матросов и мальчика, которые обязаны были довезти нас до означенного места. Ладья, или баржа, наша имела 25 тонн вместимости или около того. На ней мы спустились по реке Двине при слабом ветре до монастыря, называемого монастырем св. Михаила ***, где мы принуждены были стать на якорь из-за противного ветра, который встретил нас здесь.

От Колмогор до этого монастыря — 50 верст или русских миль; здесь мы задержались до утра 21 июля; в этот день ветер был достаточно благоприятен; мы подняли паруса и выехали отсюда.

21-го мы выехали из монастыря св. Михаила при более или менее достаточно благоприятном ветре и доехали 22 июля в 2 часа утра до Розового острова против монастыря св. Николая. От монастыря св. Михаила до этого места — 35 миль. Из-за противного ветра и прилива нам пришлось задержаться здесь весь этот день.

23-го мы отплыли от монастыря св. Николая в 7 часов вечера и стали на якорь у сигнального маяка (бакана), где стояли до половины одиннадцатого; затем отплыли дальше при южном ветре. Мы держали курс на запад до 5 часов утра, когда стали на якорь у города Ненoксы (Newnox), где и оставались до 25 июля.

* Западным концом бухты св. Николая, т. е. Белого моря, авторы считают Онежскую губу.

** Как видно из дальнейшего текста, отъезд должен был состояться не позднее 20 июля 1566 г.

*** Погост Михаила Архангела на устье Двины — будущий город Архангельск.

Названный город Ненокса лежит в 35 милях от монастыря св. Николая.

25 июля мы вышли из гавани Неноксы в 1 час дня, держа курс на северо-запад при юго-юго-восточном ветре.

Мыс Толстик (Tolstik), находящийся перед входом в гавань Неноксы, и мыс Сюземский (Sevsemski) лежат по-соседству в направлении ю.-ю.-в. — с.-с.-з. Мы стали на якорь у последнего в тот же день в 4 часа пополудни, пройдя от Неноксы 15 миль. Здесь мы простояли до 27 июля, задержанные противными ветрами.

27-го мы вышли из Сюземского в 5 часов утра, держа курс на з.-с.-з. при северо-восточном ветре.

Сказанная Сюземская земля и мыс у входа в реку Уну (Owna) лежат друг от друга в направлении ю.-в.-с.-з.; между ними 25 миль.

В этот день к заходу солнца мы подошли к острову по имени Шигшинскому (Sogisnay) в 85 милях от Уны и прошли между ним и материком; ветер дул с юго-востока, а курс мы держали на юго-запад.

Когда мы прошли 10 миль за этот остров, ветер стал противным, и мы вернулись к Шигшинскому, где стояли до 29-го.

29 июня мы вышли от упомянутого выше Шигшинского в 5 часов пополудни при восточном-северо-восточном ветре, держа курс на в.-ю.-в., и прошли мимо острова, называемого Анзером (Anger), находящегося в 30 милях от Шигшинского. Держась все того же курса, мы достигли мыса острова, называемого Абдон (Соловецкий), в 15 милях от Анзера. Здесь оказалось много мелей, и, если бы божественное провидение не сохранило нас, мы погибли бы, очутившись среди скал в ночное время; а наш лоцман оказался далеко не из искусных; впрочем, как мы узнали, это вовсе и не было его профессией.

Кто поедет этой дорогой, должен или держаться самого берега, так как там есть проток вдоль берега за скалами, или же отъехать по меньшей мере на 6 миль от берега и держаться открытого моря; ибо подводные скалы встречаются еще в 5 милях от мыса.

Мы отъехали от мыса на 3 мили; тем не менее в 2 милях от нас в сторону моря оказались два подводных камня; мы попали между ними и сели на наиболее высокий из них. Но богу угодно было успокоить море и дать нам свет дня; иначе мы потерпели бы крушение.

30-го мы отъехали от мыса острова Абдона в 4 часа утра, держа курс на запад, и к 10 часам прибыли в монастырь, называемый Соловки, в 15 милях от Абдона.

В этом монастыре мы оставались до 31 июня. Старшие монахи дали нам лист за печатью монастыря и одного из слуг, чтобы благополучно проводить нас по опасной реке Выгу (Owiga).

Народ, обитающий в этих местностях, — дикий и говорит на другом языке; по большей части это все монастырские крестьяне (tenants). В листе было сказано, что они должны быть готовы оказать нам помощь во всех опасных местах и, где необходимо, перетаскивать наши суда и товары волоком, что они действительно и делали, как это будет видно ниже.

Надо отметить, что в наше пребывание в монастыре настоятель еще не был избран, а за две недели до нашего приезда прежний настоятель был вызван в Москву и сделан митрополитом царства, каковым он сейчас и состоит *. Число монахов в монастыре не менее 200.

Из Соловецкого монастыря мы переехали в отличный каменный монастырский дом в 5 милях к юго-западу от монастыря. 1 августа мы выехали из каменного дома в 3 часа утра. 60 верст мы шли на запад, потом, проходя между скал и множества мелких островов, мы прошли еще 20 миль, держась приблизительно того же курса. Затем мы переменили его; видоизменяя его не раз еще, но в общем, идя на ю.-в. и ю.-ю.-в., мы, наконец, оказались в 2 милях от входа в реку Выг; войти в нее мы должны были в северо-западном направлении. От реки Выга до упомянутых выше островов и скал — 20 миль расстояния.

Около 4 часов пополудни мы вошли в реку Выг, близ селения, называемого Сорока. Здесь мы покинули нашу барку, или ладью, и пробыли до 3 августа, припасая маленькие лодки для плавания вверх по реке.

3-го мы выехали из Сороки в 2 часа пополудни на нанятых нами 3 лодках с 12 гребцами и поплыли вверх по Выгу.

В этот день мы проехали 7 миль до места, называемого Островом, где провели ночь. На дороге, в 4 милях от Сороки, в месте, где вода падает со скал, как будто отвесно стекая с горы, нам пришлось выгрузить товары из лодок и заставить тащить их целую милю по сухому пути, после чего таким же порядком живущие здесь люди, крестьяне вышеназванного монастыря, перетащили на руках наши лодки.

Когда лодки прибыли к тому месту, где сложены были наши товары, мы спустили лодки в воду, снова погрузили в них товары и поплыли в названное выше место, где и остались всю ночь.

Мы выехали из Острова утром до восхода солнца, шли на веслах или тянули лодки 5 миль. Тут мы доехали до места, где мы снова принуждены были выгрузить товары и тащить их и лодки 3 мили по сухому пути; таким образом, гребя, таща и подтягивая лодки, мы проехали в этот день еще 7 миль до селения Слобода (Sloboday), где и провели ночь.

* Имеется в виду Филипп Колычев, бывший игуменом Соловецкого монастыря с 1548 по 1566 г. В 1566 г. был вызван в Москву и сделан митрополитом; в 1568 г. — низложен и заключен в тверской Отрочь монастырь, где был убит Малютой Скуратовым в 1569 г.

5-го мы выехали из Слободы утром до восхода солнца, а в 6 часов мы доехали до деревни, называемой Паранца, лежащей в 30 милях от Слободы; здесь мы провели всю эту ночь.

6-го мы выехали из Паранцы в 6 часов утра, и во весь этот день, таща и заводя наши лодки, мы прошли всего 11 миль, так как два раза выгружали товары и тащили лодки посуху — в одном месте $1^1/_2$ мили, в другом около $^1/_8$ мили, и таким образом доехали до места, называемого Войц (Voyetz), где провели ночь.

7-го мы выехали в 4 часа утра и вошли в озеро (an ozera or lake), носящее то же имя, что и река, и шли до места, называемого Кекенич (Quequenich), в 25 милях от Войца. Весь этот день мы шли на веслах, приехали туда в час дня и остались там на ночь, чтобы нанять людей и лодки для дальнейшего путешествия.

Здесь оставил нас и уехал назад монастырский слуга, которого монахи послали проводить нас до этого места. После того, как он нанял нам лодки и записал имена людей, которые должны были сопровождать нас, и поручил им доставить нас в целости и сохранности со всеми вещами до маленького городка Повенца (Povensa), он расстался с нами, не взяв никакого вознаграждения за свои труды, ибо так ему было приказано монахами.

Из Кекенича мы отправились на восходе солнца и весь день шли на веслах по озеру среди маленьких островов. Местные жители уверяют, что на их озере столько же островов, сколько дней в году. Вечером мы пришли в деревню, называемую Телекина (Tellekina), в 60 милях от Кекенича.

Из Телекиной мы выехали 9-го в 5 часов утра и, войдя в реку, прошли в этот день 13 миль. В одном месте мы тащили лодки и товары 3 мили по сухому пути. Вечером мы пришли в место по имени «Уречье на мели» (Oreiche na mealay), где ночевали.

10 августа мы выехали отсюда в 5 часов утра и дошли на веслах до места, в 20 милях от нашего ночлега, где река кончается. Тут мы оставили лодки и выгрузили товары; затем послали за 7 миль в Повенец человека за лошадьми, чтобы довезти туда наши товары. Когда приехали лошади, мы погрузили товары и после полудня благополучно прибыли в Повенец.

Город Повенец стоит в миле от знаменитого Онежского озера (lake or ozera of Onega), которое тянется на 320 миль в длину и имеет в некоторых местах до 70 миль в ширину, а в наиболее узких местах до 25 миль; оно питается множеством прекрасных рек, впадающих в него. Не более чем в 6 милях от берега глубина озера достигает 40—45 сажен.

Здесь следует заметить, что от Повенца до Сороки вниз по опасным рекам, по которым мы проехали, невозможно ни в какое время года пере-

возить товары, идущие из Новгорода, Нарвы и иных подобных мест, ибо летом нельзя везти товаров вниз по рекам вследствие водопадов, спадающих со скал; то же самое происходит и зимой из-за силы и течения рек, которые иногда так поднимаются, что в некоторых местах никогда не замерзают. Все товары, идущие из Новгорода в Повенец, перевозятся зимою сухим путем в селение, называемое Сумь (Some — Сумский посад), расположенное, как и Сорока, на берегу моря. Прямую дорогу по суше из Повенца в Сумь я укажу ниже.

Из Повенца мы выехали 12 августа в 9 часов утра на 2 маленьких лодках, нанятых до Толвуя (Tolvo) на Онежском озере, в 50 милях от Повенца, куда мы и прибыли 13-го утром.

Тут мы купили лодку, на которой мы и доехали с нашими товарами до самого Новгорода.

14-го мы выехали из Толвуя в 3 часа утра, а вечером приехали к некоему острову Саласальми, на том же озере, в 7 милях от Толвуя, и из-за противных ветров задерживались тут до утра 16-го.

Выехав 16-го в 8 часов утра из Саласальми, мы доехали 17-го утром до острова, называемого Вороньим, в 60 милях от Саласальми. Тут из-за противных ветров мы пробыли до 21 августа.

21-го, выехав от Вороньего острова за 2 часа до рассвета, мы прибыли в 2 часа пополудни в монастырь св. Климента, в 48 милях от Вороньего.

Из монастыря св. Климента мы отправились 22-го на рассвете вдоль озера с попутным ветром; не спуская парусов, мы плыли, захватив два часа после заката, и вошли в реку, называемую Свирь, у монастыря Вознесенья Христова (Vosnessino Christi) *, расположенного в 5 милях от входа в реку, где и провели ночь. От монастыря св. Климента до этого места — 160 миль. Мы плыли по течению реки.

23-го мы отбыли от Вознесенья Христова до восхода солнца и шли вниз по реке то на парусах, то на веслах, так что прошли в этот день 90 миль и заночевали в месте, называемом Вассиан (Vassian).

24-го мы выехали из Вассиана на рассвете и доехали до селения, называемого Селюкакс (Selucax), в 10 милях от Вассиана, где заночевали.

25-го в 4 часа утра мы вышли из Селюкакса и вошли в Ладожское озеро (Ladiskoie). Весь этот день, за исключением промежутка в 3 часа, дул небольшой ветер; к тому же он был нам попутный, так что мы шли и на парусах и на веслах; прошли 10 (?) миль вдоль берега и вошли в реку Волхов (Volhuski). Волхов берет начало в 20 милях выше Новго-

* Не монастыря, а погоста. В дальнейшем часто повторяется такое же смешение погоста и монастыря, например Никола-Медведь, Гостинополье.

рода, протекает через этот город и впадает в озеро, которое гораздо длиннее, чем Онежское, но не столь широко. Это озеро впадает в море, которое идет от пролива (Sound). Всякий корабль, имея хорошего лоцмана, может пройти из пролива (Sound) в Англию *.

Только что войдя в реку, мы прибыли к монастырю Никола-Медведь (St. Nicholas Medved), где провели ночь.

26-го мы вышли из Николы-Медведя в 5 часов утра, гребли и тянули лодку весь день и к ночи пришли к другому монастырю, называемому Гостинополье (Gosnopoli), в 30 милях от Николы-Медведя. Здесь мы переночевали.

27-го в 6 часов утра мы вышли из Гостинополья, а вечером прибыли в место, называемое Мыслово (Moislave), в 46 милях от Гостинопольского монастыря; здесь мы провели ночь.

28-го мы вышли из Мыслова и в тот же день к ночи доехали до места, называемого Грузино, в 35 милях от Мыслова, где остановились.

29-го мы выехали из Грузина утром и к вечеру того же дня доехали до места, называемого св. Петр (Petroe svetoe — ныне Петровское), в 40 милях от Грузина. Здесь мы переночевали.

30-го утром мы выехали из [местечка] св. Петра и к 2 часам пополудни приехали в город Новгород, пройдя 20 миль от св. Петра. Тут мы нашли агента компании Уилльяма Роули, который был здесь задержан со всеми своими спутниками и не получал разрешения выехать из Новгорода в Москву под тем предлогом, что в Новгороде была чума. Мы передали ему все товары, привезенные из Колмогор, потому что на пути мы продали их на какие-то гроши; очень уж бедно везде население страны.

Ниже показана прямая дорога для перевозки товаров из Новгорода до Розового острова в бухте св. Николая, где ежегодно грузятся наши суда; вместе с тем указывается расстояние в милях от места до места.

20 миль от Новгорода до св. Петра.

40 миль оттуда до Грузина.

35 миль оттуда до Мыслова.

46 миль оттуда до монастыря Гостинополье.

15 миль оттуда до города Ладоги.

15 миль оттуда до Сельвназа (Selvnaz), на берегу Ладожского озера, хотя вдоль побережья озера много селений.

180 миль от гор. Ладоги до монастыря Вознесения Христова, на верховьях Свири, хотя по этой реке очень много селений; селенья или маленькие городки попадаются через каждые 5—6 миль.

* Имеется в виду Зунд — пролив между Данией и Швецией.

160 миль от Вознесенья Христова до монастыря св. Климента, хотя по всему берегу Онежского озера очень много селений.

48 миль оттуда до Вороньего.

67 — оттуда до города Толвуя; и здесь по всему берегу озера различные селенья, в которых везущие товары могут остановиться и добыть еду для людей и лошадей.

50 миль оттуда до Повенца, где кончается Онежское озеро.

Дорога от Повенца до Сумского посада такова:

30 миль от Повенца до Мастелина (Mastelina).

10 миль оттуда до Телекина (Telekina).

30 миль оттуда до Толвича (Tolvich).

35 миль оттуда до Карайча (Carraich).

20 миль оттуда до Варниц (Varnich).

10 миль оттуда до Острова.

15 миль оттуда до Лапина.

20 миль оттуда до са́мого Сумского посада (Some).

Надо отметить, что таким образом от города Новгорода до городка Сумы всего 936 миль, а от городка Сумы до монастыря св. Николая или Розового острова, у которых становятся на рейд наши суда, столько же миль, сколько от св. Николая до селения Сороки, как считают и русские и мы, а именно 325 миль. Так что от Новгорода до рейда св. Николая, по нашему счету, всего 1 261 миля или верста.

Далее следует заметить, что все товары, которые будут закупаться в Новгороде и пересылаться в Сумский посад, следует посылать санным путем зимою. Если же послать какой-нибудь товар водой, весною, после того как растает лед, то этим товарам придется все лето лежать в городке Повенце по той причине, что летней дороги между Повенцом и Сумским посадом не существует.

В Повенце можно нанять не мало складочных помещений; если бы товаров было столько, сколько могут увезти десять кораблей, то складов на это хватило бы. Но если много товара будет лежать там все лето и перевозиться в Сумы зимою, то в Повенце не легко достать лошадей, чтобы везти товар в Сумы. Поэтому для купленных в Новгороде товаров надо иметь подводы для перевозки их по санному пути в Сумы. По рассказам русских, можно иметь до 2 000 таких подвод. Из Новгорода каждый год зимой идет много санных подвод с возчиками в Сумы за солью; можно закупить пустые подводы, а потом пригнать их в Новгород и продать на рынке, или другим способом.

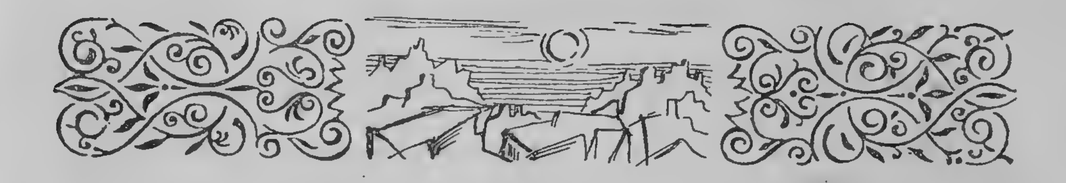
Из Новгорода в Сумский посад перевозка товаров обойдется по 8 или 9 пенсов с пуда; однако товары во всяком случае должны быть высланы из Новгорода к 6 января с тем расчетом, чтобы они были в Сумах к сретению, ибо если товары задержатся в дороге до 15 февраля, когда

солнце начинает греть, то дело может принять опасный оборот. Лед на глубоких озерах Ладожском и особенно Онежском трескается от дневного солнечного тепла, и если вдруг наступит неожиданная оттепель, как это часто бывает в это время года, то эти озера вскрываются и лед в них ломается, что влечет за собой гибель людей: тонут и люди и лошади; а между тем реки долгое время и после того остаются замерзшими.

В Сумском посаде также много складов; недостатка в них для наших товаров ждать нельзя. Точно так же найдется сколько угодно барок для перевозки ваших товаров из Сум на рейд св. Николая, и при этом перевозка обойдется не более как по 3 пенса с пуда. Таким образом от Новгорода до рейда св. Николая перевозка товаров будет стоить 2 алтына с пуда или по 23 алтына с бочки.

При всем этом надо учитывать, что дело идет о товарах, которые вы сами закупите и вышлете, ибо нет никакой надежды на то, что туземцы повезут свои товары из Новгорода в Сумы, чтобы там продавать их нам, особенно если принять во внимание большую торговлю, которую новгородцы ведут в Нарве, лежащей всего в 180 милях от Новгорода.

Писано Томасом Соутэмом, служащим компании.

V

УИЛЛЬЯМ БЭРРОУ

*1. Посвятительное письмо, написанное ее превосходнейшему королевскому величеству господином Уилльямом Бэрроу, бывшим контролером флота ее высочества, и приложенное к точной и замечательной карте России, заключающей вкратце его большие путешествия, наблюдения и выводы как на море, так и на суше, особенно в северных странах * (1598 г.)*

Величайшей и славной принцессе Елизавете, милостью божьей королеве Англии, Франции, Ирландии и т. д.

Превосходнейшая и грозная моя государыня. Мой ум, с юности глубоко склонный к познанию мореплавания и гидрографии, часто движим был к серьезным трудам по изучению важнейших вопросов, относящихся к этим наукам. Не довольствуясь этим, я старался практически подходить к делу посредством путешествий и открытий. Я принимал участие в первом путешествии для открытия русских стран, которое началось в 1553 г. (будучи тогда 16 лет от роду), был также в плавании 1556 г., когда были открыты берега земли самоедов и Новой Земли и Вайгачские проливы, и, наконец, в 1557 г., когда были лучше исследованы берега Лапландии и бухты св. Николая.

С тех пор моя постоянная практическая деятельность и участие в путешествиях к св. Николаю в Россию, в Нарву и в другие страны также по морю, а равно и странствования от св. Николая к Москве, из Москвы в Нарву, а оттуда — опять обратно к св. Николаю сухим путем (в 1574 и 1575 гг. в бытность мою агентом компании английских купцов для новых торговых открытий) побудили меня с большей тщательностью и заботой делать наблюдения, касающиеся этих стран, островов, морских берегов и других явлений, представляющих интерес для искусства мореплавания и гидрографии. С таким же прилежанием собирал я точные сведения и описания путей, рек, городов и т. д. в течение моих сухопутных

* Карта приложена к настоящему изданию.

путешествий. Теперь я считаю себя достаточно сведущим, чтобы представить отчет вашему величеству и описать северные страны мира, обозначая каждую лигу, которую я проехал и видел во время моих путешествий. Местности, показанные здесь, но которых я сам лично не видел и не обследовал, я нанес на карту на основании лучших авторитетов, какие только я мог найти, и если я ошибаюсь, то вместе с учеными Гергардом Меркатором, Абрагамом Ортелиусом и им подобными. Что же касается материка от Ля-Рошели во Франции до Лондона и отсюда до Москвы и до св. Николая сухим путем, а также отсюда на север и северо-восток морем до св. Николая и до Вайгачского пролива, то, униженно моля прощения у вашей светлости, могу смело утверждать (а раз это так, то я говорю это без самомнения), что я нанес все с такой точностью и правильностью и так правильно в отношении широты и долготы (считая долготу по Лондонскому меридиану, который я помещаю под 21°), что ни один человек до сего времени не сделал еще ничего подобного, да и не может человек достигнуть этого одной теорией, если только он не путешествует, как я. Ведь с полной истиной можно сказать о мореплавании и гидрографии, что не может человек быть искусным в одном, не зная другого. А так как ни одна из этих наук не может быть усвоена без помощи астрономии и космографии, а еще менее — без арифметики и геометрии, составляющих два устоя всех наук, то никто из знающих эти математические науки не может извлекать из них пользу без достаточной морской практики: так, необходимейшим образом наука и разум зависят от практического опыта. Много есть людей, ученых и неученых, малоопытных и совсем неопытных, которые много будут говорить об ошибках в мореплавании, не будучи в состоянии их исправить. Писали об этих вопросах и такие люди, которые думают, что знают очень много и таковыми считаются, а их дела недостойны названия хорошего и достаточного по знаниям кормчего. Было нехудо сказать в ответ этим людям кое-что основанное на правилах разума и на практической деятельности. Известно, что в мореплавании есть правила, не вполне достоверные; так например, прямые линии на морских картах, представляющие 32 пункта компаса или ветров, считаются этими болтунами не за допускаемые, а за принципиально неправильные, и тех, кто ими пользуется, они считают невеждами, а между тем знаменитый ученый Гергард Меркатор применил их в своей карте мира. Но те, кто считают такой прием неправильным и протестуют против него, не могут заменить его лучшим и более полезным. Я говорю об этом по опыту. Моя опытность и мои знания побуждают меня поэтому представить вашему величеству некоторый опыт в виде настоящего моего замысла. Я вижу, как своей королевской поддержкой вы способствуете попыткам новых открытий, и прошу ваше величество принять результат моих путешествий как доказательство моей преданности

родине и усердной службы вашему величеству, здоровье и счастливую жизнь которой да продлит господь всемогущий.

Вашего величества нижайший подданный

Уилльям Бэрроу.

2. Показания господина Уилльяма Бэрроу на допросе, сделанном ему касательно Нарвы, Кигора и других мест, какому королю или государю принадлежат они и в чьем находятся в подданстве. 23 июня 1576 г.

Допрос этот, повидимому, был сделан в связи с ссорой между ольдерменом Бондом-старшим и Московской компанией из-за его торговли с Нарвой без согласия компании.

Первый вопрос: Селения и города, обычно называемые Нарва, Кигор, Печенга (Pechingo) и Кола, и гавани их, как во время дарования царем привилегий нашим купцам, так и в лета господа нашего 1566—1575 гг., находились ли (как находятся они в настоящее время) под управлением и в подданстве могущественного государя, царя России? Был ли царь русский за все указанное время верховным повелителем и правителем названных местностей и признавался ли всеми за такового? Находятся ли названные города и селения в северном, северо-восточном или северо-западном направлениях или между севером и востоком, и принадлежат ли означенные города к таким, где, согласно привилегий, запрещается торговать кому бы то ни было, кроме компании?

На этот вопрос свидетель сказал: Верно, что селения, города и места, обычно называемые Нарва, Кигор, Печенга и Кола, и гавани их, как во время дарования привилегий (как он полагает) были под управлением и в подчинении царя России, так и от времени означенного дарования до 1566 г. и в лета господа нашего 1566—1575 гг. оставались под управлением и в подданстве могущественного государя, русского царя, и он, русский царь, во все это время был верховным повелителем всех соответственных мест и всеми почитался за такового. Все эти места находятся в северном направлении от Лондона, между севером и востоком и, соответственно смыслу указов и привилегий, данных компании купцов для открытия новых торговых путей, в этих местах запрещается торговать кому бы то ни было, кроме вышеуказанной компании.

Независимо от этого, свидетель сказал, что он слышал от разных достойных доверия лиц, что датский король в последние годы ежегодно посылал одного или более из своих подданных, одного или с проводником-лопарем, в селения Колу, Кигор и другие места в Лапландии собирать с лопарей дань или поголовщину (tribute or head pence), которые лопари давали ему по доброй воле, чтобы заслужить милость этого государя и

жить в мире с его подданными, населяющими пограничный с их землей Финмаркен, самая сильная крепость которого Вардехус находится у самой их границы.

Слышал он также, что в годы мира между указанным русским царем и королем шведским от последнего ежегодно приходили в Лапландию один и более человек, по примеру слуг датского короля, требовали от лопарей некоторой дани и податей, которые те и уплачивали добровольно. Но с начала последней войны между царем и королем шведским он не слыхал, чтобы лопари что-либо выплачивали королю шведскому. Такова уж простота лопарского народа, что скорее они будут платить дань всем соседним с ними народам, нежели своим отказом станут навлекать на себя их неблаговоление.

На самом деле, как говорит свидетель, могущественный государь царь России есть верховный повелитель и правитель страны лопарей; они исполняют его повеления и законы, он собирает с них пошлины и подати. Они — язычники, но если кто-нибудь из них принимает христианство, то делает он это по русскому закону. Если между лопарями возникают споры, которые не могут быть разрешены ими самими или царскими представителями в их стране, то дело переносится на высший суд в Москву, где и заканчивается. Между местом Кигор и указанной выше границей Финмаркена и Лапландией лежит Печенга, где живут монахи русского закона, причем настоятель или глава (abbot) этого монастыря назначается всегда московским духовенством.

Кроме того, названный свидетель побывал в Кигоре в 1557 г. 29 июня в день св. Петра, когда там было большое народное сборище по случаю торга; с одной стороны, были там русские, карелы и лопари, подданные могущественного государя, царя России, а с другой, — норвежцы и люди из Финмаркена, подданные короля датского: они меняли рыбу на разные товары. Русский представитель имел высшую власть над названным торгом и собирал сборы с подданных своего господина, а комендант Вардехуса управлял подданными своего государя, короля датского. Свидетель сказал также, что на Лапландском побережье, — между Печенгским монастырем и монастырем святителя Николая, он побывал в различных местах, где в море впадают пресноводные реки, в которых обычно ловят свежую семгу. Все эти места — он знает наверное — были откуплены царскими подданными, и царь получал с них откупные деньги. Далее он сказал, что слышал из достоверных источников, будто нет ни одной реки или речки с пресной водой из впадающих в море в Лапландии между Печенгским монастырем и бухтой св. Николая, которые не были бы на откупу, и деньги за откуп получает царь.

Второй вопрос: Вели ли когда-либо на памяти людской, до дарования указанных выше грамот, какие бы то ни было английские купцы (кроме

купцов — членов упомянутой компании) торговлю или деловые сношения с названными селениями и городами — Нарвой, Кигором, Печенгой и Колой — или с одним каким-нибудь из них, или с какими-нибудь гаванями русского царя, или с принадлежащими ему территориями?

На этот вопрос свидетель отвечал, что подданные английского королевства до дарования упомянутых выше грамот не имели обычая посещать и вести торговлю в местах, называемых Нарва, Кигор, Печенга и Кола, или в каком-нибудь из них.

Северный морской путь

КАРТА СЕВЕРНОГО ОКЕАНА (МОРЕ БАРЕНЦА) УИЛЛЬЯМА БЭРРОУ ИЗ SAXTON RYTHER'S ATLAS

Из собр. Британского Музея

VI

СТИФЕН БЭРРОУ

1555—1556 гг.

*1. Плавание в направлении реки Оби и открытия, сделанные шкипером Стифеном Бэрроу, командиром пинассы под названием «Серчсрифт» (Searchthrift) *, а также другие обстоятельства, достойные примечания, происходившие в 1556 г.*

Мы вышли из Рэтклиффа в Блэкуолл (Blackwall) 23 апреля. В субботу, в день святого Марка, мы вышли из Блэкуолла в Грэйс (Grays).

27-го, в понедельник, высокочтимый Себастиан Кабота приехал на нашу пинассу в Грэйвзенде (Gravesend) в сопровождении различных кавалеров и дам, которые, осмотрев нашу пинассу и приняв угощение, которое мы могли предложить им на корабле, отправились на берег, раздав нашим морякам очень щедрые награждения, а добрый старый джентльмен, господин Кабота, передал самым бедным из них щедрые дары, пожелав им молиться за счастье и успех нашей пинассы «Серчсрифт». А затем в таверне под вывеской Христофора он и его друзья устроили банкет и хорошо угостили и меня и всех, кто был в компании, и от радости, при виде нашей устремленности к намеченным нами открытиям, он сам пустился в пляс вместе с остальным молодым и веселым обществом; по окончании танцев он и его друзья любезно простились с нами, поручив нас покровительству всемогущего бога.

Во вторник, 28-го, мы простояли на якоре в Грэйвзенде, запасаясь всем, что нам было нужно.

* Searchthrift в переводе значит «ищи прибыли», «ищи наживы».

В среду, 29-го, мы вышли утром из Грэйвзенда при юго-западном ветре и к ночи стали на якорь против Лэди-оф-Голлэндс *.

В четверг, 30-го, в 3 часа утра мы подняли якорь и около восьми часов мы уже стояли на якоре в «Оруэлльских зыбях». Здесь я тотчас же перешел на «Эдуарда доброе предприятие», на котором достопочтенная купеческая компания предписала мне оставаться, пока означенный добрый корабль не придет в Вардехус. После этого я снова возвратился на пинассу.

В пятницу, 15 мая, мы находились у норвежского побережья, на расстоянии около 7 лиг от берега; на широте 58° 30′, определенной в полдень, мы увидели 3 паруса, кроме наших. Итак, мы следовали вдоль берега, который тянется к с.-с.-з., как это показывает карта.

В субботу, 16-го, утром мы пришли к острову св. Дэнстана; это название дал ему я. Ветер дул с ю.-в.; остров находился в 2½ лигах от нас к востоку. В полдень была показана широта 59° 42′ **. В полдень к востоку от нас находилась также высокая круглая гора. Когда эта гора лежит к востоку от корабля, идущего в северном направлении, то земля тянется к северу с легким уклоном к западу на расстоянии 20 лиг вдоль берега, от полудня до полуночи.

В 6 часов утра в воскресенье 17-го мы достигли конечного пункта берега, тянувшегося к с.-в.; он был от нас в 3 лигах; затем берег уклонился к северу и к с.-в. Я думаю, что это был мыс Скоутнесс ***. В 7 часов утра мы переменили курс и пошли к северу при ю.-ю.-в. ветре, который крепчал и сопровождался туманом; когда туман рассеялся, мы пошли на север. В полдень, вследствие тумана, мы потеряли из виду Серчрифт, держа все время курс на север. В то время как мы потеряли из виду берег и нашу пинассу, мы находились не более чем в 2½ лигах от земли. Последняя полоса земли, которую мы видели до тумана, лежала к северу от Скоутнесса и тянулась от ю.-ю.-з. к с.-с.-в.; до вечера мы прошли на север 5 лиг.

Далее, до 3 часов утра в понедельник 18 мая мы прошли 10 лиг к с.-с.-в., затем пошли к северу, уклоняясь в восточном направлении вследствие ю.-в. ветра и густого тумана. В этот день в полдень мы точно определили широту, показавшую 63° 30′. В это время мы снова увидели нашу пинассу.

Отсюда до полудня вторника 19-го мы прошли на с.-с.-в. 44 лиги, после чего пошли на с.-в., пройдя от полуночи до 8 часов 15 лиг.

* Т. е. уже вышли в море.

** Следовательно, Бэрроу подошел к норвежским берегам несколько южнее Бергена, где-то неподалеку от входа в Хардангерфьорд.

*** Вероятно, неподалеку от входа в Согнефьорд.

Далее, до полудня среды 20-го мы шли на с.-с.-в. за исключением первой вахты, во время которой мы держались с.-в. курса. В это время мы были на широте 67° 39′. Отсюда до вечера мы прошли 18 лиг к с.-в. В это время мы находились на расстоянии 2 лиг от берега и сквозь туман увидели высокие горы к югу от Лофотенского пролива.

С вечера до 4 часов утра 21-го мы прошли $10^1/_2$ лиг к северу, уклоняясь к востоку, затем до полудня в с.-в. направлении, достигнув широты в $67^1/_2$°. Далее, до $7^1/_2$ часов вечера мы прошли $11^1/_2$ лиг к с.-в., а после того еще 10 лиг к с.-в. 22 мая, пройдя снова 3 лиги на с.-с.-в., мы увидели сквозь туман и облака землю прямо против нашего борта; ветер дул тогда с ю.-ю.-в.

Отсюда до 8 часов утра в субботу 23-го мы прошли 48 лиг в с.-с.-в. и с. направлении, как вдруг ветер перешел к северу. Мы находились в то время вблизи берега против часовни, называемой, кажется, Кедильвик. Вследствие сильного противного ветра мы повернули суда килем к открытому морю, и я приказал капитану пинассы подойти к берегу и посмотреть, не найдется ли укромной гавани для наших судов. Пинасса отыскала гавань и видела в ней два судна, стоявших на якоре, а также дома на берегу. Однако, хвала богу, ветер несколько успокоился, и нам не пришлось заходить в гавань; при этом случае пинасса потеряла бизань-мачту с флагом и всеми снастями; вместе с мачтой упали за борт два человека, но, благодарение богу, они были спасены; флаг же послужил приметой, по которой мы могли представить себе — была ли эта гавань хорошей гаванью или нет.

При полуночном солнце Нордкап (как я его назвал во время первого путешествия) был в 9 милях к востоку от самой восточной точки вышеупомянутой часовни.

Июнь

В воскресенье, 7 июня, мы подняли якорь в бухте «Христова тела» (Corpus Christi Bay) рано утром. Эта бухта имеет глубину почти пол-лиги. Мыс «Христова тела» лежит на в.-ю.-в. в лиге расстояния от входа в бухту. Здесь мы испытали сильный подъем воды; это был как бы бег волн выше обычного прилива (like a race over the floods). В ширину бухта, как я думаю, имеет не менее 2 лиг; от мыса при выходе в открытое море до мыса «Христова тела» я считаю 10 лиг.

Сильные приливы бывают в этой бухте, когда луна стоит на юге или на западе. Отсюда до 7 часов пополудни мы прошли 20 лиг к ю.-ю.-в., после чего мы убрали все паруса из-за тумана; кроме того, навстречу нам попалось много льда, шедшего из бухты; подняв паруса на фоке, мы пошли на ю.-ю.-в. В 8 часов мы услышали прощальный пушечный вы-

стрел с «Эдуарда»; мы в свою очередь простились с ним ответным выстрелом. Видеть друг друга мы не могли из-за тумана. Когда поздно вечером туман начал редеть, мы увидели мыс и берег, поворачивающий к ю.-з.; по моему предположению, мы находились около Крестового острова (Cross Island); он лежал к з.-ю.-з. от нас. С позднего вечера до понедельника 8 июня мы шли к ю.-в., а утром 8-го стали при в.-ю.-в. ветре на якорь среди мелей, лежащих перед мысом «Выгляни» (Look out). У мыса «Выгляни» бывает прилив при луне, светящей с юга. Мыс Доброго счастья (Good fortune) лежит к ю.-в. от Крестового острова; между ними 10 лиг. Мыс «Выгляни» находится в 6 лигах к в.-ю.-в. от мыса Доброго счастья. Мыс св. Эдмунда лежит к в.-ю.-в., с легким уклоном к ю. от мыса «Выгляни»; между ними 6 лиг. Между обоими мысами есть бухта глубиной в пол-лиги, полная мелей и других опасностей. Утром мы подняли якорь и стали лавировать, так как дул в.-ю.-в. ветер; скоро мы стали, однако, вновь на якорь во время прилива на глубине $5^1/_2$ саженей (fathoms). В том месте, где мы стояли на якоре, так же, как и у мыса «Выгляни», в приливы вода поднимается на 4 сажени. Рано утром мы снялись с якоря и легли на дрейф против ветра до вечера вторника 9-го, когда во время прилива стали на якорь при устье реки Колы на 8-саженной глубине. Мыс св. Бернарда лежит к ю.-в. с уклоном к югу от мыса Эдмунда, и между ними 6 лиг; между ними же находится река Кола, в которую мы вошли в этот вечер *.

В среду, 10-го, мы все время стояли в устье этой реки, так как ветер дул с севера. Мы отправили нашу шлюпку на берег для починки. Широта устья реки Колы — 65° 48′.

В четверг, 11-го, в 6 часов утра к нашему борту причалила русская двадцативесельная ладья, в которой было 24 человека. Шкипер ладьи поднес мне большой каравай хлеба, 6 кольцевидных хлебов, которые у них называют калачами (colaches), 4 сушеных щуки и горшок хорошей овсяной каши; я же дал шкиперу лодки гребень и маленькое зеркало. Он заявил мне, что отправляется на Печору, после чего я предложил всем им выпить. Когда начался отлив, они удалились в очень расположенном к нам настроении. Шкипера звали Федор.

Еще 10 числа я отправил нашу шлюпку (pinasse) на берег для починки с плотником и тремя людьми в помощь ему, так как обшивка ослабела и шлюпка текла; погода, однако, была такой, что только в воскресенье они могли возвратиться на корабль. Все это время они оставались без пищи; захватив с собой только один небольшой хлеб, они съели его

* Все перечисленные местности, которые Бэрроу называет именами, данными, по всей вероятности, им самим, находятся на Рыбачьем полуострове и между ним и Кольской губой.

в четверг к вечеру; они думали, что вернутся на корабль, как только зашьют шлюпку, но ветер и дурная погода помешали им. Им пришлось питаться кореньями и сорными травами, какие они могли найти на суше; свежей воды у них было в изобилии, но пищи, при разборчивости их желудков, едва им хватило.

С четверга после полудня до воскресенья утра 14 июня наше судно стояло на таком рейде, что надо удивляться, как оно могло уцелеть без божьей помощи. На юго-восточном берегу Кольской бухты есть хорошая стоянка, с глубиной в 5—4½ сажени при низкой воде, но она совершенно открыта с севера. Я проверил нашей пинассой, что наибольшая глубина проходит здесь вдоль юго-восточного берега.

В четверг, 18 июня, мы подняли якорь в Кольской бухте и вышли на 7 или 8 лиг в море, где, однако, встретили такой сильный северный ветер, что принуждены были возвратиться в вышеупомянутую реку. Здесь к нам подошло несколько их (русских) лодок. Люди с них заявили мне, что они также готовятся отплыть на север для ловли моржей и семги, и щедро одарили меня белым пшеничным хлебом.

Пока мы стояли на этой реке, мы ежедневно видели, как по ней спускалось вниз много русских ладей, экипаж которых состоял минимально из 24 человек, доходя на больших до 30. Среди русских был один, по имени Гавриил, который выказал большое расположение ко мне, и он сказал мне, что все они наняты на Печору на ловлю семги и моржей; знаками он объяснил мне, что при попутном ветре нам было всего 7—8 дней пути до реки Печоры, и я был очень доволен обществом русских. Этот Гавриил обещал предупреждать меня о мелях, и он это действительно исполнил.

В среду, 21 июня, Гавриил подарил мне боченок меда, а один из его друзей — боченок пива; их несли на плечах не менее как 2 мили.

В понедельник, 22 июня, мы выехали из реки Колы со всеми русскими ладьями. Однако, плывя по ветру, все ладьи опережали нас; впрочем, согласно своему обещанию, Гавриил и его друг часто приспускали свои паруса и поджидали нас, изменяя своим спутникам.

23 июня, во вторник, поздно вечером мы находились против мыса св. Иоанна. Следует помнить, что от мыса св. Иоанна до реки или бухты Мезенской — везде низкие берега и море полно опасных мелей и глубиною едва 2 сажени; земли нигде не видно. В этот день мы стали на якорь против бухты, лежащей в 4—5 милях к северу от упомянутого мыса. Гавриил и его товарищ вошли в бухту на веслах; мы же не могли в нее проникнуть; к ночи при с.-в. ветре в бухту вошли свыше 20 парусов. Условия нашей якорной стоянки были в общем удовлетворительны.

В тот же день, после полудня, приехал к нам на своей шлюпке Гавриил. За его помощь и товарищеское отношение к нам при проходе через

мели я вознаградил его двумя маленькими гребешками из слоновой кости, стальным зеркалом и еще двумя-тремя безделушками; все это он принял с благодарностью. Его прежние товарищи, однако, отправились дальше на север.

24-го, в среду, в день летнего солнцестояния, мы отправили шлюпку на берег, чтобы промерить бухту; наши люди нашли, что она почти совсем высыхает при отливе, и все русские ладьи оказались лежащими на сухой отмели.

Хотя стоянка была плохой, однако угрожавшие бурей северные ветры привели нас к мысли поднять паруса; мы отпустили канат с якорем и готовились войти в бухту, так как прилив почти кончался. Но, как всегда бывает в подобных путешествиях, произошел неожиданный случай. Как только мы подошли к бару у входа в бухту, на нас налетел внезапно такой порыв ветра, что мы не могли ввести корабль в бухту, и мы рисковали прежде, чем нам удалось бы выравнять его по ветру, опрокинуться на подветренную сторону; тогда мы вынуждены были спустить якорь под самыми нашими парусами и остановились в настоящей впадине (breach), думая, что мы подтянемся на буксире в бухту. Гавриил и вместе с ним и другие выехали, показывая свою добрую волю прийти нам на помощь, но все было напрасно, и вся их работа повела бы только к тому, что они могли бы потонуть. Тогда я попросил Гавриила одолжить мне якорь потому, что наши собственные были слишком велики, чтоб можно было их завезти; он прислал мне свой собственный и, кроме того, занял и прислал мне другой якорь. Мы завезли один из этих якорей с канатом в 140 саженей, все еще думая, что мы вошли внутрь бухты, но и это было напрасно, ибо, когда мы стали укорачивать наш буксир, то мы вытянули якорь обратно. Вследствие этого нам пришлось перенести конец буксира на другой маленький якорь, который прислал нам Гавриил, и вывезли этот якорь в сторону моря. После этого мы повернули киль между двумя этими якорями и поставили паруса на фок и грот мачте, а когда наше судно двинулось, мы вышли в море к нашему другу и весь этот день следовали средним ходом.

25-го, в четверт, мы достигли мыса св. Иоанна, где нашли одинаково хорошую стоянку на случай как северных, так, в случае нужды, и северо-западных ветров.

26-го, в пятницу, подняв якорь после полудня при довольно хорошей погоде, мы поплыли к тому месту, где мы оставили наш якорь и наши канаты. Как только мы стали на якорь, вышеупомянутый Гавриил подъехал к нашему борту с четырьмя или больше маленькими лодками и привез русской водки (aqua vitae) и меда (meade); он высказал мне свои дружеские чувства и радовался снова видеть нас, говоря, что они серьезно думали, что мы погибли... Гавриил объявил, что они спасли и якорь

и буксирный канат; поговорив с ним, я попросил 4 или 5 человек в мою каюту, где и предложил им винных ягод и вообще угостил их чем мог. Пока шло угощенье, подошла еще одна шлюпка с одним русским по имени, как я узнал после, Кириллом, жителем Колмогор, тогда как Гавриил жил в городе Коле, находящемся неподалеку от устья реки того же названия. Этот Кирилл сказал мне, что один из одолженных мне якорей принадлежал ему, я поблагодарил его, считая это вполне достаточным. Я всегда действовал одинаково: если привезенный мне подарок стоил угощения, то они тотчас же получали его; но он ничего не привез, и поэтому я почти не обратил на него внимания. На этом мы покончили; они расстались со мной и отправились на берег. Высадившись, Гавриил и Кирилл поругались и, как я понял, подрались; причиной было то, что одного угостили лучше, чем другого. Понятно, однако, что победа осталась за Кириллом, потому что на его стороне было 17 человек, а на стороне Гаврила только двое.

Со следующим приливом Гавриил и эти двое уехали и присоединились к своим прежним соседям и спутникам. Их было не меньше 28 ладей, и все они были с реки Колы.

Как я понял, Кирилл решил, что канат, прикрепленный к его якорю, должен был стать его собственностью, и сначала не хотел отдавать его нашей шлюпке; тогда я дал ему знать, что буду на него жаловаться, после чего он возвратил канат нашим матросам.

На следующий день, в субботу 27 июня, я отправил шлюпку на берег за свежей водой и дровами. Когда люди вылезли на берег, Кирилл встретил их очень любезно и угостил; пока это происходило, он велел своим людям наполнить наши боченки водой и помочь нашим людям снести дрова в лодку. Затем он надел на себя самый лучший шелковый кафтан и жемчужное ожерелье и приехал к нам на корабль с подарками. Из уважения к его подарку, больше чем к нему самому, потому что я видел все его тщеславие, я встретил его с приветом и предложил ему блюдо винных ягод; он заявил затем, что его отец был дворянином и что он может быть мне более приятен, чем Гавриил, который всего только попов сын.

28-го, после их отъезда, мы снялись с якоря и в течение всего отлива плыли против ветра, дувшего с севера. Но так как к ночи ветер перешел в бурю, мы опять должны были укрыться у мыса св. Иоанна, потеряв во время бури кормовую лодку, которую мы купили в Вардехусе. Здесь стояли мы до 4 июля. Широта мыса св. Иоанна — 60° 50′. Следует заметить, что мыс св. Иоанна возвышается над водой во время прилива на 10 сажен. Он совершенно чист, без деревьев, без камней и скал и покрыт одной только черной землей, такой гнилой, что если часть ее падает в воду, то плавает подобно куску дерева. Во всем этом месте

на расстоянии 3 лиг от берега глубина моря не превышает 9 сажен, дно же — глинистое.

Июль

4-го, в субботу вечером, ветер перешел к в.-с.-в.; мы снялись с якоря и поплыли к северу. Пройдя 2 лиги за мыс, мы увидели хижину в долине; в этой стране это было очень приятным зрелищем; когда мы несколько приблизились, я увидел 3 человек на вершине холма. Я предположил, и это потом оправдалось, что люди эти пришли сюда откуда-нибудь, чтобы ставить капканы на горностаев из-за их меха. Таких капканов мы видели очень много по мере того, как мы двигались вдоль берега.

В воскресенье, 5-го утром, мы стали на якорь прямо против бухты, где ранее находились русские, но заметив, что бо̀льшая часть их людей уплыла, мы решили, что задерживаться здесь дольше нельзя, подняли якорь и в течение всего времени плыли против ветра.

В понедельник, 6-го в полдень, вода в море стояла высоко. Береговой прибой был очень невелик; большой прилив бывает только при луне с юга. В тот момент, когда мы поднимали якорь, мы подметили русские ладьи, которые мы потеряли было из вида. Они вышли из бухты, лежащей в песчаных холмах, начинающихся в 15 лигах к с.-с.-в. от мыса св. Иоанна.

Использовав отлив до конца, мы стали на якорь в 6 лигах к с.-с.-в. от того места, где русские выехали из бухты; русские выбрали здесь стоянку за низкими отмелями, но для нас там было слишком мелко.

Снявшись с якоря в полночь 7 июля, мы поплыли на север, в то время как берег тянулся с ю.-ю.-з. к с.-с.-в. К полудню мы находились на широте 68° 30′; здесь кончаются помянутые выше песчаные холмы, берег же простирается от ю.-ю.-в. к с.-з. и с.-с.-з.; здесь море становится глубже.

К вечеру мы стали на якорь в полулиге от берега на глубине 10 сажен и наловили множество рыбы — вахни * и трески.

Снявшись с якоря в среду 8-го, мы приблизились при северо-восточном ветре к мысу, называемому Канин Нос (Caninoz).

В четверг, 9-го, при слабом ветре мы повернули по ветру против отливного течения, чтобы обойти Канин Нос; широта в полдень была 68° 40′.

В пятницу, 10 июля, мы вновь повернули против отлива, но без успеха. Однако, стоя на якоре, мы заметили, что с с.-с.-в. поднимается

* Особый вид трески.

что-то вроде шторма, и не знали, где нам укрыться от него; мы не знали здесь никакой гавани; берег же, под которым мы стояли, был для нас наветренным. Пока я раздумывал, что нам делать, я увидел парус, выбегавший из бухты у вышеупомянутого Канина Носа; это был мой друг Гавриил, который, покинув безопасную стоянку и товарищей, подъехал насколько мог ближе к нам и указал нам восточное направление; подняв якорь, мы последовали за ним к востоку с уклоном к югу при з.-с.-з. ветре и в большом тумане.

В субботу, 11-го, мы продолжали следовать за Гавриилом в в.-ю.-в. направлении; Гавриил провел нас в гавань, называемую Моржовец (Morgiovetz), в 30 лигах от Канина Носа. У бара при входе в гавань было $2^1/_2$ сажени; за баром глубина увеличилась, составляя 5, $4^1/_2$, 3 сажени и т. д. Когда наше судно отшвартовалось, я послал несколько человек на берег за дровами; здесь было множество леса, принесенного течением, но растущих деревьев не было вовсе. Мы нашли здесь также очень много молодых морских птиц — чаек, морских сорок и др.; русские их не ели, на что мы в досаде не были, так как больше досталось на нашу долю.

В воскресенье, 12-го, наши люди рубили дрова на берегу и перевозили их на корабль, который мы здесь же нагрузили балластом из камней. В это утро Гавриил заметил дым на нашем пути, в 2 лигах от места, где мы стояли. Он отправился туда на своей лодке и к вечеру вернулся с молодым самоедом. Наряд его показался нам тогда очень странным; самоед подарил мне 3 молодых диких гусей и казарку.

13-го, в понедельник, я отправил человека на сушу в Гаврииловой лодке; он привез нам 8 боченков свежей воды. Широта Моржовца — $68^1/_3°$. При ю.-ю.-з. луне здесь бывает сильный прибой, нагоняющий $2^1/_2$ сажени воды.

14-го утром мы выехали отсюда и, пройдя 25 лиг на восток, увидели в 5 лигах к северу с уклоном к западу остров, называемый Колгуев (Colgoieve). От крайнего восточного пункта его на восток с уклоном к югу тянется песчаная отмель длиною в 7 лиг.

В среду 15-го утром в 5 лигах от нас к югу мы увидели Святой Нос. В этот же день после полудня мы прошли через опасный бар Печоры, где воды было только 1 сажень.

Четверг 16-го мы простояли на якоре.

17-го, в пятницу, я съехал на берег и наблюдал за стрелкой компаса, которая уклонялась на $3^1/_2°$ к западу. В этот день показала широту 69° 10′.

В 2 или 3 лигах к востоку за Святым Носом начинаются песчаные холмы, которые идут до выхода в Печору; ближе к Печоре они очень низки.

В большой прибой, который бывает при луне, на ю.-з. в печорском баре вода повышается на 4 фута.

В понедельник 20-го мы подняли якорь и вышли в море через упомянутый бар всего при 4 футах воды, на 1 фут меньше, чем когда мы входили в реку. Причиной этого было, я думаю, то, что, когда мы входили, ветер дул с суши (off the sea) и делал промоины в песчаных мелях, а мы старались держаться на ровных местах между промоин, чего бы нам не следовало делать; но мы поступили так, видя, как русские входили перед нами. А когда мы выходили, ветер дул с моря (off the shore), была прекрасная погода и не было видно промоин в песках, как при нашем вхождении в реку. Благодарение богу, что наш корабль сидит так мелко.

Когда мы были уже за баром, ветер, перейдя к в.-ю.-в., сделался противным, так что мы стояли во время отлива и плыли в течение всего прилива против ветра, держа курс на в.-с.-в.

Во вторник, 21-го утром, нам показалось, что на востоке или немного с уклоном к северу видна земля; однако потом оказалось, что это была чудовищная глыба льда.

Немного более чем полчаса спустя, после того как мы увидели льды, мы были неожиданно окружены ими. Это было ужасное зрелище: в течение 6 часов мы только и делали, что уходили от одной льдины, в то же время стараясь держаться подальше от другой. Ветер был так силен, что мы едва могли итти на нижних парусах. Когда мы избавились от опасности, грозившей от льдов, мы стали дрейфовать к востоку, легши на бейдевинд.

На следующий день, 22-го, нас снова беспокоили льды.

В четверг, 23-го, было тихо. Мы шли на север против ветра. В полдень мы достигли широты 70° 11′.

Только что мы испытали хороший двухчасовой шторм, идя на северо-запад при с.-в. ветре, как мы снова встретили ледяную глыбу. Мы обогнули ее головную часть и некоторое время шли по направлению к открытому морю, сделав 7 лиг к западу.

В пятницу, 24-го утром, мы повернули к востоку при с.-с.-в. ветре. В полдень широта была 70° 15′.

25-го, в день св. Иакова, пустившись против ветра, мы достигли в полдень широты в 70° 20′. В тот же день к вечеру мы увидели чудовищного кита так близко от нашего борта, что можно было бы вонзить в него меч или какое-нибудь другое оружие. Но мы не посмели этого сделать из боязни, что он опрокинет наш корабль. Я созвал весь мой экипаж; все мы стали кричать, и от этого крика он удалился от нас. Часть его спины, возвышавшаяся над водою, была величиною со всю нашу пинассу, а погружаясь, он произвел такой страшный шум в воде, что каждый человек, не зная, в чем дело, был бы чрезвычайно удивлен.

Однако, благодарение богу, мы спокойно избавились от него. Немного времени спустя, мы заметили какие-то острова; подойдя к ним, мы нашли хорошую стоянку глубиной от 15 до 18 сажен с черно-илистым дном. Мы стали на якорь вечером и назвали этот остров, в котором мы нашли пресную воду, островом св. Иакова *.

26-го, в воскресенье, мы стояли на месте вследствие сильного ветра.

27-го, в понедельник, я съехал на берег и промерил широту, которая оказалась в 70° 42′. Компас уклонялся на $7^1/_2$° к западу.

Во вторник, 28-го, мы плыли к западу вдоль берега при северо-западном ветре. Я уже собирался стать на якорь, как увидел парус, выбегавший из-за мыса, у которого мы думали стать на якорь. Я послал шлюпку навстречу; подойдя друг к другу, шлюпки вступили в разговор, и начальник русской шлюпки сказал, что он был вместе с нами на реке Коле и что мы проехали дорогу, которая ведет на Обь. Земля, у которой мы находились, называется «Нова Земола», т. е. Новая Земля (New Land). После этого он подъехал к нашему кораблю и, войдя на борт, повторил мне то же самое и добавил, что на Новой Земле находится, как он думает, самая высокая гора в мире и что Большой Камень (Camen bolshoi) **, находящийся на Печорском материке, не идет в сравнение с этой горой. Я, впрочем, ее не видал. Он сделал мне также некоторые указания относительно дороги на Обь. Казалось, что он очень спешит и очень не хочет долго оставаться здесь из-за поздней поры и потому что его сосед уехал на Печору, а он задержался. Я подарил ему стальное зеркало, 2 оловянных ложки и пару ножей в бархатных ножнах. После этого он как будто согласился пробыть с нами некоторое время и дал мне все сведения, какие он имел и которые относились к целям нашей экспедиции. Он подарил мне 17 диких гусей и сообщил мне, что их 4 лодки были отнесены ветром от Канина Носа к Новой Земле. Имя этого человека было Лошак.

В среду, 29-го, когда мы плыли к востоку, мы заметили еще парус. Это была ладья одного из товарищей Лошака. Мы подошли к его лодке, и в разговоре он сообщил нам об Оби все то, что сообщил его товарищ Лошак.

В четверг, 30-го, мы продолжали итти к востоку при в.-с.-в. ветре.

В пятницу, 31-го, шторм стал усиливаться; вместе с тем ветер перешел в западный. Вечером мы стали на якорь среди Вайгачских островов ***, где мы увидели 2 маленькие ладьи. Одна из них подошла к нашему борту, и я получил в подарок большой каравай хлеба. Люди из

* Судя по широте 70°20′, это был, вероятно, остров Междушарский у берегов Новой Земли.

** Уральские горы.

*** Т. е. Вайгач и острова, лежащие к югу от него.

этой ладьи сказали мне, что все они были из Колмогро (Colmogro), кроме одного, проживавшего на Печоре; этот последний был, кажется, самым опытным из них в охоте на моржей.

Несколько их товарищей были на берегу и охотились за большим медведем, гоня его с высоких прибрежных скал в воду. Экипаж ладьи, которая подходила к нашему борту, убил его на наших глазах.

В этот день был сильный шторм при северном ветре: мы видели, что в открытом море несло много льда, так что о выходе из гавани нечего было и думать.

Август

1-го, в субботу, я съехал на берег посмотреть трех убитых русскими моржей. Небольшой клык они ценили в рубль, а за шкуру белого медведя просили 2 или 3 рубля. Они рассказывали, кроме того, что здесь, на главном острове, живет народ, называемый самоедами. Самоеды враждебно относятся к русским и так же отнеслись бы и к нам, англичанам. У них нет домов, а только палатки из оленьих шкур, укрепленные снаружи шестами; они прекрасные охотники и владеют большими стадами оленей.

Ночью был страшный шторм при западном ветре.

2-го, в воскресенье, дул сильный ветер и выпало много снега; мы стояли на двух якорях, спущенных с носа.

3-го, в понедельник, подняв якорь, мы подошли к другому острову в 5 лигах к в.-с.-в. от нас. Там мы снова встретили Лошака и съехали вместе с ним на берег. Он повел нас к самоедским идолам. Число их было более 300, самой плохой и неискусной работы, какую я когда-либо видел. У многих из них глаза и рты были вымазаны кровью; они имели грубо сделанный облик мужчин, женщин и детей; то, что было намечено из других частей тела, также было обрызгано кровью. Некоторые из их идолов были не чем иным, как старыми кольями с двумя, тремя нарезами, сделанными ножом. Я увидел много следов названных самоедов и следов саней, на которых они ездят. Тут же, у кучи идолов, лежала одна пара сломанных саней и оленья шкура, загаженная птицами. Перед некоторыми идолами были сделаны плахи высотой до рта идола; все они были в крови, и я подумал, что эти плахи служат жертвенниками. Я видел также приспособления, при помощи которых они жарят мясо; насколько я мог заметить, они разжигают огонь прямо под вертелом.

Присутствовавший при этом Лошак сказал мне, что здешние самоеды не такие опасные, как обские; что у них нет домов — я действительно не видел ни одного, — а только палатки из оленьих шкур, которые они подпирают кольями и шестами. Их лодки также сделаны из

оленьих шкур; они переносят их к морскому берегу на своих плечах; для своих сухопутных перевозок они могут пользоваться только оленями. Что касается хлеба и зерна, то у них их совсем нет, за исключением того, что привозят к ним русские; их развитие очень низко, так как они грамоты не знают.

Во вторник, 4-го, мы перешли в гавань, где стояла лодка Лошака, тогда как до того мы стояли у какого-то острова. Явившись к нам на борт, Лошак сказал мне, что, если бог пошлет попутный ветер и хорошую погоду, он поедет с нами на Обь, так как у этих Вайгачских островов моржей мало, а если он не доедет до Оби, то он поедет к реке Нарамзе (Naramzay), где народ не столь дик, как обские самоеды; о последних он сказал, что они всячески стараются застрелить всех людей, не говорящих на их языке.

В среду, 5-го, мы увидели страшную глыбу льда, которая приближалась к нам, вследствие чего мы сочли за лучшее со всей поспешностью уйти из этого места и возвратились снова к западу, к тому острову, где мы стояли 31 июля.

В четверг, 6-го, я съехал на берег и измерил широту; оказалось — 70° 25′. Стрелка компаса уклонялась на 8° от севера к западу.

В то время когда я измерял широту на берегу, Лошак вместе с двумя малыми печорскими ладьями уехал от этого острова. Я удивился, что они уехали так внезапно и пошли по мелким местам между островами, где нам невозможно было за ними следовать. Однако я потом убедился, что они мудро предвидели погоду.

В пятницу, 7-го, мы простояли на якоре. Дул с.-с.-в. ветер со страшным штормом. С обоих концов острова, у которого мы стояли, лед несся к нам в таком большом количестве, что было страшно смотреть на это зрелище. Буря продолжалась с сильным снегом, дождем и градом.

В субботу, 8-го, мы продолжали оставаться на месте, и хотя буря стала немного стихать, но был такой туман, что в кабельтове от нас не было видно ничего. Ветер дул с с.-в. с уклоном к востоку.

9-го, в воскресенье, в 4 часа утра мы отправились в путь от этих островов при ю.-в. ветре, но когда мы отошли от маленьких островков и мелей в открытое море, спустился такой густой туман, что на расстоянии выстрела из мелкого орудия ничего не было видно. Тогда, чтобы уберечься, мы спустили все паруса.

К вечеру прояснилось, мы подняли паруса и легли на бейдевинд к югу от Вайгачских островов. Некоторое время спустя мы снова убрали паруса из-за густого тумана и дождя. В этом месте мы опустили лот, который показал 25 сажен и мягкий черный ил. Мы находились в 3 лигах от берега; дул южный ветер с уклоном к востоку; туман все еще стоял.

В понедельник, 10-го, лот дал 40 сажен и ил; туман продолжался.

Во вторник, 11-го, рано утром мы опустили якорь на глубине 23 сажен при продолжающемся тумане.

12-го, в среду, в 3 часа утра туман рассеялся; ветер дул с с.-в. с уклоном к востоку. Тогда мы увидели часть Вайгачских островов, вблизи которых мы находились, и пошли на ю.-ю.-в. на бейдевинде. Вечером мы стали на якорь у юго-восточной части Вайгача. Я выслал на берег шлюпку с тремя матросами, чтобы выяснить, нельзя ли завязать сношения с какими-нибудь самоедами, но безуспешно. Весь день шел дождь, но ветра не было.

В четверг, 13-го, ветер дул с запада, что заставило нас искать другой стоянки, так как мы совершенно не были укрыты от ветра с открытого моря; хотя был туман, мы все же двигались вперед вдоль берега. Когда мы зашли за берег и укрылись от ветра, мы бросили якорь. Вечером туман рассеялся, и мы могли разглядеть, что было вокруг нас; при этом мы убедились, что вошли в пролив.

После полудня мы погрузили две или три шлюпки камней в качестве балласта для нашего судна. Прилив поднимает здесь воду на 4 фута, но вода прибывает порывами, силу которых было трудно определить.

14-го, в пятницу, мы продолжали стоять в проливе при юго-восточном ветре. Шел сильный дождь; когда он прошел, снова поднялся туман.

15-го, в субботу, дул сильный западный ветер с большим дождем, а потом снова спустился туман.

16-го, в воскресенье, стоял густой туман при сильном ветре.

17-го, в понедельник, — сильный туман; ветер был с в.-с.-в.

18-го, во вторник, был также туман; однако в полдень сквозь туман проглянуло солнце, что дало возможность определить широту — 70° 10′. После полудня стал снова туман при з.-с.-з. ветре.

19-го, в среду, в 3 часа пополудни мы снялись с якоря при в.-с.-в. ветре и пошли к югу с уклоном к востоку, пройдя 7 лиг до 7 часов вечера, и думали, что видели песчаные холмы, находящиеся к востоку от реки Печоры. Вечером ветер стал крепчать, мы убрали грот и пошли на одном фоке к з.-с.-з. при в.-ю.-в. ветре. Ночью разыгралась такая ужасная буря, подобно которой мы еще не видали, хотя и много мы видели бурь с тех пор, как вышли из Англии. Следует удивляться, как наше судно могло выдержать столь чудовищные и страшные бури; это могло случиться только помощью бога, который всегда помогает находящимся в нужде и вверяющим себя его попечению.

В четверг, 20-го утром, благодарение богу, буря, достигнув высшего предела, стала стихать; ветер перешел на север, и я определил, что самая западная точка Печорского устья находится в 15 лигах к югу от нас. К вечеру мы поставили грот и при с.-в. ветре с уклоном к северу легли на бейдевинд, хотя подвигались медленно вследствие слишком высокой

волны. В полночь мы переменили курс, и судно наше медленно пошло к с.-с.-в.

21-го, в пятницу, мы были на широте 70° 8′; лот показал 29 сажен с песчаным и как бы струистым дном. К вечеру мы переменили курс к западу, а немного спустя и ветер перешел на запад.

22-го, в субботу, море было спокойно. Широта в полдень была 70° 20′; тут мы опустили лот, давший 49 сажен с илом; ил этот показывал, что мы приближались к Новой Земле.

Таким образом, потеряв всякую надежду сделать в этом году какие-нибудь новые открытия на востоке, мы сочли за лучшее повернуть назад, вследствие трех причин.

Во-первых, вследствие постоянных северо-восточных и северных ветров, которые, когда заедешь за Канин Нос, господствуют сильнее, чем в каких бы то ни было местах, которые я знаю в этих северных странах.

Во-вторых, вследствие большого и внушающего страх обилия льдов, которые мы видели своими глазами и еще большее количество которых находится без сомнения в этих странах. И то я осмелился слишком далеко забраться в льды, и я благодарю бога за свое избавление от них.

В-третьих, потому, что ночи становились темнее и стала приближаться зима с ее бурями. Поэтому я решил воспользоваться первым попутным ветром, который пошлет мне бог, чтобы направиться к бухте св. Николая и посмотреть, не можем ли мы с божьего соизволения оказаться полезными там.

В эту субботу мы видели много льда в 2 или 3 лигах от нас. Он казался нам как бы твердой землей, которая тянулась с северо-востока на восток от нас, насколько было видно глазом. После полудня господь послал нам легкий южный ветер, так что, благодаря бога, мы отошли от западной оконечности ледяной кромки. К ночи снова стало тихо; ветер дул с юго-запада; до полудня воскресенья, 24-го августа, мы шли к северо-западу с уклоном на запад при юго-западном ветре. Широта была 70° 30′. Была сильная волна, так что мы не могли точно определить широту, а могли сделать это только приблизительно.

В понедельник, 25-го, сначала дул хороший сильный ветер с юга; мы шли поэтому на запад с уклоном к югу; широта в полдень была 70° 10′. Ветер в течение дня ослабел. Вечером мы делали промеры, показавшие 29 сажен глубины и черный ил с песком. В это время мы находились в 5 лигах к северо-западу от северо-восточной части острова Колгуева (Colgoieve).

Во вторник 26-го дул западный ветер, и мы плыли против него.

В среду, 27-го, ветер оставался западным, но море было спокойно. Широта была в этот день 70° 10′, и мы находились в расстоянии около 3 лиг от северной части острова Колгуева.

В четверг, 28-го, мы приблизились к западной оконечности острова в поисках места для стоянки вследствие северо-западного ветра. Не найдя ее, мы снова вышли в открытое море; ветер перешел на з.-ю.-з; в это утро выпал сильный снег.

29-го, в пятницу, при ю.-з. ветре, с уклоном к западу, мы плыли против ветра.

В субботу, 29-го, при южном ветре мы шли к западу. После полудня туман рассеялся, и мы могли увидеть берег в 7—8 лигах к востоку от Канина Носа. Незадолго перед тем лот показал глубину в 35 сажен и илистое дно. Некоторое время спустя мы снова опустили лот, который дал 19 сажен и песок. Мы находились в это время в $3^1/_2$ лигах от берега, а к ночи поднялся такой ветер, что мы принуждены были лечь на дрейф и повернуть нос корабля на запад.

В воскресенье, 30-го, ветер ослабел, но затем поднялся туман. В полдень мы переменили курс и пошли к востоку при южном ветре и прошли в этом направлении 8 лиг; затем снова изменили курс, направив судно к в.-ю.-в. Лот показал 32 сажени с твердым илом, подобным глине.

В понедельник, 31-го, мы обошли Канин Нос и стали на якорь, чтобы, с божьего соизволения, наловить рыбы, и поймали большую рыбу nuse; здесь их так много, что они с трудом подпускают других рыб к крючкам, они утащили у нас несколько крючков и грузил. Немного спустя, к вечеру, поднялся штормовый ветер с з.-ю.-з., так что нам пришлось поднять якорь и бросить рыбную ловлю; мы легли на ю.-з. бейдевинд с уклоном к западу и пошли в з.-ю.-з. направлении.

Сентябрь

Во вторник, 1-го, опустивши лот, мы определили глубину в 20 сажен и получили обломки ракушек. Я определил, что Канин Нос находится от нас в 24 лигах к с.-с.-в.

11 сентября мы прибыли в Колмогоры, где мы перезимовали, ожидая приближения следующего лета, чтобы продолжать предположенные открытия у Оби, что, однако, не было выполнено, вследствие полученного нами распоряжения итти следующей весной к Вардехусу на поиски некоторых английских судов.

2. Несколько заметок, бегло написанных шкипером (master) Ричардом Джонсоном, который участвовал в открытии Вайгача и Новой Земли вместе со Стифеном Бэрроу на «Серчсрифте» в 1556 г., а после был у самоедов, которых дьявольские обычаи он и описывает.

После того как мы выехали из Англии, мы прежде всего попали в Норвегию. На Норвежском берегу лежит Северный Берген (Northbern

or Northbergen); норвежский народ находится в подданстве датского короля. Но язык их отличается от датского: они говорят по-норвежски (norsh). К северу от Бергена лежат острова Рост (Roste) и Лофотенские (Lofoot). Острова эти входят в состав Финмаркена, где придерживаются обычаев и говорят на языке жителей этих островов.

В самой восточной части Финмаркена находится замок Вардехус. Король датский укрепляет его военным гарнизоном, и русские не смеют ходить на запад от этого замка. К ю.-ю.-в. от замка находится земля, называемая Лаппия. В этой земле живут два народа, а именно: лопари и скрикфинны (Scrickfinnes) *; последние — дикий народ, не знающий ни бога, ни установленных порядков. Они живут в палатках из оленьих шкур. У них нет определенного местожительства, но они упорно продолжают жить толпами и собраниями численностью от 100 до 200 человек. Они малого роста, одеваются в оленьи шкуры и не едят хлеба, а только сырое мясо. Соседние с ними лопари очень сходны с ними во всех отношениях; но русский царь (emperour) недавно установил над многими из них свою власть, и они подчинены ему. Народ этот говорит, что он верит в русского бога; живут они в палатках, как финны. К юго-востоку и югу от Лаппии находится провинция, называемая Карелией, а народ в ней называется карелами (Kerilli). На ю.-ю.-в. от Карелии лежит страна, называемая Новогардией (Novogardia).

Все эти три нации состоят в подданстве русского царя, а русские в церквах держат закон греческий и пишут они похоже на греков; они говорят на собственном своем языке, ненавидят латинский язык и не имеют никакого отношения к римскому папе. Разные изваяния они считают недостойными почитания, но все почитают изображения, писанные на досках. В России церкви, колокольни и дома — все деревянные, а суда, которые они имеют, сшиты прутьями, без гвоздей. Карелы, русские и москвитяне похожи друг на друга во всех отношениях.

К югу от москвитян живут татары; они магометане, обитают в палатках и повозках, живут ордами и группами (heardes and companies) и не любят жить подолгу на одном месте, говоря, когда бранят своих детей: «Я хотел, чтобы ты настолько долго оставался на месте, что мог бы нюхать свои собственные испражнения, как это делают христиане». Это их самое сильное ругательство.

На северо-востоке от России находится Лампожня (Lampes), место, куда русские, татары и самоеды съезжаются два раза в год для обмена товаров на товары.

К северо-востоку от Лампожни лежит страна самоедов у реки Печоры, и эти самоеды состоят в подданстве русского царя. Они живут

* Скрикфинны — воющие финны.

в палатках из оленьих шкур, часто прибегают к колдовству и хорошо стреляют из лука. К северо-востоку от Печоры находится Вайгач; там живут дикие самоеды, не позволяющие русским высаживаться на берег; они убивают и едят их, как об этом рассказывают нам русские. Живут они кочующими толпами и в свои повозки впрягают оленей, так как лошадей у них нет. За Вайгачом находится земля, называемая Новой Землей, очень большая, но людей на ней мы не видели. Там мы добыли довольно много дичи и видели белых лисиц и медведей.

Когда вышеупомянутые самоеды, живущие на берегах Печоры и находящиеся в подданстве у русского царя, желают перейти из одного места в другое, они совершают жертвоприношения следующим образом. Каждый род приносит жертву в своей собственной палатке; старейший по возрасту бывает у них жрецом. Прежде всего жрец начинает бить в предмет, похожий на большое решето и обтянутый с одной стороны кожей, подобно барабану. Палочка, которой он бьет, — в ладонь длиной; один конец ее кругл, как мяч, и покрыт оленьей кожей. У жреца на голове белый предмет, похожий на гирлянду, лицо же его покрыто куском кольчуги с множеством ленточек и зубов рыб и диких зверей, привешенных к ней. Потом он начинает петь, как мы здесь в Англии кричим на собак во время охоты; остальные отвечают ему криками «оутис, айга, айга, айга», а он снова отвечает им своими восклицаниями. Так они обмениваются теми же словами много раз. Наконец, он как бы впадает в беспамятство и падает наземь, как мертвый, и лежит на спине в одной рубашке. Я едва замечал его дыханье. Я спросил у остальных, почему он так лежит, и мне ответили, что «теперь наш бог говорит ему, что мы будем делать и куда мы пойдем». После того как он полежал несколько минут, они три раза прокричали «огао! огао! огао!». После этих трех восклицаний он приподнял голову и снова лег, потом встал и вновь запел прежним голосом, а присутствующие отвечали ему «айга! айга! айга!». Тогда он приказал им убить пять больших оленей (olens or great deere) и снова все продолжал петь, как и раньше. Затем он взял меч длиною в локоть с ладонью (я сам его смерил) и вонзил его себе в брюхо до половины или немного меньше, но раны не было видно (остальные же продолжали тихо петь). Тогда он положил меч на огонь и держал его, пока он не согрелся, и в таком виде вложил его в разрез своей рубашки и пронзил им свое тело, как я думал, от пупа до седалища. Так как последнее было обнажено, я приложил к нему палец; тогда он вынул меч и сел. После этого они поставили котел с водой на огонь и стали его греть, а когда вода стала закипать, жрец стал опять петь, а они отвечать ему, пока вода грелась, после чего все сели и прекратили пение. Тогда

они сделали сиденье, имевшее квадратную форму, высотой и объемом с кресло, плотно покрыли переднюю часть его одеждой, между тем как задняя часть его была прислонена к стенке палатки. Их палатки круглы и на их языке называются чумами (chomes). Когда вода все еще кипела на огне, а сиденье было готово, жрец снял рубашку, повязку с головы и то, что закрывало его лицо; на нем все время оставалась пара чулок, доходивших ему до крестца. Он подошел к сиденью, сел на него попортновски и стал петь или улюлюкать громким голосом. Тогда другие взяли тонкий шнур из оленьей кожи длиною в 2 сажени; небольшим узлом жрец прикрепил его к своей шее и пропустил его под левое плечо, отдав концы шнура двум людям, стоявшим по обе стороны от него. Концы шнура они держали вместе. Тогда котел с горячей водой поставили перед жрецом на квадратное сиденье. Все это время последнее оставалось непокрытым; теперь жреца и сиденье покрыли одеждой из широкого холста без подкладки, какую носят русские. Тогда оба человека, которые держали концы шнура, начали их тянуть, пока не стянули их вместе. Тогда я услышал, что в котел с водой, который стоял в палатке перед жрецом, что-то упало. Я спросил сидевшего рядом со мной, что же упало в воду, стоявшую перед жрецом. Они ответили, что упала его голова, левое плечо и рука, отрезанные шнуром, т. е., думаю я, узлом, который я после видел стянутым. Тогда я встал и хотел удостовериться, было ли это так, или нет, но они удержали меня, сказав, что если увидеть жреца плотскими глазами, то умрешь. Бо́льшая часть самоедов говорят по-русски достаточно хорошо, чтобы можно было их понять. И меня они сочли за русского. После этого они начали кричать «огао! огао! огао!» много раз и все вместе. Пока они так пели и взывали, я увидел нечто похожее на человеческий палец в двух местах просунутый через одежду, покрывавшую жреца. Они ответили, что это не его палец, так как он все еще мертв, но что то, что я будто видел, было зверем, а каким, они не знали или не хотели мне сказать. Я смотрел на покрывало, но в нем не было видно дыры. Наконец, жрец поднял свою голову вместе с плечом, рукой и всем своим телом и подошел к огню. Вот что из их богослужения я видел в течение нескольких часов. Но как они чтут своих идолов, этого я не видал, потому что они забирают все свое добро прежде чем уйти с того места, где находятся идолы. Я пошел к тому, кто прислуживал жрецу, и спросил, что сказал их бог жрецу, когда он лежал замертво. Он ответил, что народ этого не знает, да и нечего ему это знать: все должны исполнять то, что прикажет жрец.

Все это я видел в 5-й день января, лета нашего господа 1556-го по английскому счету.

*

3. Путешествие г. Стифена Бэрроу в 1557 г. из Колмогор в Вардехус в поисках «Благой Надежды» (Bona Speranza), «Благого Упования» (Bona Confidentia) и «Филиппа и Марии», о которых ничего не было слышно с предыдущего года.

Май. В воскресенье, 23 мая, я вышел на «Серчсрифте» из Колмогор (широта 64° 25′, отклонение компаса 5° 10′ от севера к востоку).

26-го, в среду, мы подошли к острову, называемому Позанка, в 4 лигах от Березовского бара. Здесь бывает подъем воды при луне на востоке.

В субботу утром, 29-го, мы вышли от Позанки и направились к бару Березовой губы, где при низкой воде стали на якорь, промерили бар двумя нашими лодками и нашли в самом мелком месте бара 13 футов воды по линейке. В весеннее время на этом баре бывает до 3 футов воды; высокая вода бывает здесь при восточной луне.

В воскресенье, 30-го утром, мы отъехали от Березовского бара и плыли вдоль берега среди мелей на глубине 5 саженей (fadome), пока я не увидел рейда св. Николая. Тогда мы повернули к северу и направили курс на холм, находящийся в полумиле к востоку от Коя-реки (Coia Reca). Холм лежит к северо-востоку от монастыря св. Николая; между ними 11 лиг. Коя-река в полумиле к востоку от Коскайноса. Коскайнос и середина острова, называемого Мондюстовым (Mondeustove ostrove) и находящегося прямо против Березовского бара, находятся друг от друга в направлении на ю.-в.-с.-з.; между ними 4 лиги или, можно сказать, что от морской стороны бара до Коскайноса — 3½ лиги.

В понедельник, 31-го вечером, мы были против Коскайноса. Собачий Нос (Dogs nose) лежит в 8 лигах к с.-с.-з. от Коскайноса. Собачий Нос похож на рыбью голову, если вы смотрите на него с обеих сторон, идя в море. На низменной точке Собачьего Носа стоит одинокий крест.

Июнь. От Собачьего Носа до Лисьего (Foxnose) — 3 лиги в с.-з. направлении.

2 июня я съехал на берег в 2 милях к северу от Собачьего Носа и определил широту того места в 65° 47′. В этом месте в высокую воду при луне с востока заливает берег, и корабль, чтобы уйти от прилива, должен направиться при луне с ю.-ю.-в. прямо в открытое море. Иначе сказать, если у берега прилив достигает всей своей силы, то в открытом море уже начинается отлив. Отклонение компаса здесь — 4° к востоку.

3-го с.-с.-з. ветер отогнал нас назад к Собачьему Носу, где корабль может стать против соляной варницы на глубине в 4 или 4½ сажени и отстаиваться от с.-з. ветра. Варница эта находится в полумиле к югу от Собачьего Носа.

4-го, в пятницу, к вечеру мы отплыли от этой солеварни. Надо заметить, что на расстоянии 4 миль от Собачьего Носа к северу на берегу

близ моря не растет деревьев, а самый берег состоит из сукновальной глины (fuller's earth); на утесах же встречаются деревья. Таким образом, Собачий Нос легко узнать, потому что он состоит из глины, чего я не видел нигде во всей этой местности.

Впереди Лисьего Носа, в лиге от берега, — 15 сажен глубины. Между Лисьим Носом (я разумею южную его часть) и Золотицей — 6 лиг.

В воскресенье, 6-го, я промерил Золотицкий бар, где, по словам русских, хорошая стоянка; но в самом глубоком месте я нашел только 4 фута.

В понедельник, 7-го, мы были на широте 66°; в 6 лигах к югу от нас был Троицын Нос (point Pentecost) *.

В среду, 9-го, я съезжал на Крестовый остров и определил широту 66° 24′. Когда мы были в лиге к с.-в. от Крестового острова, я увидел землю на востоке и решил, что это мыс Счастья (Cape Good Fortune); он был в 9 лигах от нас к в.-ю.-в. Мыс Милости лежит в $7^1/_2$ лигах к с.-в. от Крестового острова. В 5 лигах к с.-с.-в. от мыса Милости находятся 2 острова, южный — небольшой узенький островок почти в милю длиною, северный же — круглый и маленький; оба тесно прижаты к берегу. Мыс Рэс (Cape Race) находится в 2 лигах к с.-з. от южного островка, а в полулиге от него к с.-с.-з. лежит еще мыс. Между обоими мысами у русских есть становище (stanovish) или гавань для ладей (lodias). К западу от этого второго мыса лежит мелкая бухта.

10-го мы находились на широте 67° 10′ в $3^1/_2$ лигах к северу от мыса Рэс. Плывя по этой широте в полумиле от берега, я убедился, что здесь наиболее сильный прибой бывает при луне на с.-в. Поднятый лотом грунт состоял из больших обломков ракушек и камней, слежавшихся вместе в виде мелкого песка. Мы подняли якорь в полдень при с.-в. ветре и половину времени отлива дрейфовали по ветру с носом судна, обращенным к востоку. Направив его позднее к западу, мы опустили лот и установили глубину в 22 сажени с обломками ракушек и серым песком на дне. В этот день стоял большой туман, и по мере того как туман падал, на вантах отлагался иней.

В пятницу утром туман немного рассеялся, подул с.-в. ветер и поднялось сильное волнение; все наши ванты и канаты покрылись инеем; начинался шторм. Я счел за лучшее поискать безопасной гавани; мы вернулись к островам, находящимся в 2 лигах к югу от мыса Рэс, и под их прикрытием нашли, благодарение богу, себе пристанище. У этих островов глубина 2 сажени. Вода втекает в гавань в прилив при луне на ю.-ю.-в.;

* От устья Двины до Золотицы Бэрроу плыл вдоль зимнего берега; далее, до Троицына мыса, также лежавшего на зимнем берегу, путь продолжался вдоль того же берега; после этого англичане переехали пролив Белого моря и пошли вдоль западного его берега. Крестовый остров есть, вероятно, остров Сосновец.

обратно вода течет, когда прилив бывает в луну на ю.-ю.-з. Этот остров русские называют «Три острова». Можно войти в гавань между малым и большим островом; при этом держитесь середины пролива, но если вы заберете в одну какую-нибудь сторону, то лучше в сторону большого острова; у вас будет при низкой воде глубина 4—$3^1/_2$—3 сажени, пока вы не подойдете к самому узкому месту, находящемуся между северной оконечностью большого острова и южной оконечностью материка, лежащей как раз напротив; затем держитесь направления на крест, стоящий на материке; в низкую воду вы получите 10 футов глубины и чистый песок. Если же вы хотите выйти из пролива к югу, держитесь северо-восточного берега, ибо, если вы будете держаться ближе к острову, держа курс на крест, то здесь имеется скалистая отмель, занимающая половину пролива. Скалы здесь тянутся до южной части острова и еще далее к югу. Если же вам придется искать убежища от северных ветров, то, идя из открытого моря, держите курс на южную часть большого острова, не приближаясь к нему, а когда вы повернетесь к материку, вы найдете рейд, защищенный от всех северных ветров, глубиной в 4—5—6—7 сажен при низкой воде.

Если нужно, то и у большого острова можно найти хорошее место для стоянки корабля; это остров длиной почти в милю и в $^1/_4$ мили шириной.

Буря с северным ветром продолжалась до 16 июня, после чего подул южный ветер, но из-за льдов мы не могли выйти в море. Я съезжал на берег к кресту и определил широту в 66° 58′ 30″; отклонение компаса $3^1/_2$° к востоку.

В четверг, 17-го, в хорошую погоду при северном ветре мы пошли против ветра на парусах и веслах. В этот день мы остановились во время прилива в 3 лигах к северу от мыса Рэс, в 2 лигах от берега при глубине в 20 саженей с чистым серым и черным песком и осколками ракушек на дне.

Когда 18-го пошел снег, мы подняли якорь и направились к берегу; в 2 кабельтовах от берега мы нашли глубину в 18 сажен с дном из чистого серого и черного песка. Здесь и далее к западу можно найти стоянки, защищенные от северного ветра.

В 2 лигах от мыса Христова тела и далее к западу можно найти стоянку от северо-восточных ветров, при глубине 23 сажени, почти в миле от берега, с чистым песком, а на песке — молоденькие маленькие ракушки, подобные раковинам от мул. В 2 кабельтовах от берега в среднем глубина 18 сажен; лот дает те же показания, но молодых улиток еще больше. Мы стали на якорь в высокую воду, почти в миле от берега, когда луна стояла на юго-востоке. В 2 милях к югу от мыса Христова

тела берег меняет свое направление: от мыса Рэс до этого места он идет почти с юга на север.

Пройдя в этот день (19 июня) 6 лиг к северу от мыса Рэс при с.-с.-в. ветре с туманом и морозом, мы в полдень увидели солнце сквозь туман, так что я мог установить широту 67° 29′.

21-го, в понедельник, мы были против мыса Христова тела в $2^1/_2$ лигах от берега, а может быть несколько более. Здесь мы опустили лот; глубина оказалась 36 сажен с обломками раковин-гребенок, лежавших толстым слоем, и с отрубеобразным песком.

Во вторник, 22-го утром, мы были на расстоянии выстрела против Прекрасного мыса, который русские называют Святой Нос (Sotinoz). А когда мы находились как раз почти в полулиге между ним и мысом Поддержки (Cape Comfort), ветер перешел сначала к северо-западу, потом больше к северу, так что нам пришлось приблизиться к берегу, чтобы поискать стоянки, и мы на самом деле нашли хорошую гавань от всех ветров с наименьшей глубиной в 7 сажен, между островом св. Иоанна и материком. Став на якорь, мы измерили широту, оказавшуюся 68°1′. После полудня дул северный ветер и валил снег.

Вечером к нашему борту подъехало в лодке несколько лопарей, всего около 16, в их числе были две молодые женщины. Некоторые из них говорили по-русски. Я спросил их, где они живут, и они ответили мне, что они составляют группу или орду из 100 человек, не считая женщин и детей, и живут неподалеку на реке Иеконге. Они сказали мне, что ходили искать еды по скалам, добавив, что если они ее не находят, то ничего не едят. Я видел, как они едят всякие сорные травы, растущие на скалах, с такою же жадностью, как корова ест траву, когда она голодна. Я видел также, как они ели сырые птичьи яйца и птенцов, сидевших еще в яйцах.

Я запомнил несколько слов на их языке, которые я счел полезным записать для тех, кому впоследствии придется продолжать это путешествие *.

Коухти котят, Cowghtie coteat; —	Как это называется
Подди зеик, Poddy thecke	пойди сюда
Эвенчи зеок, Avanchy thocke,	иди отсюда
Анна, Anna	прощай
Тийрве, teyrve	здравствуй
Иомм лимоуфес, iomme lemaufes	благодарю тебя
Пэсевелли, Passevellie	друг
Ольмвелк, Olmvelke	мужчина
Кэптелла, Captella	женщина

* Ниже слова ненцев даются в русской транскрипции, наряду с которой в целях большей точности оставлена также подлинная английская транскрипция XVI в.

Алк, alke	сын
Ннйт, neit	дочь или молодая девушка
Ойви, oyvie	голова
Снэлм, cyelme	глаз
Ненна, nenna	нос
Нильма, nealma	рот
Панпя, pannea	зуб
Нюхтима, neughtema	язык
Симэн, seamen	борода
Пялли, peallee	ухо
Тяппат, teappat	шея
Воапт, voapt	волосы
Кят, keat	рука
Соорм, soarme	пальцы
Ноулки, lowlkie	нога
Пилки, peelkie	большой палец на ноге
Сарк, sarke	шерстяная одежда
Лин, lein	полотняная одежда
Пейт, payte	рубашка
Толь, tol	огонь
Кятс, keatse	вода
Мэрр, murr	лес
Вэннэс, Vannace	лодка
Эрика, Arica	весло
Нэрр, Nurr	веревка
Пив, Peyve	день
Хир, Hyr	ночь
Гнивизя, neyvezea	солнце
Манна, Manna	луна
Лэст, Laste	звезды
Козам волка, Cozam volka	куда идешь
Оттэпп, ottapp	спи
Тэлли, tallye	это
Кнйндд пив, Keiedde pieve	неделя
Искп, isckie	год
Кесс, Kesse	лето
Тэлв, Talve	зима
Ноуксэм, iowksam	холодно
Пэрокс, parox	тепло
Эбри, Abrye	дождь
Югэнг, ioughang	лед
Кятики, keatykye	камень
Селлоуп, sellowpe	серебро
Сольда, solda	золото
Тэннэ, tennae	олово
Вескю, veskue	медь
Роуад, rowadt	железо
Нийбкс, neybx	нож

Аксше, axshe	топор
Лябп, labee	хлеб
Иявгот, iaevegoat	мука
Пенка, pencka	ветер
Иоут, iowte	боченок
Кемии, kemnie	котел
Кистес, keestes	рукавицы
Сапег, sapege	сапоги
Конд, conde	дикий олень
Поаца, poatza	пашенный олень

Числительные

Офте, ofte	1
Ноумпте, noumpte	2
Колм, colme	3
Нелли, nellye	4
Витт, vitte	5
Коут cowte	6
Кийдим, keydeem	7
Каффтс, kaffts	8
Оухгт, owghchte	9
Локк, locke	10
Остретэмбилокк, ostretumbelocke	11
Коухтиэмбилокк, cowghtiumbelocke	12
Колменонбилокк, colmenonbelocke	13
Неллиномбилокк, nellynambelocke	14
Виттиномбилокк, vittienombelocke	15
Коутиномбилокк, cowtenombelocke	16
Кийдимномбилокк, keydemnombelocke	17
Кафтсномбилокк, kaftsnombelocke	18
Оухтномбилокк, owghtnombelocke	19
Кофтилокк, coffteylocke	20
Колмелокк, colmelocke	30
Неллилокк, nellylocke	40
Виттелокк, vittelocke	50
Коутелокк, cowtelocke	60
Кийдимлокк, keydemlocke	70
Кафстлокк, kaffstelocke	80
Оугехтелокк, oughehtelocke	90
Тюэт, tewet	100

25 июня, в пятницу утром, мы оставили остров св. Иоанна; к западу от него в миле от берега мы опустили лот, показавший 36 сажен и песок с илом.

Джуана Кресс находится от Прекрасного мыса (Святого Носа) в з.-с.-з. направлении, между ними — 7 лиг. Мыс на острове, являющийся

мысом Поддержки (Cape Comfort), лежит к северо-западу от Джуана Кресс в 3 лигах. Самый восточный из 7 островов, остров св. Георгия, лежит от Джуана Кресс в с.-з. направлении; между ними $14^1/_2$ лиг. Последний из 7 островов, с мысом Поддержки (Cape Comfort), тянется с с.-з. на ю.-в. У самого южного из этих островов можно найти хорошую стоянку от всех ветров северного направления — от с.-з. до с.-в. Все 7 островов простираются на расстоянии $3^1/_2$ лиг. От с.-з. оконечности вышеназванных островов до острова св. Петра — 11 лиг к с.-з. *

26 июня. Остров св. Петра лежит на незаметном низком месте; он не похож на остров, но кажется точно на нем выстроен замок.

Остров св. Павла лежит в 6 лигах к с.-з. от острова св. Петра. Между обоими островами прекрасная песчаная бухта, где можно хорошо укрыться от ветров северных направлений.

Мыс Соуэр-бир находится в 5 лигах от острова св. Павла. Мыс Поддержки (Cape Comfort) на острове Кильдине ** находится в 6 лигах к з-с.-з. от мыса Соуэр-бир. Между ними залив, в котором, как кажется, много островов.

От мыса Бонавентуры (Bonaventure) до Цып-Наволока (Chebe-Navolock) — 10 лиг к с.-з. с легким уклоном к з. Цып-Наволок — красивое место; на нем возвышается нечто черное, похожее на пустую корабельную бочку, стоящую у моря.

От Цып-Наволока до Кигора — $9^1/_2$ лиг к с.-з. Если приблизиться к нему с востока, то Кигор встает перед вами в виде двух холмов, стоящих рядом, с большим седлом между ними.

Там, где мы шли в это воскресенье, 27-го, к в. от Кигора, полная вода бывает при луне на в. и ю.-в. Мы шли при 15-саженной глубине и более чем в полумиле от берега. Вечером опустился такой густой туман, что нам пришлось стать на якорь менее чем в миле от поворота в Домсхаф. Глубина здесь была 33 сажени, а лот дал что-то вроде коросты с паршивой головы.

28 июня, в понедельник, после полудня, несмотря на густой туман, мы пришли в гавань Вардехус. Я послал на берег человека, чтобы узнать новости и выяснить, не слышно ли чего о наших кораблях ***.

* «Семь островов» находятся примерно на полпути между Святым Носом и Рыбачьим полуостровом, близ устья реки Харловки.

** Острова, названные Бэрроу островами св. Петра и св. Павла, — вероятнее всего, Большой и Малый Оленьи острова; остров Кильдин лежит к востоку от входа в Кольскую губу. Остальные названия, приводимые Бэрроу, даны им по собственному почину, произвольно, и потому трудно поддаются точному определению. Все описание Мурманского берега, очень подробное, предпринято было с обдуманной целью исследовать побережье во избежание печальной участи Уиллоуби и его спутников.

*** Т. е. о «Благой Надежде», «Благом Уповании» и «Филиппе и Марии».

29-го, во вторник, я съехал на берег и пообедал с заместителем губернатора, который оказал мне прекрасный прием. Сам губернатор еще не возвратился из Бергена; его ждали каждый час и говорили, что он должен привезти с собой новые вести.

Поздно вечером мы вышли из Вардехуса по направлению к Колмогорам.

30-го мы пришли в Кигор, где нас встретил в.-ю.-в. ветер, так что нам пришлось уйти в бухту к з. от мыса Кигора, где могут укрыться от всех ветров (самый худший в.-с.-в.) 2—3 небольших судна, не сидящих глубже чем на 11—12 футов в воде. Место стоянки защищается от ветров северных румбов рядом скал. Когда мы вошли в бухту, мы увидели там судно из Дронтона и 3—4 норвежских яхты, принадлежащих бергенцам. Когда я съехал на берег, я прежде всего встретил голландцев и среди них сына Трондгемского (Дронтонского) бургомистра, который сообщил мне, что «Филипп и Мария» зимовала в Дронтоне и в марте вышла оттуда в Англию; вместе с тем он сообщил мне, что «Упование» (Confidentia) погибло и что он купил его паруса для своего корабля. Затем голландцы повезли меня на свой корабль, где меня отлично угостили. При этом я видел, как лопари торгуют у них серебряные блюда, сосуды и ложки, золоченые кольца, серебряные и золоченые украшения для поясов и какие-то предметы, которые вешают на шею с полагающимися к ним серебряными цепочками.

Голландцы привозят сюда очень крепкое пиво. Я уверен, что пока это пиво будет здесь, наше английское двойное пиво не будет нравиться ни лопарям, ни карелам.

Я также видел, что голландцы продают здесь сукно — синее, зеленое и красное и некрасивого цвета конского мяса; они привозят также сюда выделанные шкурки выдр и лисиц — черных и красных; наши английские лисьи шкурки — только подделки под голландские.

Они не хотели мне сообщить своих цен, но я иным путем узнал, что они меняют 2 единицы груза серебра на 100 таких же вяленой трески, а 2 таких единицы стоят доллар *. Голландцы сказали мне, что в нынешнем, 1557 году дела их тут шли прекрасно. Они сообщили, что им придется отвезти полный груз в Вардехус, там сложить его на суше и вернуться за другим. Сын бургомистра сказал, что с своим грузом вяленой трески он поедет в Амстердам; он подарил мне боченок крепкого пива и сам привез его на борт нашего корабля.

После этого я сам пошел к русским и карелам, которые предлагали продать мне рыбы; подобным же образом и лопари предлагали мне взглянуть на их рыбу. Я ответил, что сейчас со мной нет ни товаров, ни де-

* Т. е. талер.

пег, чтобы торговать с ними, и что я приехал только посмотреть, не встречу ли где-нибудь наших английских кораблей. Они звали меня приехать сюда на будущий год, на что я сказал, что если я приеду, то, пожалуй, не хватит рыбы на голландцев и на нас. На это они мне ответили, что если бы сюда заходило больше судов, то больше бы народу работало, ловили и готовили рыбу; они сказали мне, что некоторые из них приехали сюда со своих рыбных ловель за 8 недель пути на оленях, которые бегают гораздо скорее, чем лошади.

Пока я так разговаривал с карелами и лопарями, уполномоченный русского царя, бывший здесь для сбора дани с лопарей, пригласил меня зайти в его шатер и после любезных приветствий предложил мне хорошее угощенье. Он спросил меня, почему сюда не приезжают наши корабли. Я ответил, что мы до настоящего времени не были знакомы с этим местом и никогда не слыхали, чтобы тут производился какой-нибудь торг. Если вы будете приезжать сюда, ответил он, то сюда будет ездить больше народа ловить рыбу. По-моему, сказал он, хорошо было бы вам положить начало. Я сказал, что если на то будет милость божия, то на будущий год сюда придет английский корабль.

Ввиду того что я видал слуг датского короля, также собиравших здесь дань, я спросил Василия Федоровича, русского уполномоченного, не будут ли датчане мешать нам, если мы приедем сюда, в Кигор. Он ответил, что нет, ибо это земля его государя, а потому — чтобы приезжали сюда смело.

Карелы и лопари не продают рыбы, пока означенный уполномоченный не осмотрит ее и не даст разрешения на продажу. Я спросил его, какие товары нам лучше всего было бы привезти сюда, на что он ответил: серебро, жемчуг, сукно — синее, красное и зеленое, муку, крепкое вино, оловянную посуду, лисьи шкурки и золото.

Лопари платят дань русскому царю, королю датскому и королю шведскому. Русский уполномоченный сказал мне, что река Кола немногим далее чем в 20 лигах к югу от Кигора; там мы могли бы получить большое количество семги, если бы хлеб был несколько дешевле в России; тогда бы бедный люд ездил сюда ловить семгу.

Голландцы сказали мне, что в этот год они сделали хорошие дела, но карелы жаловались, что не могли продать всей рыбы, а то, что они продали голландцам и что было так выгодно голландцам, карелам пришлось продать им по своей цене. Я спрашивал карел, почем они продают рыбу русским; они сказали, что дешево: мы продали 24 штуки за 4 алтына. Я думаю, что им редко удавалось в этом году продавать 25 штук больше чем за 20 пенсов.

Голландцы сказали мне, что лучшая вяленая треска приготовляется в Кигоре. У Васильева шатра я видел 7 или 8 дротиков и полдюжины

согнутых луков с полным запасом стрел, а также мечи и другое оружие. В других местах я не видел там оружия.

Я был также приглашен в жилище сборщиков дани на датского короля и видел там пару кандалов; я спросил, не для лопарей ли они (если будет в этом нужда). Нет, сказали они, — это только для наших, если они будут буйствовать.

Карелам и лопарям нельзя доверять, ибо они такие же воры, как русские, если только сумеют подобраться к какой-нибудь вещи.

Что касается моего плавания, то ввиду того что ветер был слишком слаб, чтобы итти в Колмогоры, я задержался к востоку от Кигорского мыса, отправил людей на берег и испек две полные печи хлеба, в печах, которые имеются здесь у карел.

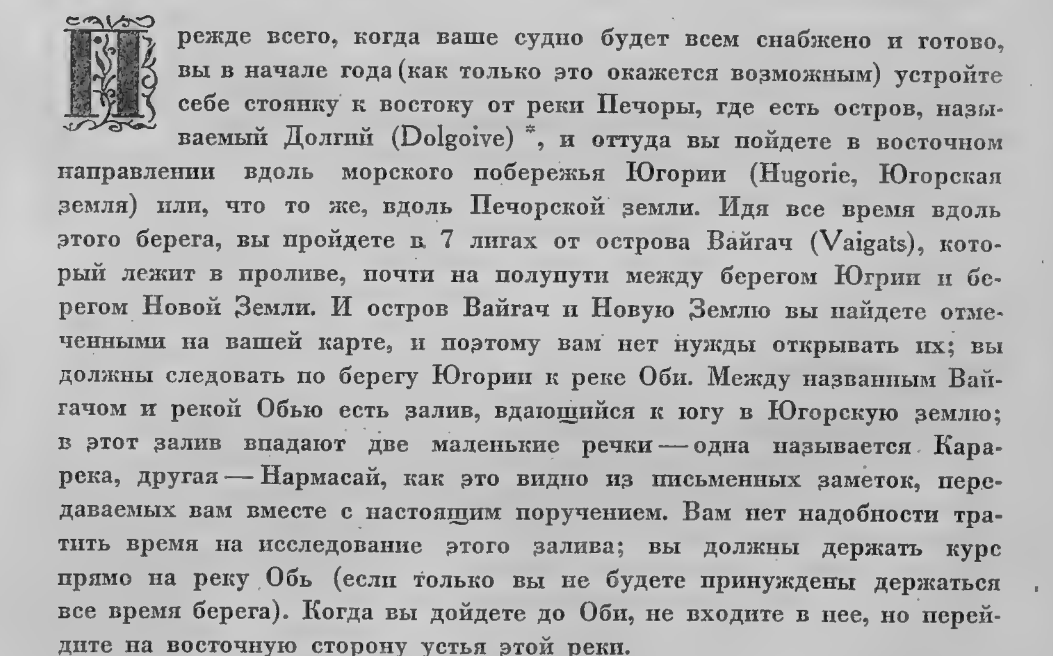

VII

ПРЕДПОЛОЖЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДЖЕМСА БЭССЕНДАЙНА, ДЖЕМСА УДКОКА И РИЧАРДА БРОУНА

1568 г.

Поручение, данное нами, Томасом Рэндольфом, посланником королевского величества в России, и Томасом Бэнистером Джемсу Бэссендайну, Джемсу Удкоку и Ричарду Броуну, каковых, Бэссендайна, Удкока и Броуна, мы назначаем совместно и в помощь одного другому в предположенное, по милости божией, путешествие с целью новых открытий для исследования моря и морских берегов от реки Печоры к востоку, как ниже следует. 1 августа 1568 г.

Прежде всего, когда ваше судно будет всем снабжено и готово, вы в начале года (как только это окажется возможным) устройте себе стоянку к востоку от реки Печоры, где есть остров, называемый Долгий (Dolgoive) *, и оттуда вы пойдете в восточном направлении вдоль морского побережья Югории (Hugorie, Югорская земля) или, что то же, вдоль Печорской земли. Идя все время вдоль этого берега, вы пройдете в 7 лигах от острова Вайгач (Vaigats), который лежит в проливе, почти на полупути между берегом Югрии и берегом Новой Земли. И остров Вайгач и Новую Землю вы найдете отмеченными на вашей карте, и поэтому вам нет нужды открывать их; вы должны следовать по берегу Югории к реке Оби. Между названным Вайгачом и рекой Обью есть залив, вдающийся к югу в Югорскую землю; в этот залив впадают две маленькие речки — одна называется Карарека, другая — Нармасай, как это видно из письменных заметок, передаваемых вам вместе с настоящим поручением. Вам нет надобности тратить время на исследование этого залива; вы должны держать курс прямо на реку Обь (если только вы не будете принуждены держаться все время берега). Когда вы дойдете до Оби, не входите в нее, но перейдите на восточную сторону устья этой реки.

* Имеется в виду остров Долгий, лежащий к юго-западу от Югорского Шара.

Когда вы будете к востоку от устья Оби-реки (Obba Reca), идите далее на восток вдоль берега и описывайте побережье подробно и точно, как только можете. Не оставляйте этого побережья, но идите вдоль него, по крайней мере не теряя его из виду, до тех пор, пока вы не зайдете так далеко на восток, что ввиду позднего времени года вы сочтете нужным вернуться с вашим судном на зимовку. Ваше плавание составит от 300 до 400 лиг к востоку от Оби, если только море простирается в этом направлении так далеко, как мы рассчитываем. Однако, если вы увидите, что берег не идет далеко на восток, вы все же не отходите от него ни в каком случае, но идите вдоль него так, как он лежит, и не оставляйте ни единой части его не обследованной и не осмотренной, разве только это будет река или залив, и вы будете достоверно осведомлены об этом обитателями, которых вы найдете на побережье, или же будете иметь возможность заключить, что это именно так и есть, на основании каких-нибудь достоверных признаков. Ибо мы надеемся, что это побережье, вскоре после того, как вы пройдете Обь, будет отклоняться в восточном, а затем в южном направлении, и вследствие этого мы хотели бы, чтобы ни одна часть берега с вашего правого борта не оставалась вами неоткрытой, по мере того как будет итти ваше плавание.

Тем не менее, если сказанное побережье не отклоняется к востоку, как мы это предполагаем, а окажется, что оно тянется в северном направлении и соединяется с Новой Землей и что таким образом море к востоку от Вайгача образует не что иное, как залив, мы все же желаем, чтобы вы держались указанного берега и представили нам точный отчет о формах и очертаниях этого залива.

И если окажется, что это залив и что вы объедете вокруг него и вдоль берега вернетесь к Новой Земле против Вайгача, так что вы будете видеть указанный остров Вайгач, то, если время года позволит, вы пойдете вдоль берега Новой Земли в западном направлении и изучите вопрос, не соединяется ли эта часть Новой Земли с землей, которую сэр Х. Уиллоуби открыл в 1553 г. под 72° широты и которая находится в 120 лигах от указанной части Новой Земли. Если вы, дойдя до земли Уиллоуби, убедитесь, что она соединяется с Новой Землей, вы пойдете далее вдоль ее берега, если только позволит время года и если вы будете считать, что у вас остается достаточно времени, чтобы вернуться на зимовку к Печоре ли, или в Россию *, по вашему усмотрению. В этом мы полагаемся на ваше разумное рассуждение, будучи уверены, что вы не будете терять времени и не упустите ничего, что может расширить сведения, которые вы соберете во время вашего плавания.

* Под Россией разумеются Колмогоры и вообще Белое море и устье Двины.

Заметьте, что «Серчсрифт»* начала обратное плавание на зимовку в России 20 августа 1556 г., что от острова Вайгача ее силой несли восточные ветры и лед и что она вошла в реку Двину и пришла в Колмогоры 11 сентября 1556 г. Если бы в тот год не было так много льда в проливах по обеим сторонам острова Вайгача, то они** на своей пинассе тогда же бы открыли страны, которые вас теперь посылают искать. Все это, если бы на то была милость божья, могло бы быть сделано еще тогда: но бог приберег это для кого-то другого. Если вам удастся сделать намеченное открытие, то это будет служить не только к вашей выгоде, но доставит вечную славу и вам и вашей родине. Итак, не сомневаясь в вашем желании и в вашей готовности совершить предположенное плавание, мы молим бога благословить вас счастливым началом и таким же успехом и окончанием путешествия. Аминь.

* «Сэрчсрифт» — судно Стифена Бэрроу; см. отд. VI.

** Т. е. Стифен Бэрроу и его спутники.

VIII

АРТУР ПЭТ И ЧАРЛЬЗ ДЖЭКМЭН

1. Поручение, данное сэром Роландом Хэйуордом, рыцарем, и Джорджем Барном, эльдерменами и правителями компании английских купцов для открытия новых рынков Артуру Пэту и Чарльзу Джэкмэну по случаю подготовляемого ими путешествия для открытия Китая (Cathay) в 1580 г. в следующей форме.

Во имя бога, всемогущего и вечного, аминь. Настоящая трехсторонняя запись составлена мая 20-го дня, лета господня 1580, в 22-й год царствования повелительницы нашей, государыни Елизаветы, божией милостию королевы Англии, Франции и Ирландии, защитницы веры и пр. и пр. Соглашение заключено рыцарем сэром Роландом Хэйуордом и Джорджем Барном, эльдерменами города Лондона и правителями компании английских купцов для открытия новых рынков по полномочию означенной компании и от ее имени, с одной стороны; с Артуром Пэтом (Pet) из Рэтклиффа в графстве Миддльсекс, капитаном, шкипером и хозяином доброго судна, называемого «Джордж» из Лондона, вместимостью в 40 тонн или около того, как второй стороной, и с Чарльзом Джэкмэном (Jackman) из Поплера в том же графстве Миддльсекс, капитаном, шкипером и управителем доброго судна, называемого «Уилльям» из Лондона, вместимостью в 30 тонн или около того (каковые оба судна стоят на якоре на реке Темзе против Лаймхоуза), как третьей стороной. Соглашением засвидетельствовано, что сказанные выше правители и компания наняли названного Артура Пэта на службу с вышесказанным судном под названием «Джордж» и с экипажем из 9 человек и юнги, а равным образом и названного Чарльза Джэкмэна с вышеупомянутым судном под названием «Уилльям» с экипажем из 5 человек и юнги, для путешествия, которое они божией милостью должны совершить для исследования и открытия морского прохода через пролив Бэрроу *, за остров Вайгач в восточном направлении к странам

* «Пролив Бэрроу» — Карские ворота, названные так в честь открывшего их, по мнению англичан, Стифена Бэрроу.

и владениям могущественного государя, императора китайского, а в пределах последних — к городам Камбалу и Квинсэй.

Предполагается (на основании авторитетных указаний писателей и по веским доводам разума), что проход этот существует к востоку от Вайгача, согласно описания на карте со спиральными линиями, составленной г. Уилльямом Бэрроу, каковую оба вышеупомянутые лица, Артур Пэт и Чарльз Джэкмэн, получат на руки; равно они оба получат и другую морскую карту и по бланку для карты. Если, однако, на самом деле не все сойдется с данным описанием, то все же мы надеемся, что азиатский материк или твердая земля не простирается так далеко к северу и что, может быть, найдется море, по которому возможно проехать между 70 и 80°. В силу этих обстоятельств мы и поручаем вам и вашим двум кораблям испытать и проверить это. Мы желаем, чтобы вы были соединены между собою теснейшей дружбой во всех ваших начинаниях и во всех целях, которые вы будете себе ставить, как самые дорогие друзья и братья для успеха и планомерного выполнения вашего путешествия. Равным образом мы приказываем вашим экипажам, чтобы люди с одного судна так любовно и заботливо относились бы к людям другого и так помогали бы им, как это сделали бы самые близкие друзья и братья, дабы могло казаться, что хотя и существуют два судна и два экипажа (а это сделано для вашего большего удобства и уверенности), вы всегда во всем согласны между собой и будете стараться изо всех ваших сил исполнить дело, которое вам вверяется. Если вы в добром порядке будете нести вашу повседневную службу и молиться богу, то тем больше будет ваш успех.

Мы хотели бы, чтобы вы почаще встречались для разговоров, совещаний, советов и для выработки согласного мнения о том, как и какими средствами могли бы вы наилучшим образом и соответственно нашим интересам выполнить намеченное путешествие. Во время ваших встреч, мы считали бы необходимым, чтобы вы приглашали в свою среду ваших помощников, а также и Николая Ченслора *, назначаемого нами купцом для учета товаров, которые вы будете покупать, продавать или выменивать, с тою целью, чтобы какую бы судьбу ни послал бог каждому из вас — все они имели бы сведения и инструкции, как поступить на вашем месте.

Мы хотели бы, чтобы о ваших совместных собраниях и совещаниях и о содержании принятых вами в каждом отдельном случае решений вы делали записи в переплетенных тетрадях, которые мы вам и даем для этой цели по одной на каждое судно. Мы назначаем Артура Пэта адмиралом на «Джордже» с правом поднимать флаг на грот-мачте, а Чарльза Джэкмэна — вице-адмиралом. Приказания, нужные вам, чтобы держаться

* Сын Ричарда Ченслора.

вместе, согласно нашему желанию, должны состоять в том, чтобы вы никогда не теряли друг друга из виду, разве только по взаимному соглашению для того, чтобы исследовать какой-нибудь остров или подняться по какой-нибудь реке. Такие случаи мы предоставляем на ваше усмотрение.

Для того чтобы ваше путешествие пошло хорошо, мы хотели бы, чтобы с ближайшим попутным ветром и хорошей погодой, какую бог пошлет в удобное и подходящее время после 22-го числа текущего мая месяца, вы вышли из реки Темзы к берегу Финмаркена и далее — к Нордкапу или к Вардехусу с тем, чтобы оттуда направить курс так, чтобы увидеть землю Уиллоуби и итти вдоль нее к Новой Земле, не теряя их берегов из вида с бакборта вашего корабля (если только это будет возможно), дабы удостовериться, составляет ли земля Уиллоуби один материк или одну твердую землю с Новой Землей, или же нет. Тем не менее вы не должны запутываться в каком-нибудь заливе или в иных местах, чтобы это не помешало вам быстро следовать к острову Вайгачу.

Когда вы придете к Вайгачу, то желательно, чтобы, увидав самоедский материк, лежащий против южной оконечности этого острова, вы, с божией помощью, пошли вдоль этого берега в восточном направлении и все время оставались в виду этого берега (если только это будет возможно), пока не достигнете устья реки Оби. Когда же вы дойдете туда, переходите, минуя устье, к берегу, расположенному к востоку от него, и не задерживайтесь для обследований вверх по реке. Увидав же восточный берег Оби, следуйте во имя божие вдоль него к востоку, ни под каким видом не выпуская этого берега из виду с вашего штирборта (если только можете), и держитесь его направления независимо от того, отклоняется ли он на юг или на север временами (может быть и то и другое), пока не придете в Китай или во владения тамошнего могущественного императора.

И если бог пошлет счастье вашему путешествию и даст ему такой успех, что вы достигнете Китая, старайтесь всеми средствами, какими можете, доехать до городов Камбалу и Квинсея или до одного из них. Если же случится так, что вам не удастся до них доехать, или же если вы будете принуждены остаться на зиму в какой-нибудь другой гавани или другом городе, то старайтесь всеми возможными средствами снискать благоволение и любовь в народе дарами и добрым отношением к людям. Не позволяйте себе насилий и не делайте вреда какому бы то ни было народу, но будьте чисты, как голуби, и мудры, как змеи, чтобы избегнуть зла и вреда. А когда, благодаря скромному своему поведению, вы вступите в дружбу с народом, старайтесь выведать от них все, что можете, о их государе и покажите им грамоты королевского величества, которые она посылает с вами (с каждым из вас — по грамоте одинакового вида и содержания, данной каждому из вас в отдельности), писанные на латин-

ском языке, каковые ее величество подписала и приказала запечатать своей личной печатью. Содержание же этих грамот, изложенное по-английски, имеется у вас для вашего собственного сведения.

Означенные грамоты ее величества вы постараетесь вручить тому самому могущественному государю или правителю, поднеся ему подарок, какой вы найдете удобным и подходящим; при этом вы будете себя вести во всем согласно вышеуказанных грамот и соответственным образом получите грамоты от этого государя.

Если же бог пошлет такой успех вашему путешествию, что этим же летом вы пройдете проливы и объедете вокруг самой северной части Азии в страну Китай и во владения тамошнего могущественного государя и, перезимовав там, окажетесь в состоянии получить грамоты с привилегиями к началу весны будущего года, вы можете, после вашего первого достижения, ехать для исследований и открытий несколько далее, чем вы проехали в предыдущем году, насколько вы найдете удобным, имея в виду и все время помня, что вы должны вернуться сюда домой, дать нам отчет о ваших действиях еще тем же летом или, во всяком случае, прежде, чем вас захватят зимние холода.

Если же случится, что нынешним летом вам будет невозможно достигнуть пределов Китая, но вы найдете, что земля за Обью простирается к востоку и море у ее берегов доступно для плавания, следуйте (как сказано выше) вдоль материка, продвигаясь этим летом насколько возможно и во время пути прилагая заботы, чтобы найти какую-нибудь подходящую гавань или место, где вы могли бы перезимовать и, найдя таковую, станьте на зимовку. Если вам случится найти там людей, завяжите с ними сношения в том порядке, какой мы выше указали вам относительно китайского народа. Если вы узнаете, что у них есть государь или верховный правитель, постарайтесь вручить ему одну из грамот ее королевского величества, как это указано выше, и ищите получить взамен его соответствующие грамоты. Если случится так, что вы перезимуете и получите грамоты с привилегиями и найдете, что народ и страна имеют такие товары, что торговые сношения с этим народом и получение тамошних товаров представляется для нас выгодным (мы надеемся, что вы сумеете это выяснить), это будет соответствовать нашим желаниям. Тем не менее мы хотели бы, чтобы вы, как только с божьей помощью выйдете будущим летом из гавани, где зимовали, пошли бы дальше вдоль берега в Китай, если только вы увидите возможность пройти туда, так как мы более всего желаем открыть именно эту страну. Мы видим, что вы снабжены провиантом больше чем на два года и что его хватит вам на два с половиной года, хотя бы вы и не нашли никакого другого подкрепления; вы можете поэтому быть смелее и больше дерзать в вашем путешествии. Если вы будете поступать так, то мы не сомневаемся, что вы достигнете Китая и

вручите тамошнему государю одну из грамот ее величества и привезете ответные грамоты этого государя. Итак, в лето господне 1581-е возвращайтесь на родину с добрыми новостями и радостными известиями не только для нас, дерзнувших на это путешествие, но и для всей страны и народа. Помогай вам бог это выполнить. Аминь.

Однако, если окажется, что азиатская земля за Обью простирается к северу до 80° или еще ближе к полюсу, и вы увидите, что это обстоятельство ведет вас к такой крайности, что нет никакой надежды или остается очень малая проехать этим путем в Китай, то тем не менее следуйте вдоль берега насколько вы успеете за это лето, заботясь о том, чтобы найти по дороге подходящее для вас место для зимовки. Если вы за лето откроете, что Азия простирается до 80° широты и дальше, может быть, до 85°, то мы хотели бы, чтобы местом вашей зимовки была река Обь или ближайшие к ней места. Найдя на этой зимовке людей — будь то самоеды, югра или малгомзеи (Molgomzes), — обходитесь с ними мягко, как это указано выше, и если узнаете, что у них есть государь или верховный правитель, то вручите ему одну из грамот ее величества и получите от него соответственный ответ. Постарайтесь также устроить с этим народом обмен товаров, которые вы повезете с собой, на такие, которые можно было бы там приобрести.

Если вам придется перезимовать именно так, то нам хотелось бы, чтобы будущим летом вы сделали открытия по реке Оби насколько возможно дальше. Если вы найдете, что эта река, которая, говорят, очень широка, действительно судоходна и годна для далекого плавания вглубь страны, то, может быть, вы доедете до города Сибири или до другого какого-нибудь города с населением на берегу Оби или близ нее, и тогда у вас явится желание перезимовать вторично; в этом случае поступайте по своему усмотрению.

Но если вы найдете, что река Обь мелка или неудобна для плавания на ваших судах, возвращайтесь следующим летом через пролив Бэрроу. И начиная от той части Новой Земли, которая примыкает к означенным проливам, идите вдоль ее берегов на запад, держась ее по штирборту и не теряя ее из виду, если только будет возможно, пока не доедете до земли Уиллоуби, если вам не удалось бы еще на пути из Англии открыть и выяснить, соединяется ли сказанная земля Уиллоуби с Новой Землей, или нет. Если вы убедитесь, что это — один и тот же материк, то от Новой Земли вы можете направиться к земле Уиллоуби наилучшим, наиболее подходящим путем и от земли Уиллоуби вы пойдете вдоль ее берегов на запад (хотя берег этот и отклоняется к северу) насколько вам это удастся, но с таким расчетом, однако, чтобы в надлежащее время вы могли вернуться домой в Лондон на зимовку.

Для обеспечения правильного хода путешествия и правильности наблюдений в пути, мы отсылаем вас к инструкциям г. Уилльяма Бэрроу; один экземпляр этих инструкций составляет прибавление к первой части настоящего договора, предназначенного для вас, Артур Пэт, и снабжен нашей печатью, а другой — ко второй его части, предназначенной для вас, Чарльз Джэкмэн, и также за нашей печатью, третий же присоединен к третьей части договора, остающейся у компании и запечатанной и подписанной вами, названным Артуром Пэтом и Чарльзом Джэкмэном.

На совершение всего, что содержится в этом договоре и каждой части его в отдельности, насколько позволит мне бог, я, упомянутый Артур Пэт, настоящим даю свое согласие. И я, названный Чарльз Джэкмэн, со своей стороны настоящим также изъявляю свое согласие исполнять означенный договор и каждую часть его, насколько позволит мне бог.

В подтверждение вышеизложенного экземпляры настоящего договора были снабжены печатями и вручены соответствующим сторонам в вышеописанный день и год. Пошли вам всемогущий бог счастливого успеха и благополучного возвращения. Аминь.

2. Инструкции и замечания, весьма полезные и необходимые, подлежащие соблюдению Артуром Пэтом и Чарльзом Джэкмэном в путешествии, намеченном для открытия Китая. Даны г. Уилльямом Бэрроу в 1580 г.

Когда вы подойдете к Орфорднессу, если ветер даст вам возможность обойти пески с моря, отходите в открытое море именно здесь и точно заметьте время, когда будете находиться против этого мыса; установите склянки, которыми вы будете измерять четырехчасовые вахты и курс, который сочтете наиболее выгодным, соответственно ветру. С этого времени, будет ли ваш корабль итти свободно под парусами, без парусов или лежать на дрейфе, вы должны по прошествии каждых четырех склянок опускать свинцовый глубинный лот и внимательно отмечать найденную глубину и свойства дна. Но если, вследствие быстроты корабельного хода или других причин, нельзя будет достать дна, отмечайте все-таки достоверную глубину, которую вы получили, не достав дна. Это правило следует соблюдать в течение всего путешествия — как туда, так и обратно. Но когда вы приблизитесь к какому-нибудь берегу или наедете на какую-нибудь отмель среди моря, следует чаще пользоваться лотом, опуская его по вашему усмотрению и тщательно отмечая изменения глубины, ее увеличение или уменьшение. Подобным же образом следует измерять глубину в гаванях, реках и т. п.

Делая исчисление по лагу, настоятельно необходимо отмечать в конце каждых четырех склянок, какой путь прошел корабль, тщательно это проверяя, и каков был этот путь в зависимости от воды, особенно отмечая

движение ее, вызываемое ветром, если вы замечаете, что оно усиливается. Отмечайте также глубину, что случилось замечательного за это время, ветер, дующий в данный момент, и какой он силы и крепости, и под какими парусами вы идете.

Но если вы не будете отмечать всего этого через каждые четыре склянки, я не хотел бы, чтобы вы пропускали слишком много времени; тогда внимательно отмечайте эти данные в конце каждой вахты и самое большее — через восемь склянок.

Тщательно измеряйте широту возможно чаще и в возможно большем количестве мест, а равно отклонение стрелки компаса, особенно когда будете на берегу какой-нибудь земли. Делайте эти наблюдения правильно и отмечайте место и время, когда вы их производите.

Когда вы увидите какой-нибудь берег или землю, тотчас же установите при помощи морского компаса, в каком расстоянии он находится от вас, записывая ваши суждения по этому поводу. Набрасывайте очертания берега в книге, как он вам представляется, тщательно замечайте, насколько далеко от вас находятся его наиболее возвышенные и чем-нибудь примечательные части, а также крайние ее точки с обеих сторон, помечая их буквами A, B, C и т. д. Затем, пройдя 1, 2, 3 и самое большее 4 склянки и внимательно заметив, какое расстояние прошло судно и в каком направлении по компасу, снова зарисуйте первый наблюдаемый вами вид берега или его частей, если вы можете видеть и различать их; точно так же нанесите прочие пункты и знаки на земле, которые вы видите в данное время, но не могли видеть в первый раз. Отмечайте их буквами и набрасывайте общий вид этой земли, как она вам представляется; также поступайте в третий раз, и т. д.

Равным образом, идя вдоль какого-нибудь берега, набрасывайте, как врезается каждая бухта, каждый вход в гавань и каждое устье реки и как выдаются мысы, которые вы можете называть какими вам угодно названиями. Делайте пометки, набрасывая формы и очертания берегов: где есть высокие скалы, где простирается низкий берег, где песок, холмы, леса, и не пропускайте ничего, что вы замечаете и видите и что может послужить для благой цели. Если вы будете внимательно и тщательно делать заметки в вашей книге, как это описано выше, и затем переносить их на карту, вы увидите, в каком расстоянии от вас была земля, когда вы ее впервые увидали, и отдельные части ее, которые вы наблюдали, и сделаете остальные выводы: как далека одна часть земли от другой и в каком направлении они лежат одна относительно другой.

Когда вы будете у какого-нибудь побережья, где бывают приливы и отливы, внимательно замечайте, когда в каждом месте бывает самая высокая и самая низкая вода, когда бывает спокойная или тихая вода во время больших подъемов воды и в низкую воду, в каком направлении течет

вода при приливе, когда происходит смена приливов и отливов, насколько повышается вода, насколько движение воды, связанное с приливом и отливом, может унести судно в течение часа или в течение всего прилива или отлива, насколько вы можете об этом судить, и сколько времени приходится на прилив и отлив. Если вы найдете, что у берега течение идет всегда в одном и том же направлении, отметьте и это должным образом, куда оно направляется и на какое расстояние оно может унести дрейфом корабль в течение часа.

Равным образом всякий раз, как вам представится случай съехать на землю, наблюдайте широту и отклонение стрелки компаса и т. д. Если возможно, измеряйте своим инструментом расстояния, делайте наблюдения над строением поверхности в данном месте, над всеми явлениями, достойными внимания, насколько вы сможете это делать, хотя бы от времени до времени. Если вы будете со вниманием исполнять эти указания, вы будете в состоянии наилучшим образом нанести все свое путешествие на карты, которые я вам дал, и описать его, а этого будут особенно ожидать от вас. Но пуще всего не забывайте отмечать все, что вы сможете узнать или заметить о почве, о плодоносности каждой страны, в которую вы попадете, об облике, внешнем виде, убранстве и правах людей, о товарах, какие у них имеются, и что им больше всего приглянется и чего они будут более всего желать из товаров, какие вы с собою везете. Вам надлежит дарить разные безделушки людям, которых вы будете видеть, и обращаться с ними как можно любезнее и дружелюбнее для того, чтобы завоевать их любовь и расположение и не делать им никакого вреда или зла. И даже если вы сами понесете ущерб от их рук, не мстите им легкомысленно, но всячески старайтесь расположить их к себе и в то же время ведите себя мудро и осторожно, уберегая себя от опасности, которую они могут для вас представлять.

Молю всемогущего бога благословить вас и послать вашему путешествию добрый и счастливый успех, а вам благополучное возвращение на родину к великой радости и веселию вместе с вами всех искателей, всех ваших друзей и всей нашей страны.

3. Несколько кратких советов, данных господином Ди (Dee) Артуру Пэту и Чарльзу Джэкмэну для выполнения их во время путешествия их на северо-восток.

Если признать расстояние от Вардехуса до острова Колгуева в 400 миль при разнице почти в 20° только по одной долготе с запада на восток, или очень близко от того, и при широте $70^{2}/_{3}$°; от Колгуева до Вайгача — в 200 миль при разнице только в 10° долготы на широте также в 70°, и от Вайгача до мыса Табин — в 60° долготы (все время по направлению с запада на восток) также на широте 70°, что составляет

1 200 миль, то таким образом общее расстояние от Вардехуса до Табина составит 600 лиг или 1 800 английских миль. Поэтому, если предположить, что в путешествии для открытия новых стран корабль будет проходить в среднем только 50 английских миль в день, то ясно, что путь от Вардехуса до Табина может быть легко пройден за 36 дней, но, с божией помощью, его можно сделать в гораздо более короткий срок, благодаря попутным ветрам и постоянному свету в течение всего потребного для того времени.

Когда вы минуете мыс Табин и достигнете 142° долготы, как показывает ваша карта, или еще 2, 3, 4 или 5° далее к востоку, то весьма вероятно окажется, что земля по правую вашу руку сильно отклоняется к юго-востоку.

Держась этого курса, вы, вероятно, попадете в устье известной реки Эхардес (Oechardes) или какой-либо иной, которая, по моим предположениям, протекает мимо славного города Камбалу. Ее устье должно находиться на широте 50 или 52° и в 300 или 400 милях от самого Камбалу, находящегося на широте 45°, к югу от указанного устья реки. Или же вам придется обогнуть самую северо-восточную точку всей Азии, пройти мимо области Ании и затем дойти до широты 46°, все время держась берега с правой стороны (насколько это будет безопасно); тогда вы можете войти в гавань Квинсея — главного города Северного Китая (China), который я так называю в отличие от другого, менее известного.

В одном из этих теплых городов или в обоих вы можете, по вашем приезде в эти страны, сделать много полезного. Так например, вы можете, то разъезжая по морю, то по большим пресноводным рекам, то делая тайные наблюдения, собирать сведения о городах, находящихся в пределах этой страны, или же вы постараетесь достать какие-нибудь карты страны, составленные и напечатанные в Китае или Хине (Cathay or China), или какие-нибудь книги для изучения языка. Быть может, вам представится случай проплыть на остров Японию, где вы найдете христиан-иезуитов, уроженцев многих стран, а может быть, и каких-нибудь англичан. От них вы можете получить хорошие наставления и советы, касающиеся ваших дел *.

* Все географические сведения о Китае, Японии и других странах Дальнего Востока, находимые в записках Хаклюйта, повторяются и дополняются в печатаемом ниже письме Г. Меркатора и представляют собою общую сумму географических известий о дальневосточных странах ученых европейцев в половине XVI столетия. Эти известия были частью заимствованы из сочинений географов классической древности — Страбона, Птолемея — и пополнены редкими известиями, которые привозили немногочисленные западноевропейские путешественники, побывавшие в средние века в центральной Азии и в Китае, например Плано-Карпини, Марко Поло и др. Более отчетливые представления о географии восточной Азии устанавливались очень медленно в течение XVI, XVII, XVIII и даже XIX вв.

4. Письменные замечания, кроме других, переданных устно, сообщенные в 1580 г. г. Ричардом Хаклюйтом из Итона в графстве Хирфорд, эсквайром, г-ну Артуру Пэту и г-ну Чарльзу Джэкмэну, отправленным купцами Московской компании для открытия северо-восточного пролива, и пригодные также и для других будущих предприятий по открытию новых стран.

Какие нам нужны острова и почему

Подобно тому, как португальцы на пути к своим индийским владениям имеют укрепленные гавани, служащие им как пристанища и для других важных целей, точно так же должны и вы обследовать, какие острова и гавани нужно вам иметь на вашем пути на северо-восток. Поэтому я хотел бы, чтобы вы занялись изучением этого вопроса, отмечали бы все острова и наносили их на карту с двоякой целью, именно, чтобы мы могли принять решение, как ими воспользоваться, а также каким образом, располагая ими, дикари или же цивилизованные государи могут препятствовать нам вести намеченную по этому пути торговлю.

Так как люди, к которым предполагается ехать в это путешествие, — не христиане, хорошо было бы, чтобы основная масса наших товаров всегда находилась в нашем распоряжении, а не зависела от воли других. Было бы поэтому очень хорошо, если бы вы отыскали какой-нибудь небольшой островок на Скифском море, где мы могли бы в безопасности основаться — строить укрепления и склады и оттуда в надлежащее время питать эти языческие народы нашими товарами, не закармливая их до отвала и не рискуя, чтобы весь наш товарный фонд был поглощен в кишках этой страны.

Если будет в этом надобность или если мы сочтем это выгодным, мы можем привлечь к этому острову торговый флот северо-востока, флот Камбалу, который будет посещать нас там и привозить свои товары, когда мы там обоснуемся и построим склады.

Если бы можно было найти остров, расположенный так, чтобы сокращать наш путь, и так, чтобы корабли из Камбалу и других стран могли бы приходить туда, не стесняясь расстоянием, то это было бы очень хорошо. Ибо при этих условиях, не считая уменьшения опасностей и увеличения безопасности, наши суда могли бы там разгружаться и снова нагружаться и возвращаться в то же лето в гавани Англии и Норвегии.

А если к такому острову, пригодному для устройства на нем наших складов, люди из Камбалу не стали бы ездить, мы все же могли бы, держа там суда, пользоваться ими для плавания между Камбалу и этим складочным местом.

О гаванях и убежищах

Если нельзя будет найти подобного острова в Скифском море у азиатского материка, то отыскивайте гавани вокруг Новой Земли, вдоль всего ее протяжения с тою целью, чтобы иметь возможность, если вас задержат противные ветры, перезимовать там в первый год, и для того также, чтобы можно было в короткое время доехать до Камбалу, выгрузить там товары и пуститься в обратный путь. Не подвергаясь риску оставаться в Камбалу, вы можете на обратном пути добраться до гавани где-нибудь около Новой Земли; на следующее лето вы тем скорее сможете прибыть в Англию для скорейшего сбыта ваших восточных товаров и для скорейшего освобождения моряков. Все это, конечно, при том условии, если вы окажетесь не в состоянии съездить туда и обратно в одно лето.

Что касается протяжения Новой Земли к востоку за пределы полярного круга в более умеренный пояс, то вот на что вы должны обратить внимание.

Если вы найдете страну, населенную людьми, то весьма вероятно, что со временем там будет найден широкий сбыт наших теплых шерстяных материй. Если же там вовсе нет людей, то особенно внимательно замечайте, какое количество там китов и всякой другой рыбы для того, чтобы нам оказалось возможным, поддерживая и помогая нашим новым торговым сношениям на северо-востоке у берегов Азии, перенести туда наши рыбные ловли у Нью-Фаундлэнда и Исландии и наш китобойный промысел.

О рыбах и некоторых других вещах

Если на протяжении Новой Земли можно найти умеренный климат, землю, производящую лес, пресную воду, посевы и траву и море, в котором водятся рыбы, то мы можем селить на этом материке излишки нашего народа, как это делают португальцы в Бразилии; эти переселенцы при нашей рыбной ловле и при наших путешествиях в Китай будут снабжать нас своими произведениями, питать и давать пристанище.

Возможно, что внутренние области этой страны смогут давать нам мачты, деготь, смолу, пеньку и другие предметы для флота, как в полной мере делает это Эстляндия.

Заметки об островах должны содержать сведения об их произведениях и об их недостатках

Относительно островов следует отмечать, высокие ли они или состоят из низких земель, гористые или низменные, какова их почва — песчаная, глинистая, известковая или какая иная; растет ли на них лес, есть ли

реки и источники или нет, какие там водятся дикие звери; нет ли на островах признаков пригодных строительных материалов, как например, плитняка и дикого камня, а также камня для выделки извести; есть ли лес или уголь для топлива.

Отмечайте положительные и отрицательные свойства гаваней и стоянок на островах.

Если будет открыт пролив, то что надо делать и какое важное значение это может иметь

Если существует пролив для прохода в Скифское море, то описывать его следует с большим вниманием, в особенности, если он узок и должен быть охраняем. Я говорю, что именно это обстоятельство следует отметить, как обстоятельство, имеющее важное значение. Ведь, если какой-нибудь государь будет господствовать над таким проливом и владеть им, как датский король владеет датскими проливами, вся торговля в северо-восточных частях света будет вестись только в его пользу и к его частной выгоде, или же к выгоде его подданных, или же он будет извлекать баснословные барыши от таможенных сборов, как датский король извлекает их из своих проливов, допуская купцов других государей проходить через них. Если подобный пролив будет открыт, то следует нанести на карту высоту солнца, высоки ли или низменны его берега, какие поблизости существуют гавани, длину проливов и всякие иные обстоятельства и это — для многих целей. Все моряки должны присягнуть в том, что они о подобных вещах будут молчать, чтобы другие государи не могли бы предупредить нас в этом деле, вследствие болтливости моряков, после возвращения из плавания, если таковая будет иметь место.

Каким образом можно устроить, чтобы дикари приобретали наши материи и другие потребные им предметы

Если вы откроете какой-нибудь населенный остров или материк и увидите, что туземцы нуждаются в материях, то вы должны сообразить, какие имеются у них товары, на которые они могли бы их приобретать.

Если они бедны, то вы должны подумать о их почве — не может ли она каким-нибудь образом способствовать их обогащению настолько, чтобы они могли потом получить с нее нечто, чтобы приобретать материи.

Если вы проникнете вглубь материка по судоходной реке и найдете большие леса, заметьте, какие растут в них деревья, чтобы мы могли знать, пригодны ли они для гонки смолы и дегтя, для выделки мачт, для мелких поделок, для деревообделочных работ, для бочарного дела, для кораблестроения или для стройки домов, ибо в таком случае если местные люди не пользуются лесами, то мы, может быть, могли бы начать их разрабатывать.

Не рискуйте потерей ни одного человека

Раз вы едете в таком малом числе, всячески берегите своих людей и ни в каком случае не рискуйте жизнью ни одного человека.

Кроме товаров следует привезти отдельные предметы

Привезите с собой, если вам удастся, из Камбалу или другого цивилизованного города какого-нибудь молодого человека, хотя бы оставив одного из ваших людей заложником вместо него.

Также привезите фруктов этой страны; если они не выдерживают перевозки, то сохраните их, высушив их.

Привезите семена груш и яблок, а также — косточки плодов, какие вы там найдете.

Привезите также семена всех неизвестных трав и цветов; такие семена плодов и трав из другой части света, столь отдаленной, доставят наслаждение воображению многих лиц как своим необычайным видом, так и потому, что они могут расти и доставлять наслаждение долгое время.

Если вы доедете до Камбалу или Квинсэя, привезите оттуда карту той страны, ибо таким образом у вас будет ее полное описание, что имеет большое значение.

Следует привезти оттуда какую-нибудь старую печатную книгу, чтобы узнать, правда ли, как некоторые пишут, что там умели печатать раньше, чем это изобретено в Европе.

Следует собрать сведения о их морских и сухопутных силах

Если вы доедете до Камбалу или Квинсэя, обратите особенное внимание на тамошний флот, отмечайте силу и величину их судов и способ их постройки, паруса, снасти, якоря и все их устройство, артиллерию, вооружение и военные припасы.

Точно так же замечайте силу стен и укреплений тамошних городов, их устройство и расположение, есть ли у них пушки, какой порох они употребляют и далеко ли стреляют.

Отмечайте их вооружение.

Какие у них мечи?

Какие копья, алебарды и секиры?

Какая у них тяжелая и легкая кавалерия?

Итак, полностью соберите сведения обо всех морских и сухопутных силах страны.

Предметы, которые нужно отмечать для дальнейших соображений

Особенное внимание обращайте на их постройки и на внутреннее убранство домов.

Особо обратите внимание на их одежду и обстановку и материал, из которого последняя сделана; из этого купец может сделать вывод и о местных товарах и о том, в чем жители нуждаются.

Наблюдайте их лавки и товарные склады, какими они наполнены товарами и цены на последние.

Осматривайте их рынки и все, что туда привозят, и вы скоро увидите товары и обычаи обитателей внутренних областей, а это даст понятие о многом.

Наблюдайте их посевы, их плодовые деревья и заметьте, обильны они или нет; также заметьте, богаты ли они рыбой или нет.

Предметы, которые вам следует везти с собой; из них некоторую часть надо взять для устройства выставки наших товаров

Каразеи всех восточных цветов, особенно — красного, тонкое сукно также восточных цветов.

Фризады, пестрые материи, грубые фризовые, испанские покрывала, гарус всех цветов, особенно красного, крученую пряжу, пеньковую материю, саржу, молескин, фланель, сатин и т. п.

Войлоки различных цветов.

Шляпы из тафты.

Глубоко сидящие матросские шапки, окрашенные в красное; если можно будет обеспечить широкий сбыт их, то это будет большим подспорьем для простого бедного люда, который будет вязать их.

Стеганые ночные колпаки из левантийской тафты разных цветов.

Шелковые вязаные чулки восточных цветов.

Вязаные чулки из джерсэйской шерсти; если сбыт ее будет широк, то этой работой можно занять множество бедного люда.

Чулки из каразеи разных цветов для мужчин и женщин.

Шелковые подвязки разных сортов и цветов.

Пояса из буйволовой и иной кожи с позолоченными и незолоченными пряжками, особенно же — мягкие пояса, и в частности — мягкие пояса из бархата.

Перчатки всех сортов, вязаные и кожаные.

Перчатки надушенные.

Шнурки из всех сортов шелка, шнурки ниточные и кожаные всех цветов.

Обувь испанской кожи разных цветов и длины с разрезами и без разрезов.

Обувь из других сортов кожи.

Бархатные башмаки и туфли.

Обувь и туфли в настоящее время следует послать скорее для образца, чем для иных целей.

Кошельки вязаные и кожаные.

Ночные колпаки вязаные и прочие.

Набор оловянной посуды для образца и продажи этого английского товара: бутылки, фляжки, ложки и другие предметы из этого металла.

Стекло английского изделия.

Венецианское стекло.

Зеркала для женщин, большие и красивые.

Маленькие часы, в небольшом количестве — на пробу, хотя там они не могут иметь того значения, какое имеют здесь.

Очки обыкновенные.

Очки хрустального стекла, в серебряной и иной оправе.

Часы песочные.

Гребни из слоновой кости, буксуса и роговые.

Белье разных сортов.

Платки карманные, шитые шелком, разных цветов.

Очки с простыми стеклами от пыли для езды.

Ножи в ножнах, простые и двойные, с хорошими лезвиями.

Иголки большие и малые, разных сортов.

Пуговицы крупного и мелкого размера с кожаными, но не с деревянными формами, обшитые для прочности крученым шелком разных цветов.

Ларцы-шкатулки с весами для взвешивания золота и золотые монеты всякого рода, плохие и хорошие, чтобы показать, что здесь у нас употребляют вес и меры, что указывает на знания и на определенный порядок в правлении, существующий у нас.

Вы должны взять с собой все английские серебряные монеты и показать правителям Камбалу; это — такие предметы, которые без слов скажут умным людям больше, чем вы думаете.

Замки, ключи, пружины, болты, засовы и т. д., большие и малые — образцы отличного мастерства. Если можно обеспечить их сбыт, то мы засадим наших подданных за работу. На это вы должны обратить большое внимание, ибо найти широкий сбыт для всего, что вырабатывается в нашем государстве, имеет более цены для нашего народа — оставляя в стороне купеческие прибыли, — чем Кристчерч, Брайдуэлл, Савой и все богадельни Англии.

Для угощения влиятельных людей на корабле

Если вы приедете в Камбалу или Квинсэй, а не к дикарям, то следует прежде всего зажечь под люками самые нежные ароматы, дабы сделать место угощения приятным к приезду гостей.

Мармелад, конфекты, прессованные винные ягоды, изюм.

Разные фрукты, вареные в сахаре; это дело следует поручить опытному лицу, чтобы они не разварились.

Дамасские сливы, сушеные груши, орехи разных сортов и миндаль.

Оливки, дабы вкуснее показалось вино.

Яблоки «Джон», сохраняющиеся два года, чтобы показать качество наших фруктов.

Стручки, крепкое вино.

Флаконы и бутылочки с хорошими духами должны быть приготовлены для того, чтобы опрыскать гостей, когда они войдут на борт.

Сахар для подачи к вину, буде гости того пожелают.

Нежное оливковое масло с острова Занте, отличный французский уксус и бисквиты хорошего сорта, смоченные в этом масле и уксусе, составляют прекрасное угощение, которое, если положить в него немного сахара, прохлаждает, подкрепляет и освежает душу человека.

Коричная вода и императорская вода; их следует иметь, чтобы предлагать их отведать, а также для подкрепления больных в путешествии.

Имея все перечисленные продукты и другие подобные, вы можете угощать самых высоких и знатных лиц, куда бы вы ни приехали.

Вы можете делать подарки, оделяя людей мармеладом в маленьких коробках и маленькими флаконами нежных духов. Вы можете пускать их в ход и в качестве товара.

Карта Англии и план Лондона

Возьмите с собой карту Англии, раскрашенную в яркие цвета, и, я советую, самого большого размера, чтобы показать страну, откуда вы приехали.

Возьмите также большой план Лондона, чтобы показать и свой город.

Пусть на реке будет нарисовано множество всякого вида судов, чтобы еще больше выставить напоказ большие размеры вашей торговли товарами.

Атлас Ортелиуса

Будет не лишним, если вы возьмете Ортелиусов атлас, где можно увидеть все страны. А если окажется нужным, то поднесите его великому хану, ибо он произведет необычайное впечатление на этого государя.

ПЛАН ЛОНДОНА ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.

Из Civitales orbis Terrarum 1573. G. Braun u. F. Hohenberg

Книга с нарядами всех народов

Я убежден, что подобная книга, взятая с собой и поднесенная в дар, была бы очень высоко оценена.

Книги

Если кто-нибудь даст вам новый гербарий и такие книги, в которых изображены травы, растения, деревья, рыбы, птицы и звери здешних стран, то это может привести в восхищение великого хана, знать и тамошних купцов, когда они все это увидят. Все здешнее так сильно отличается от того, что имеется там; а так как они не могут из-за дальности расстояния приехать сюда, то для них будет наслаждением увидеть все, хотя бы в отражении.

Книга цен

Возьмите с собой книгу цен для того, чтобы было возможно отметить цены всех внесенных в эту книгу товаров, какие вы будете иметь случай найти в Камбалу, в Квинсэе или в других восточных странах, где вам придется побывать.

Пергамент

Возьмите свитки пергамента; мы можем продать немалое его количество без ущерба нашему государству, и он не занимает много места.

Клей

Захватите клея; у нас его много, и мы нуждаемся в сбыте.

Красная охра для живописцев

Надо искать сбыта, потому что у нас большие ее запасы и малый сбыт.

Мыло обоих сортов

Надо испробовать, как оно может пойти там, так как мы производим мыло обоих сортов и могли бы производить его больше.

Шафран

Надо выяснить, какой сбыт может иметь шафран, потому что наше государство производит лучший в мире шафран, работами же по его производству можно занять много бедного люда, чем облегчится его положение.

Водка

Новые усовершенствования позволяют производить ее здесь в громадном количестве; поэтому надо искать сбыта.

Черные кроличьи шкуры

Следует испробовать сбыт их в Камбалу, который лежит в северных областях; у нас же товару этого очень много, и часть его мы можем уделить.

Нитки

Сбыт ниток может дать работу нашим соотечественникам.

Медные шпоры и колокольчики для соколов

Выяснить вопрос о сбыте, так как это может дать людям работу у нас.

Указание и предупреждение купцам

Прежде чем предлагать свои товары, следует выяснить, какие товары имеются в той стране, ибо если вы привезете туда бархат, тафту, пряности или такой товар, который вы сами желаете привезти на родину, то не продавайте своих товаров по дорогой цене, иначе вам потом придется покупать тамошние товары не так дешево, как вы бы хотели.

Семена для продажи

Для этой цели возьмите с собой семена всех сортов садовых растений, сладких трав, цветов, горшечных растений и всех сортов корнеплодов.

Свинец первой плавки
Свинец второй плавки из шлаков

Следует попытаться создать сбыт свинца всех сортов.

Английское железо, железная и медная проволока

Попытаться устроить продажу этих товаров.

Сера

Попробовать, не будет ли сбыта ее, потому что у нас изобилие серы, добытой в нашем государстве.

Минерал сурьма

Следует узнать, достаточно ли широко пользуются там сурьмой. Мы можем нагрузить ею целые флоты, а сами совершенно не употребляем ее, за исключением незначительного количества при литье колоколов и некоторого количества, употребляемого алхимиками. В аптеках можно достать два сорта сурьмы.

Зажигательные коробочки со сталью, кремнем, фитилями и трутом, фитили можжевеловые во избежание вреда от серы

Следует испробовать и увеличить продажу серы, показывая, как ее употреблять.

Восковые свечи для освещения.

Расписные раздувательные меха

Потому что там, быть может, не знают их употребления.

Чугун

Потому что это основной товар нашего государства.

Все виды острых орудий

Следует продавать и там и менее цивилизованным народам в местах, куда вы будете заходить во время плавания.

О чем я должен просить вас помнить

Обратите особенное внимание на прекрасное состояние красильного производства в тамошней стране. Замечайте их одежды и расписные украшения домов; осмотрите их красильни, ознакомьтесь с материалами и снадобьями, которые они при этом употребляют; привезите образцы красок и материалов, так как это может оказать великую услугу нашему государству, выделывающему различные ткани.

Для вашего собственного употребления возьмите все снаряды для ловли рыб и птиц.

Берите с собой товары только безукоризненного качества. Хорошее качество товаров, привезенных в первую поездку, вселит к ним доверие и на будущее время. Фальшивый и обманный товар навлечет пренебрежение и вселит дурное мнение не только о вас, но и о ваших товарах.

*5. Письмо Герарда Меркатора к г. Ричарду Хаклюйту в Оксфорде о предположенном путешествии для открытия северо-восточного прохода, 1580 г.**

Письмо твое, просвещеннейший муж, получил я только 19 июня. Глядя на него, я очень жалел не столько о том, что упущено время, сколько о том, что упущена возможность своевременно дать инструкции. Я очень хотел бы, чтобы Артур Пэт еще до своего отъезда был осведомлен о некоторых немаловажных обстоятельствах. Конечно, плавание в Китай (in Cathaium) по восточному пути — очень короткое и легкое, и

* Переведено с латинского оригинала.

я часто удивлялся, что, счастливо начинаемое, оно оставалось незаконченным, и этот путь был заменен западным, когда более половины вашего пути было уже известно. Ибо за островом Вайгачом и Новой Землей сейчас же простирается громадный залив, замыкаемый с Востока мощным Табинским мысом. В середину залива впадают реки, которые, протекая через всю страну Серику и будучи, как я думаю, доступны для больших судов до самой середины материка, позволяют легчайшим образом перевозить любые товары из Китая, Мангии, Миэн и других окрестных государств в Англию. Впрочем, не без основания думая, что плавание по этому пути прервано, я полагаю, что император России и Московии чинит этому какие-то препятствия. Если же при благосклонном его отношении плавание может в будущем возобновиться, то я бы, конечно, советовал не искать в первую очередь мыс Табин и не исследовать его, но обследовать вышеупомянутые реки и залив и отыскать и избрать в них какую-нибудь удобнейшую гавань в качестве стоянки для английских купцов. А уже из нее можно будет с большими удобствами и минимальными опасностями исследовать мыс Табин и морской путь вокруг всего Китая. Что существует громадный выдающийся к северу мыс Табин, я твердо знаю не только из Плиния, но и из других писателей и некоторых карт, правда, грубовато начертанных. Я выяснил из достоверных магнитных наблюдений, что магнитный полюс находится не очень далеко за Табином. Вокруг этого полюса и вокруг Табина много скал, и плавание там очень трудно и опасно. Но я думаю, что доступ к Китаю еще труднее по тому пути, по которому теперь пытаются ездить в западном направлении, ибо последний ближе подходит к северному полюсу, нежели восточный, подходить же к нему близко я считаю небезопасным. Магнит имеет другой полюс, нежели мир, и весь мир имеет к нему отношение: чем ближе подходят к нему, тем более стрелка компаса, проникнутая иглой магнита, отклоняется от севера на запад или на восток соответственно тому, находится ли восточнее или западнее меридиана, который проходит и через магнитный полюс и через полюс мира. Это отклонение достойно удивления и может ввести в заблуждение многих мореплавателей, если только они не знают этого непостоянства магнита и не измеряют возможно чаще высоты полюса своими инструментами. Я опасаюсь, что если господин Артур недостаточно об этом осведомлен, или недостаточно ловок, чтобы, поняв свою ошибку, своевременно ее исправить, то он, блуждая, собьется с пути, потеряет время и на половине пути будет захвачен морозом; говорят, что залив каждый год крепко замерзает.

Если это случится, то вот что казалось бы мне наилучшим: для него будет ближайшим исходом, если он будет искать гавань или в заливе или в тех реках, о которых я уже говорил, и через какого-нибудь посла именем светлейшей королевы известит о себе великого хана и заключит

с ним дружбу; королева же будет благодарна и сугубо благодарна величайшему императору мира за возможность завязать торговые отношения на таком далеком расстоянии. Я полагаю, что от устьев величайших рек, Баутиза и Эхарда, до Камбалу, столицы великого хана, расстояние составляет более 300 германских миль, а путь ведет туда через Эзину, город Тангутского царства, который повинуется хану и, повидимому, от устьев рек отстоит не более как на 100 германских миль.

Я очень хотел бы знать, насколько высоко поднимается море во время прилива в той гавани Московии, которая служит вашей стоянкой, и в других местах далее к востоку до Табина, а также течет ли море в этих местах всегда в одном направлении, т. е. на восток или на запад, или же приливает и отливает, как обычно, в середине канала, т. е. течет ли оно шесть часов к западу и шесть часов к востоку, или же всегда в одну сторону; от этого зависят соображения весьма полезные. Я бы хотел, чтобы господин Фробишер сделал такие же наблюдения на западе. Все данные, касающиеся залива Меросро, Канады и Новой Франции, в моих таблицах взяты из одной морской карты, которая составлена некиим духовным лицом по описаниям тех мест, сделанным Науклером, опытнейшим галлом, и поднесена принцу Георгу Австрийскому, епископу Льежскому *. Я не сомневаюсь, что относительно расположения берегов и измерений широты эти данные близки к истине, потому что на этой карте, кроме шкалы широтных градусов, проведенной посредине ее, была еще другая, особая, составлявшая добавление к очертанию берегов Новой Франции и содержавшая исправление ошибок в определении широт, происходивших от отклонения магнитной стрелки. Когда-то один мой друг из Антверпена давал мне путешествие Якова Кнойена из Гертогенбоша по всей Азии, Африке и северным странам, получив его от другого лица; я его использовал и отдал обратно; много лет спустя я снова попросил его у моего друга, но тот не мог вспомнить, у кого он его брал. Я не видел сочинений Вильгельма Триполитанского и Иоанна де Плано Карпини и встречал только некоторые извлечения из них в других рукописных книгах. Я очень рад, что Эпитоме Абульфеди переведено, и весьма желал бы иметь его поскорее.

Вот что я полагал нужным ответить тебе, господин мой. Если ты хочешь получить от меня еще какие-нибудь сведения, я охотно сообщу тебе их, с любовью прося тебя, в свою очередь, сообщить мне все то, что ты будешь в состоянии узнать о наблюдениях, сделанных во время обоих морских путешествий **. Все это останется у меня в твоем распоряжении; все выводы, какие я сделаю из этого материала, я в точности сообщу тебе

* Карты, о которой говорит Меркатор, при составлении этих примечаний найти не удалось.

** Т. е. путешествия Пэта и предположенного путешествия Фробишера.

в письменной форме, если только они могут послужить на пользу и пополнение сведений касательно этого прекраснейшего и полезнейшего для христианского мира предприятия в области мореплавания. Будь здоров, ученейший друг.

Дюисбург в герцогстве Клевском
28 июня 1580 г.

Когда Артур возвратится, прошу тебя, узнай у него то, что я просил, а также не нашел ли он где-нибудь на своем пути пресноводного или мало соленого моря: я подозреваю, что море между Новой Землей и Табином — пресноводно.

Твоей просвещенности готовый служить

Герардус Меркатор.

6. Путешествие и открытия, сделанные шкипером Артуром Пэтом и шкипером Чарльзом Джэкмэном в северо-восточных странах за островом Вайгач на двух судах — «Джордж» и «Уилльям» в 1580 г. Записано Хью Смитсом.

В понедельник, 30 мая пополудни мы вышли из Гаруича (Harwich) при юго-восточном ветре. Так как отлив почти уже кончался, мы не могли выйти в море и принуждены были поэтому снова войти в гавань и оставаться там до следующего утра 31 мая. В этот день мы подняли якоря около 3 часов утра при з.-ю.-з. ветре. В тот же день еще в утренние часы мы миновали Орфорднесс, вечером прошли Стемфорд, поздно вечером — Ярмут и дошли до Уинтертона, где и простояли всю ночь на якоре; было тихо и наступал прилив.

На следующий день, 1 июня, мы подняли паруса в 3 часа утра и взяли курс на север; ветер дул с ю.-з. и ю.-ю.-з.

10 июня около 10 часов пополудни мы подошли к берегам Норвегии у места, где один из мысов в проливе называется Бутылкой (Bottle), а другой — Мулом (Moil). Есть там также и остров, называемый Кин. Широта была определена в 62°; море течет к югу и поднимается на 7—8 футов, но не выше.

11-го утром ветер перешел на ю. и ю.-в. В тот же день в 6 часов пополудни мы поставили паруса и пошли вдоль берега. Погода была плохая — с ветром и туманом.

22 июня при западном ветре мы шли вдоль берега к в.-с.-в. и к в.; в тот же день в 6 часов утра мы обогнули Нордкап, а около 3 часов дня мыс Скайтсберг, дальше шли мы вдоль берега на в. и в.-ю.-в.; в том же направлении шли и всю ночь.

23-го около 3 часов утра пришли мы в Вардехус при с.-з. ветре. Причиной нашего захода туда были поиски «Уилльяма», которого мы потеряли из виду 6 июня, и желание отправить письма в Англию. Около часу пополудни «Уилльям» также вполне благополучно пришел в Вардехус, причем весь экипаж его был в добром здоровьи.

24-го ветер стал в.-с.-в. В этот день «Уилльям» был вытащен на берег, потому что в нем оказалась небольшая течь и понадобилось исправить действие руля. Около полуночи его снова спустили на воду.

25-го ветер продолжал дуть с в.-с.-в.

26-го из Вардехуса в Лондон ушло судно «Тоби» из Гаруича со шкипером Томасом Грином, которому мы поручили письма.

27-го и 28-го ветер был ю.-ю.-в.

29-го около 6 часов пополудни ветер в течение одного часа подул с з.-с.-з., но тотчас же опять перешел в восточный и оставался переменным всю ночь.

30 июня около 5 часов утра подул в.-ю.-в. ветер и дул весь этот день.

1 июля около 5 часов пополудни ветер стал с.-с.-в., и около 7 часов мы вышли из Вардехуса на ю.-в.

2-го, часов с 5 утра, ветер стал восточным с уклоном к югу, и мы стояли у побережья. Около 10 часов утра он стал ю.-в.; мы стали подвигаться на восток, слегка меняя направление от ю.-в. до в. с северным уклоном. Часов около 5 пополудни подошли мы к «Уилльяму», который намеревался итти в Кигор. Мы полагали, что он из дрейфа вышел, но он шел плохо. И мы полагали, что в Кигоре он исправит руль. Тут шкипер Пэт, не желая заходить в гавань, сказал шкиперу Джэкмену, что если он не считает себя способным держаться в открытом море, то пускай делает как знает, он же, Пэт, пойдет тем временем к земле Уиллоуби, что составляет часть их задания, и встретится с Джэкмэном у острова Верова или Вайгача. После этого мы направили курс на в.-с.-в. при ю.-в. ветре.

3 июля дул ю.-в. ветер; широта оказалась 70° 46′; в полночь мы опустили лот на 120 сажен, но дна не достали. В это время мы находились в 50 лигах от берега к в.-с.-в. от Кигора.

Все утро 4-го было тихо. Широта — 71° 38′. В 9 часов вечера — с.-в. ветер с добрым штормом; мы шли вперед в в.-ю.-в. направлении.

5-го при с.-з. ветре мы шли на восток с уклоном к югу. Видели землю, но обследовать ее не могли; ветер был северного направления, так что подойти к ней мы не могли.

6-го около двух часов пополудни при с.-з. ветре мы шли к в.-ю.-в. при сильном шторме. В этот день мы повстречали лед. К 6 часам пополудни море утихло. С парусами и на веслах мы пошли к с.-в., надеясь освободиться от льда, так как нам казалось, что мы видим ему конец,

К 12 часам ночи мы вышли изо льдов. Мы полагали, что лед этот шел из бухты св. Николая, но, как мы потом убедились, это было не так.

7-го числа нам повстречалось еще большее количество льда — к в. от первого льда. Мы пошли по ветру вдоль его, отыскивая, нельзя ли найти конец ему в с.-в. направлении. В этот день к с. от нас показалась еще большая полоса настоящей твердой земли, но между ней и нами был лед, так что подойти к ней ближе мы не могли.

В то же утро в 6 часов мы вошли во льды, пытаясь пройти через них, и продолжали итти так весь день и всю следующую ночь; дул с.-с.-з. ветер. Мы принуждены были часто менять курс по компасу, но в общем держали курс на в.

8-го числа ветер был с.-с.-з. Мы продолжали держаться того же курса; утром опускали зонд, показавший 90 сажен при красном иле. В тот же день в 4 часа пополудни мы снова измеряли глубину и получили 84 сажени при таком же иле. К 6 часам вечера, освободившись от льда, пошли вперед к ю.-ю.-в.; в 10 часов вновь опустили зонд, давший 43 сажени и ил с песком.

9-го в 2 часа утра снова опустили лот; он показал 45 сажен.

Тут показались туманные очертания земли к в.-с.-в.; мы шли по направлению к ней два часа, но затем, убедившись, что это был лишь туман, пошли на ю.-в.

9-го числа в 2 часа пополудни лот показал 50 сажен при черном иле. Широта была 70° 3′. В 10 часов вечера снова опустили лот и получили опять 50 сажен и черный ил.

10-го дул с.-с.-в. ветер; мы шли к в., уклоняясь к с. Курс этот взяли мы потому, что в 10 часов утра увидели землю; зонд показал 35 сажен при черном иле. Весь день стоял густой туман, так что мы не отважились подойти к берегу и обследовать его, но держались от него поодаль. В 6 часов вечера мы вновь увидели землю и пошли к ней; ветер в это время утих; зонд дал 120 сажен при черном иле. Тогда мы послали на берег бот, чтобы сделать промеры глубины и осмотреть землю. Тою же ночью корабль наш подошел к острову, у которого мы простояли до утра, войдя в бухту, чтобы стать поближе к земле и запастись дровами и водой.

11-го числа ветер перешел в в.-ю.-в. В этот день на расстоянии около лиги к в. от себя мы увидели прекрасный пролив или реку; углубление далеко уходило внутрь страны и разветвлялось надвое или натрое, с островом посредине.

12-го дул в.-ю.-в. ветер. В 11 часов утра к берегу спустился большой белый медведь и полез в воду; мы погнались за ним на своем боте, но, несмотря на все наши старания, он вылез на берег и ушел от нас; мы назвали поэтому эту бухту Медвежьей. В 7 часов вечера мы подняли

паруса, потому что очень надеялись, что ветер перейдет в западный, и на парусах и веслах вышли в море. Всю ночь было тихо и стоял туман.

19-го утром ветер был переменный и стоял туман; когда же он рассеялся, мы увидали большое скопление льда, которое сначала показалось нам землей. Лед этот причинил нам много хлопот, в особенности вследствие тумана, который держался до 12 часов 14 июня.

14-го с утра мы так были окружены в бухте льдом, что нам пришлось выходить тем же путем, каким мы в нее вошли; это было нашим счастьем или скорее милостью божией, ибо иначе выйти было бы невозможно. К 12 часам мы освободились от льда; ветер дул с ю.-ю.-з. В этот день мы установили широту 70° 26′. Мы шли вдоль берега к с.-в., полагая, что это — остров, но, увидев, что конца берегу нет, мы предположили, что это — материк Новой Земли. В 2 часа пополудни мы направились к ю., чтобы обогнуть лед, но, идя этим курсом, сделать этого нам не удалось; мы снова переменили курс и пошли на з. вдоль кромки льда. К 7 часам мы оставили позади себя бо́льшую его часть. Около 11 часов лед оказался в ю.-в. направлении от нас, и мы таким образом от него отдалились.

15-го числа около 3 часов утра ветер подул с ю.-ю.-з., мы переменили курс и пошли на в.; ветер стал переходить к з., так что мы пошли к ю.-ю.з. с надутыми парусами и шли так целый день; часов около 8 вечера лот показал 23 сажени и мелкий серый песок; в 12 часов мы снова опустили лот, показавший 29 сажен при таком же песке.

16 июля к 3 часам утра мы шли в в.-ю.-в. направлении; глубина была 18 сажен при красном песке; потом повернули на с.-в. Измеряя глубину лотом, мы нашли много мелей.

В 10 часов мы опять повстречали лед; его было так много, что нельзя было сказать, куда нужно итти, чтобы от него освободиться. Ветер стал ю.-ю.-в., и мы пошли к с. Мы полагали, что, идя в этом направлении, выйдем изо льда, на самом же деле его становилось все больше и больше. В 6 часов пополудни подул восточный ветер. Тогда мы пошли к ю.; лот дал глубину в 30 сажен и черный ил. Определение широты в этот день показало 69° 40′, а ночью в 12 часов лот показал 41 сажень и красный песок.

17 июля в 3 часа утра глубина была 12 сажен, а в 9 часов — 8 и 7 сажен; весь день мы шли на ю. и на ю. с уклоном к з.; глубина была все та же; дно — красный песок, воды — меньше. Часов в 8 пополудни поднялся ю.-ю.-з. ветер с грозой и ливнем, и мы повернули на в.-с.-в.; к 12 часам ветер изменился и стал ю.-в. Все это было в Печорском заливе.

18-го в 7 часов утра подошли мы к мысу, замыкающему залив, и здесь увидали два острова. Тут много мелей, создаваемых отливами. Мы проходили между материком и островом вблизи мыса, где было только

$2^1/_2$ сажени глубины. Широта была установлена в 69° 13′. В этот день мы увидали Вайгач. Печорский материк уклоняется к ю.-в., мы же шли на в.-ю.-в. весь день до 4 часов пополудни, имея глубину в 10 сажен при илистом дне. В это время ветер стих, и мы простояли всю ночь на якоре при глубине в 10 сажен.

19-го в 2 часа мы подняли паруса и шли на ю. и ю.-в. в течение всего дня при 8, 7 и 6 саженях глубины. Это было против южной части Вайгача, берег которого тянется с с. на ю. К 4 часам пополудни попали мы в мелководье: стало то 4, то 3, то $2^1/_2$, то $1^1/_2$ сажени. Тут мы стали на якорь и выслали бот для исследования: в наветренную сторону от нас было 4, 3 и 2 фута глубины, а между Вайгачом и другим берегом нехватало воды даже и для бота. Не находя нигде более глубокой воды, мы вынуждены были итти обратно при сильном с.-з. ветре. В 12 часов ночи мы подняли паруса.

20 июля мы плыли к с. и снова нашли глубокую воду — 6 и 7 сажен.

21-го ветер дул с с.-з. Мы шли вдоль берега к с. и с.-з. при глубине в 8, 9 и 10 сажен.

22-го ветер стал ю.-з.; мы шли вдоль берега Вайгача; мы нашли, что он тянется к с. и с.-з. Дул очень сильный ветер и наносил густой туман. У нас не хватало ни дров, ни воды. Мы подошли к одному острову, где нашли большие запасы того и другого; там были также три или четыре хорошие стоянки. У подножья двух мысов стоял крест, а у подножия креста — могила. Шкипер Пэт написал свое имя и год на кресте, равно как и на камне у подножья креста; то же самое сделал и я с тою целью, чтобы, если «Уилльям» случайно зайдет сюда, люди на нем могли узнать, что мы здесь побывали. В 8 часов вечера ветер подул с с.-с.-з., мы подняли паруса и вышли из бухты. Ночью ветер сменился западным, и мы пошли в северном направлении вдоль берега.

23-го в 5 часов утра ветер стал с.-з.; со стороны моря мы увидели несколько красивых островов, числом до шести; перед этими островами с моря было много мелей, водоворотов и сильных течений. Мы шли на с.-в. и в.-с.-в., куда тянулся берег. В 8 часов утра с ю. поднялся сильный ветер с дождем и туманом, а со стороны моря показались громадные льдины: мы повернули на ю.-в., стремясь достигнуть одного из островов и найти близ них пристанище на случай, если будет продолжаться такая сильная непогода; мы решили поднять бот, полагая, что так будет лучше, нежели вести его на буксире.

Около 12 часов стало вдруг тихо: ветер перешел в з.-с.-з.; мы подняли свой бот, и как раз когда это было сделано, поднялся такой сильный ветер, что мы не могли итти против него с нижними и малыми парусами на обеих мачтах; мы шли вдоль берега к ю., потому что берег тянулся именно в этом направлении. Весь этот день мы шли около большой по-

лосы льда, между ней и берегом, так как не могли пробиться через нее. Около 12 часов ночи мы увидели, что лед так близко подходит к берегу, что мы никак не могли выйти к чистой воде в восточном направлении; поэтому мы направили корабль к земле и нашли, что вода свободна только у самого берега; нашли мы также хороший остров с прекрасной гаванью в 12 сажен глубины.

Этот остров находится в 4 или 5 лигах к в. от Вайгача. Берега его тянутся главным образом к ю.-в. с уклоном к в. Берег прекрасный, ровный и плоский, без гор и скал, только вода мелка: даже в расстоянии лиги от берега глубина не превышает 6 или 7 сажен; все утро шли мы к ю.-в. Широта в этот день была 69° 14′; около 12 часов нам пришлось войти во льды, чтобы пройти через них на с., в надежде, что найдем свободный путь в этом направлении, но и с той стороны не было видно ничего, кроме льда. Около 9 часов вечера мы увидели «Уилльяма», но в это время между ним и нами простиралось большое ледяное поле, так что подойти друг к другу мы не могли. Несколько приблизившись к «Уилльяму», мы протрубили в трубу и дали два мушкетных выстрела, а «Уилльям» поднял флаг на фок-мачте в знак того, что и он нас увидел. Мы все время убавляли паруса, идя на форзейле и гротзейле и ища пути к «Уилльяму» через льдины: «Уилльям» же старался, как мог, следовать за нами. Мы подняли флаг, чтобы ответить ему тем же приветствием; так шли мы все послеполуденное время почти до 12 часов ночи, когда мы ошвартовались у льдины и стали поджидать «Уилльяма».

25 июля часов около 5 утра «Уилльям» подошел к нам; и он и мы обрадовались встрече. У «Уилльяма» был сломан ахтерштевень, и руль просто висел за кормой, так что «Уилльям» совсем не мог управляться. Он всячески старался облегчить корму и удиферентовать корабль; когда мы протолкнули его вперед, насколько было возможно, мы подвели канат под его корму и при помощи нашего кабестана привели ее в порядок, насколько позволяло нам место; в конце концов, «Уилльям» снова получил способность управляться. Мы признали, что наша встреча была величайшим благодеянием господа и послужила к нашей взаимной поддержке, и возблагодарили величие божие. Всю ночь после этого мы отдыхали, ошвартовавшись у льдины. Ветер дул с з.-с.-з., но мы были так затерты льдом, что не могли отдать себе отчета, куда нам итти. Ветры были благоприятны, но лед и туман действовали против нас; видно, так было угодно господу богу.

26 июля ветер был з.-с.-з.; мы попробовали итти к с., чтобы поискать, не найдем ли свободного ото льда пути, чтобы плыть дальше на в., но чем дальше мы шли, тем больше было льда и тем толще он становился, так что около 4 часов дня мы принуждены были снова ошвартоваться у льдины. Я думаю, что в этот день мы прошли не больше одной лиги.

Глубины было 15 сажен при иле; такое же илистое дно и во всем проливе. Весь остальной день, с 4 часов и всю ночь, мы простояли там, потеряв всякую надежду или, лучше сказать, впавши в совершенно безнадежное состояние. В этот день шкипер Джэкмэн видел землю в в.-с.-в. направлении от нас; так, по крайней мере, ему показалось, но я не могу утверждать, была ли это действительно земля, или нет; это было очень похоже на землю, однако туманы уже много раз обманывали нас.

27-го ветер дул с с.-з. В 9 часов утра мы подняли паруса и старались найти какой-нибудь берег. Дальше во льды мы не могли итти, и в 7 часов вечера мы вместе с «Уилльямом» снова ошвартовались у льдины: глубина была 14 сажен при илистом дне. В 3 часа пополудни (sic!) мы носились от одной льдины к другой; в 9 часов мы снова пришвартовались ко льдине и простояли до следующего дня. Всю ночь шел снег при сильном с.-з. ветре.

28-го числа ветер перешел на ю.-з. и ю.-ю.-з.; погода в этот день была прекрасная. В час дня шкипер Пэт и шкипер Джэкмэн совещались между собой о том, что лучше всего предпринять, принимая во внимание, что ветры для нас благоприятны, мы же не можем пробиться через лед; они решили снова искать берегов Вайгача и там опять посовещаться. В 3 часа дня мы стали толкаться от льдины ко льдине, ища, как бы из них выбраться; вокруг нас были такие глыбы льда, что и с верхушки мачты ничего не было видно за ними. Так толкались мы до 9 часов вечера, после чего ошвартовали оба наши корабля у большой высокой льдины до следующего утра.

29-го дул ю.-з. ветер; в 5 часов утра мы подняли паруса и поплыли, направляясь, по возможности, к берегу. Долго кружили мы среди льдов без всякого результата, потому что ветер усиливает течение в море. В 2 часа дня льдина, к несчастью, ударилась о переднюю часть нашего судна, но несмотря на это все окончилось для нас благополучно. «Уилльям», теснимый льдами и видя, что дела его принимают плохой оборот, убрал все паруса и прикрепился ко льдине, но около 4 часов пополудни поплыл вслед за нами. Мы опасались, не получил ли он повреждения, однако все было благополучно. В 7 часов утра * мы убрали паруса и стали дожидаться «Уилльяма», пришвартовавшись ко льдине. Но «Уилльям», не дойдя до нас, убрал паруса и пришвартовался к другой льдине; так простояли мы до следующего утра.

30-го при ю.-в. ветре с уклоном к ю. мы в 9 часов утра подняли паруса. Мы бы сделали это и раньше, если бы «Уилльям» был около нас, но мы поджидали его, чтобы узнать, все ли на нем благополучно. Однако, как только мы подняли паруса, «Уилльям» сделал то же самое. Весь день

* Явная ошибка; вероятно, следует читать: «в 7 часов вечера».

прилагали мы старания, чтобы найти дорогу во льдах и освободиться от них; шли мы то на ю., то на з., то на в.; так продолжалось до 8 часов вечера; когда стало тихо, мы прикрепились ко льдине и пошли ужинать. И как раз в это время налетел шквал с в. и ю.-в. ветрами, сопровождаемый ливнем, продолжавшимся целый час, после чего все стихло, но мы уже не могли предпринять ничего путного и отдыхали до следующего дня.

31-го при ю.-з. ветре мы подняли паруса в 3 часа дня и попытались итти против ветра. Но этим мы ничего не достигли, потому что нам мешало течение. Ведь, каков ветер, таково же и течение. Мы прилагали всяческие усилия вплоть до 10 часов утра, а затем, видя, что из стараний наших ничего не выходит и будучи окружены льдом, мы прикрепились ко льдине. «Уилльям» же весь тот день простоял на одном месте, достигнув совершенно таких же результатов, каких достигли и мы, проработав все утро. Так пришлось нам отдыхать и весь тот день. К вечеру мы снова подняли паруса; ветер дул с ю.-в. Мы пошли как и куда могли — то на з., то на ю.-з. Так тянулось до 9 часов вечера, когда оказалось, что лед не дает нам итти дальше вместе с «Уилльямом», и мы вынуждены были прикрепиться ко льдине на всю ночь. Мы находились на широте 69°20′ при глубине в 17 сажен с илом.

1 августа утром было очень тихо: ветер дул с з.-с.-з. Около полудня ветер перешел в з. и продолжался весь день, сопровождаемый густым туманом.

2-го дул ю.-з. ветер с дождем и туманом. Весь день мы были окружены льдами и вынуждены были стоять на месте. Глубина была 20 сажен с илом. С 6 часов пополудни начался западный ветер при сильной непогоде, продолжавшейся всю ночь.

3-го ветер дул с з. и з.-с.-з. В этот день мы продолжали стоять, окруженные льдом; погода была пасмурная и туманная. Отдав себя на божие произволение, мы терпеливо ожидали. Опущенный лот показал глубину в 21 сажень.

4 августа мы продолжали стоять, окруженные льдом. Ветер был з.-с.-з. Лед вокруг нас с каждым днем становился толще, но возложив упование на бога, мы надеялись, что в положенное время он нас избавит.

5-го все утро шел дождь с сильным ю.-ю.-в. ветром. Часов около 3 дня мы подняли паруса; в это время стало тихо и затишье тянулось около часа. Затем ветер перешел в с.-с.-в.; глубина была 33 сажени; и так пробирались мы среди льдов в течение 3 часов, направляясь на ю.-з. и ю.-ю.-з. и силясь найти дорогу. Тут повстречали мы сплошное ледяное поле, так что дальше итти было уже нельзя. Мы ошвартовались и стали выжидать, пока лед вскроется. Лот показал 45 сажен с илом. Ночь была очень темная и туманная.

6-го лед не вскрывался, и мы простояли на месте. Ветер был западный с уклоном к югу. Глубина была 63 сажени с илом. Всю ночь дул з.-с.-з. ветер.

Весь день 7-го ветер был западным с уклоном к северу. Мы продолжали стоять во льду, не будучи в состоянии двигаться и только стараясь защищаться от напиравшего на нас льда. Глубина — 68 сажен с илом.

8-го погода стояла хорошая и тихая, но туманная. К ночи подул легкий ю.-ю.-в. ветер. Лед начал понемногу ломаться. Глубина — 70 сажен с илом. Всю ночь стоял туман.

9-го дул с.-з. ветер с уклоном к з. Все послеполуденное время мы стояли на месте из-за льда, который все еще окружал нас. Широта была 70° 4′; глубина — 63 сажени с илом. Ночь была очень ясная, но под утро подморозило, что ввергло нас утром в большую заботу; мы думали, что если такой же мороз будет в следующую ночь, то едва ли мы выйдем из своего тяжелого положения. В эту ночь мы увидали первую звезду.

10-го ветер был в.-с.-в. с маленьким волнением. Под парусами и на веслах пробирались мы среди льдин. Мы вышли в путь в 5 часов утра и шли то на ю.-з., то на ю., то на з. и, где только могли, прокладывали себе путь. Около 3 часов пополудни ветер стал крепчать; к 6 часам он стал с.-в. и поднялся туман. Глубина была 88 сажен. Мы не спускали парусов всю ночь; шел сильный снег.

11-го лед причинял нам много забот: с большим трудом пробивались мы среди льдин, часто думая, что дальнейшее движение становится невозможным. Но крайность заставляет человека работать, а в слабости человеческой проявляется сила божия. В этот день глубина была 95 сажен. В 3 часа пополудни ветер стал ю.-ю.-з.; мы принуждены были пришвартовать наш корабль ко льду, потому что мы были окружены им и ожидали божьего изволения. Ночью глубина была 97 сажен.

12-го дул несильный ю.-в. ветер, было почти спокойно; к 11 часам он сменился з.-ю.-з. Весь день было пасмурно: шел снег и стоял туман. В 6 часов пополудни при с.-с.-в. ветре мы подняли паруса; всю ночь мы шли к ю.-з. и ю.-ю.-з., пробиваясь, как могли, среди льдин. Положение льда становилось несколько благоприятнее для нас и лучше, чем было раньше, отчего у нас появилась надежда, что мы из льдов выберемся.

13 августа в 7 часов утра ветер дул с с.-в.; в течение всего дня он причинял нам много беспокойства: ударом о льдину мы сломали ствол нашего якоря, и много еще раз мы сильно ударялись о льдины, так что приходилось удивляться, как только наш корабль мог выдерживать. Борт нашего бота получил пробоину от нашего же корабля, который дал зад-

ний ход, когда бот был между ним и большой льдиной. В свою очередь ботом сломало верх нашего руля. День этот был очень труден для нас; ночью же повстречали мы много мелкого льда; дул очень сильный ветер, так что мы дрейфовали вместе со льдом, а так как всю ночь дул северный ветер, то нас несло к югу. Выпало много снега.

14-го утром мы пришвартовали корабль ко льдине и пустили его дрейфовать с ней. Сами же тем временем починили бот и рулевое управление. Весь день продолжал дуть северный ветер. Глубина была 63 сажени. Всю ночь пролежали мы на дрейфе.

15-го мы подняли паруса в 6 часов утра при с.-в. ветре. В 9 часов мы вышли в свободное от льда море. Мы, не без оснований, очень этому обрадовались и воздали хвалу богу. Все утро шли мы на ю.-з. на 14-саженной глубине; потом повернули на з., пока глубина не уменьшилась до 10 сажен. Тогда мы пошли на с.-в., ибо берег уклонялся в этом направлении. В полдень увидели мы землю; это могло случиться и раньше, но весь день было сумрачно и туманно; когда земля стала видна, до нее было меньше 3 лиг. Широта в этот день была 69° 49′. Весь день мы шли вдоль берегов на 19 саженях при сером песке. Берег был очень красив, ясно были видны удобные заливы без мелей и скал.

16-го ветер был восточным. В этот день льды снова причиняли нам хлопоты, но мы ловко от них увернулись, ибо нам удалось проскочить между льдом и берегом.

В 12 часов мы находились против ю.-в. части Вайгача. Здесь везде были большие скопления льда, и нас взяло раздумье, сможем ли мы через него пробиться; однако же после больших усилий мы прошли между льдами и берегом. Около 6 часов на одной из льдин обнаружен был белый медведь; все время после полудня стоял мрак и туман. Всю ночь шли мы на с.-з., иногда уклоняясь к с.-в., в зависимости от того, куда тянулся берег.

17-го утром пошли мы на з., потому что таково было направление берегов. Ветер дул с ю.-в., было очень пасмурно и туманно; плывя вдоль берега, мы сели на мель, но, слава богу, без повреждений и тут же сошли с нее; «Уилльям» стал было на якорь, чтобы помочь нам, и послал нам на помощь несколько человек, но еще прежде, чем они доехали, мы уже были под парусами. Когда мы сами подошли к «Уилльяму», мы подняли боты и, распустив паруса, пошли к ю.-з. между групп островов. Около 2 часов пополудни мы направились на ю.-з. с уклоном к ю. и шли так до полуночи, когда ветер стал с.-с.-в.: тогда мы пошли на з.

18-го в 6 часов утра глубина была 16 сажен, дно — красный песок; потом было 13 сажен; в 10 часов утра — 14 сажен; мы пошли на з.-с.-з.

В полдень ветер перешел в в. с уклоном к ю. Весь тот день и всю ночь мы шли на з. с уклоном к с. В 6 часов вечера глубина была 17 сажен, дно — красный песок.

19-го дул с.-в. и с.-с.-в. ветер; в 6 часов утра глубина была 19 сажен, дно — красный песок. В полдень ветер подул с с. с уклоном к в.; глубина была 17 сажен, а в 3 часа пополудни — 15 сажен.

20-го был с.-в. и с.-с.-в. ветер; в 7 часов утра воды было 30 сажен; дно — черный ил. В полдень мы внезапно очутились в мелководье среди больших песчаных отмелей и не могли из них выбраться. Делая промеры и отыскивая выход, мы сели на мель; то же самое случилось и с «Уилльямом». Повреждений, однако, не было, потому что ветер дул к берегам, а ночью стало и совсем тихо. Всю ночь проработали мы, применяя всевозможные старания, но сдвинуть судно с мели не могли. Мели эти расположены близ Колгуева и простираются на большое пространство; воды здесь не больше 2—3 футов; течение — с с.-в. на ю.-з.

21-го ветер подул с ю.-з.; воспользовавшись прекрасной погодой, мы облегчили наши суда, насколько позволяло нам место. В тот же прилив, с божией помощью, снялись с мели и мы и «Уилльям» — ю.-з. ветер нагнал воды и тем помог нам.

Широта в этот день была 68° 40′. После полудня оба наши судна подняли паруса и стали искать пути, как бы выбраться из песков. Впереди нас шел наш бот, измеряя глубину; последняя была 6, 7, 8 сажен, но мы все еще находились среди окружавших нас песков. Мы шли к ю., «Уилльям» же отклонялся более к в.; когда уже приближалась ночь, ветер стал ю.-в., вследствие чего мы, переменив курс, пошли на ю.-з. Глубина была 19, 12 и 14 сажен; как вдруг она сократилась до 6 сажен; это было за головной частью песков, в которых мы накануне сидели на мели. Мы взяли курс в в. направлении, ища глубокой воды, и вскоре вышли на глубину в 10, 15, 20 и до 23 сажен.

22-го в 8 часов утра мы переменили курс и пошли в ю. направлении; тогда же увидали мы «Уилльяма» на далеком расстоянии с подветренной стороны. С тех пор мы больше его уже не видали. Так шли мы, пока не достигли глубины 30 сажен при черном илистом дне; это было в полдень, в 3 часа пополудни глубина была 23 сажени. Затем мы пошли в з. и с.-з. направлении и держались такого курса всю следующую ночь.

23-го в 6 часов утра глубина была 27 сажен, в 8 часов — 28 сажен. К 9 часам утра при в.-ю.-в. ветре мы пошли на з.-с.-з. В этот день мы видели Югорский берег. В полдень глубина была 32 сажени с песком. В этот день мы шли на з. с уклоном к с. и очутились на глубине в 5 сажен при выходе из Моржовецкой бухты. Мы повернули к с. и оказались от нее в с.-с.-в. направлении. Позднее ветер перешел в с. с уклоном к в.; мы шли на в. с уклоном к с., потом снова пошли на з., пока не достигли

глубины 40 сажен; потом шли на с.-з., достигнув сначала 14, потом 10 сажен. Тут мы взяли курс в в. направлении и всю ночь прошли на в. с уклоном к с.

24-го в 8 часов утра глубина была 32 сажени. Мы шли к с.-з.; дойдя до глубины 11 сажен, мы повернули на с. и прошли так до полуночи, когда глубина оказалась 40 сажен; с переходом ветра в с.-в. и мы пошли в с.-в. направлении.

25-го в 9 часов утра глубина была 37 сажен; мы шли на з. при очень сильном с.-с.-в. ветре.

26-го мы шли под тем же ветром; широта была 70° 40′.

27-го в 7 часов утра видели землю; полагаем, что это был Кигор; потом пошли на с.-з. и с. с уклоном к з., чтобы обогнуть Нордкап.

28-го в 3 часа утра мы шли на с.-з. и так продолжали итти весь день. К ночи же ветер подул с ю.-з.; всю ночь мы шли попрежнему на с.-з.

29-го вошли мы в залив, называемый Тэн *, городок же там назывался Хэнгон; в 5 часов пополудни мы бросили якорь при глубине в 25 сажен; дно состояло из очень чистого песка. Залив — очень большой и удобный; той же ночью мы погрузили запас воды.

30-го утром при слабом с.-в. ветре мы подняли паруса и, имея бот впереди себя, вышли в море около полудня; ветер с сильным штормом перешел в ю.-ю.-в.; весь день и всю ночь шли мы на з. и с.-з.

31-го в полдень мы обогнули Нордкап. Ветер был в.-ю.-в., весь день мы шли на з., а к ночи повернули на з.-ю.-з.

1 сентября ветер был з.-ю.-з. при густом тумане; весь день мы шли на з.-ю.-з. В 2 часа пополудни ветер стал северным.

2 сентября в 3 часа утра мы обогнули Фоульнэсс (Fowlnesse); ветер в этот день менялся много раз и дул со всех стран света. В послеполуденное время мы продвинулись вперед очень мало. К 9 же часам вечера подул такой сильный з.-ю.-з. ветер, что нам пришлось лечь на дрейф; в течение 2 часов нас несло к с., затем мы взяли курс в южном направлении и на рассвете снова увидали высокие берега, называемые местными жителями Фоульнесса (Fowlenesse). Весь берег усеян мелкими островами, далее — множество скал, далеко простирающихся в море. Глубина между скал — 20 сажен при чистом песке.

3-го утром мы вошли в залив. Воды в нем мелкие — 4, 5, 3 сажен — с песчаным дном. Берега — очень высоки, стоящая здесь церковь называется «святою церковью» (Helica Kirke). Во время прилива вода подымается не больше чем на 8—9 футов.

* Речь идет о Танафьорде, лежащем к востоку от Нордкина.

12 сентября в 3 часа пополудни вошли мы в залив у Лофотенских островов; течение тут ю.-з.; в прилив вода повышается футов на 7—8.

13-го — сильный з. ветер; с наветренной от нас стороны был ряд подводных скал, но, благодаря ветрам южных и западных румбов, путь был достаточно хорош; материк лежал с наветренной стороны; погода в этот день стояла бурная и дождливая.

23-го в 4 часа пополудни мы прибыли в Норвегию и вошли в залив, называемый Ромзель (Romsele) *, где в прилив бывает ю.-ю.-в. течение и вода подымается на 8 футов. Вся эта местность полна низменных островов и изобилует хорошими стоянками; высоких гор на берегу нет. Здесь много леса — елового, березового, дубового, а также орешника. Весь день дул очень сильный южный ветер с дождем и туманом.

28-го утром мы подняли паруса в 8 часов утра при в.-с.-в. ветре и, выйдя из залива, пошли на ю.-з. и з.-ю.-з.; до часу дня был добрый шторм, потом задул такой же силы ю.-в. ветер с дождем и туманом. В 6 часов вошли мы в очень хороший рейд, где и провели всю следующую ночь в полной безопасности.

29-го мы снова вошли в очень хороший залив при ю.-з. ветре; в 3 часа пополудни налетел очень сильный южный шквал, дувший всю ночь страшными порывами и сопровождаемый дождем.

30-го весь день дул з.-ю.-з. ветер; широта залива — 63° 10′.

1 октября — сильный южный ветер, дувший порывами.

7-го мы подняли паруса, так как с 1-го и по 7-е число этого месяца стояла очень дурная погода, в особенности же — 4-го, когда был настолько сильный ветер, что судно наше бурей сорвало с якорей; вообще я не представляю, чтобы ветер мог дуть сильнее, чем он дул тогда, ибо, когда мы сорвались, нас протащило около целой лиги, пока якоря не зацепились за дно. Однако, благодарение богу, буря стала стихать, иначе мы оказались бы в отчаянном положении.

7-го к ночи мы стали на якорь и простояли так до следующего дня — 8-го, когда ветер с дождем стал так крепчать, что, подняв паруса, мы вернулись в залив. Как только мы стали опускать якоря, внезапно налетел такой порыв ветра, что, хотя наш лучший якорь и был уже спущен, ужаснейшая буря отнесла нас на скалы и так ударила о них наш корабль, что нам пришлось облегчить его, чтобы спасти от крушения. Благодаря этому, мы с божией помощию сохранили корабль, заделали течи и ошвартовали его в безопасном месте. Из-за противных ветров, тумана и дождя

* Возможно, Рамсефьорд, между Христиансундом и Трондъемом, или же Ромдальские острова, к северу от г. Олесунда.

мы простояли на месте до 24 октября. В этот день ветер подул с с.-в., и в 8 часов утра мы подняли паруса. Залив этот назывался Мур-саунд (Moore Sound); вода в нем во время прилива поднимается на 5 футов, течение идет с ю.-ю.-в.

На следующий день, 25-го, мы вошли в залив, называемый Элтарсаунд (Ultar sound); в 2 лигах к ю. от нас, в другом заливе стоял корабль датского короля, пришедший из Исландии. Дул противный нам ю.-ю.-з. ветер.

12 ноября при в.-ю.-в. ветре мы подняли паруса и прошли мимо залива, где стоял корабль датского короля; он называется Слоур-саунд (Sloure sound). Однако, выходя в море, мы увидали, что ветер дует с ю.-з.; нам не оставалось ничего иного, как поставить корабль между двумя островами, где мы и простояли до 18 числа. В этот день погода была ясная и тихая; мы подняли паруса и вышли в море в надежде на попутный ветер. Но в море мы встретили ю.-з. и ю.-ю.-з. ветер, и нам пришлось вернуться в тот же залив.

На следующий день, 19-го, королевский корабль, увидев нашу попытку выйти в море, вышел так же, как и мы, и остановился там, где стояли и мы в последние дни. Когда же мы вернулись, мы стали в одном из следующих заливов, называемом Скорп-саунд (Scorpe Sound): на королевском корабле вышли все съестные припасы, и мы не слишком желали его близкого соседства, хотя он очень искал нашего. Широта залива 62° 47′. Так простояли мы, поджидая попутного ветра, до 1 декабря. В этот же день мы подняли паруса в 6 часов утра, а в 4 часа пополудни вышли в открытое море *.

9-го мы увидели берег Шотландии у Бьюкуэмнесса (Buquhamnesse).

10-го мы были в открытом море против Фриэса (Frith).

11-го в 4 часа утра мы были против Баруика (Barwike), а в 6 часов— против Бэмбро (Bemburch); в тот же день к 10 часам вечера мы дошли до Холлифута. Тут ветер перешел в ю. и ю.-в., так что нам пришлось простоять до следующего утра и потом уже войти в устье Тайна. Вечером пришлось нам вытащить судно на берег, чтобы остановить течь, обнаруженную нами в переднем замке. Ю.-в. и ю.-ю.-в. ветер продолжался до 20 декабря, когда к полуночи мы подняли паруса и пошли вдоль берега.

22-го ю.-з. ветер заставил было нас зайти в устье Эмбера, но вскоре он сменился з., и мы пошли к ю.-в. В 3 часа дня мы подошли к пескам со стороны моря и шли по мелководью между Лаймери и Оури (Lymery and Owry), при 4 саженях глубины. На следующий день мы приложили все усилия, чтобы дойти до Орфорднесса.

* Все эти местности относятся уже к южной части Норвегии.

24-го мы миновали Нэз часов около 8 утра.

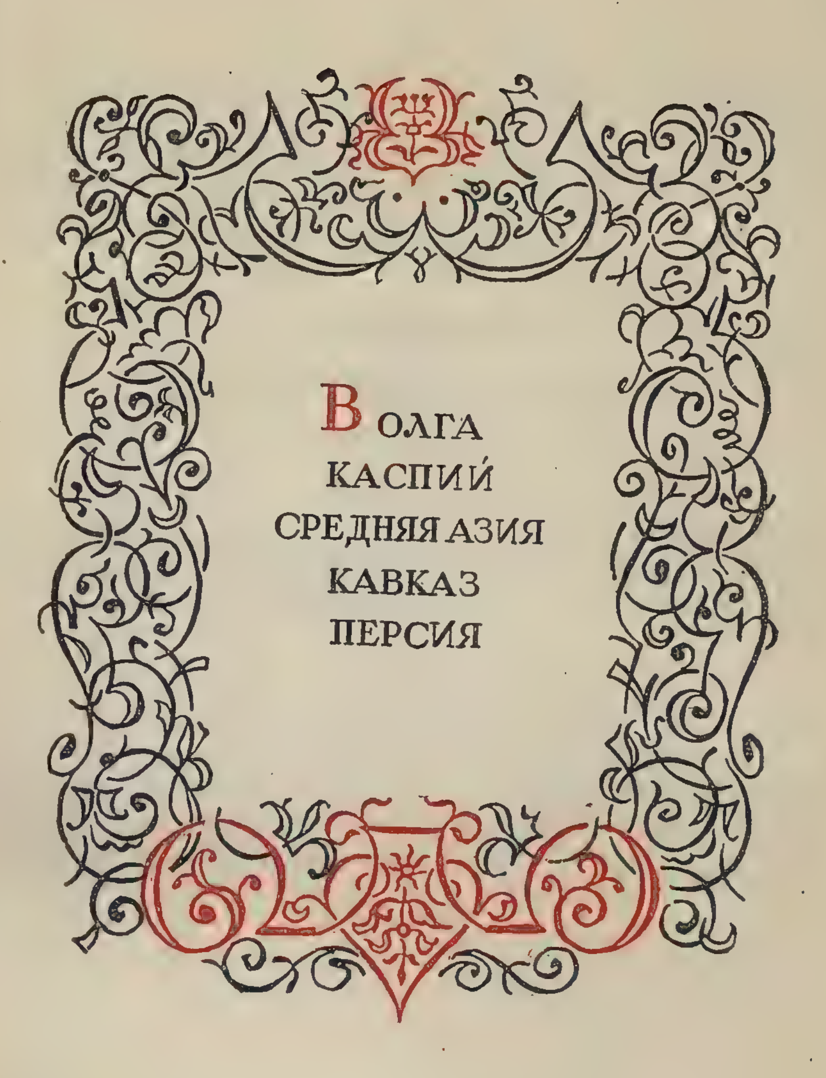
25-го, в день рождества христова, мы стали на якорь между Ольдхэвеном и Тильбери Хоп и в тот же день поднялись до Поршета *.

26-го мы поднялись до Рэтклиффа и воздали хвалу богу за благополучное возвращение. На этом я кончаю. 1580 г.

«Уилльям» под командой Чарльза Джэкмэна пришел в одну из норвежских гаваней между Трондъемом (Tronden) и Ростоком (Rostock) ** в октябре 1580 г. и там перезимовал, а в следующем феврале вышел оттуда вместе с одним кораблем датского короля, направляясь в Исландию. С тех пор о нем больше ничего не слыхали.

* В этот день корабль Пэта вошел в Темзу.

** Гавани Ростока в Норвегии нет, поэтому трудно выяснить, какая гавань или город имеется здесь в виду.

ВОЛГА
КАСПИЙ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ
КАВКАЗ
ПЕРСИЯ

IX

ДЖЕНКИНСОН

ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

1558—1560 гг.

1. Путешествие господина Антония Дженкинсона из города Москвы в России до города Бухары (Boghar) в Бактрии в 1558 г., описанное им самим для лондонских купцов Московской компании.

преля 1558 г., получив от русского царя грамоты к различным царям и государям, через владения которых мне придется проезжать, я выехал из Москвы водой, имея с собой двух ваших служащих, а именно: Ричарда Джонсона и Роберта Джонсона, и татарина толмача (tolmach), с тюками различных товаров, как это видно из описи. 28-го мы приехали в город, называемый Коломной (Collom), расстоянием от Москвы 20 лиг. Пройдя одну лигу за Коломну, мы въехали в реку, называемую Окой (Осса), в которую река Москва впадает, теряя свое название. Проплыв вниз по Оке 8 лиг, мы прибыли в замок (castle) по имени Перевитеск (Terrevetisco), который мы оставили по правую руку; следуя дальше, мы достигли 2 мая другого замка, называемого Переяславлем (Peroslave), в 8 лигах от предыдущего, также оставив его по правую руку. 3-го мы доехали до места, где была расположена Старая Рязань, теперь почти вся разрушенная и заросшая травой; от Переяславля она отстоит на 6 лиг; 4-го мы прошли мимо замка, называемого Тереховым (Terrecovia, Терехов монастырь), в 12 лигах от Рязани, а 6-го подошли еще к одному замку, называемому Касимовым (Cassim), находящемуся под управлением татарского князя Шиг-Алея (Utzar Zegoline), когда-то царя богатого города

Казани, ныне же подданного московского царя. Оставив Касимов по левую руку, мы 8-го прибыли в прекрасный город Муром (Morom), в 20 лигах от Касимова. Здесь мы измерили высоту солнца и определили, что находимся на 56° широты. Следуя дальше, мы доехали 11 мая до другого славного города и замка, называемого Нижний-Новгород (Nyze Novograd), расположенного при впадении вышеназванной реки Оки в знаменитую реку Волгу; он отстоит от Мурома в 25 лигах и находится на широте 56° 18′. От Рязани до Нижнего-Новгорода по обоим берегам указанной реки Оки собирается наибольшее количество воска и меда во всей русской земле. Мы оставались в Нижнем-Новгороде до 19 мая, ожидая прибытия начальника, посланного царем править Астраханью. Когда он приехал и под его начальством соединилось до 500 больших судов, частью нагруженных съестными и военными припасами и солдатами, частью же товарами, мы все вместе отбыли от Нижнего-Новгорода 19 мая и 22-го приехали к замку, расположенному в 25 лигах от Нижнего-Новгорода, называемому Василь-Город (Vassiliagorod), который остался у нас по правую руку. Этот город или замок получил свое название от имени отца нынешнего царя, которого звали Василием; «город» же на русском языке значит «замок», так что Васильгород означает Васильев замок; это самое дальнее место, которое этот царь завоевал у татар. Но теперешний царь, его сын, называемый Иваном Васильевичем, одержал большие победы в своих войнах как против христиан, так и против магометан и язычников, а особенно против татар; он расширил свое царство даже до Каспийского моря и завоевал знаменитую реку Волгу со всеми прилегающими к ней странами. Продолжая таким образом наше путешествие, мы достигли 25 мая другого замка, называемого Чебоксары (Sabowshare), в 16 лигах от Васильгорода; он остался по правую руку от нас. Окрестная страна называется Мордва (Mordovits); ее жители исповедывали языческую веру; теперь, будучи покорены нынешним русским царем, они по большей части крещены, но живут в лесах и пустынных местах без городов и жилищ.

27 мая мы прошли мимо другого замка, называемого Свияжским (Swyasko), в 25 лигах от вышепомянутых Чебоксар. Оставив его по правую руку, мы подошли 29-го к острову в одной лиге от города Казани, от которого течет Казанка-река и впадает в вышесказанную реку Волгу. Казань — прекрасный город, построенный по русскому и татарскому образцу, с крепким замком, стоящим на высоком холме. Замок был обнесен земляным валом с деревянными укреплениями, но русский царь приказал теперь снести старые стены и выстроить новые из белого камня. Казань была очень богатым городом; находясь в руках татар, она была самостоятельным государством, которое более чем какое-либо иное причиняло затруднения русским во время войны. Но 9 лет назад нынешний

русский царь завоевал ее и взял в плен ее царя: последний, будучи очень юн, теперь окрещен и воспитывается при царском дворе; там же живут два других князя, которые также были некогда казанскими царями, но так как каждый из них во время своего царствования опасался своих подданных вследствие гражданской войны, то оба в различное время передались русскому царю, так что в настоящее время при русском дворе имеется три князя, бывших прежде казанскими царями. Царь всех их содержит в большом почете *. Мы оставались в Казани до 13 июня и тогда отправились дальше. В тот же день мы прошли мимо острова, называемого «Купеческим островом», который был обычным местом, где все купцы — русские, казанцы, ногайцы и крымцы — съезжались и производили торг, покупали и продавали, но теперь торг оставлен, и нет подобного съезда ни в Казани, ни где бы то ни было от Москвы до Каспийского моря.

Подвигаясь таким образом вперед, мы проплыли 14 мая мимо красивой реки, называемой Кама, которую мы оставили по левой руке. Река эта течет из Пермской страны и впадает в Волгу в 15 лигах от Казани. Страна между Казанью и Камой называется Вачен (Vachen), ее обитатели язычники и живут в диких местах без домов и других жилищ; страна же на той стороне Волги против Камы называется землей черемисов (Cheremizes), полуязычников, полутатар; а страна по левую сторону Волги от Камы до Астрахани и далее вдоль северного и северо-восточного берега Каспийского моря до земли татар, называемых туркменами (Turkamen), носит название страны Мангат или ногаев; жители ее держатся закона Магомета. Все они были истреблены в 1558 г., в бытность мою в Астрахани, гражданскими усобицами, сопровождаемыми голодом, чумою и всякими моровыми поветриями, так что в сказанном 1558 году от той или другой причины погибло свыше 100 000 человек из этого народа. Такого мора никогда не видели в этих странах; земли ногайцев изобиловали пастбищами; теперь же они пусты к большому удовольствию русских, у которых были долгие и жестокие войны с ногайцами.

Когда ногайцы процветали, жизнь их протекала следующим образом. Они распадались на отдельные группы, называвшиеся ордами; каждая орда имела особого правителя, называвшегося мурзой, которому они повиновались, как своему королю. У них не было ни городов, ни домов, но они жили в открытых степях; каждый мурза или король имел около себя свою орду или своих подданных с их женами, детьми и скотом.

* Казанскими царями, о которых говорит Дженкинсон, были: 1) Шигалей, или Шейх-Али; 2) Утямыш-Гирей, сын царя Сафа-Гирея, род. в 1546 г., царствовавший в 1549—1551 гг.; в 1551 г. Утямыш был низложен, отправлен в Москву с матерью Сююн-Бике (Сумбекой), крещен именем Александра Сафакиреевича, умер в Москве в 1566 г., и 3) плененный в 1552 г. Едигер (Ядыгар), получивший при крещении в 1553 г. имя Симеона Касаевича, умер в Москве в 1565 г.

Когда съедалась вся трава, орда переходила на другое место. Они передвигаются с домами, подобными палаткам, устроенными на повозках и перевозимых с места на место верблюдами. В них они перевозят жен, детей и все свое добро, очень незначительное; каждый мужчина имеет, по крайней мере, 4 или 5 жен, не считая наложниц. Они не употребляют денег, но меняют скот на одежду и другие необходимые вещи. Они не занимаются никакими ремеслами или искусствами, кроме военного, в котором они очень опытны; они, главным образом, скотоводы и имеют большое количество скота, который и составляет их главное богатство. Они едят много мяса, преимущественно конского, и пьют кобылье молоко, от которого часто бывают пьяны; они очень мятежны и склонны к воровству и убийству. Они ничего не сеют и не едят хлеба, насмехаясь за это над христианами, и преуменьшают нашу силу, говоря что мы живем тем, что едим верхушки трав и пьем напиток, сделанный из того же, и указывая при этом, что огромное количество пожираемого ими мяса и молока составляет источник их силы. Однако следует возвратиться к моему путешествию.

Вся страна по правую руку от нас, начиная от места против Камы вниз до Астрахани, есть земля крымцев, жители которой также держат закон Магомета и живут приблизительно так же, как и ногайцы. Они постоянно ведут войны с русским царем, мужественны на поле битвы и пользуются покровительством и помощью турецкого султана (Great Turke) *.

16 июня мы прошли мимо нескольких рыбачьих хижин, называемых Тетюши (Petowse), в 20 лигах от устья Камы. Здесь происходит большой лов осетров. Так, продолжая путь далее, мы прошли 22-го мимо другой большой реки Самары, которая вытекает из вышеуказанной (Пермской) страны, течет через ногайскую землю и впадает в Волгу. 28-го мы подъехали к большому холму, где в минувшие времена стоял замок, выстроенный крымцами, теперь разрушенный; он находится как раз на полпути между Казанью и Астраханью, что составляет 200 лиг или около того, на широте 51° 47′ **. По всему этому берегу растет в изобилии солодковый корень, уходящий в землю подобно корням виноградной лозы.

Подвигаясь все вперед, мы прибыли 6 июля к месту, называемому Переволокой (Perevolog), потому что в прошлые времена татары здесь обычно перетаскивали по земле свои лодки из Волги в реку Танаис,

* Great Turke — «Великий Турок» — обычное название, которое давалось в Западной Европе XVI в. главе турецкого государства.

** Речь идет об Увеке, прежнем татарском укрепленном городе, имевшем большое военное и торговое значение. Увек находился в ближайших окрестностях Саратова. Последний, основанный в 1590 г., является историческим преемником Увека. Книга «Большого чертежа» упоминает о «Городище Увешенском» близ Саратова.

иначе называемую Доном, когда они собирались грабить спускавшихся по Волге к Астрахани, или, наоборот, спускавшихся по Танаису к Азову, Каффе, или иному какому-нибудь городу на Эвксинском (т. е. Черном) море, в которое впадает Танаис; истоки Танаиса находятся на равнине в Рязанской области. В этом узком месте на Переволоке расстояние от одной реки до другой по суше всего 2 лиги. Оно очень опасно из-за воров и разбойников; однако в настоящее время, вследствие завоеваний русского царя, оно не так страшно.

Отъехав от Переволоки и плывя среди пустыни, простирающейся с обеих сторон, мы увидели большое скопление ногайцев, пасших, как уже сказано выше, свои стада; тут было, примерно, свыше 1 000 верблюдов, впряженных в повозки с жилищами на них в виде палаток странного вида, казавшихся издали городом. Эта орда принадлежала великому мурзе Измаилу (Smille), самому значительному государю Ногайской земли, который убил и прогнал всех остальных, не пощадив своих собственных братьев и детей. Теперь, находясь в мире с русским царем, он имеет все что ему нужно и правит один, русские же живут в мире с ногайцами, тогда как раньше между ними шла смертельная война.

14 июля, пройдя мимо старого замка, где была старая Астрахань, и оставив его по правую руку, мы пришли к новой Астрахани, которую русский царь завоевал 6 лет назад, в 1552 г. *. От Москвы до Астрахани — всего 600 лиг или около того. Город Астрахань стоит на острове, на высоком берегу с замком внутри города, обнесенным земляным валом и деревянными стенами; замок ни красив, ни крепок. Город также весь окружен земляным валом; строения и дома (кроме тех, где живут начальники и некоторые другие дворяне) низкие и очень простые. Остров очень беден, без лесов и пастбищ, и земля не родит хлеба; воздух здесь зараженный, как я думаю, от множества рыбы, в особенности осетров; рыбой единственно и питается население, между тем как мяса и хлеба очень мало. Чтобы сушить рыбу для запасов, они развешивают ее на улицах и у домов, отчего, к их великому бедствию, здесь бывает такое большое количество мух, какого не увидишь ни в одной стране. Во время моего пребывания в Астрахани население страдало от сильного голода и мора; в особенности они свирепствовали среди татар и ногайцев, которые в это самое время пришли сюда в большом числе, чтобы отдаться своим врагам русским и искать их помощи вследствие того, что, как я уже сказал выше, вся страна их была опустошена. Однако их плохо приняли и мало им помогли: большое число их умерло от голода; их мертвые тела кучами

* Ошибка Дженкинсона, смешивающего взятие Астрахани с взятием Казани. Старая татарская Астрахань, стоявшая, быть может, на месте хазарского Итиля, находилась в 12—15 *км* выше русской Астрахани, на правом берегу Волги, в урочище, носящем в настоящее время название «Жареные бугры».

валялись по всему острову, непогребенные, подобно зверям; жалко было смотреть на них. Многих из оставшихся в живых русские продали в рабство, а остальных прогнали с острова. В это время было бы легким делом обратить в христианскую веру этот беззаконный народ, если бы сами русские были добрыми христианами: но как могли они выказать сострадание к другим народам, когда они так немилосердны к своим собственным соотечественникам?

Когда я был в Астрахани, я мог бы купить много красивых татарских детей, целую тысячу, если бы захотел, у их собственных отцов и матерей, а именно мальчика или девочку за каравай хлеба, которому цена в Англии 6 пенсов, но в это время мы сами нуждались в съестных припасах более, чем в каком бы то ни было товаре. Астрахань — самая отдаленная крепость, которую русский царь завоевал в сторону Каспийского моря; он старается, чтобы она была очень сильной, и ежегодно посылает туда людей, припасы и лес для постройки замка.

Здесь производится некоторая торговля нужными населению товарами, столь малая и нищенская, что не стоило бы о ней упоминать, но все же купцы приезжают сюда из разных мест. Главнейшие товары, привозимые сюда русскими, — сырые кожи, сырые овечьи шкуры, деревянная посуда, уздечки, седла, ножи и другая мелочь, а также хлеб, свинина и другие съестные припасы. Татары привозят сюда разные сорта товаров из хлопчатой бумаги и шелковые материи; приезжающие из Персии, а именно из Шемахи (Shamacki), привозят шелковые нитки, которые более всего употребляются в России, материи, различные сорта пестрых шелков для поясов, кольчуги, луки, мечи и т. п. вещи, а в иные годы привозят хлеб и грецкие орехи, но все это привозят в очень малом количестве, потому что купцы так нищенски бедны, что не стоит об этом и писать, так же как и не стоит надеяться, что торговля здесь будет стоить того, чтобы ее продолжать.

Вышесказанный астраханский остров имеет в длину 12 лиг, а в ширину 3 и тянется с востока на запад на широте 47°9′. Мы пробыли там до 6 августа. Купив и снарядив лодку в компании с несколькими татарами и персами, мы погрузили в нее свои товары и взошли на нее сами, и в этот же самый день я отплыл вместе с обоими вышеупомянутыми Джонсонами, взяв на себя всю заботу о плавании вниз по Волге, очень извилистой и полной мелей близ устья. 10 августа мы вошли в Каспийское море через восточный рукав реки на широте 46° 27′.

Волга впадает в море семидесятью устьями. Идя под сильным ветром, мы держались северо-восточного берега; 11-го мы прошли под парусами 7 лиг к с.-с.-в. и прибыли к острову с большим холмом на нем, называемому Аккургар (Accurgar) и очень заметному в море. В 10 лигах к востоку от этого острова мы поровнялись с другим островом, по имени

Бохайата (Bawhiata), еще более высоким, чем первый. Между этими двумя островами к северу лежит большой залив, называемый Синим морем (Blue sea). Отсюда мы прошли 10 лиг к с.-в., но, встреченные противным ветром, бросили якорь при глубине в одну сажень и простояли тут до 15-го, испытав большую бурю с ю.-в. ветром, наиболее противным для нас, которую мы выдержали. После этого ветер перешел к с., мы подняли якорь, направили курс на ю-в. и в этот день прошли 8 лиг. Подвигаясь таким образом вперед, мы 17-го потеряли из виду берег и прошли в этот день 30 лиг, а 18-го еще 20 лиг к в. и достигли земли, называемой Боглита (Baughleata) *, в 74 лигах от устья Волги, на широте 46°54′, причем берег тянулся с ю.-в. на с.-з. На оконечности этой земли находится могила какого-то святого пророка их закона, как называют его татары, которому усердно поклоняются все магометане, едущие этой дорогой.

19-го, держа при западном ветре курс на ю.-в., мы сделали 10 лиг и прошли мимо большой реки, называемой Яиком, которая берет начало в Сибири, неподалеку от упомянутой выше реки Камы, течет по земле ногайцев и впадает в Каспийское море. В одном дне пути вверх по этой реке лежит город, называемый Сарайчик (Seratchik), подвластный сказанному выше татарскому князю, называемому Мурзой Измаилом, ныне находящемуся в дружбе с русским царем. Здесь не производится никакой торговли, так как здешний народ не употребляет денег; все они — воины и скотоводы, предающиеся воровству и убийствам. В то время как мы стояли на якоре против устья Яика, а все наши люди были на берегу, исключая меня, лежавшего тяжело больным, и 5 татар, в том числе одного, пользовавшегося славой святого человека, потому что он побывал в Мекке, к нам подъехала лодка с 30 хорошо вооруженными и снаряженными людьми; подойдя к нашему борту, они пытались войти на наше судно; наш святой татарин, по имени Ази, увидев это, спросил их, что им нужно, и в то же время произнес молитву. Разбойники остановились, заявляя, что они люди благородные (Gentlemen), изгнанные из родины, и без средств и что они приехали посмотреть, нет ли на нашем судне русских или иных христиан, которых они называют кафарами (Caphars). На это Ази крикнул им, что таких не имеется, подтверждая свои слова величайшими клятвами своей веры (которые они не легко нарушают). Разбойники поверили ему и после его слов отъехали. Так, благодаря верности этого татарина, я, со всеми моими спутниками и товарами, был спасен. Когда наши люди возвратились с берега, мы пустились в путь при попутном ветре и в этот день 20 августа прошли 16 лиг.

* Под страной Боглита надо разуметь самую северную часть берега Каспийского моря к западу от устья Урала.

21-го мы прошли мимо бухты в 6 лиг шириной и поровнялись с косой, на юго-восточной стороне которой было два острова, очень заметные с моря; за этой косой берег уклонялся к с.-в., образуя другую бухту, в которую впадает большая река Эмба (Yem), берущая начало в стране калмыков.

22, 23 и 24-го мы стояли на якоре.

25-го ветер стал попутным, и мы в этот день проплыли 20 лиг, миновав низкий остров, вокруг которого было много песков и отмелей. К северу от него лежит большая бухта; но мы отдалились от этого острова и пошли на юг, чтобы достигнуть глубокой воды, так как нам сильно мешали мели. Держась этого курса, мы прошли 10 лиг, потом 20 лиг к в.-ю.-в. и достигли материка, покрытого холмами. Мы прошли вдоль берега 20 лиг, и чем дальше мы плыли, тем выше становился берег.

27-го мы пересекли бухту, южный берег которой был выше противоположного, и подошли к высокому мысу. Как только мы его миновали, поднялся такой шторм с востока, что мы воистину подумали, что погибнем; шторм продолжался 3 дня. От этого мыса мы поплыли к гавани, называемой Мангышлак (Manguslake). Место, где мы должны были пристать, находится в самой южной части Каспийского моря *, в 12 лигах внутри залива. Но так как нас сильно потрепало и покидало вышеупомянутым штормом, то мы были отброшены к другому месту на другой стороне залива, у очень низкого берега против Мангышлака. Место это, куда ни одно судно и ни одна лодка никогда не приставали до нас, сильно не понравилось нам, как вследствие неудобства гавани, так и вследствие грубости кочевого населения.

Все же мы послали здесь несколько наших людей на берег поговорить с правителем и с народом, чтобы нам было обеспечено хорошее обращение с их стороны и чтобы возможно было запастись верблюдами для доставки наших товаров в место, называемое Селлизюр (Sellisure), находящееся в 25 днях пути от места нашей высадки. Наши посланцы возвратились с ободряющими словами и с честными обещаниями все сделать для нас.

Поэтому 3 сентября мы разгрузили наше судно, и я, вместе с моими спутниками, был любезно принят князем и его подданными. Однако еще до отъезда нашего отсюда мы убедились, что здешний народ дурной и

* О превратном представлении Дженкинсона об очертаниях Каспийского моря свидетельствует составленная им карта. Караванный путь от Мангышлакского полуострова к озеру Барса-Кельмес и к высохшему Айбугирскому заливу Аральского моря. Таким образом водное пространство, принятое Дженкинсоном за конец Каспийского моря, могло быть Айбугирским заливом, озером Барса-Кельмес или озером Сары-Камыш.

грубый; они не переставали каждый день беспокоить нас драками, кражами и выпрашиванием; они подняли цену на верблюдов, лошадей и припасы вдвое против того, что было условлено, и заставили нас покупать у них воду для питья. Это заставило нас поспешить с отъездом и согласиться на все их условия, как по найму верблюдов, так и по уплате за все, что мы у них покупали, так что за каждого груженого верблюда, несущего только 400 фунтов нашего груза, мы согласились уплатить по 3 русских кожи и по 4 деревянных блюда, а князю или правителю здешнего народа — 9 штук одного и дважды семь другого, итого 9 и дважды по семи отдельных предметов; ибо денег они не употребляют.

Изготовившись таким образом, мы выехали 14 сентября из этого места караваном из 1 000 верблюдов. Проехав 5 дней, мы вступили во владения другого государя, и навстречу нам по пути подъехали несколько хорошо вооруженных татар, находившихся на службе этого государя, по имени Тимур Султана (Timor Soltan), правителя названной страны Мангышлак, где мы предполагали пристать и разгрузиться, если бы нас не обманула буря. Эти татары остановили наш караван именем своего государя, вскрыли наши товары и забрали безденежно для своего государя все вещи, какие они сочли наилучшими; по поводу же моих вещей, которые они забрали у меня и которые после больших споров определились, как одна девятка, я отправился к самому князю и, представ перед ним, просил у него о покровительстве и об охранной грамоте для путешествия по его владениям без опасности быть ограбленным и разоренным его подданными. Он исполнил мою просьбу и, приняв меня очень любезно, приказал хорошенько угостить меня мясом и кобыльим молоком, ибо хлеба они не употребляют, равно как и никакого другого напитка, кроме воды. Однако мне он не дал денег за отобранные у меня вещи, которые на русские деньги могли стоить 15 р., но дал мне свою грамоту и лошадь стоимостью в семь рублей. Итак, я уехал, радуясь, что ушел от него благополучно, ибо он считается великим тираном, и если бы я не поехал к нему, то, как я понял, было отдано приказание ограбить и разорить меня.

Этот султан обитал в степи, а не в замке и не в городе, и сидел, когда я был у него, в маленьком круглом домике из камыша, обитом снаружи войлоком, а внутри коврами. С ним был великий митрополит этой дикой страны, столь же чтимый народом, как римский епископ чтим в большей части Европы, и несколько других важнейших его сановников. Султан и митрополит задавали мне много вопросов о наших королевствах *, их законах и религии, а также о причинах моего прибытия в эти страны и о моих дальнейших намерениях. На все я отвечал, как

* Т. е. Англии и Ирландии, а может быть, также Шотландии.

мне казалось лучше, и мои слова они приняли благосклонно. Простившись, я уехал, догнал наш караван, и мы продолжали наше путешествие, пройдя 20 дней по пустыне от самого берега моря, не видя ни городов, ни жилищ и везя с собою съестные припасы на все это время. Нам на свою часть пришлось съесть одного из верблюдов и одну лошадь; другие наши спутники делали в это время то же самое. В течение этих 20 дней мы не находили другой воды, кроме той, которую добывали в старинных глубоких колодцах, солоноватую и совсем соленую, а иногда дня по два, по три оставались и без такой воды. 5 октября мы снова подошли к заливу Каспийского моря *, где нашли свежую пресную воду. У этого залива нас встретили таможенники короля туркменов, которые взяли с нас в качестве сборов по одной вещи с каждых 25 и семь девяток ** в пользу своего короля и его братьев. Получив все, они уехали, мы же остались здесь еще день для отдыха.

Надо отметить, что в прошлые времена великая река Оксус впадала в этот залив Каспийского моря; она берет начало в горах Паропамиза (Paraponisus) в Индии; теперь она не доходит так далеко, но впадает в другую реку по имени Ардок, которая течет на север и уходит в землю; протекая под землею более 500 миль, она снова выходит наружу и впадает в озеро Китай. Отдохнув у сказанного выше залива, мы отправились оттуда 4 октября, а 7-го прибыли в крепость, называемую Селлизюр, где пребывал король по имени Азим-Хан с тремя другими своими братьями; 9-го я получил приказание явиться к нему и представил ему грамоты русского царя. Ему я поднес подарок — одну девятку из моих товаров. Он принял меня очень хорошо и предложил мне есть в его присутствии, так же как поступили и его братья, угощая меня мясом дикой лошади и кобыльим молоком без хлеба. На следующий день он снова присылал за мной и предлагал мне много вопросов как о делах русского царя, так и о нашей стране и ее законах, на что я отвечал, как мне казалось, наилучшим образом, так что при нашем отъезде он дал мне охранную грамоту от своего имени.

Крепость Селлизюр расположена на высоком холме; здесь живет король, называемый ханом. Его дворец состоит из низеньких длинных не очень прочных построек. Жители бедны и почти не ведут торговли. Южная часть крепости расположена на низкой, но очень плодородной

* Здесь ясно видно превратное представление Дженкинсона о географии Средней Азии, которая отражается и в составленной им карте. Дело идет или о Сарыкамышской котловине, которая в то время представляла собою большое озеро, или об озере Барса-Кельмесе, или же о южном заливе Аральского моря; см. выше.

** Расчет взимания пошлин был такой: бралось несколько раз по известному количеству предметов: семь девяток означает, что было взято семь раз по 9 предметов; двадцать девяток означает двадцать раз по 9 отдельных предметов и т. д.

земле; здесь растет много прекрасных плодов, из которых один, называемый дыней (Dynie), отличается большими размерами и наполнен соком; жители едят их вместо напитка после еды. Есть здесь и другой плод, называемый арбузом (Carbuse), величиной с большой огурец, желтый и сладкий как сахар, а также хлебное растение, называемое иегур (iegur) *, стебель которого очень похож на стебель сахарного тростника и такой же высоты, как последний; зерна его похожи на рис и растут на верхушке стебля, подобно кистям винограда. Вода, которой пользуется вся эта страна, берется из канав, проведенных из реки Оксуса к великому истощению этой реки; вот почему она не впадает больше в Каспийское море, как в минувшие времена. В недалеком времени вся эта страна будет наверно разорена и станет пустыней из-за недостатка воды, когда нехватит вод Оксуса.

14 октября мы выехали из этой крепости Селлизюра, а 16-го того же месяца прибыли в город по имени Ургенч (Urgence), где заплатили пошлины как со своих голов, так и с голов наших верблюдов и лошадей. Так как мы оставались здесь в течение месяца, ожидая времени дальнейшего путешествия, король этой страны по имени Али-Султан, брат вышеназванного Азим-Султана, возвратился из города Хорасана (Corasan), в пределах Персии, завоеванного им у персов, с которыми он и остальные короли Татарии (Tartaria) ведут постоянно войны. И к этому королю я получил приказание явиться и так же представил ему грамоты русского царя. Он принял меня милостиво и задавал различные вопросы, а при отъезде моем дал мне охранные грамоты.

Город Ургенч стоит на равнине и обнесен земляными стенами окружностью около 4 миль. Здания также земляные, но разваливающиеся и в беспорядочном состоянии; одна длинная улица крыта сверху: она служит им рынком. Четыре раза за 7 лет город переходил из рук в руки вследствие междоусобных войн; поэтому в нем очень мало купцов и те очень бедны; во всем городе я смог продать только четыре куска каразеи. Главнейшие товары, которые здесь продают, — это те, которые привозят из Бухары или из Персии, но их так мало, что не стоит и писать. Вся страна от Каспийского моря до этого города Ургенча называется страной туркменов и подвластна выше упомянутому Азим-Хану и его братьям, числом пять. Один из них именуется главным королем, или ханом, но ему плохо повинуются за пределами его собственных владений и того места, где он живет, ибо каждый желает быть самостоятельным королем в своей части, и все братья стремятся погубить один другого. Между ними нет кровной любви, потому что они рождены различными женщинами, и обычно они являются детьми рабынь, христианок и языч-

* Вероятно, кунджут.

ниц, которых отец держит в качестве наложниц. Каждый хан или султан имеет по крайней мере 4 или 5 жен, не считая молодых девушек и мальчиков, так как жизнь они ведут порочную. Когда между этими братьями идет война (а редко бывает, чтобы ее не было), то побежденный, если он только избежит смерти, бежит в степь с теми, кто за ним последует, живет в пустыне поблизости от колодцев с водой и разбойничает и грабит торговые караваны и всех, кого может одолеть, продолжая таким образом свою злодейскую жизнь, пока не сможет собрать силы и получить помощь, чтобы снова вторгнуться во владения которого-нибудь из своих братьев. От Каспийского моря до сказанного замка Селлизюр и по всей стране у Каспийского моря люди живут, не имея городов и постоянных жилищ, в диких степях, кочуя с одного места на другое большими ордами со всем своим скотом, которого у них множество, а именно верблюдов, лошадей и овец, как прирученных, так и диких. Овцы у них очень большие с толстыми задами и весят от 60 до 80 фунтов. Там много диких лошадей, которых татары иногда убивают при помощи своих соколов следующим образом. Соколов приучают хватать животное за шею или за голову. Разгоряченное бегом животное утомляется от упорного долбления сокола; тогда охотник, гоняющийся за своей дичью, убивает лошадь стрелой или мечом. По всей стране растет не трава, а род сухого хвороста или вереска, питаясь которым скот становится очень жирным.

Татары никогда не выезжают без лука, стрел и меча, будь то на соколиную охоту или для какого-нибудь другого увеселения; они очень хорошие стрелки, как будучи на коне, так и пешие. Народ этот не употребляет ни золота, ни серебра, ни иных каких-либо монет, а когда они нуждаются в одежде или в других необходимых вещах, они меняют на них скот. У них вовсе нет хлеба, так как они не пашут и не сеют; они пожирают большое количество мяса, которое режут мелкими кусками и жадно едят пригоршнями, особенно конское. Их любимый напиток — кислое кобылье молоко, что я уже говорил о нагайцах; им же они напиваются допьяна. В их стране нет ни рек, ни водных пространств, пока не доедешь до вышеуказанного залива, отстоящего на 20 дней пути от места нашей высадки, если не считать колодцев с солоноватой водой, которые иногда находятся в двух или даже более днях пути один от другого. Они едят на земле, сидя с поджатыми под себя ногами; так же сидят они, когда молятся. У них нет никаких ремесел или искусств; они проводят время в лени, сидя большим обществом в кругу и занимаясь болтовней и пустыми разговорами.

26 ноября мы выехали из города Ургенча и, проехав по Оксусу 100 миль, вошли в другую большую реку Ардок, причем тут мы заплатили некоторую небольшую пошлину. Ардок — большая и очень быстрая река, вытекает из Оксуса и течет около 1 000 миль к северу, затем те-

ряется в земле и, пройдя 500 миль под землей, снова выходит на свет, чтобы влиться в озеро Китай, как я уже сообщал об этом выше.

7-го следующего месяца, декабря, мы приехали к замку, называемому Кайт (Kait), подвластному одному султану по имени Сарамет-Султану, который намеревался ограбить всех христиан в нашем караване, если бы не боялся своего брата, короля Ургенча. Об этом мы были уведомлены одним из его главных советников, который принудил нас сделать султану подарок, который этот советник получил и передал по назначению; кроме того, мы в этом замке заплатили пошлин по одной сырой русской коже с верблюда, не считая мелких подарков султанским чиновникам.

Продолжая так свое путешествие, 10 декабря к вечеру, когда мы расположились на отдых и расставили стражу, мы увидели, что к нам подъехали четыре всадника, которых мы приняли за лазутчиков; мы отобрали у них оружие и связали их; когда мы хорошенько порасспросили их, они признались, что видели следы многих коней, но без верблюжьих следов среди них, и дали нам понять, что в окрестностях бродят воры и разбойники: в этой стране верные и мирные люди путешествуют только караванами, в которых много верблюдов, а поэтому свежие следы лошадей без верблюдов внушают сомнение. После этого, посоветовавшись между собою, мы решили послать весть вышеупомянутому кайтскому султану, который прибыл немедленно сам с 300 всадниками и, встретив сказанных четырех человек, которых мы выслали к нему вперед, так строго допросил их и так им пригрозил, что они сознались, что в 3 днях пути впереди нас находится один изгнанный князь, который собирается ограбить нас, если только сможет, и что они принадлежат к его шайке. Султан, увидев, что воры немногочисленны, приказал 80 хорошо вооруженным людям с начальником во главе итти с нами и провожать нас в пути, сам же султан возвратился назад, забрав с собою четырех воров. Воины шли с нами 2 дня, истребляя много наших припасов. На третий же день, рано утром, они ушли от нашего каравана вперед и прошли в военном строю по пустыне часа четыре, после чего повернули и, несясь во весь опор к нам навстречу, заявили, что они обнаружили неподалеку от нас конские следы. Хорошо понимая, что мы должны встретить врагов, они заставили нас сложиться в их пользу и спросили нас, что мы им дадим за то, что они будут сопровождать нас дальше, иначе они возвратятся назад. Мы предложили им вознаграждение, какое сочли приличным, но они отказались от нашего предложения, желая получить больше, а когда мы на это не согласились, они уехали от нас назад к своему султану, который, по нашему предположению, был посвящен в этот заговор. Когда они уехали, некоторые татары из каравана, называемые святыми людьми (ибо они побывали в Мекке), заставили весь караван остановиться и пожелали помолиться и погадать, будет ли наше путешествие счастли-

*

вым и встретимся ли мы или нет с каким-нибудь враждебным отрядом. С этим согласился весь караван. Тогда они взяли несколько баранов, закололи их и, вынув лопатки, сварили последние и потом сожгли их; затем, взяв кровь баранов, смешали ее с пеплом костей и написали этой кровью какие-то буквы; все это сопровождалось разными обрядами и словами. Из этого гадания они вывели, к нашему большому смущению, что встретимся с врагами и ворами, но одолеем их. Я и мои товарищи не поверили этому колдовству; но все оказалось верным, ибо менее чем через три часа после того как покинули нас воины — было это 15 декабря утром — мы заметили вдали скачущих к нам всадников; видя, что это разбойники, мы сомкнулись теснее; нас было 40 человек хорошо снаряженных и способных сражаться; все вместе мы помолились каждый по своей вере, поклявшись жить или умереть всем сообща, и таким образом приготовились. Когда воры приблизились к нам, мы увидели, что их всего 37 человек, хорошо вооруженных луками, стрелами и саблями, а начальник их — князь, изгнанный из своей страны. Они предложили нам сдаться, объявив, что иначе мы будем убиты; это вызвало в нас только презрение. Тогда они стали стрелять в нас залпами, на что мы отвечали очень горячей стрельбой. Так мы продолжали сражение с утра до 2 часов после заката солнца, причем обе стороны потеряли убитыми и ранеными людей, лошадей и верблюдов; не будь у меня и у моих товарищей ружей *, которые мы пустили в дело, они нас одолели бы и уничтожили, потому что они были лучше вооружены и лучше стреляли из лука, чем наши. Однако, после того, как мы убили у них несколько людей и лошадей из наших ружей, они не осмеливались подъезжать к нам так близко, и это заставило их заключить с нами перемирие до следующего утра. Мы согласились, расположились лагерем на холме и устроили род крепости, окружив лагерь тюками товаров и поместив лошадей и верблюдов внутри, чтобы предохранить их от стрел. Воры также стали лагерем на расстоянии выстрела из лука от нас, но к нашему великому неудобству они расположились между нами и водой, а как мы, так и наши верблюды не пили уже 2 дня.

Мы зорко стояли на страже, как вдруг после полуночи воровской князь отправил на полдороги к нашему лагерю посланца, вызывавшего для переговоров нашего начальника, или, на их языке, караван-башу. Последний ответил посланцу: «Я не оставлю моих товарищей и не выйду на полдороги, чтобы говорить с тобой, но если твой князь и все его товарищи поклянутся по нашему закону, что будут соблюдать перемирие, то я вышлю человека, чтобы говорить с тобой, иначе нет». Князь и все его товарищи, узнав об этом, клялись так громко, что мы могли слышать их.

* Small guns — могли быть короткоствольные ружья или же большие пистолеты.

Тогда мы послали одного из наших (считавшегося святым человеком) разговаривать с их посланцем. Их сообщение было высказано громко в следующих словах: наш князь требует от караван-баши и от всех мусульман (Bussarmans), т. е. обрезанных, ибо мы не желаем проливать вашей крови, выдать ему всех кафаров, т. е. неверных (имея в виду нас, христиан), находящихся среди них, со всеми их товарами. «Если вы сделаете это, он позволит вам спокойно ехать далее с вашими товарами, в противном случае, если он победит, в чем он не сомневается, с вами поступит не менее жестоко, чем с кафарами». На это наш караван-баша ответил, что среди его спутников нет ни христиан, ни других иноземцев, кроме двух турок их же закона, что если бы таковые и имелись, он скорее умрет, чем выдаст их, что мы не боимся его угроз и что это он сам узнает, когда настанет день. Продолжая переговоры, воры (в нарушение своей клятвы) потащили нашего святого человека к своему князю, громко крича в знак победы — Алла! Алла! Это обстоятельство привело нас в большое беспокойство, так как мы боялись, что наш святой человек выдаст нас. Однако, несмотря на жестокое обращение и на долгие допросы, он под страхом смерти все же не признался ни в чем, что могло бы служить к нашей невыгоде, не только касательно нас лично, но даже относительно того, каких из наших людей они убили или ранили в предшествующую ночь. Когда ночь пришла, мы снова стали готовиться к бою. Заметив это, воры пожелали войти с нами в соглашение, однако очень много запросили с нас. Коротко говоря, бо̀льшая часть наших спутников не хотели сражаться; им было мало что терять, и они имели охранную грамоту для дальнейшего путешествия; поэтому нам пришлось согласиться и отдать ворам 20 девяток, т. е. 20 раз по 9 отдельных предметов, и верблюда, чтобы везти их. Получив это, воры удалились в пустыню к прежнему местопребыванию, а мы отправились вперед своей дорогой. В эту ночь мы подошли к реке Оксусу, где освежились после того, как 3 дня пробыли без воды и питья. Мы пробыли здесь весь следующий день, угощаясь нашими убитыми лошадьми и верблюдами. Отъехав отсюда, мы оставили проходящую вдоль этой реки большую караванную дорогу из опасения вновь встретиться с вышесказанными ворами или с подобными им и 4 дня прошли по песчаной пустыне, прежде чем нашли воду; наконец, мы подошли к колодцу с сильно соленой водою. И теперь и прежде мы постоянно испытывали недостаток в воде и в других припасах, и нам приходилось убивать на еду наших лошадей и верблюдов. И в этой пустыне мы едва не попали в руки воров. Однажды, когда мы расположились на отдых, появились какие-то лазутчики, которые похитили несколько наших лошадей, лежавших немного поодаль от каравана. Сейчас же поднялся большой крик и вопли; мы тотчас же нагрузили наших верблюдов, отправились в путь около полуночи в темноте и сильно гнали, пока

снова не подошли к реке Оксусу; тут мы уже ничего не боялись, так как самая река служила нам укреплением. Оттого ли что мы пришли к воде, или же потому, что воры были еще далеко от нас, когда нас открыли их разведчики, но мы избегли и этой опасности.

Итак, 23 декабря мы прибыли в город Бухару (Boghar) в Бактрийской земле. Эта Бухара расположена в самой низменной части страны; она окружена высокой земляной стеной с различными воротами и разделена на три части; две из них принадлежат королю, а третья отведена купцам и рынкам; каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок. Город очень велик; дома по большей части земляные, но есть также не мало каменных домов, храмов и сооружений, роскошно построенных и позолоченных; в особенности бани так искусно выстроены, что подобных им нет на свете; рассказать о том, как они выстроены, было бы слишком долго. Посреди города протекает маленькая речка, вода которой очень нездорова, так как у людей, пьющих ее, в особенности у тех, которые не рождены здесь, порождает червей, длиною с локоть, которые обычно залегают в ноге между ногтями и мясом; их с большим искусством и уменьем выдергивают вокруг ладыжной кости хирурги, имеющие в этом большой опыт. Если червь при выдергивании разрывается, то оставшаяся часть отмирает и каждый день выходит примерно на дюйм; кусок этот заматывается, и так продолжается, пока все не выйдет наружу. А между тем здесь запрещено пить что-либо, кроме воды и кобыльего молока, и если находят кого-либо, нарушающего этот закон, его жестоко секут и бьют, водя по открытым рынкам. Для этого определены особые чиновники, имеющие право входить во все дома и обыскивать, нет ли у хозяина водки, вина или напитка из меда с солодом. Если они находят что-либо подобное, то бьют посуду, портят напитки и жесточайше наказывают хозяина дома, а иногда если они только заметят по дыханию человека, что он выпил, то дело решается без дальнейшего разбирательства, и он уже не уйдет из их рук.

В Бухаре есть духовный глава (metropolitane), который наблюдает за столь строгим исполнением этого закона. Его больше слушают, чем короля; он может сместить короля и посадить другого по своей воле и желанию, как он и поступил относительно того короля, который царствовал во время нашего пребывания, и относительно его предшественника, смещенного его же стараниями: он предал его и приказал убить его ночью в его спальне; а это был государь, хорошо относившийся ко всем христианам.

Бухарская страна была когда-то под властью персов, и теперь еще в ней говорят на персидском языке; однако теперь Бухара — независимое королевство, которое ведет жесточайшие религиозные войны с персами, хотя все они магометане. Одним из поводов войн между ними служит

то, что персы не стригут волос на верхней губе, как это делают бухарцы и прочие татары, которые считают это поведение персов великим грехом. Поэтому они зовут персов кафарами, т. е. неверными, как они называют христиан.

Бухарский король * не имеет ни большого могущества, ни богатств; его доходы очень невелики; содержится он главным образом на счет города: он взимает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами, что ведет к обеднению всего народа, который он держит в большом подчинении, а когда у него нехватает денег, он посылает своих чиновников по купеческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему оказывали кредит. Так именно он и поступил, чтобы заплатить мне некоторые деньги, которые он был мне должен за 19 кусков каразеи. Деньги у них серебряные и медные, золота вовсе нет в обращении. У них одна только серебряная монета, стоящая 12 английских пенсов; медная монета называется пуль (Poole), и 120 таких монет равны стоимости сказанных 12 пенсов; она чаще, чем серебро, служит для платежей. Цену же серебра король поднимает и снижает для своей прибыли каждый месяц, а иногда даже два раза в месяц; он не печалится об угнетении народа, так как не рассчитывает царствовать более двух или трех лет, когда его или убьют или изгонят. И все это сильно разоряет страну и купцов.

26 декабря мне приказано было явиться к королю, которому я представил грамоты русского царя; он принял меня очень милостиво и пригласил меня к еде в его присутствии. Несколько раз он присылал за мной и вел со мной непринужденный разговор в своей потайной комнате о могуществе царя, о турецком султане, а также о наших странах и законах и вере и заставлял меня стрелять перед ним из наших ружей и сам практиковался в стрельбе из них. Однако после всего этого почетного обращения он перед моим отъездом выказал себя настоящим татарином; ибо он отправился в поход, не заплатив мне денег, а перед своим отбытием он видел меня и знал, что мне не уплачено. И хотя, действительно, он сделал распоряжение о том, чтобы мне выплатили долг, все же я удовлетворен был очень недостаточно; мне пришлось скинуть часть долга, а в уплату за остальное взять товары, что не входило в мои расчеты. Только от нищего я не мог получить лучшей платы, но уже доволен был тем, что мне заплатили хотя бы так и что отпустили меня.

Все же я поневоле должен всячески хвалить этого варварского короля, который сейчас же по приезде моем в Бухару, узнав о наших затруднениях с ворами, отправил 100 хорошо вооруженных людей и дал

* Властителем Бухары был, вероятно, непосредственный предшественник Абдуллы-хана 1557—1598 гг.), на время объединявшего весь Узбекистан (см. *Бартольд*, Культурная история Туркестана, Л. 1927, стр. 97).

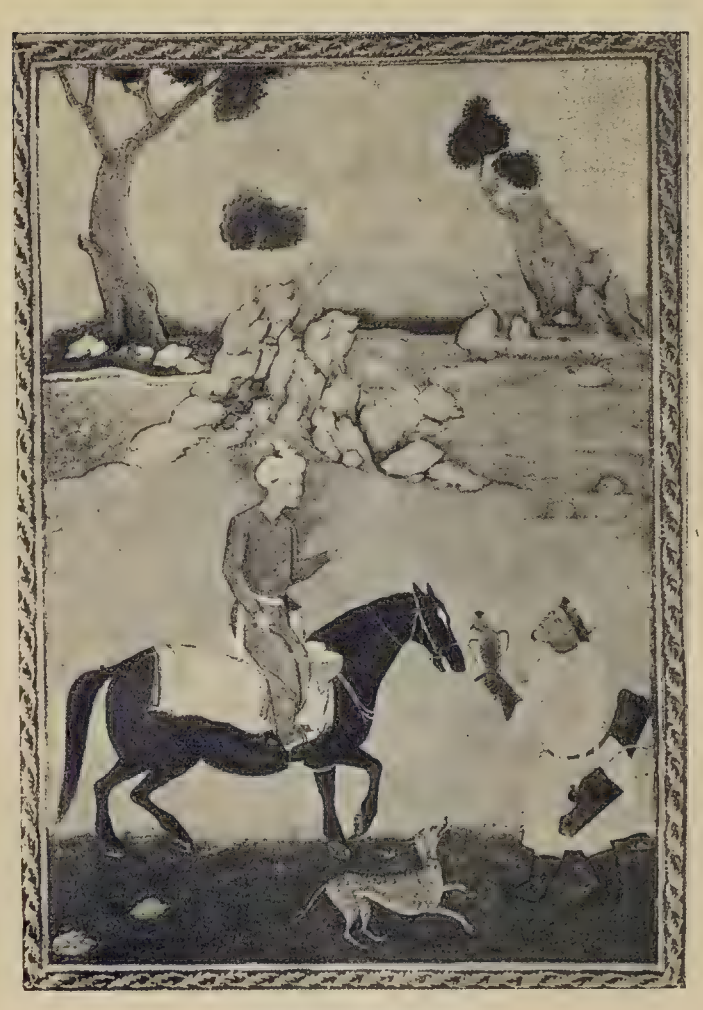
им строгий наказ не возвращаться, пока они не убьют или не захватят в плен этих воров. Исполняя поручение, они прошли походом по пустыне, настигли означенную шайку воров; часть их они перебили, часть убежала, а четырех они захватили и привели к королю; двое из последних были тяжело ранены во время схватки выстрелами из наших ружей. Король послал за мной, чтобы я признал их, после чего он велел всех четырех повесить у ворот своего дворца для примера другим, ибо они были благородного происхождения (gentlemen). Из товаров, которые были захвачены обратно, часть была возвращена мне. Вот какое правосудие я получил из его рук.

В городе Бухаре бывает ежегодный съезд купцов, приезжающих большими караванами из прилегающих стран — Индии, Персии, Балха (Balgh), России и разных других, а в прежние времена и из Китая, когда оттуда можно было свободно проехать; но эти купцы так нищенски бедны, привозят так мало товаров, которые вдобавок еще лежат здесь по 2 или 3 года, что нет никакой надежды на то, чтобы завести здесь выгодную торговлю, стоящую дальнейших усилий.

Важнейшие товары, привозимые сюда из вышеуказанных стран, следующие.

Индийцы привозят тонкие белые ткани, которые татары обвивают вокруг головы, а также другие сорта белых материй, употребляемых при шитье одежды из хлопчатой бумаги, но они не привозят ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ни пряностей. Я выяснял вопрос и установил, что такая торговля идет океаном, потому что все места, где добываются эти предметы, находятся под властью португальцев. Из Бухары индийцы вывозят шелковые материи, сырые кожи, рабов и коней, но каразею и другие сукна они ценят очень мало. Я предлагал купцам из этих стран, приезжавшим из отдаленнейших частей Индии, даже из Бенгальской земли и с реки Ганга, обменять каразею на их товары, но на такие товары, как сукно, они не захотели меняться.

Персы привозят сюда материи, хлопчатую бумагу, полотно, пестрые шелка, аргамаков (Argamacus) и т. п., а увозят отсюда сырые кожи и другие русские товары, рабов происхождением из разных стран, но материй не покупают, потому что сами привозят их сюда, а к ним, как я узнал, их привозят из Алеппо в Сирии и из Турции. Русские привозят в Бухару сырые кожи, овчины, шерстяные материи, деревянную посуду, уздечки, седла и т. п., а увозят отсюда разные изделия из хлопка, различные сорта шелка, материи и другие вещи, но размеры торговли очень малы. Из китайских стран (Cathay) в мирное время и когда проезд свободен сюда привозят мускус, ревень, атлас, камку и т. п. вещи. В бытность мою в Бухаре туда приходили караваны изо всех вышеназванных стран, исключая Китай. Причиной, почему оттуда не приходило караванов, было то, что

АБДУЛЛА, ХАН БУХАРЫ

Индийская миниатюра XVII в.

уже 3 года до моего приезда сюда длилась большая война, продолжавшаяся и при мне, между двумя большими татарскими странами и городами, расположенными как раз по пути между Бухарой и Китаем, и некоторыми варварскими степными народами, как язычниками, так и магометанами, граничащими с этими городами. Города эти называются Ташкент (Taskent) и Кашгар (Cascar); народ, воюющий с Ташкентом, называется Казахами (Cassack), магометовой веры, а те, которые ведут войну с Кашгаром, зовутся Кингами (Qings), они язычники и идолопоклонники. Оба эти варварских народа очень могущественны; они живут в степях, не имея ни городов, ни домов, и почти покорили вышеназванные города, так крепко заперев дорогу, что никакому каравану нельзя пройти не ограбленным. Таким образом в течение 3 лет до нашего пребывания здесь ни один караван не прошел и не поддерживал торговли между Китайской и Бухарской страной. Когда же путь свободен, то это путешествие длится 9 месяцев.

Рассказ об этой Китайской земле и те вести, которые я о ней слышал, я счел за лучшее приберечь для нашей встречи. Когда я отдохнул в Бухаре за зимнее время и ознакомился после многих расспросов с тамошней торговлей, равно как и с торговлей всех прилегающих стран, когда настало такое время года, что всем караванам надо было отъезжать, а с другой стороны, король ушел на войну и разнеслись вести, что он бежал, и сам духовный глава предупредил меня, что мне следовало уехать, потому что похоже было на то, что город будет осажден, я счел лучшим продолжать мое путешествие по какому-нибудь другому пути и решил ехать из Бухары в Персию посмотреть торговлю в этой стране, хотя я достаточно уже осведомился о ней как в Астрахани, так и в Бухаре и убедился, что она во многом подобна торговле в Татарии. Однако если бы я предпринял путешествие в эту сторону, то мне помешали бы различные обстоятельства. Во-первых, только что начались большие войны между Суфием * и королями Татарии, вследствие чего дороги были разорены и случилось уже, что караван, шедший с охранной грамотой из Индии и Персии, был разграблен разбойниками и ворами; они были ограблены и большею частью убиты в 10 днях пути от Бухары. С другой стороны, бухарский митрополит, власть которого выше власти короля, взял у меня грамоты русского царя, без которых меня обратили бы в рабство в любой стране. Наконец, и товары, которые я получил в обмен за сукно, и те, которые мне пришлось насильно взять у короля и других знатных людей в покрытие денег, которые они мне задолжали, не могли иметь сбыта в Персии. Вследствие этого и разных других причин я был принужден итти обратно к Каспийскому морю тою же дорогой, какой

* Суфий — см. сноску *** на стр. 68.

пришел. Итак, 8 марта 1559 г. мы выехали из Бухары караваном из 600 верблюдов, а если бы мы не выехали в этот срок, я и мои товарищи подверглись бы опасности потерять и жизнь и товары, ибо через 10 дней после нашего отъезда Самаркандский король пришел с войском и осадил названный город Бухару, в то время как бухарский король был на войне против другого государя, своего родича, как это бывает в этих странах каждые 2 или 3 года. Здесь считается чудом, если какой-нибудь король царствует больше 3 или 4 лет, а это служит к великому разорению страны и купцов.

25 марта мы прибыли в названный выше город Ургенч, едва спасшись от 400 разбойников, которые поджидали нас на обратном пути; это были по большей части родственники тех воров, которых мы встретили, когда шли в Бухару; в этом мы убедились, поймав 4 лазутчиков. Вместе со мной ехали 2 посланника, порученные моему попечению, — один от бухарского короля, другой от балхского; оба ехали к русскому царю. Проведя 8 дней в Ургенче и в замке Селлизюр, чтобы собрать и приготовить к путешествию наш караван, мы выехали из Селлизюра 2 апреля. Среди моих спутников было еще 4 посланника, отправленных королем Ургенча и другими султанами, его братьями, к русскому царю с ответами на те грамоты, которые я им привез. И эти посланники были поручены моим заботам названными королями и государями. Я обещал им верой и правдой и клялся по нашему закону, что в России с ними будут хорошо обращаться и позволят им безопасно выехать оттуда, соответственно тому, что царь написал в своих грамотах; у них было некоторое сомнение, потому что долгие годы перед тем никто не ездил из Татарии в Россию.

23 апреля мы снова подошли к Каспийскому морю и нашли здесь наше судно, на котором мы приехали; однако на нем не было ни якоря, ни канатов, ни шлюпки, ни парусов. Впрочем, мы привезли с собой пеньку и при помощи остатков нашего снаряжения сами свили канат, сделали себе парус из хлопчатобумажной материи и снарядили наше судно, как могли, но шлюпки и якоря у нас все-таки не было. Тем временем, пока мы рассуждали, как сделать деревянный якорь из колес повозок, из Астрахани пришло судно с татарами и русскими, на нем было 2 якоря, из которых один я приобрел. Изготовившись таким образом, мы подняли паруса и пустились в путь. Я и оба Джонсона сами были капитаном и моряками и везли сказанных 6 посланников и 25 русских, которые долго были в рабстве в Татарии и до моего приезда не могли и не мечтали добраться домой; эти рабы гребли, когда в этом была нужда. Так плывя то вдоль берега, то теряя его из виду, мы встретили 13 мая противный ветер и стали на якорь в 3 лигах от берега. Тогда поднялся сильный шторм, продолжавшийся 44 часа. Так как наш канат был собственного изготовления, то он лопнул, и наш якорь пошел ко дну; мы находились

против подветренного берега, и у нас не было в помощь лодки; поэтому мы подняли парус и старались отойти от берега, предвидя неминуемую гибель. Но бог не оставил нас, мы вбежали в бухту полную ила и таким образом спасли и себя и судно, хотя и пришлось пережить несколько тяжелых минут. Ибо если бы даже мы спасли свою жизнь от опасности в море, мы все же знали, что, погибни наше судно, мы были бы или убиты, или обращены в рабство жителями этой страны, живущими в дикости по степям, подобно зверям, без домов и жилищ. Когда буря стихла, мы снова вышли из бухты, и так как мы установили наше местонахождение по компасу и при помощи других наблюдений еще в то время, когда стояли на якоре во время бури, то мы прямо пошли на место своей прежней стоянки и нашли потерянный якорь; при этом татары очень изумлялись, как мы это сделали. Пока мы были в бухте, мы сделали деревянный якорь из колес от повозок, которые были у нас на судне, но когда мы снова нашли наш железный якорь, мы выбросили деревянный. 2 дня спустя поднялась новая буря с северо-востока, мы легли на дрейф, нас отбросило далеко в море, и нам пришлось положить много труда, чтобы спасти наше судно от потопления, до того сильно было волнение. Наконец, когда наступила ясная погода, мы измерили высоту и, определив, в каком направлении от нас лежала земля, пришли, как того и желали, к устью Яика. Татары были очень довольны, так как они боялись, что нас отнесет к берегам Персии, жители которой их заклятые враги.

Надо заметить, что во время нашего плавания по морю мы подняли флаг с красным крестом св. Георгия в честь христиан; я думаю, что на Каспийском море его никогда до того не видали. Счастье было изменчиво во время нашего плавания; тем не менее 28 мая мы прибыли благополучно в Астрахань, где и оставались до 10-го числа следующего месяца, июня, как для того, чтобы заготовить речные суда для плавания с нашими товарами по Волге против течения, так и для того, чтобы ехать вместе с татарскими посланниками, вверенными моему попечению, для представления их русскому царю.

Каспийское море (чтоб сказать кое-что о нем) имеет около 200 лиг в длину и 150 в ширину; из него нет никаких выходов в другие моря. К востоку от него простирается великая пустынная земля татар, называемых Туркменами (Turkemen), к западу — земли черкасов (Chyrcasses), Кавказские горы, Эвксинское море, лежащее лигах в 100 от Каспийского. На севере находится Волга и земля ногайцев, а на юге лежат страны Мидия и Персия. В некоторых местах это море пресно, а в других — такое же соленое, как наш великий океан. Много прекрасных рек впадают в него, но само оно не имеет истока, разве только под землей. Вот наиболее замечательные реки, впадающие в него: во-первых, Волга, по-татарски на-

зываемая Итиль (Эделль), вытекающая из озера в болотистой и плоской местности, неподалеку от города Новгорода в России; от ее истоков до моря больше 2 000 английских миль. Есть и другие большие реки, в него впадающие, как например, Яик и Эмба (Yem) из Сибири, а из Кавказских гор — реки Кура (Cyrus) и Аракс (Arash) и др.

Что касается торговли Шемахи в Мидии и Тебриза с другими персидскими городами, то я осведомился и хорошо узнал, что она очень похожа на торговлю в Татарии: малый сбыт и малые барыши; мне сообщили, что главная персидская торговля идет через Сирию, и товары перевозятся Левантийским морем. Малое количество судов на Каспийском море, недостаток рынков и гаваней, бедность жителей и замерзание моря сводят тамошнюю торговлю на-нет.

В Астрахани были купцы из Шемахи; я предлагал им меняться и давал им каразеи за их товары, но они отказались, говоря, что они могут получить ее за ту же цену в своей земле, причем я просил по 6 рублей за кусок каразеи. А пока я был в Бухаре, туда привозили из Персии материи и другие товары из наших стран по той же цене, по какой и я мог продать то, что я привез.

10 июля мы отправились из Астрахани к Москве, имея до 100 стрельцов, сопровождавших посланников и меня для нашей безопасности за царский счет. 28 июля мы прибыли в город Казань; от Астрахани до Казани мы пробыли в пути более 6 недель, ни разу не пополнив наших съестных припасов, так как на всем этом пути нет ни одного жилья.

7 августа мы выехали из Казани и везли свои товары водой до города Мурома (Morum), а далее сухим путем так, что 2 сентября мы прибыли в Москву, а 4-го я явился перед царским величеством, целовал его руку, поднес ему хвост белой китайской коровы и татарский барабан, которые он благосклонно принял. Я также представил ему всех посланников, вверенных моему попечению, и всех русских рабов и в этот день обедал в присутствии его величества, причем за обедом его милость послал мне еду с одним князем (duke) и предлагал мне разные вопросы о землях и странах, где я побывал.

В Москве я оставался по вашим делам до 17 февраля, пока не были отосланы ваши товары; затем, получив от царского величества разрешение выехать 21 февраля, я прибыл в ваш дом в Вологде, где оставался до вскрытия реки; досмотрев за погрузкой ваших товаров на ваши суда, я отправился вместе с ними и благополучно приехал в Колмогоры 9 мая 1560 г. На этом я на сей раз заканчиваю, прося вас извинить меня за мое длинное рассуждение, которое по разнообразию содержания я не мог сделать короче, и моля бога о преуспеянии всех ваших начинаний.

Широта некоторых важнейших местностей в России и в других странах

	град.	мин.
Москва	55	10
Новгород Великий	58	26
Новгород Нижний (Меньший)	56	33
Колмогоры	64	10
Вологда	59	11
Казань	55	33
Увек (Oweke)	51	40
Астрахань	47	9
Устье Волги	46	72
Мангышлак за Каспийским морем	45	0
Ургенч в Татарии в 20 днях пути от Каспийского моря	42	18
Бухара, город в Татарии в 20 днях пути от Ургенча	39	10

ДОБАВЛЕНИЯ К ПУТЕШЕСТВИЮ ДЖЕНКИНСОНА

2. Несколько заметок, собранных Ричардом Джонсоном (бывшим в Бухаре с г. Антонием Дженкинсоном) о сообщениях русских и других иноземцев относительно дорог из России в Китай и о различных иноземных народах.

Первая заметка, сообщенная неким Сарничоком, татарином, подданным бухарского государя, из татар, пограничных с Кизильбашами или Персией, и содержащая известие о дороге из Астрахани, отдаленнейшего места в России, в Китай, как ниже сего следует.

Прежде всего от Астрахани до Сарайчика при медленном путешествии, как обыкновенно едут купцы с товарами, — 10 дней пути.

От Сарайчика до города, называемого Ургенч, — 15 дней.

От Ургенча до Бухары — 15 дней.

От Бухары до Кашгара — 30 дней.

От Кашгара до Китая — 30 дней путешествия.

От того же лица заметка о другой дороге, более безопасной, как он утверждает, для путешествия.

Из Астрахани в Туркмению по Каспийскому морю на судах — 10 дней.

Из Туркмении сухим путем на верблюдах со средним грузом по 15 пудов на каждого — 10 дней до Ургенча.

От Ургенча до Бухары — 15 дней.

Примечание. В городе Бухаре находится обменный рынок между тур-

ками и другими народами этих стран, с одной стороны, и с китайцами, с другой.

Здесь также уплачивают пошлины с товаров в размере $^1/_{40}$ их стоимости.

Оттуда до Кашгара путешествие длится месяц, а от Кашгара (где проходит граница владений великого Хана * со многими городами и крепостями по пути) для купцов также месяц пути по суше до Китая (Cathay).

Далее, как он слышал (так как сам не бывал в тех местах), можно ехать на кораблях из Китая в Индию. Но ни об этих путях, ни о том, какие берега прилегают к морям, он не знает.

Сообщение другого татарского купца, живущего в Бухаре, о том, что он узнал от других своих земляков, которые там побывали.

Сначала из Астрахани до Сарайчика — 15 дней; он утверждает также, что можно ехать и другой описанной выше дорогой через Туркмению.

От Сарайчика до Ургенча — 15 дней.

От Ургенча до Бухары — 15 дней.

Примечание. На этом 30-дневном пути нет ни жилищ, ни домов; поэтому путешественники живут в собственных палатках и везут с собой различные припасы для еды; а для питья там много колодцев с пресной водой, которыми можно пользоваться ежедневно на недалеких одно от другого и равномерно расположенных местах остановок.

От Бухары до Ташкента легкое путешествие с товарами по суше — 14 дней.

От Ташкента до Ходжента (Occient) — 7 дней.

От Ходжента до Кашгара — 20 дней. Этот город Кашгар лежит на полдороге между Бухарой и Китаем; он принадлежит особому государю по имени Решит-хану.

От Кашгара до Соучика (Sowchik) — 30 дней пути. Соучик находится на самой границе Китая.

От Соучика до Камчика (Camchik) — 5 дней пути, а от Камчика до Китая (Cathay) — 2 месяца. Весь путь проходит через населенные страны с умеренным климатом; страна полна несчетного количества плодов, а главный город всей страны называется Камбалу (Cambalu); он находится в 10 днях пути от Китая. За китайской землей, которую прославляют как цивилизованную и несказанно богатую, лежит страна, называемая на татарском языке Кара-Калмак; она населена черными людьми. Но в Китае,

* Китайского императора.

большая часть которого простирается к восходу солнца, — люди белые и хорошего сложения. Их религия, как говорят татары, — христианская, или похожая на христианскую, а язык их особенный, отличающийся от татарского языка.

При путешествиях по выше названным дорогам не встречается больших страшных медведей, но встречаются волки, белые и черные. Медведи не водятся здесь, потому что здесь нет таких больших лесов, как в русских землях, а в лесах, как сообщают, скорее недостаток, чем избыток; однако здесь водятся некие другие звери (так например, одного по-русски называют барс (Barse). Барс, как можно было видеть по шкуре одного из них, которую здесь продавали, почти так же велик, как большой лев, и красиво расцвечен пятнами; поэтому мы приняли его за леопарда или тигра.

Заметьте, что в 20 днях пути от Китая лежит страна, называемая Ангрим, где водится животное, приносящее лучший мускус, большая часть которого вырезается из колена самца. Люди там смуглые, и так как мужчины безбородые и по комплекции не отличаются от женщин, то все они носят железные признаки, а именно мужчины носят солнечный круг на плечах, подобно горбу, а женщины на своих тайных частях. Пищей людям служит сырое мясо, как в этой земле, так и в другой, называемой Титай или Китай (Titay or Kitai). Государь тамошний называется ханом. Они поклоняются огню и живут в 34 днях пути от великого Китая (great Cathay); на этом пути — красивый народ, называемый комором (Comorom); они едят золотыми ножами; там же находится земля, обитаемая людьми маленького роста; она ближе к Москве, чем Китай.

3. Сообщения одного жителя Персии, который утверждает, что он ездил в Китай вышеописанной дорогой, а также другой дорогой вблизи морского берега, как это следует ниже. Сообщение это прислано из России от Джайльса Холмса.

Прежде всего из Двинской области известна дорога на Печору, а с Печоры, едучи на оленях (Olens or harts), до реки Оби 6 дней пути сушей и столько же водой.

Обь — река, полная мелей; ее устье шириной более 70 русских миль. Оттуда в 3 днях пути по правой стороне находится место, называемое Чернолесье (Chorno lese), по-английски — черные леса (black woods); оттуда поблизости живет народ, называемый Печекони (Pechey-Cony), которые, по его описанию, убирают волосы, подобно ирландцам.

От Печеконов до Желтых Калмачей (Joult-Calmachey) — 3 дня пути, а от тех до Черных Калмачей (Chorno-Calmachey) — 3 дня пути к ю.-в. Оба эти народа — татарской веры и платят дань великому Хану.

4. Ниже следует рассказ о некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морскому берегу за ней. Рассказ переведен слово в слово с русского языка и передает путешествие одного русского, уроженца Колмогор, имя которого было Федор Товтигин (Pheodor Towtigin) и который, как сообщают, был убит во время второго своего путешествия по одной из этих стран.

На востоке, за Югорской (Ugori) страной, река Обь образует самую западную границу страны самоедов. Самоеды живут по морскому берегу, и страна их называется Мангазея (Molgomsey). Пищей им служит мясо оленей (olens or harts) и рыба, а иногда они между собой пожирают один другого. Если к ним приезжают купцы, то они убивают одного из своих детей для самих себя и чтобы вместе с тем угощать купцов. Если какой-нибудь купец случайно умрет, будучи у них, то они не хоронят его, а поедают, точно так же, как поедают и своих земляков. Они с виду уродливы, у них маленькие носы, но они проворны и отлично стреляют; они ездят на оленях и собаках, а одежда у них из собольих и оленьих шкур. Других товаров, кроме соболей, у них нет.

Точно так же, на том же берегу, в той же стране, за этим народом, у самого берега моря обитает другое племя самоедов, имеющих те же обычаи, но другой язык. Один месяц в году они проводят в море и не выходят на сушу и не живут на ней в течение этого месяца.

Точно так же, за этим народом, на берегу моря, живут еще другие самоеды, едою которым служит мясо и рыба; товары у них — соболя, белые и черные лисицы, которых русские называют песцами (psalts), и шкуры ланей и оленей.

КАРТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА, СОСТАВЛЕННАЯ А. ДЖЕНКИНСОНОМ В 1562 г.

Из Teatrum orbis Terrarum of Abraham Ortelius, 1570.

X

АНТОНИЙ ДЖЕНКИНСОН. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕРСИЮ

1561—1564 гг.

1. Грамота Королевского величества к великому Суфию Персии, посланная с господином Антонием Дженкинсоном *.

Елизавета, божией милостью королева Англии, Франции и Ирландии, могущественнейшему и непобедимейшему государю, великому Суфию, императору персов, мидян, парфян, гирканцев, караманцев, маргианцев, народов по сю и по ту сторону реки Тигра и всех народов и земель между Каспийским морем и Персидским заливом, шлет привет и пожелания счастия и всяческого преуспеяния. По милосердию всемогущего бога, если какие-нибудь народы отделены один от другого не только неизмеримыми пространствами земель и непобедимым простором морей, но и самыми частями небесного свода, то все же эти народы могут легко сообщать друг другу при помощи письма свои продуманные мысли и рассуждения, оказывать услуги, вытекающие из общего человеческого чувства, и делиться результатами взаимного понимания. Поэтому наш верный и возлюбленный слуга, Антоний Дженкинсон, которому вверены эти наши грамоты, уполномочен по нашему дозволению, благоволению и милости выехать из нашего королевства и, если бог позволит, проехать вплоть до Персии и других стран, находящихся под вашим управлением. Мы истинно желаем со всем нашим благоволением способствовать успеху его достойного похвалы намерения, тем более что все его предприятие основано только на честном намерении установить торговлю товарами с вашими подданными и с иностранцами, торгующими в ваших владениях.

* Здесь дается перевод только этой грамоты. Грамота Елизаветы к царю Ивану, датированная тем же числом, 25 апреля 1561 г., с просьбой пропустить Дженкинсона через его владения в Персию, напечатана вместе с русским переводом в книге Ю. В. Толстого «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией», Спб. 1876, под № 5 (стр. 17—22). Подлинный текст обеих грамот составлен на английском и латинском языках.

Вследствие этого мы сочли за благо написать к вашему величеству и просить вас пожаловать по нашему ходатайству слуге нашему, Антонию Дженкинсону, открытые листы и охранные грамоты, в силу и при помощи которых ему было бы дозволено и законно разрешено беспрепятственно путешествовать, передвигаться, разъезжать и останавливаться, сколько ему будет угодно, со своими спутниками, слугами, повозками, товаром и всякими иными вещами по всем вашим царствам, владениям, господствам и областям и возвратиться оттуда, когда он или они сочтут это нужным. Если такие права священного гостеприимства и добрые общечеловеческие услуги могут быть доброй волей установлены, искренно поддержаны и твердо соблюдены между нами, нашими государствами и нашими подданными, то мы надеемся, что и всемогущий бог поможет, чтобы из этого скромного начала возникли великие последствия в честь и украшение нам и к великой пользе наших народов. Тогда будет твердо установлено, что ни земли, ни моря, ни небеса, нас разделяющие, не в силах противостать крепким узам, которыми нас связывают божественное стремление, чувство человечества и взаимное благорасположение. Господь да дарует вашему величеству долгое счастье на земле и вечное на небесах. Дано в Англии, в знаменитом городе нашем Лондоне, 25 дня апреля месяца в лето от сотворения мира 5523, господа и бога нашего Иисуса Христа в 1561, царствования же нашего в третье.

2. Памятная записка, данная нами, губернаторами, консулами и ассистентами компании купцов, торгующих с Россией, мая 8 дня 1561 г. нашему доверенному другу, Антонию Дженкинсону, при его отъезде в Россию, в это наше восьмое путешествие *.

Прежде всего вы должны заметить себе, что мы погрузили в наш добрый корабль, называемый «Ласточка» (Swallow), один сундук, ключи от которого мы вам настоящим передаем, и реестр, в который внесено в отдельности содержимое сказанного сундука и стоимость каждой вещи. Ввиду того что сундук этот, как вы знаете, представляет большую ценность, мы хотим, чтоб вы имели о нем особое попечение, и когда бог приведет вас в Москву, то наша мысль и желание таковы, чтобы вы, посоветовавшись с нашими тамошними агентами, отобрали для царя и его сына такие подарки — вино, парчу, красное сукно или золотую и серебряную посуду, — какие по вашему благоусмотрению будут признаны подходящими. И когда вы вручите царю грамоты королевского величества и поднесете сказанные подарки от имени компании, мы полагаем удобным, чтоб вы вошли к его высочеству с нижайшим ходатайством от

* Восьмое путешествие, снаряженное компанией, считая от экспедиции Уиллоуби.

нашего имени о получении его разрешения или охранного листа для вас и для других наших слуг и агентов на выезд из его владений в Татарию *, Персию и другие страны во все времена и с такими товарами, какие вы в настоящее время, а они (агенты) во все последующее время сочтете подходящими, а также на возвращение в Москву с товарами, какие вы привезете или пошлете из какой-нибудь земли или страны, не находящейся в его владениях. Если при этом вы и наши тамошние агенты найдете полезным заключить с царем или с лицами его правительства условия об уплате некоторых пошлин или сборов за товары, которые мы будем перевозить по этому пути, но так, чтобы мы были в наиболее благоприятствуемом положении, мы оставляем это на ваше благоусмотрение, с тем, однако, чтоб ваши переговоры по этому предмету не послужили бы к умалению наших прежних привилегий.

Что касается продажи нашей парчи, драгоценной посуды, жемчуга, сапфиров и других драгоценностей, то мы вполне доверяем вам в том, что вы будете преимущественно продавать их за наличные деньги или в кредит надежным должникам или же менять их на хорошие товары. При этом вы должны осведомлять наших других агентов, сколько и за какую цену вы продадите этих предметов, и передавать сказанным нашим агентам денежные суммы, счета и товары, полученные вами. Далее, мы считаем за благо, чтобы если вы увидите, что золотая и серебряная посуда и другие драгоценности или часть их не будут с выгодой проданы до выезда вашего из Москвы, то должны будете тщательно запаковать их и отдать приказ, чтоб они могли быть отосланы сюда обратно на будущий год с нашими судами, разве только вы найдете, что часть их было бы выгодно увезти в Персию; мы, однако, не хотели бы, чтоб их брали туда на очень большую сумму.

Мы также погрузили на вышесказанную «Ласточку» и на два других судна 80 тюков, содержащих, как это видно из накладной, 400 кусков каразеи. Эти тюки запакованы и предназначены к перевозке в Персию. Тем не менее, если вам посчастливится найти им хороший сбыт в Москве, то мы думаем, что хорошо было бы продать часть их там и взять с собою поменьше, ибо мы совсем не знаем, какой сбыт вы найдете в Персии или в других местах, куда вы поедете.

Если вы получите от царя разрешение выезжать из его владений и въезжать в них, как сказано выше, и увидите, что можете благополучно исполнить свое намерение, мы хотим, чтобы, выбрав наиболее удобное для вашего предприятия время, вы назначили, сколько и каких вы считаете необходимыми и полезными для вашего дела наемных наших служащих, и выделили их для того, чтобы сопровождать вас. Мы бы желали,

* Под Татарией разумеются все азиатские страны, не подчиненные Московскому государю.

чтобы одного из них вы сделали своим доверенным лицом во всех ваших действиях, ввиду различных соображений и обстоятельств, которые могут случиться. Мы желаем и настоящей памятной запиской приказываем, чтоб означенные служащие и ученики повиновались вам, как нам самим, чтобы они не только ехали с вами и исполняли все, что вы прикажете им делать в вашем присутствии, но чтобы они отправлялись в такие страны и места, в какие вы их назначите с товарами или без товаров, и оставались там столько времени, сколько вы найдете нужным. Если же они, или кто-нибудь из них, откажутся исполнять то, что, как выше сказано, вы им прикажете, или если кто-либо из них, будь то наемный служащий или ученик, будет уличен в неповиновении или в каких бы то ни было беспорядочных действиях и не сможет исправиться мягкими и прямыми средствами, мы приказываем, чтоб вы отослали его обратно в Москву с прямым приказанием выехать из Москвы сюда. Вы должны поставить нас в известность о его дурном поведении для того, чтоб мы могли, если это наемный служащий, уплатить ему жалованье в соответствии с его службой, а если это ученик, то поступить с ним так, как он заслуживает.

Мы хотим также, чтобы, взяв с собою столько каразеи, красного сукна и других материй или иных товаров, какие вы сочтете нужным, вы предприняли во имя господне ваше путешествие в Персию через Астрахань и Каспийское море или иным путем, как вы найдете удобным. И когда бог приведет вас в Персию, мы хотим, чтоб вы предстали перед великим Суфием с грамотами королевского величества, если только он находится неподалеку от Каспийского моря и доехать до него нетрудно, и чтоб вы поднесли ему подарок, какой найдете подходящим. Если же вы поедете через владения других королей, государей или правителей до или после того, как вы предстанете перед Суфием, то и им вы, подобным же образом, должны поднести какие-нибудь дары, какие вы найдете подходящими, соответственно их положению и достоинству. Вместе с тем вы должны получить от названного Суфия и других государей привилегии и охранные грамоты в возможно широком объеме для твердого установления дальнейшей торговли товарами, которую в будущем мы будем вести и осуществлять в этих странах с тем расчетом, чтоб нам можно было не только свободно продавать во всех местностях его владений такие товары, которые мы будем возить отсюда, но также и покупать в его владениях и вывозить оттуда всякого рода товары, соответственно нашим целям и выгоде; далее, чтобы нам был обеспечен свободный проезд во все времена и чтоб мы могли, когда мы хотим, проезжать с нашими товарами в любую часть Индии или других стран, смежных с Персией, и таким же образом возвращаться через его владения в Россию или в другие страны.

Что касается продажи нашей каразеи и других товаров, которые вы повезете с собою, мы вполне уверены, что вы сделаете все для обеспечения нам наибольших выгод. Точно так же мы предоставляем всецело на ваше благоусмотрение как все касающееся продажи вышеназванных наших товаров, так и приобретение взамен их таких предметов, какие вы найдете там и сочтете наиболее для нас выгодными. Однако если не удастся проехать в Персию через Астрахань или иным путем, то на будущее лето 1562 года наше желание заключается в том, чтоб вы постарались наши каразеи и другие товары, предназначенные для Персии, продать в Москве или в других владениях царя, если только вам удастся продать их по сколько-нибудь приемлемой цене. После же этого вы с теми из ваших слуг, каких вы найдете подходящими, должны будете заняться исследованием прохода у Новой Земли или же, если найдете нужным, вернуться в Англию. Однако, если вы заметите и узнаете, что на проезд в Персию можно надеяться на следующее лето, т. е. в 1563 г., или же если вы окажетесь не в состоянии продать наши каразеи во владениях царя, как сказано выше, по приемлемой цене, то в таком случае мы бы предпочли сохранить каразеи до лета 1563 г., чтоб тогда вам приступить к вышеозначенному путешествию вашему в Персию. Если же на проезд в Персию не будет надежды ни на будущий год, ни в 1563 г. и в то же время продажа наших каразей во владениях царя не будет итти хорошо, тогда мы считали бы за лучшее, чтоб вы рассмотрели вопрос, нельзя ли перевезти вышеназванные товары по охранным листам через Польшу или иными какими-либо путями в Константинополь или в другую страну, где вы думаете, что они будут лучше продаваться, чем в России.

Таким образом мы сообщили вам наше мнение о задуманном предприятии. Но мы знаем и понимаем, что если бы мы дали вам определенные директивы или точное приказание, что вам делать, то мы могли бы действовать прямо противоположно нашим целям и намерениям. Поэтому, зная вашу испытанную мудрость, вашу опытность и вашу тщательность и усердие в успешном исполнении (с помощью всемогущего бога) всего, что вы предпринимаете, мы передаем все наши дела по вышесказанному предприятию всецело на ваше усмотрение, моля бога послать вам успех, какой только может быть к его славе, к чести и пользе нашего государства и, наконец, к нашей выгоде и к возвышению вашего доброго имени на веки.

Тем не менее мы даже желаем и убедительнейше просим вас, как человека, дорожащего положением компании, чтоб вы обратили особое внимание на состояние наших контор и наших служащих в Колмогорах, Вологде и Москве и выяснили, нет ли среди наших служащих и учеников каких-либо непорядков, которые по вашему мнению могут в будущем привести к затруднениям или к частичной потере наших товаров и наших

привилегий в России, и вы не только постарайтесь устранить такие непорядки, но и уведомьте нас о ваших действиях подробным письмом, соответственно нашему к вам доверию.

Для того чтобы лучше узнавать цены и качества товаров, которые, как мы отчасти думаем, вы найдете в различных местностях России, мы вручаем вам некоторое количество химических снадобий, которые позволят вам определить лучшее качество товаров. Мы даем вам также список товаров и химических материалов, которые имеют там наилучший сбыт. Мы также передаем вам весы и гири на 1 пуд и 1 унцию из светлой меди с тою целью, чтобы при помощи их и росписи цен товаров вы могли узнать, какую ценность имеют там товары. Что касается знания шелков, то нам нет нужды давать вам какие-либо инструкции, кроме тех, которые вам известны.

Если вы увидите, что выгодно будет для компании продавать те или другие русские товары, вы возьмете их с собой в Персию или в иные страны; мы полагаем, что наши агенты или позаботятся приобрести их для вас или же выдадут вам деньги, чтобы вы запаслись ими сами. Так как русские говорят, что если проехать 30 или 40 дней на восток от Колмогор, то доедешь до открытого моря, то мы думаем, что Ричард Джонсон мог бы разузнать об этом пути по суше и поспеть в Москву ко времени вашего отъезда в Персию, ибо если верно, что можно проехать к морю этим путем, и он может узнать, во скольких милях к востоку от Колмогор находится море, то это очень поможет нам найти пролив и проход в эту сторону, если только таковой вообще существует.

Губернаторы: Уилльям Джерард, Томас Лодж, Уильям Мерик, Блэйз Сэндерс.

3. Сжатое и краткое описание путешествия господина Антония Дженкинсона в Персидскую землю через Россию, Московию и Каспийское или Гирканское море, предпринятого для исполнения поручения достопочтенного общества купцов-предпринимателей для открытия земель, островов и т. д. Путешествие начато мая 14-го дня 1561 г., в третий год царствования нынешнего королевского величества. Настоящее описание написано и адресовано вышеназванному обществу.

Я сел на один из ваших добрых кораблей, называемый «Ласточкой» (Swallow), в Грейвзенде, и мы подняли якорь при добром попутном ветре и вверили всю нашу судьбу попечению божьему. Ветер много раз менялся во время нашего плавания, вследствие чего нам пришлось много раз менять курс (об этом здесь повторно не говорится, так как вы уже были раньше подробно обо всем осведомлены). 14 июля вышеназванного

года я прибыл в бухту св. Николая в России, а 26-го того же месяца, после совещания с вашими тамошними агентами о делах почтенной компании, я выехал оттуда и, проехав через Важскую землю (country of Vago), приехал 8-го следующего месяца, августа, в Вологду, находящуюся в 700 милях от Колмогор. Здесь я пробыл 4 дня, ожидая прибытия одной из ваших лодок, на которую погружен был сундук с драгоценностями и подарками, которые ваши благородия предназначили для царского величества. Когда лодка пришла и сундук был получен, я выехал с ним к Москве, куда и прибыл 20-го того же августа. Я немедленно известил секретаря его царского величества о моем приезде с письмом королевского высочества к царю, и тот доложил об этом царю. Однако его высочество, будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры *, издал приказ, чтоб ни один иностранец — посланник ли или иной — не появлялся перед ним в течение некоторого времени с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут продолжаться торжества, городские ворота были заперты и чтоб ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением некоторых приближенных царя) не выходил из своего дома во время празднеств. Причина такого распоряжения до сего дня остается неизвестной.

6-го следующего месяца, сентября, царь дал большой пир, к которому приглашены были все посланники и иностранцы, выдающиеся по занимаемому положению и имеющие дела с правительством; я был в числе приглашенных. Однако еще до этого секретарь пожелал, чтобы я пришел к нему и показал грамоты королевского величества. Я отказался, сказав, что я передам грамоты не иначе, как в собственные руки царя. Выслушав это, секретарь заявил, что, прежде чем он не ознакомится с грамотами, я не буду допущен к царю, так что я не был на пиру. Тем не менее один дворянин известил меня, что царское величество спрашивало обо мне и что причина моего отсутствия была неизвестна ему. На следующий день я составил челобитную и направил ее в собственные руки его высочества. В ней я сообщил о причинах моего приезда, возвещаемых грамотами королевского величества, и об ответе вышеназванного секретаря и смиренно ходатайствовал перед его милостью, чтобы он принял грамоты ее высочества с такою же дружбой и честью, как его письма, посланные с Осипом Непеей, были собственноручно приняты нашей покойной повелительницей, государыней королевой Марией, в противном же случае, чтоб его высочеству угодно было отпустить меня, причем сказал, что вышесказанные грамоты я передам только в его собственные руки, ибо таков обы-

* С Марией Темрюковной Черкасской, дочерью кабардинского феодального князя Темир Гуки, или в русской переделке — Темрюка.

чай нашей страны. После того как все дело было взвешено и мое ходатайство достаточно обсуждено, мне немедленно приказано было явиться с грамотами перед его величество, и таким образом я, согласно просьбе королевского величества, отдал их в его собственные руки (вместе с подарками, которые были вами для него назначены). Грамоты были приняты любезно, и в этот день я с большим почетом обедал в присутствии его милости. Немного времени спустя, я пожелал узнать, будет ли разрешено мне, согласно просьбе ее королевского величества, проехать через владения его высочества в Персидскую землю, на что было отвечено, что мне не разрешат поехать туда, потому что его величество предполагает послать в ту сторону войско в землю черкасов (черкесов, chircassi), отчего мое путешествие может стать опасным и затруднительным, и что если я там погибну, то это будет большим бесчестьем для его милости. Он *, однако, имел в виду совсем другое, хотя и не высказывался прямо. Получив такой ответ, я, против моего ожидания и тем более моего желания, пробыл добрую часть года в Москве и за это время распродал большую часть вашей каразеи и других товаров, предназначенных для Персии. Когда время года потребовало моего возвращения в Англию, я пожелал получить паспорт и ямских лошадей за деньги; все это было мне дано. Но когда я уже получил паспорт и был готов к отъезду, к нам в дом пришел Осип Непея, который убедил меня не уезжать в этот день; он говорил, что царь неправильно осведомлен и очень обвинял секретаря за его упрямство, а секретарь не был моим другом. На другой день я вновь пошел к последнему и застал его вместе с Осипом Непеей. После больших доводов и возражений по существу и видя, что я действительно уеду, секретарь просил меня остаться, пока царскому величеству не будет вновь доложено относительно моего проезда в Персию. Я был очень доволен этим. Три дня спустя секретарь, прислав за мной, объявил, что царь соизволил не только разрешить мне проезд через свои владения в Персию, но и дает мне рекомендательные грамоты к иностранным государям и поручает мне некоторые свои дела, о которых здесь было бы слишком долго распространяться. После этого я приготовился к путешествию и 15 марта 1562 г. вновь обедал в присутствии его величества вместе с персидским посланником и другими лицами и получил из рук его величества кубок с напитком; после чего я откланялся ему. Царь дал мне не только грамоты, как сказано выше, но и поручил важное дело, которое я должен был выполнить по приезде в те страны, куда я собирался ехать. Приготовив все для пути, я выехал из города Москвы 27 апреля 1562 г. вниз по великой реке Волге вместе с названным выше персидским посланником, с которым я вошел в боль-

* Т. е. думный дьяк или лицо, передававшее его ответ.

шую дружбу и вел много разговоров во время всего плавания по Волге до Астрахани, куда мы прибыли в добром здоровье 10 июня.

Я опускаю в этом кратком рассказе все, что касается городов, городков, замков и стран, как магометанских, так и прилегающих к ним языческих, по которым я проехал от Москвы до Астрахани, так как я уже раньше подробно описал их, рассказывая о моем путешествии в Бухару. Приехав в Астрахань, как уже сказано выше, я обратился к тамошнему правителю, к которому я имел от царя рекомендацию и поручение, чтоб он не только всячески содействовал мне во время моего пребывания в Астрахани, но и дал мне отряд в 50 хорошо вооруженных стрельцов для сопровождения меня на двух стругах (stroogs) или бригантинах по Каспийскому морю, пока мы не проедем опасные места, где обычно держатся пираты и разбойники. Персидский посланник выехал раньше на своем собственном судне; я же, снарядив судно к морскому плаванию, выехал с моими спутниками из Астрахани и на следующий день вечером прошел устье Волги, находящееся в 20 милях к юго-востоку от Астрахани. 18-го к вечеру мы прошли мимо трех островов в 9 милях к ю.-ю.-з. от устья Волги, держа курс на ю.-ю.-з., а на следующий день вечером подплыли к земле, называемой Чаллика острова (Challica ostriva) *. Это четыре круглых острова, один вблизи другого, в 40 милях от названных выше трех островов. Отсюда, держась того же курса, на следующий день мы видели землю, называемую Тюк (Tuke) в стране Тюмен (Tumen), где обыкновенно держатся пираты. Из опасения встретиться с ними мы вышли в открытое море прямо на восток на 40 миль, но, потеряв из виду землю, мы попали на песчаные мели, были на краю гибели и едва спаслись. 22-го мы увидали прекрасный остров, называемый Чаталет, отстоящий от Чаллика острова на сотню миль, но так как дул противный и притом свежий ветер, то мы не могли к нему подойти. Мы принуждены были стать на якорь под ветром в 6 милях от него в открытом море при глубине в 3—4 сажени. От материка, называемого Шамхал (Scafcayl) или Кумык (Connyk), магометанской земли, находившейся к западу от нас, мы были в 13 милях.

Мы стояли на двух якорях, не имея запасного, и потеряли один из них, когда шторм на море усилился; в нашем судне открылось много течей, и мы с большим трудом при помощи постоянного откачивания удерживали его на воде; мы выбросили много товаров за борт и даже потеряли бот, да и сами были в большой опасности или погибнуть в море или на подветренном берегу попасть в руки беззаконных неверных, поджидавших нашего крушения. И, конечно, было большим чудом, что мы избегли обеих крайностей; это могло случиться только благодаря могу-

* Имеются в виду «Четыре Бугра» впереди дельты Волги.

шеству и милости божией, ибо буря продолжалась семь дней, а именно до 30 июля. Затем ветер подул с запада, и мы в прекрасную погоду подняли якорь и, распустив паруса, пошли на юг, а на следующий день вечером подошли к берегу и оказались поблизости от земли, которую жители называют Ширваншах *. Здесь мы снова бросили якорь, будучи в 150 милях от Чаталета, так как ветер стал противным, и стояли здесь до 3 августа. Затем при попутном ветре, дувшем на ю.-ю.-в., мы проплыли 60 миль и на следующий день перед полуднем прибыли в город, называемый Дербент, во владениях Гирканского короля. Все высадились и приветствовали правителя подарком. Он угостил меня и моих спутников обедом. Запасшись свежей водой, я поехал дальше.

Дербент — очень древний город со старым замком, построенным на холме Каста из белого камня и очень похожим на наши строения. Стены его очень высоки и толсты; он был впервые выстроен Александром Великим во время его войн с персами и мидянами. Затем Александр же построил стену удивительной вышины и толщины от этого города до Грузии и до главного города последней, называемого Тифлисом (Tewflish), хотя стена эта теперь разрушена и от различных причин пришла в упадок, основания ее все еще целы; она была построена с тою целью, чтобы жители этой страны, только что покоренной Александром, не могли легко бежать, а враги не могли легко вторгнуться. Город Дербент, находящийся теперь под властию персидского Суфия, расположен на берегу моря под 41° широты и примыкает к вышесказанной земле Шамхала (Shalfcall). Отсюда мы проехали около 80 миль на ю.-в. и ю.-ю.-в. и 6 августа прибыли к месту нашей выгрузки, называемому Шабран. Здесь мое судно выгрузили и сложили товары на берег, а в моей палатке поставили сильную стражу из опасения разбойников, которых здесь очень много — все они кочевники. Правитель этой области Алкан-Мурза (Alcan Murcy) приехал ко мне и обошелся со мной очень любезно. Я сделал ему подарок, и для моей охраны он назначил 40 вооруженных людей, которые должны были стеречь и оберегать меня до того времени, когда он получит вести от Ширванского короля. Вести эти пришли 12 августа; мне было приказано явиться к нему со всей поспешностью. Для отправки были приготовлены 45 верблюдов и лошади для меня и моих спутников; поэтому, погрузив товары и выехав 12 августа, я прибыл 18-го того же месяца в город, называемый Шемаха (Shamaky) в вышеназванной стране Гиркании, иначе называемой Ширваном. В этом прекрасном королевском

* Ширваншах — правитель Ширванской области, соответствующей северной части советского Азербайджана. Ширваншахи были вассалами персидского шаха. Ширванскую область Дженкинсон нередко называет также древним названием — Мидии и Гиркании, а местного правителя — гирканским королем.

городе мне было отведено помещение, и товары разгружены. На следующий день, 19-го, я получил приказание явиться к королю, по имени Абдалла-хану (Obdolowcan), двор которого находился в это время в высоких горах и располагался в палатках в 20 милях от Шемахи для избежания убийственной жары. 20 августа я явился к нему. Он принял меня любезно. Поцеловав ему руку, я получил от него приглашение к обеду, причем он приказал мне сесть неподалеку от себя. Король сидел в богатом шатре, шитом шелками и золотом; он красиво стоит на склоне холма; длина его — 16 сажен, ширина — 6; перед ним прекрасный источник сладкой воды, из которого пили король и его знать. Сам государь среднего роста и свирепого вида, богато одет в длинные шелковые и парчевые одежды, расшитые жемчугом и драгоценными каменьями. На голове у него был остроконечный тюрбан, вышиною в полъярда из богатой золотой парчи, обернутый вокруг куском индийского шелка длиною в 20 ярдов и расшитый золотом. На левой стороне тюрбана возвышалась эгретка из перьев, вставленных в золотой ствол, богато украшенный эмалью и усаженный драгоценными каменьями. У его серег были подвески длиною в ладонь с посаженными на конце их двумя рубинами большой ценности. Весь пол в его шатре был покрыт богатыми коврами, а под ним был постлан квадратный ковер, шитый серебром и золотом, на котором были положены две подушки соответственного достоинства. Король и его приближенные сидели в шатре, поджав ноги, но заметив, что мне было тягостно так сидеть, его высочество приказал подать стул и пожелал, чтобы я сел на него, как я привык. Когда приблизилось время обеда, на полу были разостланы скатерти и подали различные блюда; они были поставлены в ряд по различным видам кушаний; по моему счету их было 140. Когда их убрали вместе со скатертями, то разостлали другие и внесли 150 блюд с фруктами и другими пиршественными кушаньями, так что в обе перемены было подано 290 блюд. В конце обеденного пиршества король сказал мне «Куош куельд» (quosh quelde), т. е. «добро пожаловать», велел налить чашу воды из источника и, отпив, передал мне остаток, спросив, нравится ли мне вода и есть ли такая же вкусная в нашей стране. Я отвечал на это так, что он остался доволен. После этого он стал предлагать мне вопросы касательно религии и состояния наших стран, затем расспрашивал о том, кто сильнее — германский император, русский царь или турецкий султан, а также о других вещах, которые было бы слишком долго повторять здесь. На все это я отвечал так, как считал подходящим. Потом он спросил, намерен ли я ехать дальше, и вообще о причинах моего приезда. На это я ответил, что я послан с грамотами от наисветлейшего английского королевского величества к великому Суфию просить о дружбе и о свободном проезде, чтоб он дал охранные листы английским купцам для торговли в его владениях с тем, что

такие же листы будут даны его подданным, если они приедут в наши страны; это послужит к чести и благосостоянию обоих государств и к выгодам подданных обеих стран; я говорил и еще многое другое, что здесь опускаю. Король, очень одобряя мои слова, сказал, что не только пропустит меня, но и даст мне охрану, чтобы проводить меня к сказанному Суфию, живущему в 30 днях пути от вышеназванного города Шемахи в Персидской земле в крепости Казвин. 24 августа, через три дня после того, как я уехал в этот раз от короля, он снова прислал за мной. Я явился к нему утром, но он еще не вставал с постели (обычай его таков, что он не спит ночью, пируя с женщинами, которых у него 140, а спит бо̀льшую часть дня). Он приказал, чтобы я участвовал в соколиной охоте со множеством знатных людей его двора и чтобы мне показали всевозможные развлечения и забавы этой охоты. Это было сделано и было убито много журавлей. С охоты мы вернулись около трех часов пополудни. Король в это время уже встал и готов был к обеду. Я также был приглашен, и когда я приблизился к входу в королевскую палатку и был на виду у короля, двое из его придворных встретили меня с двумя одеяниями, сшитыми по обычаю этой страны, косо скроенными и достигающими земли. Одно было шелковое, другое — шелковое, шитое золотом; их послал мне король. Пригласив меня снять мою верхнюю одежду, — это было черное бархатное платье, отороченное собольим мехом, — они надели на меня вышесказанные два одеяния и подвели меня к королю. Я поклонился ему и поцеловал ему руку, после чего он пригласил меня сесть неподалеку от себя. Таким образом я пообедал в его присутствии. Король был в это время в веселом настроении и обращался ко мне со многими вопросами, между прочим, понравился ли мне их способ охотиться с соколами. По окончании обеда я попросил его высочество о пропуске, чтобы ехать к Суфию. Он отпустил меня с большой благосклонностью и назначил своего посланника (возвратившегося из России) и других лиц сопровождать и охранять меня. При отъезде он подарил мне прекрасного коня со всем снаряжением и освободил меня со всеми моими товарами от пошлин. Так я снова возвратился в Шемаху, где и оставался до 6 октября, чтобы заготовить верблюдов и лошадей и все необходимое для предполагаемого путешествия. Однако, прежде чем итти дальше, я хочу записать кое-что об этой стране Гиркан, ныне называемой Ширваном, о ее городах и о производимых в ней товарах. Гиркания в прежнее время была знаменитой страной со многими торговыми и укрепленными городами и замками. Ее короли в древние времена были очень могущественны и могли воевать с персидскими Суфиями. Но теперь все обстоит иначе; не только города, крепости и замки находятся в упадке, но и король подчинен названному Суфию (все же гирканцы имеют своего собственного

короля) и находится под его властью. Суфий покорил Гирканию несколько лет назад из-за различий в религии * и не только истребил всех знатных и благородных людей этой страны, но более того — разрушил стены городов, крепостей и замков этого государства, чтоб не было впредь восстаний, и для устрашения всех выстроил в Шемахе башню из белого камня с выступающими кремневыми камнями и на этих кремневых камнях выставил головы казненных знатных и благородных людей. От моря город Шемаха находится в семи днях пути на верблюдах, но теперь он в большом упадке и населен главным образом армянами. Главный и самый богатый торговый город страны, называемый Арраш, находится на границах Грузии; вокруг него производится более всего шелка-сырца; туда съезжаются для торговли турки, сирийцы и другие иностранцы. В этом государстве можно достать различные доброкачественные и необходимые товары — орехи шершавые и гладкие, хлопчатую бумагу, квасцы, шелк-сырец, естественно производимый в этой стране, почти все виды пряностей и москательных товаров и кое-какие другие товары, привозимые сюда из восточной Индии, но не в большом количестве, потому что не обеспечен ни их сбыт, ни их продажа. Однако главный здешний товар — это шелк-сырец всяких сортов, которого здесь большое изобилие. Недалеко от вышеназванного города Шемахи была старинная крепость Гюллистан (Gullistone), теперь разрушенная тем же Суфием. Она считалась одной из самых сильных крепостей в мире: ее долго осаждал Александр Великий, прежде чем овладел ею. Поблизости от этой крепости был роскошно построенный монастырь, где была похоронена королевская дочь Амелек-Ханна (Ameleck-Channa), убившая себя кинжалом, оттого что отец хотел ее насильно выдать за одного татарского государя, хотя она дала обет сохранить девственность: по этому случаю девушки этой страны сходятся туда раз в год и оплакивают ее смерть. В этой же стране есть высокая гора, называемая Куикуифс (Quiquifs), на вершине которой, как здесь многие рассказывают, жил когда-то великан, по имени Арнеост, у которого на голове было два больших рога; уши и глаза его были лошадиные, а хвост коровий. Говорят еще, что это чудовище не позволяло никому проходить мимо, пока не явился святой муж по имени Хокойр Хамши (Haucoir Hamshe), родич одного из Суфиев, который взошел на гору, победил названного великана и не только заковал в цепи его, но и его жену, по имени Ламисач, и его сына — Афтера. За эту победу жители этой страны очень чтут этого святого мужа, а гора до сего дня, как носятся

* Персы — магометане-шииты; азербайджанцы — магометане-сунниты. Религиозная вражда и преследования со стороны шиитов особенно были сильны со времени вступления на иранский (персидский) престол династии Сефевидов, основатель которой Измаил (1491—1524 гг.) был шейхом суфиев-шиитов.

слухи, издает такой дурной запах, что никто не может подойти к ней. Впрочем, правда это или нет — я оставляю до дальнейших исследований.

Теперь возвращаюсь к рассказу о моем дальнейшем путешествии к великому Суфию. 6 октября того же 1562 года я выступил с моими спутниками из Шемахи и, пройдя 60 миль, дошел до города Явати, где у короля прекрасный дворец с садами, полными плодов всякого рода. Через город протекает река Кура (Cor), берущая начало в горах Грузии; протекая через Гирканскую страну, она впадает в Каспийское или Гирканское море между двумя старинными городами Гирканского государства — Шабраном и Баку (Bachu). Выйдя отсюда далее, мы следовали по плодоносной стране, населенной пастушескими народами; в летнее время они живут в горах, а зимой спускаются в равнины, не заходя ни в города, ни в иные населенные места. В своих передвижениях они путешествуют караванами, состоящими из людей и скота, и везут жен, детей и имущество на волах. Пройдя 10 дней по стране этих диких людей и не встретив ни города, ни дома, мы прибыли 16 октября в город, называемый Ардебиль (Ardouill), где нас поместили в караван-сарае (hospital), выстроенном из белого камня отцом нынешнего Суфия, Измаилом, исключительно для оказания помощи и для помещения иноземцев и других путешественников; здесь все получают пищу и фураж для лошадей, но не более как в течение 3 дней. Вышеназванный покойный государь Измаил погребен в прекрасной мечети, в роскошной гробнице, сооруженной им еще при жизни. Город Ардебиль лежит на широте 38°; это старинный город провинции Азербайджан (Aberravgan), где обычно погребают персидских государей. Здесь был двор Александра Великого во время завоевания им Персии. В четырех днях пути к западу находится город Тебриз (Tebrise), в старое время называвшийся Тавризом, — самый большой город в Персии. Однако его торговое значение далеко не таково, каким оно было прежде или какое имеют другие города в настоящее время; это произошло вследствие нашествия турецкого султана, который завоевал у Суфия почти всю страну до сказанного города Тавриза. Последний был Турком разграблен, и это заставило Суфия покинуть его и перенести свой двор за 10 дней пути оттуда, в город Казвин *.

21 октября мы выехали из Ардебиля. Мы шли большей частью по горам и всегда в ночное время; днем же отдыхали. У нас совсем не было дров, и мы вынуждены были употреблять в качестве топлива лошадиный и верблюжий навоз, который мы по дорогой цене покупали у кочевников.

* Отмечаемые Дженкинсоном события имели место в 1549 г. и повторно в 1554 г. Окончательное перенесение столицы в Казвин, или Казбин, произошло в 1554 г. Последний находится на дороге из Тегерана, нынешней столицы Ирана, в город Решт на южном берегу Каспийского моря.

Так мы шли 10 дней и 2 ноября того же 1562 года прибыли в вышеназванный город Казвин, где находится двор великого Суфия. Мне было отведено помещение неподалеку от королевского дворца, а спустя 2 дня Суфий приказал некоему принцу по имени Шалли-Мурзэ (Shalli-Murzey), сыну вышеназванного Абдалла-хана, короля Ширванского, пригласить меня к себе. От имени Суфия он спросил меня, как я поживаю, как мое здоровье, приветствовал меня с приездом и пригласил меня к обеду, за которым мне было предложено прекрасное угощение. После этого я возвратился в свое помещение.

На следующий день я послал моего переводчика к секретарю Суфия объявить ему, что я имею грамоты от нашей всемилостивейшей государыни, ее превосходнейшего величества королевы Английского государства, к Суфию, что в этих грамотах излагается причина моего приезда и что я желаю в удобное время предстать перед его величеством. Доложив об этом Суфию, секретарь через короткое время известил меня, что Суфий занят сейчас очень важными делами, по окончании которых я буду призван к нему; мне было также указано, чтобы я тем временем готовил подарки, если я желал таковые поднести.

В это время, за 4 дня до моего приезда, сюда прибыл посол турецкого султана, посланный заключить вечный мир между ним и Суфием. Он привез с собою золото, прекрасных коней с богатым убором и другие дары, оцененные все вместе в 40 тысяч фунтов. После этого мир был заключен при радостных пиршествах и торжествах и скреплен крепкими клятвами по их закону Алкорана (Alcaron), которыми каждая сторона обязывалась соблюдать мир, давалось обещание впредь обеим сторонам жить как соединенным клятвою братьям и помогать друг другу против всех государей, которые начнут войну с ними или с одной из них. По заключении мира Суфий приказал убить сына турецкого султана, Баязет-султана, храброго государя, который, бежав от отца к Суфию, жил четыре года при его дворе. Этот сын великого султана и был причиной великих войн между обоими государями и очень отличался во время их; турок требовал, чтобы сын был ему выдан, но Суфий отказал. Теперь, убив его по желанию турка, Суфий послал последнему его голову в подарок, весьма желанный и радостно принятый бесчеловечным отцом. В разговоре о различных предметах во время моего пребывания у Ширванского короля и моего приема у него означенный король Абдалла-хан спросил меня, в дружбе ли мы, англичане, с турками или нет? Я ответил, что мы никогда не были с ними в дружбе, потому что они никогда не разрешали нам проезжать через свою страну во владения Суфия, но что есть нация, неподалеку от нас, называемая венецианцами, которые живут в большом согласии с турками и торгуют в их владениях нашими товарами, главным образом меняя их на шелк-сырец, который, как мы знаем,

идет из Персии. Но если Суфию и другим государям угодно будет разрешить нам торговать в их владениях и дать нам паспорты и охранные листы так же, как турки дали их венецианцам, я не сомневаюсь, что торговля будет такой, какой здесь никогда не было, и разовьется к большой их выгоде. Они будут снабжаться нашими товарами и в то же время улучшать сбыт своих собственных, хотя бы ни один турок никогда не приезжал в их страну; много других доводов я представлял ему в пользу такой торговли. Король понял дело, высказал полное свое сочувствие и сказал, что он напишет об этом Суфию, что он действительно и сделал. Он уверял меня, что Суфий согласится на мою просьбу и что по моем возвращении к нему, он, король, дарует мне охранные грамоты и привилегии. В то время турецкий посол еще не приезжал в Персию и не было никакой надежды на заключение мира; напротив, делались большие приготовления к войне, и это очень содействовало бы моему делу. Но вышло иначе. Когда приехал турецкий посол и заключен был мир, то бывшие тогда в Казвине турецкие купцы заявили послу, что мой приезд (они называли меня франком) очень расстроит их торговлю, и говорили, что хорошо было бы ему, послу, убедить Суфия не относиться ко мне благоприятно, если его высочество предполагает соблюдать союз и дружбу с великим султаном, его государем. Об этой просьбе турецких купцов посол сделал серьезное представление Суфию; отпущенный с большим почетом, он выехал из персидского государства, как сказано было выше, с головой сына великого турка и с другими подарками. 20 ноября мне приказано было явиться к названному Суфию, иначе называемому шахом Тахмаспом. Около трех часов пополудни я приехал ко двору. Когда я слезал с лошади у дворцовых ворот, прежде чем мои ноги коснулись земли, на них была надета пара обуви самого Суфия, называемая на персидском языке башмаками (basmackes). Он носит их, когда ночью встает на молитву (такой его обычай). Без этой обуви меня не могли бы допустить ступать по священной земле, как христианина, или, по их названию, гяура (gower), т. е. неверующего и нечистого. Они считают неверными и язычниками всех, кто не верует, подобно им, в их ложных и грязных пророков — Магомета и Али (Martezalli). У ворот дворца вещи, которые я нес в подарок его величеству, были разделены по отдельным предметам между придворными служителями, которые должны были нести их передо мною, ибо ни одному из моих спутников и служащих не позволили войти во дворец за исключением меня и моего переводчика. Когда я предстал перед его величеством, я приветствовал его, как я это нашел удобным, и подал грамоты королевского величества вместе с моими подарками. Приняв мое приветствие, он спросил меня, из какой я франкской страны и за какими делами я приехал. Я ответил ему, что я из знаменитого города Лондона в славном английском королевстве, что я послан сюда от пре-

восходнейшей и всемилостивейшей государыни Елизаветы, королевы Англии, чтобы вести переговоры о дружбе и свободном проезде в Персию наших купцов и представителей нашего народа, о дозволении им приезжать и торговать в его владениях, ввозить наши товары и вывозить персидские к чести обоих государей, к обоюдной пользе обоих государств и к обогащению их подданных. Я говорил еще и другое, что опускаю. Тогда он спросил меня, на каком языке написаны грамоты. Я ответил, что они написаны по-латыни, по-итальянски и по-еврейски. Так, сказал он, но в нашем государстве нет никого, кто понимал бы эти языки, на что я ответил, что такой славный и достойный чести государь, как он, в своих обширных владениях не может иметь недостатка в людях всяких национальностей для того, чтобы перевести грамоты. Тогда он стал меня расспрашивать о состоянии наших стран, о могуществе императора германского, короля Филиппа и великого султана: кто самый сильный из них. Мой ответ, в котором я не унизил великого Турка, учитывая только что заключенный между ними договор о дружбе, удовлетворил его. Затем он много рассуждал со мной о религии, спрашивая меня, гяур ли я, иначе сказать неверный, или мусульманин, т. е. магометова закона. На это я ответил, что я не неверный и не мусульманин, а христианин. Что это такое? спросил он у сына грузинского царя, который, будучи христианином, перебежал к нему. Тот ответил, что христианином называется тот, кто верует в Иисуса Христа и признает его сыном божиим и величайшим из пророков. Так ли ты веруешь? спросил меня Суфий. Да, ответил я. «Ах, ты неверный, — сказал он, — мы не нуждаемся в дружбе с неверными», и приказал мне выйти. Я обрадовался, отдал поклон и пошел к выходу в сопровождении многих из его придворных и других лиц. За мной шел человек с сосудом, наполненным песком, посыпая весь путь, который я прошел по двору от покоя, где принял меня Суфий до ворот.

Таким образом я снова удалился в свое помещение, где ночью Шалли-Мурза, сын короля Гирканского, выказывавший мне большое сочувствие, потому что я был рекомендован ему его отцом, велел сказать мне, чтобы я не предавался сомнениям, и подал мне надежду на успех в делах с Суфием и на хорошее с его стороны обращение.

Так я прожил некоторое время. Ежедневно ко мне приходили разные придворные, которых засылал Суфий, чтобы говорить со мной главным образом о делах, касающихся русского царя, а также чтобы узнать, какой дорогой я намерен возвратиться на родину — той ли, которой я приехал, или же через Ормуз и далее на португальских кораблях. На это я отвечал, что я не смею ехать через Ормуз, потому что мы во вражде с португальцами. Я отлично понимал их мысли: меня предупредили, что Суфий собирается воевать с португальцами и обвинил бы меня в том, что я при-

ехал как их шпион с намерением проехать через его владения к португальцам. Он думал, что они и мы — один народ, и всех называл франками. Однако божием провидением эта опасность была предупреждена.

После этого Суфий совещался касательно меня со своими приближенными и со своими советниками. Те убеждали его не оказывать мне хорошего приема и не отпускать меня с грамотами и подарками, ввиду того что я франк и принадлежу к народу, враждебному его брату — великому султану. Они говорили ему, что если он поступит иначе и весть об этом дойдет до султана, то это поведет к нарушению только что заключенного между ними союза и дружбы. Они отговаривали его также, говоря, что ему нет ни нужды, ни необходимости дружить с неверными, страна которых находится так далеко от него, и что для него было бы лучше всего отослать меня вместе с моими грамотами к сказанному великому султану. Он и принял решение так поступить в удобное время, предполагая отправить своего посла к великому Турку.

Однако сказанный выше сын гирканского короля, узнав об этих совещаниях, отправил посла к своему отцу, извещая его о таком положении. Тот, как милосердный государь, приняв во внимание, что я проехал через его владения и что я ехал с добрыми намерениями, написал Суфию все, что он думал о намерении последнего, говоря, что будет порукой чести его величества, если он причинит мне какой-нибудь вред или неприятность; он советовал ему переменить обращение со мной, ввиду того что я приехал в его землю по доброй воле, а не по принуждению; если же он будет дурно обращаться со мной, то мало иностранцев будут посещать его страну, а это будет ему ко вреду; он приводил ему и другие доводы. После этого Суфий хорошо взвесил и обдумал дела и, питая большое уважение к гирканскому королю, который был одним из самых храбрых государей, подчиненных ему, и близким его родственником, изменил свое решение и 20 марта 1563 г.* прислал мне богатое платье из золотой парчи и отпустил меня, не причинив мне вреда.

В течение моего пребывания в сказанном городе Казвине меня посещали разные купцы из Индии. Я советовался с ними о торговле пряностями. Они говорили, что они могут привозить пряности всех сортов и в любом количестве, если только будут уверены в успешном их сбыте. Я обещал им обеспечить сбыт и не сомневаюсь, что от времени до времени можно будет получать пряности через Персию в большом изобилии.

Того же 20 марта я двинулся в обратный путь из города Казвина, где провел всю зиму; всех моих верблюдов я отправил раньше; 30 апреля я прибыл в вышеупомянутый город Ардебиль, а 15 апреля — в Джават,

* В тексте стоит 1562 г.; это, очевидно, случайная ошибка, так как Дженкинсон приехал в Казвин только 2 ноября 1562 г.

где в это время находился король Абдалла-хан. Он тотчас же прислал за мной и, задав мне много вопросов, заявил, что если бы не он, то я потерпел бы полное крушение и меня отослали бы к турецкому султану в качестве подарка от Суфия вследствие убеждений беззаконных советников, что сеиды (Zieties) и духовенство были главными зачинщиками и сторонниками этого дела. Сам же Суфий сначала очень желал мне добра и думал оказать мне хороший прием и поступил бы так, если бы не произошло такого случая, что был заключен мир и союз между ним и великим Турком. «Несмотря на все это, — сказал король, — Суфий написал мне, чтоб я оказал тебе хороший прием, и ты желанный гость в моей стране». Он обращался со мною очень любезно; я пробыл при его дворе 7 дней и получил от него охранные листы и торговые привилегии на ваше имя с освобождением от уплаты пошлин, каковые я передал Томасу Олкоку и Джорджу Ренну (Wrenne) при их отъезде в Персию по вашим делам. Его высочество подарил мне два шелковых платья и отпустил меня очень благосклонно, снова отправив со мною посланника к русскому царю и доверив мне свои самые сокровенные тайны, которые я должен был передать царскому величеству по возвращении моем в Москву. Выехав 10 апреля в Шемаху, я пробыл там несколько дней, чтобы запастись верблюдами для пути к берегу моря; я послал также людей оттуда, чтобы исправить мое судно и приготовить его к плаванию. Во время моего пребывания в Шемахе меня посетил один армянин, посланец от грузинского царя *, который описал ужасающее положение этого царя, стиснутого между двумя жестокими тиранами и могущественными государями — великим Турком и Суфием, с которым он непрерывно ведет войны; он умолял меня из любви ко Христу и потому что я христианин, чтоб я ободрил его через посредство этого армянина, дал бы ему совет, как ему отправить посланника к русскому царю, и высказал свое мнение о том, окажет ли ему поддержку царь или нет. Армянин еще много умолял меня разъяснить царю, по моем возвращении, крайность, в которой находится грузинский царь. Он прибавил, что царь сам бы написал мне свои мысли, но он сомневался, проедет ли благополучно его посланный. Я также дал ему устный ответ и не только убеждал его отправить посла в Россию, не сомневаясь, что царь примет его с почетом и окажет ему помощь, но и указал ему дорогу, по которой он мог бы его послать: через страну черкесов, пользуясь благоволением Темрюка, короля названных черкесов, на дочери которого царь недавно женился. Через два дня после того, как я отпустил армянина, я отправил вашего служащего Эдуарда Кларка

* Царь Грузии Соломон.

(Clarke, Clearke) в город Арраш, где можно достать наибольшее количество шелка, и дал ему поручение проехать дальше в вышеназванную страну Грузию и там помочь царю. Объяснив мои поручения и открыв ему мою мысль добиваться от этого государя свободного пропуска для торговли наших купцов в его владениях, я приказал ему, кончив дела, возвращаться со всею поспешностью. Когда этот ваш служащий приехал в названный город Арраш, он нашел там нескольких армянских купцов, которые обещали ему вместе отправиться в Грузию; но когда они дошли до грузинской границы, то один военачальник открыл, что наш служащий — христианин, и спросил его, куда он направляется. Тогда тот, видя, что он не будет в состоянии ехать дальше, не возбуждая больших подозрений, ответил, что он приехал сюда покупать шелка, и показал имевшиеся при нем грамоты гирканского короля. Таким образом он мог вернуться обратно и 15 апреля прибыл в Шемаху. Оттуда я выехал 16-го того же месяца и 21-го достиг морского берега. Я нашел мое судно в готовности, приказал погрузить ваши товары и стал дожидаться попутного ветра.

Прежде, однако, чем рассказывать дальше о моем возвращении, я хочу, с вашего разрешения, поговорить немного о Персии, о великом Суфии, о стране, ее законах и религии. Персидская земля велика и обширна; она разделяется на многие государства и провинции, каковы, например, Гилян, Хорассан, Ширван и многие другие, в которых имеются большие и малые города и крепости. Каждая провинция имеет особого государя или султана, которые все повинуются великому Суфию. Вот названия главнейших городов: Тавриз, Казвин, Кашан (Kashan), Иезд (Yesse), Мешед (Meskit), Тегеран (Heirin), Ардебиль, Шемаха, Арраш и многие другие. В сторону моря страна по большей части плоская и богатая пастбищами; но далее вглубь — высокая, покрытая горами и притом крутыми. На юге она граничит с Аравией и восточным океаном, а на севере — с Каспийским морем и Татарскими землями; на востоке — с различными областями Индии, а на западе — с рубежами Халдеи, Сирии и с другими землями Турка. Все в этих пределах принадлежит Суфию, по имени Шаху Тахмаспу, сыну Измаила Суфия. Царствующий теперь Суфий не отличается храбростью, хотя власть его велика и народ его — воинственный. Вследствие его малодушия, Турок часто вторгался в его владения и даже доходил почти до Тавриза, где прежде обычно был двор Суфия. Теперь он покинул Тавриз и, главным образом, живет в Казвине. Когда нападает на него Турок, а он не в силах сопротивляться ему в открытом поле, он чувствует себя более безопасным в горах, нежели под защитой своих крепостей и замков. Поэтому в своих владениях он велел все их разрушить, а свою артиллерию расплавить, боясь, что его враги, преследуя его, усилятся ею за его счет.

Этому государю около 50 лет; он среднего роста и имеет пять детей. Своего старшего сына он держит узником в тюрьме, боясь его отваги и деятельного характера. Он считает себя до некоторой степени святым и говорит, что он происходит от крови Магомета и Али. И хотя персы такие же магометане, как турки и татары, но они почитают ложного и вымышленного пророка Али, говоря, что он был самым главным учеником Магомета, и денно и нощно проклинают и бранят трех других учеников Магомета — Омара (Ovear), Османа (Usiron) и Абу-Бекра (Abebeck). Последние убили Али; по этой причине и вследствие других разногласий между духовенством и в законах, относящихся к религии, они вели и до сих пор ведут смертельные войны с турками и татарами. В настоящий момент мне нет нужды говорить о их религии вообще, которая более или менее заключается в законе Магомета и в Алькоране. Персы красивы и хорошо сложены; они горды, храбры и считают себя лучшим из народов, как по своей вере и благочестию, что совершенно ошибочно, так и по другим своим свойствам. Они воинственны, очень любят красивых коней и хорошее конское убранство, вспыльчивы, лукавы и жестоки. Вот что я хотел сказать об этом народе, а теперь возвращаюсь к рассказу об остальной части моего путешествия.

Как уже сказано выше, мое судно на Каспийском море было готово. Поручив себя богу, мы при попутном ветре прибыли 30 мая 1563 г. в Астрахань, испытав на обратном пути по морю не меньше опасностей, чем во время нашего пути в Персию. Мы оставались в Астрахани до 10 июня, когда для моей охраны во время плавания вверх по Волге было назначено 100 стрельцов. 15 июля я приехал в город Казань, где правитель принял меня очень хорошо. Когда он меня отпустил, то меня провожали от места до места вплоть до города Москвы, куда я приехал 20 августа 1563 г., благодаря бога, благополучно, со всем имуществом, товарами и драгоценностями, которые я приобрел как для царя, за его счет, так и для вас. Мне приказано было доставить весь товар в царское казначейство в запакованном виде, что и было мною исполнено. Я сдал те тюки товаров, которые были приобретены за счет величества — драгоценные камни и шелковые материи разного цвета и вида; ими его величество остался очень доволен. Остальной же товар, принадлежащий вам, т. е. и шелк-сырец, как видно из счета, был перенесен в ваш дом; часть его осталась там, а остальное погружено на ваши суда, недавно возвратившиеся.

Вскоре по моем приезде в Москву я явился перед царское величество и поднес ему платье, подаренное мне Суфием. Его высочество беседовало со мною о делах государя *, которые тот доверил моему попечению. Царь

* Т. е. грузинского царя.

с большим удовлетворением принял сообщение о моих действиях и сказал мне: «Я вижу твою верную службу, благодарю тебя и награжу тебя за нее». Он выразил желание, чтоб я еще съездил по таким делам, по которым он хотел воспользоваться моими услугами. Я ответил ему, что сердечно радуюсь, что моя служба так угодна его высочеству и что во всем этом я только исполнял свой долг. Я смиренно ходатайствовал, чтоб его милость сохраняла свое благоволение к вам, и тогда же смиренно попросил его величество соизволить пожаловать вам новые привилегии, более широкие, чем прежние, каковые и были тотчас пожалованы, после чего я удалился. Потом, составив краткую записку о том, как я мыслил себе, чтобы были составлены эти привилегии, я ежедневно ходил к секретарю, следя за их составлением, и, наконец, получил их за большой печатью его величества. При отъезде моем из Москвы я оставил их на хранение у Томаса Гловера, вашего томашнего агента. Копию этих привилегий, так же как и других, пожалованных и данных гирканским королем, я уже передал вам. Проведя всю эту зиму в Москве и ведя в то же время переговоры с царским величеством, я послал в Англию сухим путем вашего служащего Эдуарда Кларка с отчетами, а также делал приготовления для новой посылки людей в Персию в подходящее время года. Поручив это дело вашим служащим — Томасу Олкоку, Джорджу Ренну и Ричарду Чини (Cheinie), я выехал 28 прошлого июля из Москвы на ямских лошадях. Приехав в Колмогоры и спустившись по реке к морскому берегу, я нашел ваши суда закончившими погрузку и готовыми к отплытию. Я сел на ваш добрый корабль «Ласточку» (Swallow) 9 июля 1564 г., и, проехав по морю с большой опасностью потерять суда, товар и жизнь, мы благополучно прибыли (благодарение богу) сюда в Лондон 28 сентября.

Подобно храброму и отважному солдату, который подвергает опасности свою славу, тело и жизнь, верно служа своему государю, и, одержав победу, не оглядывается на прошлые опасности и не желает в награду себе ничего кроме того, чтобы служба его хорошо была принята тем, для кого он ее несет, я, видя ваше благоволение ко мне в том, что мои путешествия принимаются вами с удовлетворением, считаю себя тем самым в значительной степени вознагражденным. Я молю всемогущего бога послать такой успех вашим предприятиям, чтобы впредь время от времени пожинались плоды моих путешествий (стоивших вам многих забот, а мне не малых опасностей), дабы вы могли в полной мере собрать их и наслаждаться ими для прославления превосходнейшего королевского величества, для чести и пользы королевства ее высочества и для великих выгод и обогащения вашего и ваших преемников и потомков навеки.

4. Копия привилегий, данных Абдалла-ханом, королем Гиркании, компании английских купцов-предпринимателей для торговли в России, Персии и на Каспийском море со всеми землями, к нему примыкающими, полученных господином Антонием Дженкинсоном в пребывание его там по делам указанной компании.

Мы, Абдалла-хан, могуществом бога, создателя неба и земли назначенный и ныне царствующий король Ширвана и Гиркана, единственно по нашему почину и нашей великой доброте, вследствие настойчивого ходатайства и просьбы нашего любезного и возлюбленного Антония Дженкинсона, посланника, дали и пожаловали весьма досточтимым сэру Уилльяму Гэррету, сэру Уилльяму Честору, сэру Томасу Лоджу, господину Ричарду Мэллэри и господину Ричарду Чемберлену со всей их компанией купцов-предпринимателей из города Лондона в Англии полную свободу, безопасный пропуск и разрешение приезжать или посылать своих агентов по торговле товарами в нашу страну, совершать покупки и продажи с нашими купцами и другими лицами на наличные деньги или в обмен, пребывать и обитать в нашей стране столько времени, сколько они пожелают, и уезжать, когда им будет угодно, без задержек, помех и препятствий как относительно их самих, так и их товаров.

Далее нам угодно повелеть, чтобы вышесказанные английские купцы и их компания не платили никаких пошлин за товары, которые они будут покупать или продавать в наших владениях. Если же в какое бы то ни было время наши сборщики пошлин или другие наши служащие, или кто-нибудь из них в нарушение нашего настоящего повеления будут чинить помехи и злоупотребления и силою принуждать сказанных английских купцов или кого-нибудь из них, или их агентов платить какие-нибудь пошлины или сборы с каких бы то ни было товаров, которые они привозят в наши владения или вывозят из них, и это сделается нам известным, мы приказываем, чтоб вышесказанные сборщики и служащие были уволены и выгнаны со своих должностей и подверглись нашей дальнейшей немилости, а английским купцам были возвращены все деньги и товары, которые наши сборщики собрали с них в нашу казну. Всякий же раз, как указанные английские купцы или их агенты привезут какие-нибудь товары, подходящие для нашего казначейства, наш казначей будет принимать такие товары в наше казначейство и уплачивать английским купцам или наличными деньгами или шелком-сырцом в размере стоимости этих товаров. И где бы в наших владениях эта наша привилегированная грамота ни была предъявлена или прочтена, мы требуем и повелеваем, чтобы она имела действие и соблюдалась во всех пунктах.

Дана в нашем городе Джавате в вышеписанный год и день, снабжена нашей государственной печатью и скреплена нашим секретарем в двенадцатый год нашего царствования.

XI

Т. ОЛКОК, ДЖ. РЕНН И Р. ЧИНИ

1563—1565 гг.

Второе путешествие в Персию, совершенное в 1563 г. Томасом Олкоком, который был там убит, Джорджем Ренном и Ричардом Чини, служащими досточтимой компании купцов, торгующих с Московией, и описанное вышеуказанным Ричардом Чини.

Вам, досточтимые господа, вероятно, угодно будет узнать, что в 1563 г. я был назначен г. Антонием Дженкинсоном и вашим агентом в России, г. Томасом Гловером, ехать в Персию по вашим делам; некто Томас Олкок был назначен начальником экспедиции, я же — один из служащих ваших — был присоединен к нему для совместного ведения ваших дел; как говорили здесь, с нами было 1 500 рублей. С вашего позволения я не могу сказать вам, какая сумма денег была получена от царя, ибо я не получал их и не расходовал их во время путешествия. Я беру также бога в свидетели, что не знаю, какие товары и в каком количестве были у вас там, потому что все книги держались столь секретно, что никто не мог их видеть. 10 мая 1563 г. мы выехали из города, называемого Ярославлем, в наше путешествие в Персию. 24 июня мы приехали в Астрахань; 2 августа отбыли из Астрахани, а 4-го того же месяца вышли в Каспийское море; 11-го пришли в нашу гавань в Мидии. 21 августа мы приехали в Шемаху, где король Абдалла-хан стоял лагерем в шатрах. Этот языческий народ принимал нас очень хорошо, ибо уже на третий день по приезде мы были призваны к королю. Мы поднесли ему подарки и были им очень обласканы.

Прибыв ко двору, мы были потребованы к королю, который сидел в своем шатре, поджав ноги крестом; вся его знать была вокруг него в шатре; пол был устлан коврами. Нам приказали сесть, причем сам король указывал каждому, куда ему сесть. Он велел купцам русского царя встать и уступить нам место. 20 октября Томас Олкок уехал из Шемахи в Казвин, оставив меня в Шемахе собирать деньги за товары, которые шемаханская знать забрала у Олкока перед его отъездом в Казвин. Пока я там оставался, я собрал лишь очень немного. При возвращении из Каз-

вина Олкок проехал в город, называемый Люванта, в полутора днях пути от Шемахи, где в то время находился Абдалла-хан. Узнав об его приезде туда, я выехал из Шемахи и застал его благополучно вернувшимся со всеми товарами, какие у него были. Находясь в Люванте в течение 7 дней, он подавал королю ходатайства о взыскании денег, которые должны были ему знатные люди. Но король был очень недоволен тем, что один русский купец убил мусульманина (boserman) по пути в Казвин. Томас Олкок, видя, что король не благоволит больше к нам, и получив вести из Шемахи, что русские отсылают свои товары к морю из боязни, что персидский царь узнает о смерти мусульманина, велел мне ехать в Шемаху со всеми товарами, привезенными им из Казвина. Сам же он остался при королевском дворе.

На третий день по приезде моем в Шемаху до меня дошла весть, что Томас Олкок убит на пути в Шемаху. Узнав о его смерти, король Абдалла-хан спросил, не осталось ли у него брата. Одни сказали, что я его брат, другие, — что я ему не брат. Когда это случилось, у вас не осталось ни одного служащего среди этого языческого народа, кроме меня. Имея в руках большое количество товаров, видя, как русские со всею поспешностью отсылают свои товары к морю, и имея только четырех людей, которых я мог послать с товарами к морю, я приложил все старания и в течение двух дней после того, как я узнал об убийстве Томаса Олкока, я, одновременно с русскими товарами, отослал все ваши товары с моряком Уилльямом Огестом (W. August) и одним шведом, дабы они могли как можно сохраннее дойти до моря, чтобы можно было благополучно погрузить их. Все эти товары дошли потом в Россию в отличном состоянии: г. Гловер имеет расписку в получении всех товаров; я послал ее ему из этих стран в Россию. Что касается меня, то, выслав товары в Россию, я оставался шесть недель в Шемахе для взыскания долгов и, наконец, с большим трудом собрал 1 500 рублей или около того, которые г. Гловер получил от меня по моем возвращении в Москву вместе со всеми товарами, которые я привез из страны кизильбашей (Keselbash), что видно из имеющейся у него моей собственноручной записки. У меня также есть и расписка во всех товарах, которые я выслал в Россию с двумя вышеупомянутыми лицами. От этого путешествия он получил себе в утробу более 100 рублей, некий Ричард Джонсон — 20 рублей, некий Томас Пет — 50 рублей, некий Иван Черемисин (Evan Cheremisin), татарин, — 70 рублей. Все они получили прибыль; г. Гловер позволил это себе бог знает почему, а я в то время был занят вашими делами в Персии. И хотя он говорит, что царь на свою часть получил только двойной барыш, на самом деле он получил втрое, насколько я могу судить, зная цены товаров в этих странах. Если они передали ему так много товаров, то все расходы пали на вас, как за счет царского, так и за счет их барыша.

Я посеял семена, но другие люди собрали жатву. Я долгое время мучился на суше и на море с сердцем, полным забот о сохранности их товаров, считая их вашими, и о том, как устроить все дела к лучшему, а они пожали плоды моей мучительной работы. Я всегда только молил бога о том, чтобы избавить меня от невзгод, которые мне приходилось терпеть среди язычников, неся вашу службу. Поэтому, сознавая, что я исполнил свой долг, как надлежало верному слуге, я умоляю ваши благородия (хоть я и мало получил награды за свою службу), чтобы мне не было оказано несправедливости, и бог пошлет вам еще больше благополучия.

Затем я должен высказать вам мое мнение о вашей экспедиции в Персию: такие путешествия следует продолжать. Гилянский король, с которым вы до сих пор не вели торговли, живет только товарами. Гилян лежит близко от Казвина и не более чем в шести неделях от Ормуза, куда привозят все пряности. Там (я подразумеваю в Гиляне) можно учредить торговлю; но вы должны посылать туда не распутных людей и не пьяниц. Ибо если туда будут ездить такие люди, то это умалит вашу честь и достоинство и создаст большие затруднения: об этом можно судить по опыту 1565 г., когда в Персию ездил Ричард Джонсон; лучше было бы, если бы его путешествие не состоялось. Ведь раньше мы имели среди этих язычников славу купцов, равных которым нет во всех отношениях, а его порочная жизнь в Персии заставила тамошних жителей считать нас хуже русских.

Кроме того, если подобные люди будут разъезжать и путешествовать по вашим делам, вы никогда не будете знать, какую вам можно получить прибыль. Ибо как могут подобные люди, столь склонные к порокам, стараться о развитии торговли? И как может бог помогать им в исполнении ваших дел? Но если торговые сношения устанавливаются мудрыми и осторожными людьми, тогда вам стоит их вести. Однако прежде всего эти сношения надо установить; неудачное путешествие и рынок, обесцененный с самого начала, никогда не позволят вам определить, какие выгоды вы можете извлечь оттуда впоследствии.

XII

РИЧАРД ДЖОНСОН, АЛЕКСАНДР КИТЧИН И АРТУР ЭДУАРДС

1565—1567 гг.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕРСИЮ, НАЧАТОЕ В 1565 г. РИЧАРДОМ ДЖОНСОНОМ, АЛЕКСАНДРОМ КИТЧИНОМ И АРТУРОМ ЭДУАРДСОМ

1. Письмо Артура Эдуардса Томасу Никольсу, секретарю достопочтенной компании, торгующей с Россией и северными странами, о приготовлениях к путешествию в Персию.

Господин Никольс! Помня свой священный долг и желая, чтоб бог сохранил вас и ваших, доношу вам, что 2 марта я послан был вашим агентом, г. Томасом Гловером, в Ярославль для приема товаров, имеющих быть привезенными из Вологды, а также товаров, которые будут закуплены в Москве и высланы оттуда вашим агентом и г. Эдуардом Кларком, избранным руководить путешествием в Персию по вашим делам. Далее, мне было поручено озаботиться заготовлением бисквитов, пива, мяса и других припасов, а также остальных необходимых, согласно плана, предметов. Я оставался здесь до приезда вашего агента 12 мая; он пробыл здесь 3 дня, чтоб осмотреть приготовления к нашему отъезду, и затем выехал в Колмогоры, назначив начальником нашей экспедиции Ричарда Джонсона. Что касается меня, то я охотно подчиняюсь, подчинялся и буду подчиняться каждому, кого назначит агент, хотя бы он был таким человеком, который в некоторых отношениях может показаться не совсем подходящим. 32 тюка каразеи — вот все что у нас будет этой материи. Остальные 18 тюков, предположенные к посылке, были проданы в Москве. Какие другие товары погружены для нашего путешествия, вы узнаете из письма вашего агента. Эдуард Кларк, честнейший человек, был назначен агентом в Персию, как наиболее подходящее для тех стран лицо из всех, кого я тут знаю, но богу угодно было по своему милосердию призвать его к себе, и он скончался 16-го прошедшего марта. Что касается до меня, то я желал бы от господа, чтоб он остался жив; мое желание было именно с ним путеше-

ствовать по Персии. Ваше судно, или крайер, построенное здесь для плавания по Волге и Каспийскому морю, невелико, вместимостью не более 30 тонн; оно красиво построено по английскому образцу, но я думаю, что оно слишком мало для ваших товаров и для груза съестных припасов. Если бы достопочтенная компания прислала сюда корабельного мастера, достаточно искусного, чтоб построить судно вместимостью в 60 тонн или больше, которое при полной нагрузке сидело бы в воде не более 6 футов, это было бы, я думаю, очень выгодно. Ибо если бы ваших товаров было недостаточно, то здесь есть купцы, которые были бы очень рады и довольны заплатить большой фрахт, лишь бы погрузить товары на наше судно; а этим ваши расходы сильно уменьшились бы. При таких условиях можно сберечь плату людям, которых вы здесь нанимаете, да и ваши служащие и товары будут в гораздо большей безопасности. Здешние суда очень опасны для плавания по Каспийскому морю. Здесь имеются плотники, которые могут работать достаточно хорошо, если кто-нибудь будет руководить ими.

О закупленных здесь товарах и об инструкциях отъезжающим в Персию мне до сих пор неизвестно; поэтому я не могу, хотя бы и хотел, писать вам о них. Однако (вы это знаете) в мысли губернатора было ввести меня в дела большей важности, чем те, которыми я занимаюсь здесь. Как бы то ни было, я не сомневаюсь, что я буду осведомлен лицами, назначенными руководить экспедицией, и что все будет закуплено в подходящее время и когда у них будет для того больше времени. Итак, как видите, среди спешных дел я вручаю вас и ваших в руки всемогущего бога, который да сохранит вас в добром здоровии и в возрастающем почитании.

Ярославль, 15 мая 1565 г.

Готовый исполнить ваши приказания и здесь
и в других местах всю жизнь.

А. Эдуардс.

2. Другое письмо того же г. Артура Эдуардса, написанное 26 апреля 1566 г. из Шемахи в Мидии достопочтенному сэру Томасу Лоджу, дворянину и эльдермену, а в случае его отсутствия г. Томасу Никольсу, секретарю достопочтенной компании, торгующей с Россией, Персией и другими северными и восточными странами, об успехах Ричарда Джонсона во время третьего путешествия в Персию.

Достопочтенный сэр, памятуя о моем священном долге и с сердечной молитвой к богу о сохранении вас и ваших в добром здравии и о возрастании почитания к вам, с вашего дозволения сообщаю, что мое последнее письмо я отправил вам из Астрахани 26 июля 1565 г. Ричард Джон-

сон, я и Александр Китчин отправились оттуда 30 числа того же месяца. Вследствие противных ветров мы прибыли в нашу желанную гавань — Низовую (Nazavoe) только 23 августа. Здесь, выгрузив с большим трудом и большими усилиями людей наши товары на берег, спроектировав и сделав брашпили, мы перетащили ваше судно в маленькую речку через бар из песка и голышей. Корабельные снасти и другие предметы мы перенесли в дом, нанятый в соседнем селении. Как только мы достали верблюдов (это было 5 сентября) мы выехали оттуда и прибыли в город Шемаху 11 сентября, а 17-го числа мы поднесли Абдалла-хану, королю этой страны, сорок соболей, бочку или гнездо серебряных, частью золоченых кубков, 3 моржовых зуба, 4 аршина красного сукна, 3 штуки каразеи и 40 красных лисиц.

Он принял наши подарки, благодарил нас за наше доброе расположение и спросил, в добром ли здоровье г. Дженкинсон и не собирается ли он вновь приехать в эти страны. Он сам приказал нам сесть перед ним на расстоянии метательного диска от его шатра, где он сидел со своими советниками и знатными людьми, и посылал нам со своего стола блюда, которые стояли перед ним. Поговорив с нами, он заявил, что если он заметит какого-нибудь человека, вредящего нам, он накажет его в пример другим; таким образом, мы будем жить спокойно и у нас не будет причин жаловаться. На первое время он даст нам домик, пока нам не приготовят лучшего, в таком месте, которое мы сочтем наиболее удобным. Он никак не хотел, чтобы мы встали и удалились, и это продолжалось пока мы по своему почину не сочли это приличным. Прощаясь с нами, он велел нам письменно изложить все наши пожелания и просьбы, чтобы он мог впредь знать наши желания. Но пока мы собирались это сделать, 2-го прошлого октября бог прекратил земную жизнь доброго короля, нашего друга. Его отсутствие явилось причиной того, что мы до сих пор не можем получить некоторых долгов. Как бы то ни было, мы не сомневаемся, что получим обратно все деньги, которые нам должны за время этого путешествия. Что касается долгов Томасу Олкоку, то получить их нет никакой надежды; но и они не были бы потеряны, если бы остался жив король. Мы верим, что на его место бог пошлет столь же милостиво расположенного к нам короля; по слухам, переданным нам достойными доверия людьми, им будет его сын, называемый Мурза. Уже после смерти своего отца, при нашем с ним свидании, он обещал показать нам еще бо́льшую дружбу, чем та, которую мы находили здесь раньше. Пошли бог!

Здесь произошло много замешательств. Из тех, кто был в числе советников короля, одни сидят в тюрьме, у других дело коснулось их денег, третьи отосланы к шаху. Смуты эти повели к тому, что товары были проданы не с той прибылью, как это могло бы быть. Ваш агент, Ричард Джонсон, купил четырех коней, предполагая послать в Казвин

Александра Китчина, который скончался 23-го прошлого октября; еще до него умер один из наших моряков — Ричард Дэвис. Верю, что души их господь принял милосердно. Сейчас нам нехватает людей, чтоб заменить их. Четырех моряков было достаточно для вашего судна; из них у нас остался только один Уилльям Смитс, честный юноша, который хорошо несет здесь свою службу. Из-за недостатка в матросах, знающих свое дело, мы едва не потерпели крушение во время бури. Кормовая сторона нашего судна целиком очутилась под водой и нам стоило больших хлопот справиться с этим делом, но милосердный господь спас нас. Моряки зимою могут быть вам очень полезны разными способами, а купцы будут очень рады грузить свои товары на наши суда, уплачивая хороший фрахт. Один из них в настоящее время готов заплатить 20 рублей за перевозку 20 верблюдов в Астрахань. Суда на Каспийском море не должны сидеть более 5 футов в воде, потому что во многих местах здесь очень мелко. Мы думаем в будущем усилить русские суда: тогда они будут хорошо обслуживать наши поездки.

В то время как некоторые в прошлые времена предпринимали большие труды, заботы и путешествия и не могли получить от шаха (shaugh) желанных грамот или привилегий, я теперь верю, что с божьей помощью они будут получены. Когда это будет достигнуто, большие выгоды будет иметь компания и большое спокойствие настанет для тех, кто остается здесь, хотя до сих пор дела шли плохо, как это, впрочем, бывает и в других странах. Я, однако, не сомневаюсь, что раз привилегия будет приобретена и получена, мы будем жить в спокойствии и отдыхать и скоро превратимся в большую фирму по торговле шелком-сырцом и шелковыми материями, всякими сортами пряностей и москательных товаров, а равно и другими здешними товарами. Все это хорошо известно господину Антонию Дженкинсону, который, я не сомневаюсь, уже давно подробно осведомил об этом компанию.

Истина об убийстве вашего служащего Томаса Олкока до сих пор не вполне известна. Некоторые думают, что убийство было подстроено здешним знатным человеком, с которого ваш вышеназванный служащий очень настойчиво требовал уплаты долга: он был так оскорблен словами Олкока, что организовал это убийство. Однако другие думают, что на самом деле, когда Олкок ехал от короля без провожатых, его поджидали подлые мошенники, думая, что он везет с собою много денег, и потому убили его. Я, впрочем, не сомневаюсь, что хотя и случилось это несчастье, но все же дела пойдут хорошо и что нас будут больше любить, когда нас лучше узнают.

Честные купцы радуются тому, что мы здесь находимся, и стараются завязать с нами более тесные отношения; они охотно содействуют нам в чем могут и говорили в нашу пользу с самыми влиятельными людьми в этой стране. Один из последних — знатный человек, с которым ваш

агент вошел в дружбу и который в то же время в большой милости у шаха. Здесь и в других областях этой страны он приобрел большое влияние со времени смерти короля; его имя — Хаджи-Махмет (Cozamomet), и его хорошо знает г. Дженкинсон. Другой человек — по имени Амеддинбек (Ameddinbeck) — также наш большой друг, а сестра его — жена шаха. Оба обещали вашему агенту, что не только помогут получить привилегии от шаха, но и что мне заплатят долги тех лиц, которые уехали отсюда в Казвин, если только мы пошлем кого-нибудь за ними. Во внимание ко всему вышесказанному (за неимением более подходящего лица), мне было предложено вашим агентом, г. Ричардом Джонсоном, в кратчайший срок и без отговорок приготовиться в путь и ехать с вышеупомянутыми знатными людьми; задача моя, если господь приведет меня в Казвин, проявлять осторожность и, используя их советы, взыскать долги и получить привилегию. Со мной будет переводчик и двое наемных слуг; один из них немного понимает по-английски; ему можно оказать доверие, если что-нибудь со мной случится. Я получил чистыми деньгами 6 туманов (tumen); в тумане — 200 шахов; каждый шах приравнивается к 6 русским пенсам *. Кроме того я получил два сорока соболей, один для продажи, а другой для поднесения шаху Тахмапсу; я имею также приказ давать сколько я найду нужным тем, кто будет содействовать моему ходатайству, и другим, сообразно обстоятельствам. И так как я получил приказание ехать, я буду стараться с великой охотой все делать к лучшему, веря, что бог пошлет мне успех в этом путешествии.

Относительно всех товаров, купленных и проданных, вы будете иметь подробные сведения от вашего агента, Ричарда Джонсона, расчетов и отчетов которого я не мог никоим образом видеть, так как не был вовсе в них посвящен. Ваши каразеи были хорошего качества и хорошо подобраны; они продаются и будут продаваться от 150 до 160 шахов кусок. Двести кусков были проданы по более низкой цене, в чем не было нужды; одну сотню продали по 146 и 147 шахов за кусок; дали бы и больше, если бы поступали с бо́льшей осмотрительностью. Они были проданы вышесказанным двум знатным лицам прежде, чем стало известно, что я поеду с ними. Эти лица могут там оказать большую помощь, так как они уже обещали свои услуги во всем, что они в состоянии сделать. В настоящее время здесь для Англии закуплено 11 тюко́в сырого шелка, по 25 и 26 батманов в тюке. Батман равняется 7 фунтам; на английский вес это может составить $6^1/_2$ фунтов. Шелк-сырец покупают по цене от 66 до 70 шахов за батман. Он тонок и хорошего качества; необделанного в данное время можно было приобрести очень мало. Его можно было получить в Грузии (Grosin), но мы не могли послать за ним туда, так как время

* Т. е. алтынам.

было упущено с самого начала. Когда у нас будут представители, которые будут оставаться тут летом, мы будем в состоянии покупать шелк-сырец из первых рук у деревенских жителей, которые привозят его на продажу и сюда и в другие места. Я, перед богом, желал бы, чтобы компания нашла средства продавать шелка на половину того, что мы можем здесь закупить. Компания может получить тут шелка на 30 или 40 тысяч фунтов ежегодно. Как видно из слов вашего агента, побывавшего в Варасе, и он и другие лица видели там такое изобилие шелка, что, по свидетельству различных лиц, вы могли бы вложить в его дело до 2 тысяч фунтов (если бы только не было турок); кроме того, там можно иметь шелк, окрашенный в алую краску и связанный в связки по фунту весом; я думаю, что на их фунт приходится 15 наших унций. Такие связки продаются здесь по 23 шаха; считая 1 шах равный 6 пенсам, это составит 11 шиллингов 6 пенсов.

Из Астрахани можно в 7—8 дней доехать морем до области, называемой Гилян. Я думаю, что в будущем нам будет очень полезно ездить туда. Там очень дешевы квасцы; оттуда их привозят сюда в Шемаху и продают по 2 биста батман, что на наши деньги может составить 5 пенсов; я купил и приготовил для отсылки в Англию 223 батмана для образца. В Гиляне имеется также шелк-сырец в количестве, достаточном для товарных запасов компании. Я думаю, что если вы будете высылать товары в большом количестве, то место для склада должно быть именно там. Оттуда до Казвина всего четыре дня пути; таким образом, будет возможно легче и скорее распродавать товары во всех городах, где вообще это придется делать. В Казвине живут главные и лучшие купцы, а кругом расположены разные другие города, как например, Тавриз, Ардебиль и Кашан, составляющие сердце страны, где народ более цивилизован и купцы в бо́льшем почете. Об этом вопросе я расспрашивал разных купцов, русских и других, которые бывали в этих странах, и увидел, что они все соглашаются и признают справедливость того, что все товары приходят сюда из тех местностей. А от Казвина до Ормуза около 30 дней пути на верблюдах. Цены товаров, как по части пряностей, так и по части москательных товаров, которые мне известны, я сообщил в моем письме губернатору компании.

Я вам должен также сообщить, что здесь очень много тисового дерева для луков. Я велел купить его в количестве, которое может быть погружено на трех лошадей, чтобы выяснить, каково его качество. Но дерево было срезано не в сезон, а в апреле месяце, и было слишком сырым. В течение трех месяцев я говорил здешним жителям, чтобы они привезли тиса. Ваш агент вышлет в Англию некоторое его количество для образца.

Сегодня, 26 апреля, я выезжаю в Казвин. Пошли мне бог счастья, успеха и возвращения с веселым сердцем, как я на это и надеюсь. Я на-

писал вашему агенту, г. Гловеру, мое мнение, какие русские товары нужно было бы закупать для этой страны, а также о том, чтобы прислать сюда кого-нибудь, владеющего русским языком; в таком человеке мы очень нуждаемся. Компания хорошо поступит, если на будущее время будет для отсылки сюда избирать людей рассудительных и таких, которые поездили по свету и пригляделись к торговле товарами. А человек (если только найдут такого), который знал бы португальский язык, принесет компании столь же много пользы, как и те, кто побывал здесь за два года до его приезда *. Мы можем тогда купить раба, говорящего и на здешнем языке и по-португальски. Он будет нашим переводчиком во всех наших секретных действиях, в которые мы не будем посвящать русских. Русские огорчены тем, что мы ведем торговлю в здешних странах, потому что нас больше любят, чем их; здешний народ ненавидит русских за их склонность к пьянству. Желательно, чтобы здесь на вашей службе не было никого, кто бы предавался этому пороку, и чтоб ваш главный агент мог бы управлять и владеть собой во избежание того, чтоб ему или нам не были приписаны какие-нибудь бесчестные поступки **. Вследствие своих дурных привычек он купил за 24 рубля (на здешние деньги за 4 тумана) мальчика; его обвинили в том, что он похитил его у тезика, одного из здешних жителей. Последний требовал, чтобы он поклялся, что он не знает, что сделалось с мальчиком, за которого он не хотел платить. Если бы он был честным человеком, он мог бы, владея русским языком, принести большую пользу компании.

Ваши лондонские красные материи не стоит посылать сюда; за них не дают больше, чем по 18 шахов за здешний аршин. Здесь в ходу красные материи более восточных оттенков венецианской окраски. Народ здесь очень любит сукно; простой народ носит обычно каразею, а более зажиточные купцы — тонкое сукно. Вы хорошо сделаете, если пришлете сюда 5 или 6 кусков тонкого сукна черного, коричнево-черного или других темных цветов, которое можно было бы продавать по 20 шахов аршин, но не выше. Здесь носятся слухи, что король Филипп нанес большое поражение туркам при Мальте и взял 70 или 80 их главных начальников ***.

Я очень желал бы иметь больше времени для того, чтобы писать вам; теперь прошу вас принять мое бумагомаранье и, прочитав его, показать г. Никольсу.

Ваш послушный слуга

А. Эдуардс.

* Намек не ясен.

** Намек на Ричарда Джонсона.

*** Эти события стоят в связи с неудачной осадой Мальты турками в 1565 г.

3. Товары, подлежащие вывозу из Англии в Персию, и цены на них здесь (в Персии).

1. Каразея продается здесь по 18 шахов, так что целый кусок продается в Персии за 4 фунта 10 шиллингов, ибо каждый шах равняется английским 6 пенсам, а каждый бист — английским $2^1/_2$ пенсам, а на русские деньги — 3 пенсам.

2. Олово продается в Персии от 14 до 18 шахов за батман. О весе батмана я сказал выше.

3. Медная посуда — от 10 до 12 шахов за батман.

4. Тонкое красное сукно — от 25 до 30 шахов за ярд.

5. Медь — от 20 до 25 шахов батман.

Товары, подлежащие вывозу из Персии в Англию.

1. Шелк-сырец — по 60 шахов батман.
2. Перец — по 32 шаха батман.
3. Имбирь — по 18—20 шахов батман.
4. Мускатный орех — по 30 шахов батман.
5. Сера — по 4 шаха большой батман. Большой батман равен 12 английским фунтам.
6. Квасцы по $2^1/_2$ биста батман и дешевле.
7. Рис — по полбиста батман.
8. Орехи — по полбиста батман.
9. Гвоздика — по 40 шахов батман.
10. Тисовое дерево для луков...*

4. Письмо г. Артура Эдуардса, написанное 8 августа 1566 г. из г. Шемахи в Мидии весьма досточтимым губернаторам, консулам, ассистентам и всем членам Русской компании и т. д., описывающее его прием императором Персии, его совещание с ним и получение привилегий вместе с другими интересными замечаниями.

Весьма достопочтенные сэры, помня мой священный долг, рекомендуя себя вашему вниманию и моля бога о сохранении вас и остальных членов компании в добром здоровье и т. д., сообщаю вам, что мое последнее письмо, которое я отправил вам отсюда через Ричарда Джонсона при моем отъезде в Казвин, было от 22 апреля настоящего года.

Я приехал в этот город 25 следующего мая и не упустил ни дня, ни часа, ни мгновения, чтобы как можно скорее явиться перед шахом.

* Цена пропущена в тексте.

29-го того же месяца я предстал перед ним и вел с ним разговор, думаю, целых два часа. Два раза он приказывал подойти к нему ближе и спрашивал, в чем состоят мои просьбы. Выслушав их, он милостиво обещал дать мне грамоты. После этого он снова два раза призывал меня приблизиться к нему и говорил со мной о нашем королевском величестве и нашей стране, о том, какие у нас товары и какие товары мы желаем получить; он спрашивал также о других странах, соседних с нами, и о их товарах, а также о короле Филиппе — какое он нанес туркам поражение при осаде Мальты. Спрашивал также, давно ли мы торгуем в России и Московии, в какой срок можно проехать из Англии в Россию, сколько недель длится путешествие от Колмогор до Астрахани. Затем разговор перешел на Россию. Шах спрашивал, какие города завоевал царь, и сам объявил мне, какие из наших товаров он желает получить. В конце приема он выразил желание, чтобы ваши благородия прислали ему всякого рода материй и особенно одну, которую, как он сказал, выделывают девушки. Он назвал ее «каранги». Я думаю, что это западная каразея, выкрашенная в яркокрасный цвет. Время не позволяет мне подробно описывать мой разговор с его величеством. Его приближенным было странно видеть, зная наши различия в вере, что он так долго вел со мной разговор и приказывал своему секретарю тут же при мне записывать все то, чего он желает, а именно — лондонских сукон, по 3 или 4 куска всех сортов на образец, хорошо выделанных и вылощенных. Здесь больше всего носят лилово-красный и красный цвет, но и другие хорошие цвета пойдут, когда их здесь увидят. На мне было платье из лондонского рыжевато-бурого сукна, которое очень понравилось. Вы хорошо сделаете, если пришлете сюда такие сорта, которые были бы приятны на вид, а также черное сукно для женских платьев вместе с оранжевым и краснобурым. Здесь много носят тонкое сукно. Персы много говорят о лондонских сукнах, и те, кто имеет понятие о том, как носятся материи, предпочитают их сукнам здешнего женского изделия, считая последние совсем не носкими, так как когда здешние материи снашиваются до нитки, то штопаются подобно бумажной материи. Здесь много носят венецианских сукон, шириною в полтора ярда; они продаются по цене от 24 до 30 шахов здешний аршин, который длиннее русского на два дюйма. Я хотел бы также, чтоб вы прислали хорошей камлотовой материи и бархата алого, пурпурового и светло-красного цвета: все это здесь очень носят. Пришлите также черных материй, прошитых другими цветами, с золотой парчей, тканей и бархата, шитого золотом, атласом и камкой, а больше всего пурпуровой и красной материи всех оттенков. Не забудьте прислать западной каразеи, а именно так называемой «дюжин»; она должна быть очень толстой и плотно вытканной

*

ной и окрашенной в нежноалый, а частью в яркокрасный цвет. Нет материи, более подходящей для их шапок.

Вы, конечно, поймете, что после моего первого приема у государя я не упускал времени, ежедневно напоминая о деле тем, кто составлял и писал для меня грамоту для того, чтобы иметь ее готовой, когда меня снова позовут к шаху, что и произошло 29 июня.

На мне была одежда, которую он подарил мне, одновременно одарив и моего переводчика и одного из ваших служащих. В этот день я, как того и желал, получил для вас грамоту с привилегиями, снабженную печатью и скрепленную рукой самого шаха. Хвала богу, действовавшему со мной и за меня во всех моих делах.

29 июня — день одного из самых больших их праздников. При его величестве были все его придворные. Шах сказал мне, что если полученные мною грамоты мне не нравятся, то в будущем их можно будет изменить. В ответ я поклонился ему и воздал его высочеству мою самую сердечную и смиренную благодарность, говоря, что в самое скорое, какое только возможно, время наше королевское величество узнает о его доброте к ее купцам. Последние же прибегнут со своими просьбами к его высочеству в такой форме и порядке, какие найдут наиболее подходящими и необходимыми для обеспечения своей торговли. Шах ответил следующими словами: когда мы увидим их благоразумные просьбы, мы и окажем им наше дальнейшее благоволение. На этом я удалился.

После того как я получил шаховы грамоты, я не раз едал в обществе благорасположенных к нам князей и других лиц, которые раньше ко мне и не приближались. Кто-нибудь ежедневно приходил в мою лавку и ел и пил со мной из моей собственной посуды. Точно так же по дороге из Казвина сюда, когда я садился обедать, ко мне приходили разные лица и ели у меня без церемоний, хотя я очень хотел бы, чтобы они были от меня подальше, ибо мне приходилось уделять им то, что я с радостью съел бы сам. Я не сомневаюсь, что теперь мы будем жить тут спокойно, потому что всюду, куда я ни прихожу, лучшие люди оказывают мне любезный прием.

Шах спросил меня, будете ли вы в состоянии ежегодно доставлять ему по 100 000 кусков каразеи и сукна. Я ответил, что вы можете снабдить его страну 200 000. Этому его высочество был очень рад, так как турецкий посол в прошлом году привел его, как мне передавали разные лица, в отчаяние, сказав, что великий Турок не позволит провозить какое бы то ни было сукно в его страну.

Есть в Сирии город Алеппо, где много венецианцев живут постоянно; кроме того другие приезжают туда каждый год и закупают там шерсть, орехи, сало, шафран, кофе, хлопчатую бумагу и другие товары, а также большие запасы пряностей. Армяне также каждый год получают от вене

цианцев каразею в обмен на шелк-сырец, давая иногда по 60 кусков каразеи за 70 батманов персидского шелка и по 40 кусков за грузинский (Grosin) шелк. Каразея продается в Алеппо за наличные деньги по 11—12 дукатов кусок (дукат стоит здесь 12 шиллингов), что составляет от 132 до 142 шахов за кусок каразеи. Рассказывают, что от города Шемахи до Алеппо месяц пути, а оттуда до Триполи — 6 дней; из Триполи же до Венеции месяц или 5 недель морского плавания.

Как я узнал, отсюда до Венеции можно проехать менее чем в 3 месяца. Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы приобрели там доверенное лицо и верного друга, которому я мог бы посылать письма отсюда. Здесь я могу достать верных людей, чтоб доставлять мои письма и привозить ответы. Если бы здесь был со мною кто-нибудь еще, то я не колебался бы послать к вам грамоты шаха этим путем.

Армяне и другие желают менять нам шелк на каразею и снабжать нас всякого рода пряностями, если мы будем заблаговременно предупреждать их, чтобы они ехали за ними в Индию. Они будут поставлять их нам в Шемахе по следующим ценам:

Перец: здешний батман — по 18 шахов. Один шах равен 6 пенсам.

Большие мускатные орехи — по 40—45 шахов батман.

Гвоздика — по 40 шахов батман.

Мускатные орехи — по 16—18 шахов батман.

Корица — по 40 шахов батман.

Я не сомневаюсь, что со временем дела с пряностями и москательными товарами пойдут хорошо и с выгодой.

От Казвина до Ормуза 6 недель пути на груженых верблюдах, но если ехать на хорошем муле без груза, то этот путь можно совершить в 7—8 дней. Я думаю, что в Ормуз и в другие города можно проехать в таком же порядке и с негруженым скотом. Но здесь по всем путям надо везти на лошадях всю провизию, которую обычно покупают. Поэтому-то и путешествуют здесь шагом.

Сам шах очень хочет вести дела с нами. Он будет давать деньги, шелк и поставлять товары, какие мы хотим, и будет брать товары, какие мы можем доставить в Персию, причем сам выразил желание, чтоб мы везли такие товары, на которых мы можем нажить вместе с ним. По слухам, и как я сам вижу, армяне привозят каждый год из Алеппо 5 000 и 6 000 кусков каразеи и сукна, не считая того, что привозят другие. Если только вы найдете выгодный сбыт для шелка-сырца, для шелка, выкрашенного в алый цвет, и для шелковых материй здешнего производства, то вы можете посылать сюда большое количество товаров. Боюсь, однако, что вам будут мешать венецианцы, если только это им окажется возможным. Я знаю, что им будет досадно, что вы ведете торговлю в здешних странах, ибо это в короткое время начисто изменит всю их восточную

торговлю и задержит продажу их сукон в Алеппо и в ближайших к нему местах. Вы должны знать, что 60 батманов шелка составляют груз мула, а говорят, что одна армянская деревня каждый год возит шелк в Алеппо на 400 и 500 мулах, а привозит оттуда каразеи и венецианских сукон на 800 и на 1 000 мулах, а груз мула составляет 18 кусков каразеи. Я, впрочем, прошу вас не присылать больше 2 000 кусков каразеи, хотя мне и было выражено желание, чтоб я писал о большем количестве. Если бы я мог получить хоть какое-нибудь понятие о том, что вы писали в ваших письмах сюда за последний год, я бы имел больше материала для ответа вам в настоящем письме. Те, кто теперь в Астрахани, могли бы, если бы захотели, написать мне что-нибудь сюда или же прислать мне письма, которые мои друзья, как я надеюсь, писали мне: ведь уже 8 недель, как пришли сюда 2 судна с товарами и с русскими, через которых они имели возможность написать мне хотя бы 3—4 строчки. Они обещали русским, что будут писать, но не исполнили обещания. Мне было бы очень досадно, если отсюда уйдет судно, ничего не написать им о том, как здесь идут дела. Я слышал, что они купили судно за 40 рублей и погрузили в него какие-то товары для отсылки сюда. Господь да доставит их благополучно. Я жду их прибытия, а то я уже подумывал было уехать в Астрахань с теми судами, которые недавно отплыли отсюда.

15-го прошлого месяца я выехал из Казвина и приехал в Шемаху 29-го; а 4 августа я нашел средство арестовать самого отъявленного мошенника в этой стране, а именно — таможенного сборщика, уличив его в присвоении 22 туманов и 100 шахов (200 шахов составляют туман). Я добился того, что его посадили в тюрьму, дабы он предстал перед судом в любое время. Как дело с ним кончится, бог знает; долг будет получен, но не сейчас, потому что он должен будет уплатить шаху 1 000 рублей. Дела в этой стране все еще непрочны за неимением правителя или главы; им, я думаю, будет Мурза. Через 5 или 6 дней мы это узнаем; уже пора, ибо люди боятся путешествовать из опасения быть ограбленными. Если бы сюда был назначен государь, я бы скоро получил ваши долги, потому что они не смеют ослушаться грамот и привилегий, данных шахом. А между тем шах писал, что не только долги нам должны быть уплачены, но что на это будет обращено особое внимание, так что (если на то будет божья воля) нам нечего сомневаться, что скоро мы будем здесь в таком же хорошем положении, как и в России. На двух долговых расписках, которые оставил мне Ричард Джонсон, нет ни имени должников, ни обозначения суммы долга, а на других стоит только его собственная подпись. Если бы я не догадался внести в нашу привилегию оговорку, что задолженные нам суммы уплачиваются любому из нас, если отсутствует другой, то некоторые могли бы не платить ни одного пенни никому, кроме Ричарда Джонсона, который поставил на расписках только

одно свое имя. В Казвине я получил от Форахана (Forakan) 300 шахов в счет 29 туманов. Остальное он внесет мне здесь шелком; и это пока все, что я получил до сегодняшнего дня. Что касается 12 туманов Гаурам-бека, то я считаю, что если бы я мог поехать переговорить с ним, он заплатил бы мне деньгами и товаром. О деньгах Акона (Ackon), за товары, проданные через посредство князя Амеддин-бека, который сначала сам был должником на эту сумму, я должен сказать, что так как они надеялись не заплатить ни одного пенни, то Аммедин-бек скорее старался помешать моему ходатайству, чем помогать мне. Я, однако, нашел в настоящее время средство. Бог послал мне друзей, которые всегда при шахе и ежедневно одевают его. Они занялись моим ходатайством и доставили мне возможность видеть шаха прежде, чем Хаджи-Махмет увидел его очи. Впрочем, Хаджи-Махмет в конце концов остался моим другом. За ним было послано, и он объяснил шаху, какие мы хорошие купцы, как честно поступаем мы во всех наших действиях, каким большим благоволением пользуемся мы у русского царя и какие хорошие товары мы можем привозить в Персию. Он говорил также и многое другое. Шах ежедневно посылал за ним, чтоб говорить о делах в Ширване, потому что не было человека, который мог бы лучше его осветить шаху состояние дел в этой стране. Он должен вам 7 туманов и 48 шахов; и все время нельзя было получить их, ибо он был постоянно занят, ездил постоянно в Казвин и был принужден раздавать, как он сам говорил мне два раза, большие подарки с того самого времени, как он приехал в Казвин. Видя его затруднительное положение, я взялся быть его врачом и исцелил его недуг. Я простил ему вышесказанный долг взамен 10 кусков каразеи, которые обещаны были ему Ричардом Джонсоном и мною и должны были быть выданы ему по прибытии наших товаров. Я сделал это с тем, чтоб он приложил все старания помочь мне покончить дело и уехать; а я между тем знал, что он сделал так, чтоб помогавшие мне в моем деле задержали его ход, пока он не добьется своей цели. До тех пор, пока я не получил от шаха привилегии и не выбрался из Казвина, я не имел ни минуты покоя, потому что и съестные припасы и все остальное там очень дорого: все привозится туда издалека.

Что касается других мелких долгов (их около 7 туманов), то когда купцы, с которыми мы ведем дело, сюда съедутся, мы постараемся собрать их, как сможем. Я хотел бы, чтобы вы прислали некоторое количество серебра в слитке для чеканки из него здесь монеты; это очень понравилось бы здешнему государю и было бы для нас выгодно. Шелк дешевле на 2 или 3 шаха, чем в прошлом году. Сообщаю вам, что я послал вам два письма о всех моих действиях и давно уже отослал их из Казвина, а именно 24 и 29 июня, через одного из ваших служащих, которого я послал в Гилян, чтоб он сел там на корабль и, проехав

в Астрахань, вручил бы их там вашим факторам. Это могло бы произойти уже давно к их и моему спокойствию. Но я был очень раздосадован, услышав, по приезде моем сюда, что мой посланный ротозейничал в Гиляне, не сел на первые отходящие суда, а мешкал, дожидаясь последних. Но я научу его в пример другим, как надо впредь спешить в таких делах. Последние присланные вами каразеи, купленные у г. Куорлса, были хороши — надлежащей длины и хорошо отобраны. Когда я был в Казвине, там находился посланник гилянского государя. Я надеюсь на бога, что если останусь здесь и буду в состоянии съездить в Гилян, то и там получу из рук государя такую же привилегию для вас. Я уже немного продвинул это дело: я воспользовался некоторыми удобными обстоятельствами и не сомневаюсь, что вам это будет стоить небольших издержек; я бы и сделал их уже, если бы у меня был кто-нибудь, кому я мог довериться. Ведь от Казвина до Гиляна всего 5 дней езды верхом, и страна эта может принести вам большие выгоды. Шелка в ней очень много, и он дешевле и лучше по качеству, чем здешний. Там также большие запасы квасцов, которые продаются по полтора биста здешний батман. Я сделал расчет на все издержки отсюда до Колмогор и на фрахт оттуда в Англию; это обойдется, считая все расходы, по 3 фунта с бочки, что вам будет стоить не выше 18—20 шиллингов на сотню. По слухам, вы грузите ежегодно от 200 до 300 бочек. О товарах отсюда для Англии я ничего не слышу. Что касается покупки здесь орехов, то я не вижу, чтобы это принесло барыш. Их привозят из Алеппо и продают здесь не ниже чем по 3—4 шаха за здешний батман, составляющий 6 английских весовых фунтов. Зерна, красящие в красный цвет, также стоят 200 шахов батман наличными деньгами; считая шах за 6 русских пенсов, это выходит 6 рублей батман. Вы могли бы прислать сюда некоторую сумму денег и за 12—13 шахов покупать фунт ягод; тогда бы вы выиграли и на цене и на весе. Если бы со мною был хотя один англичанин, которому я мог бы передать наши долговые росписки и другие документы на тот конец, если бы со мною что-нибудь случилось, я бы превратился в слугу моего переводчика и поехал в Ормуз и Алеппо; оба они, будучи главнейшими торговыми городами, в которые съезжаются отовсюду купцы, находятся у границ этой страны. Таким образом, я потерял бы 4 или 5 месяцев на путешествие для более глубокого ознакомления со здешними делами и для точного вашего осведомления. Я надеюсь на бога, что буду вести дела с таким расчетом, что вы будете ежегодно получать здесь барыш с ваших товаров и на этих судах, как вы уже получаете их в России. Ибо если мы будем в состоянии, как я при должных усилиях надеюсь, продавать товар во время и без потери времени получать шелк через шаха и других лиц так, чтобы он отсылался отсюда в Астрахань в начале апреля, а оттуда до Колмогор доходил в три месяца или даже

меньше и был там на месте для погрузки в ваши суда в конце июня месяца с остальными вашими товарами, — то время не будет потеряно. Я не сомневаюсь, что это можно провести в жизнь в ближайшие два года, когда мы крепче утвердимся в этих странах и нас будут лучше знать. Вы, кроме того, должны знать, что в последнюю мою бытность у шаха было сказано, что г. Антоний Дженкинсон предлагал брать весь шелк-сырец из здешних стран, уплачивая взамен сукном и другими товарами. Уверяю вас, что здесь при лошадином грузе в 50—60 батманов можно нагрузить 3 000 или 4 000 коней, не считая грузинского шелка. Повременам из здешних стран вывозится очень много шелка, например турки вывозят зараз до 400 и 500 конных грузов, привозя взамен серебро для чеканки монет, а именно талеры, продаваемые по 10 шахов штука. Венгерский дукат идет за 12 шахов. Имея наготове деньги в подходящее время года, турки покупают шелк по дешевой цене, как только сельские жители привезут его на продажу. Если вы можете войти в сделку с венецианцами и взять шелк в свои руки, или же так или иначе поладить с ними, я убежден, что через шаха вы будете иметь 6 батманов шелка за два с половиной куска каразеи. Ваше мнение по этому и другим вопросам вы, конечно, напишете мне без потери времени. Г. Антоний Дженкинсон оказал вам важные услуги, ибо память о его мудрых и добрых действиях часто служила мне опорой и помощью в моих действиях. До сего дня я никогда не слышал от купцов, с которыми мы ведем дела. . . *

Пошли мне бог доброго здоровья, чтобы увидеть ваши благородия, ибо мое путешествие было трудным и часто день мой бывал полон печалей, а сон тревожный. Не было со мною ни одного англичанина, которому я бы мог излить свое отягченное думами сердце; об этом знает бог, избавивший меня от моих врагов. Всемогущий бог да пошлет вам здоровье, счастье и долгую жизнь.

На всю жизнь ваш нижайший слуга, ждущий ваших приказаний,

А. Эдуардс.

5. Письмо Артура Эдуардса, написанное 16 июня из Астрахани при возвращении из его первого путешествия в Персию, весьма достопочтенной компании, торгующей в России, Персии и других северных и северовосточных странах.

Я надеюсь, что ваши благородия будут довольны тем, что в настоящем письме я сообщаю не только некоторые статьи нашей привилегированной грамоты, но и имена губернаторов, консулов, ассистентов и чле-

* Фраза без конца; вероятно, Эдуардс хотел добавить, что ничего дурного не слышал о Дженкинсоне.

нов компании; я также сообщаю о тех товарах, которые государь или император Персии перечислил в одном из писем, адресованных вам, как подлежащие присылке ему, с некоторыми заметками, о которых я счел нужным напомнить вам, как это явствует из нижеследующего. Привилегия написана, дарована и выдана на имя следующих лиц: губернаторов — сэра Уилльяма Гаррарда и сэра Уилльяма Честера, сэра Томаса Лоджа, г. Антония Дженкинсона, г. Томаса Никольса и Артура Эдуардса.

1. Нам даруется право не платить никаких пошлин или сборов теперь и на будущее время при наследниках шаха. Английские купцы, которых вы назначите в настоящее время или в будущем, могут ездить по торговым делам во все города и владения шаха и в страны, к ним прилегающие, в сопровождении всяких людей и покупать и продавать всякого рода товары.

2. Во всех городах, которые будут посещаться вашими купцами или в которых они будут иметь пребывание, главные губернаторы, правители и судьи должны оказывать им покровительство, помогать им, защищать их от дурных людей и наказывать тех, кто причинит им какой-нибудь вред.

3. По всем денежным суммам, составляющим долги каких бы то ни было лиц и уплата которых просрочена, должник будет приведен к суду, и деньги уплачены в тот же день.

4. Никакое лицо, какое бы положение или степень оно ни занимало, не может осмелиться получить какие бы то ни было товары или дары иначе как с разрешения нашего и согласия.

5. Если по какой-нибудь случайности кто-нибудь из наших купцов или служащих, чего боже избави, убьет кого-нибудь из подданных шаха, то при этом никакие наши товары не должны быть тронуты или вмешаны в это дело, а равно никакое другое лицо, кроме обидчика. Над ним должен быть произведен справедливый суд, и он не должен пострадать без ведома и решения государя.

6. Все суммы, которые одолжены нами в настоящее время или будут одолжены впредь, уплачиваются одному из нас при отсутствии другого — безразлично, в живых ли последний или нет.

7. Никто не имеет права вернуть обратно какой бы то ни было товар, раз он куплен или продан.

8. Когда с божьей помощью наши товары будут отсылаться на морской берег, подданные шаха должны помогать нам при передвижении их по суше.

Все написанные статьи, я надеюсь, удовлетворят вас до тех пор, пока не придут дальнейшие письма, которые вы напишете к шаху; последний, я в том уверен, согласится на ваши будущие умеренные просьбы, как его величество это и обещал. Я уже поднял этот вопрос, заявив шаху,

что, по моему мнению, вы пришлете письма с изложением ваших просьб и будете умолять его о дальнейшем благорасположении, как это будет признано нужным для лучшего обеспечения торговли товарами. Вы не поверите, какую долгую и милостивую беседу он имел со мною; уверяю вас, что она продолжалась два часа; это казалось его придворным и другим иноземным купцам удивительным. После каждого вопроса, который поднимал его величество, получив от меня ответ, он обращался к своей знати и своим слугам, имеющим какие-нибудь сведения о наших западных странах и товарах, и затем снова предлагал другие вопросы. Он велел своему секретарю записать вышеупомянутые статьи во всех четырех письмах, которые он мне дал (два из них, как я просил, написаны для отсылки вам на турецком языке). На обратной стороне одного из них секретарь записал товары, которые его величество желало бы получить от вас. Он задержал меня на целый час после захода солнца, после чего я покинул его.

6. Название товаров, которые шах написал на обратной стороне одного из своих писем и которые он желает получить от вас.

Прежде всего золотой и серебряной парчи и шитого золотом бархата.

Затем, хороших бархатов — кармазиновых, пурпуровых, красных, зеленых и черных. Этих цветов требует его величество потому, что они очень в ходу и, хотя кое-что из подобных товаров производится в его городе Кашане, но далеко не такой добротности, какую вы можете ему доставить. От этих товаров, я думаю, будет мало прибытку, но по разным соображениям и чтоб угодить шаху, я бы просил прислать некоторое их количество и притом особенно хорошего качества.

Затем, хорошей камки и атласу всех сортов и кусков 100 хорошего камлота, стоящего здесь 80 шахов кусок (по 6 пенсов за шах). Шелковые материи должны быть вышесказанных цветов, т. е. кармазинового, пурпурового, красного, зеленого и черного, а также несколько кусков светлоголубого цвета.

Затем, 3 или 4 комплекта доспехов, которые могут выдержать выстрел из пистолета, с 10 или 12 стальными мишенями хорошего качества.

Затем, 10 или 12 хороших кольчуг, очень хорошего качества (иных не нужно), которые могли бы выдержать удары стрелы, и 2 куртки из буйволовой кожи.

Затем, 10 или 12 кусков западной каразеи (western karsies), толстой и прочно вытканной яркокрасного и алого цвета. Я думаю, что нет более подходящей материи для шапок людей благородного происхождения.

Шах называл эту материю каранги *, говоря, что ее делают девушки, и очень желает получить ее.

Затем, 6 кусков тонкого голландского полотна для шаха и еще несколько кусков — более дешевых — для знатных людей.

Затем, 12 хороших пистолетов, так чтобы некоторые были с кремневым замком, и 6 маленьких пистолетов с замками, чтобы их можно было возить с собою.

Затем, 100 щеток для одежды (только не из свиной щетины) для подарков и для продажи.

Затем, 6 луков, стреляющих свинцовыми пулями.

Затем, хорошо устроенную мельницу, чтоб молоть зерно во время путешествия. Хаджи-Махмет просил меня написать, чтоб такую прислали для поднесения государю.

Затем, шах требует лондонских сукон всех сортов и цветов. Я хотел бы, чтоб вы мне прислали не менее 40—50 кусков, ибо знаю, что их можно продать с выгодой, в особенности такое сукно, которое можно уступить за 20 шахов аршин (который здесь на 2 английских дюйма длиннее русского). Пришлите яркокрасного, лилового, алого, черного, коричневого по 4 или по 5 кусков для государя и других знатных людей; остальные пришлите других ярких цветов, например лондонского рыжевато-бурого, красно-бурого, львиного цвета, хорошего яркозеленого и других, какие сочтете лучше. Шах желает иметь их всех цветов. Это даст повод к тому, что венецианцев и турок будут уважать меньше, чем раньше. И сами они этого боятся и потихоньку об этом говорят. И на самом деле подданные шаха собираются вести с нами торговлю пряностями и другими товарами, которые обычно продавали венецианцам и туркам.

Поручив вас богу, который да пошлет вам здоровье и еще большее почитание.

Ваш слуга на всю жизнь

А. Эдуардс.

7. *Приложение к письмам Эдуардса.*

Пути и расстояния от св. Николая ** до Каспийского моря.

Если вы поедете от св. Николая прямо к Каспийскому морю, то нужно ехать до Вологды водой — это самая легкая дорога. Едучи днем и ночью, можно покрыть этот путь в 14 дней и 14 ночей в лодках, сделанных из одного дерева (лодки называют стругами). Всего тут — 1 100 верст.

* Примечание сбоку: «Я думаю, что под словом «каранги» они разумеют каразею».
** Т. е. от Белого моря.

Зимою по санному пути можно проехать в 8 дней. Летом этот путь опасен вследствие болот и топей; безопасно по нему не проехать.

Из Вологды до Ярославля — 180 верст по сухому пути. Ярославль стоит на реке Волге, как я сказал, в 180 верстах от Вологды.

До Каспийского моря от Ярославля — 2 700 верст.

Итак, от св. Николая до Каспийского моря — 3 880 верст *.

Путешествие от св. Николая до Ярославля продолжается 14 дней по воде и 2 по сухому пути, итого — 16 дней.

От Ярославля до Астрахани едут 30 дней и 30 ночей; итак, от св. Николая до Астрахани всего 46 дней пути.

Вниз по Волге каждое лето плывут до 500 судов, больших и малых, из всех мест по верхней Волге; некоторые из них имеют 500 тонн водоизмещения. Они идут за минеральной солью и за осетрами.

Соль заключается в скалах беловато-красного цвета или рассыпана подобно мелкому песку, как например, в 30 милях от Астрахани в направлении к Каспийскому морю. Добывает ее кто хочет, не платя за то ничего, но государю уплачивается по пенни с пуда, иначе сказать с 40 весовых фунтов.

Осетров (ocetera) ловят в 50 милях по сю сторону Астрахани. Вдоль реки на протяжении 20 миль ловцы зарывают свою добычу прямо в землю. Ловля производится три месяца — с конца мая по конец августа; так как там имеется соль, то рыбу солят.

Река там шириной в 5 или 6 миль, но с островами. Ниже Ярославля, где Волга уже всего, ширина ее равняется одной миле от берега до берега.

Река течет по дну из красной глины; по берегам ее березовые и дубовые леса, за исключением окрестностей городов в местах рыболовства.

Двина от св. Николая до Устюга все время течет по известковому и песчаному дну; рыба в ней нежная на вкус и жирная. Налим — рыба с большой головой, длиною в фут, водится около Вологды; она очень нежная и жирная.

Между Новгородом и Псковом (Vobsko) на протяжении 180 миль в длину растет лен; столько же земли засеяно льном и в ширину. Земля здесь плоская.

Конопля растет вокруг Смоленска на польской границе на 300 миль в окружности. Коноплей засеяно там много земли.

Зимою эту коноплю привозят в Вологду и Колмогоры; на выработке канатов у нас занято свыше 100 человек.

Русские прядут и чешут ее, а англичане плетут и укладывают канат. Один здешний канат стоит двух данцигских, потому что данцигцы пускают

* Ошибка: на самом деле по подсчету выходит 3 980 верст.

в дело старые канаты и гнилой материал, вследствие чего в непогоду канаты их оказываются недостаточно прочными.

В этих местностях растет сосна, дерево, стружками которого лечат чирьи; из ее коры русские делают веревки для своих лодок толщиной с человеческую руку.

Самоеды, за отсутствием белья, делают платки и полотенца из древесины этого дерева. Дрова из него тяжелы, как дрова из остролистника, а его стружки очень крепки.

Розовый остров в бухте св. Николая полон алых и красных роз (шиповника), фиалок и дикого розмарина. Этот остров имеет около 7 или 8 миль в окружности; на нем хорошие пастбища, и он получил название «Розового». Снег сходит здесь около половины мая, и после двухмесячного таяния земля просыхает в две недели, а через месяц трава уже по колено. После сентября наступают морозы и выпадает снег в ярд глубиной. На острове растет ель и береза, а около дома, выстроенного там англичанами, бьет источник свежей пресной воды.

XIII

АРТУР ЭДУАРДС И ЛОРЕНС ЧЭПМЭН
1568—1569 гг.

1. Четвертое путешествие в Персию, совершенное Артуром Эдуардсом, агентом, Джоном Спарком, Лоренсом Чэпмэном, Христофором Фоусэтом и Ричардом Пинглем в 1568 г., изложенное в настоящем письме, написанном из Казвина в Персии вышесказанным Лоренсом Чэпмэном одному достопочтенному купцу, члену русской компании в Лондоне, 28 апреля 1569 г.

Достопочтенный сэр, помня всегда мой долг и пожелав вам доброго здоровья и доброго успеха во всех ваших делах во славу божию и согласно желаниям вашего сердца и т. д., сообщаю вам, что ваш агент, г. Артур Эдуардс, и мы выехали из Ярославля в июле 1568 г. и 14 августа благополучно прибыли в нашу гавань Бильбиль на вашем судне «Милость божия» (Grace of God) и с товарами. Мы благодарим за это бога, но мы не нашли там людей, которые помогли бы нам вытащить судно на берег и разгрузить его и которые, вместе с тем, так бы повиновались шаховой привилегии, как об этом была извещена достопочтенная компания. Когда наши грузы были перенесены на сушу, нам пришлось открыть тюки и продавать товары по цене, которую назначили местные жители; иначе нам было бы хуже. Удовлетворив их желания, мы быстро получили помощь верблюдами по предписанию князя Эразбек-Султана для перевозки наших товаров в Шемаху, куда мы прибыли 1 сентября. Вследствие нашего позднего приезда, мы застали этот город настолько насыщенным товарами всякого рода, привезенными туда до нас, что никто не хотел покупать у нас ни одного куска каразеи. Прошел целый месяц, пока агент ваш Артур Эдуардс разослал нас в разные места с товарами, прибывшими из России позднее, мы доставили товары в разные города и спустили по низкой цене то, что могли бы продать по высокой, если бы нас послали во-время. Это было помехой для достопочтенной компании, а для нас было горем смотреть на такие дела. В заключение сообщаю, что наши ежедневные призывы к нему (Эдуардсу) склонили его отправиться в Казвин с бо́льшей частью товаров и двумя из

служащих компании, а именно — Джоном Спарком и мною, чтобы помочь ему лучше продать там товар. В Шемахе остались Христофор Фоусэт и Ричард Пингль с 350 кусками каразеи на руках; предполагалось, что их удастся продать там или в Арраше до его возвращения из Казвина, но насколько я знаю, они до сих пор по большей части лежат непроданные. Когда мы находились в пути, нам удалось в одном городе, называемом Ардебиль (Ardoubill), обменять с купцами 9 кусков каразеи на 84 батмана корицы, продав каразею по 150 шахов кусок.

Находясь неподалеку от Тавриза, считающегося важнейшим в стране городом по сбыту сукон и каразеи, я, после долгих уговоров, убедил вашего агента послать туда человека, чтобы выяснить, как обстоит там дело, и, получив от него 54 куска каразеи и полномочия на их продажу, я отправился туда в обществе одного толмача. В этом городе я нашел большие запасы тонкого сукна и каразеи, которые навезли сюда частью постоянно живущие там турки, частью армяне, которые ездят за ними в Алеппо, а частью сами тавризцы, ездящие в Венецию и покупающие их там. Вследствие этого никто не предложил мне ни пенни больше, чем 140 шахов за кусок. Так как я имел специальное поручение от вашего агента не оставаться в Тавризе более 7 дней со дня моего приезда, но со всей поспешностью вернуться в Казвин, а с другой стороны, заботясь о том, чтобы не снижать, согласно вашему желанию, цен на ваши достопочтенные товары, я нашел средство выменять их на пряности, какие там были, хотя я не удовлетворен ни их ценой, ни их качеством. Тем не менее, приняв во внимание общий застой в делах, касающихся вашей каразеи, последние вести, что ормузский путь закрыт, потому что индийцы воюют с Ормузом *, что на самом деле и есть, и, наконец, ваше желание покупать такие товары, как пряности, я счел необходимым купить их. Их цены и все прочее подробно указаны в моем отчете и представляют, как я думаю, настоящую цену пряностей в данное время.

В Тавризе мне случайно пришлось встретить купца правителя Грузии, который очень хотел купить у меня 100 кусков каразеи для своего господина, по имени Леонтия **, и предлагал мне такие хорошие ручательства полной готовности последнего уплатить мне, при сдаче каразеи, деньгами или шелком, какие только можно иметь в этой стране. Он предлагал мне, кроме того, выдать от имени своего господина письмо с обязательством, что за каразею не будут спрашивать таможенного сбора, обещал также, что достопочтенная компания получит из рук его господина столь же широкую привилегию на посещение его владений, какую

* Война португальцев.

** Вероятно, здесь дело идет о правителе одного из отдельных царств, на которые Грузия распадалась в XVI в.

выдал компании шах. Услышав от армян очень хороший отзыв об этом правителе и узнав к тому же, что он христианин, я был тем более склонен делать с ним дела и потому продал ему 100 кусков каразеи за 160 шахов кусок с тем, чтобы уплата была произведена вышеупомянутым купцом в Грузии деньгами или шелком в течение 3 дней по сдаче каразеи на месте. Я получил от правителя обязательство об исполнении договора (собственноручно писанное митрополитом, что является самым верным документом, какой можно здесь придумать). После этого я послал моего толмача обратно в Шемаху с товарами, купленными мною в Тавризе, и для того, чтобы сказать служащим компании, чтоб они последили за совершением этой сделки. Но когда товары пришли в Грузию, то, как видно, правитель отказался от сделки и не взял товара, сказав, что он ему не нужен. Таково постоянство людей в этой стране, с кем бы вы ни делали дела. Если купленный товар перестает им нравиться, они приносят его обратно и заставляют заплатить уплаченные за него деньги, считая шаховы привилегии, которые говорят противоположное, за соломинку, колеблемую ветром. Из этого достопочтенные члены компании могут видеть, все ли истинно, что пишется о жителях этой страны.

Все тавризские маклера говорят мне, что когда откроется дорога на Ормуз, оттуда будут привозить столько пряностей, сколько желала бы получить достопочтенная компания, и что здесь, в Тавризе, частью за деньги, частью в обмен, можно будет разместить до 300 или 400 кусков каразеи разных цветов и качества согласно посылаемых вам образчиков. Насколько я могу себе представить, если довести количество каразеи до 1000 кусков, а тонкого сукна до 100 кусков, то это все, что можно будет ежегодно разместить в этой местности.

Подорвать торговлю венецианцев со всей массой армян невозможно, если только компания не найдет возможность забирать у них ежегодно товара количеством до 1000 грузов мулов или лошадей и платить им за него третью часть деньгами, а остальное каразеей и сукном подходящих для этих стран цветов. Образчики, как сказано выше, посланы вам.

В Амадии, в 6 днях пути от Тавриза, растут в изобилии орехи, которые вывозятся ежегодно венецианцами; они продаются на месте по 2 биста за тавризский батман, равный, по словам вашего агента, 6 фунтам английского веса. Но я сомневаюсь, так ли это. Тем не менее можно думать, что покупать их будет очень выгодно, если только некоторые люди будут исполнять половину того, что написано.

Что касается москательных товаров, то их много как в Тавризе, так и в Казвине, но качество их не идет в сравнение с теми, которые привозят в Англию из других мест, а цена их так высока, что закупка их принесла бы мало прибыли. Однако, если бы я был снабжен деньгами в той мере, как это могло бы быть, если бы кое-кто этого захотел, то я

все же закупил бы некоторое их количество с тою целью, чтоб в Англии могли судить о качестве их. Приехав в Казвин, я увидел, что никакой продажи товаров не производится, но все, что привезено, продолжает лежать; рассказывают (так говорит ваш агент), что шах купит все товары, находящиеся у вашего агента, и уплатит за них шелком-сырцом и пряностями. Но по слухам, шах никогда в своей жизни не покупал сукна для своей казны и не собирается этого начинать. Он торгует только шелком-сырцом и продает его за деньги армянам, туркам и другим. Надеясь на то, чего, вероятно, вовсе не будет, агент упустил время и ничего не разослал по другим городам. Вследствие этого товары достопочтенной компании лежат непроданными до сего дня к большому ее убытку, на что я, по крайней мере, смотрю с немалым горем.

Вавилон находится отсюда в 15 днях пути; по достоверным слухам, там очень много фиников, продаваемых по одному бисту за батман. Это — подходящий товар для Англии, а Вавилон так близок, что можно было бы туда съездить разузнать, если бы этого хотел тот, чьи дела и слова так расходятся. Кашан также всего в 7 днях отсюда; по слухам, это город, где во всякое время можно достать большое количество пряностей — больше, чем в каком бы то ни было городе этой страны. Но сейчас он не желает дать позволения посмотреть и испытать это дело; если получится убыток компании, отнесите это на счет того, кто может делать то, о чем он говорит только на словах.

Путешествовать по этой стране не только тяжело и неудобно, потому что здесь мало городов и селений, в которых можно было бы найти приют на ночь и освежить людей здоровой пищей, когда это необходимо, но и из-за недостатка воды: часто за 3 дня пути не найдешь ни одной капли воды, годной для питья человеку и скотине. Кроме того, большая опасность грозит нам от ограбления этими неверными, которые считают, что получают отпущение грехов, если вымоют руки в крови одного из нас. Из-за всего этого лучше, по-моему, оставаться всю жизнь нищим в Англии, чем 7 лет жить богатым купцом в этой стране, как некоторые считают, приезжая сюда.

По приказанию агента я ездил в Гилян, чтоб узнать, есть ли, во-первых, там удобные гавани для наших судов, а во-вторых, какие там лучше всего можно продать товары и в каком количестве. Я нашел, что дорога туда так опасна и трудна, что я своим пером не могу вам этого и описать. Отсюда никто не ездит туда, кроме самого бедного люда, которого нужда заставляет ехать, чтобы купить риса для поддержания жизни. На свою скотину они не грузят больше 20 батманов; ноша не спускается ниже краев седла, да и при этих условиях путник проезжает с трудом.

Я видел город Лайгон, который был столицей этого края, а также Лангро и Розар; они теперь завоеваны шахом, подчинены его власти и

так разрушены, а народ так ограблен, что никто там не в состоянии купить ни одного куска каразеи.

Лучший товар, который можно купить там, это — шелк-сырец; в летнее время он продается за наличные деньги по 38 шахов за лайгонский батман, что составляет немного больше 40 фунтов. Там можно также достать сколько угодно квасцов, цена которым — один бист за тавризский батман.

В этом краю постоянно живет много турецких купцов, которые делают вид, что они очень рады, что мы сюда приезжаем, а втайне являются нашими смертельными врагами и стараются всячески вредить нашей торговле, ибо мы можем скоро одержать верх над ними, потому что наша торговля, я надеюсь, со временем здесь очень разовьется. Они желали бы, чтобы мы ехали с непроданными товарами в Алеппо. Они говорят, что мы встретим там хороший прием, несмотря на большое число живущих там венецианцев, что таможенные сборы составляют там 2%, и наши каразеи будут там сейчас же проданы, сколько бы их ни было, за 12 дукатов кусок, что составляет на здешние деньги 168 шахов. Но те, которые знают тамошний город, рынок и покупателей, передают нам весьма вероятные и совершенно противоположные слухи, что такая каразея, как наша, не продается там выше 8 дукатов, что таможенные сборы доходят до 30% и больше, что нет города лучше снабженного хорошим сукном и каразеей, притом самых хороших цветов. Мы предполагали, что они лукавят и предлагают это нам, чтобы смутить нас. Да хранит нас бог от этого. Цены на пряности приводятся ниже. Они в настоящее время поднялись, вследствие того что дорога в Ормуз закрыта. Когда она откроется, я намереваюсь, с божьей помощью, ознакомиться с ней и сообщить достопочтенной компании, насколько буду в состоянии, какие всякого рода прибыли можно получить в той стороне.

Перец	25 шахов	тавризский батман,
Гвоздика	50 шахов,	»
Длинный перец	25 шахов,	»
Большие мускатные орехи	50 шахов,	»
Имбирь	24 шаха.	»

Все пряности продаются за наличные деньги, а иначе и не смотри на них. Лучший сорт шелка-сырца стоит 60 шахов тавризский батман. Не имея больше материала, чтобы продолжать письмо, я на этот раз кончаю, моля бога постоянно сохранять ваше здоровье.

Ваш покорный слуга *Лоуренс Чэпмэн.*

2. Заметки о четвертом путешествии в Персию, начатом в июле 1568 г. Записаны г. Ричардом Уиллсом со слов г. Артура Эдуардса, бывшего там агентом.

Когда Эдуардс явился к шаху в его дворец в Казвине вместе со своим переводчиком и стал в отдалении, Суфий, сидевший на троне и окруженный множеством придворных, трижды звал его подойти ближе, пока Эдуардс не подошел так близко, что мог дотронуться до шаха рукой. Первый вопрос, который шах предложил ему, был: из какой страны он приехал? Эдуардс ответил, что он приехал из Англии. Шах тогда спросил своих придворных, кто из них знает такую страну? Когда Эдуардс увидел, что ни один из них понятия не имел о таком названии, он назвал Англию «Ингильтерра», как ее называют итальянцы. Тогда один из придворных сказал «Лондро», имея в виду Лондон, название которого лучше известно в далеких нехристианских странах, нежели название Англия. Когда Эдуардс услышал слово «Лондро», он сказал, что так называется столица Англии, как Тавризом называется столица Персии. Шах спрашивал его о многом другом — об английском государстве, причем дивился словам Эдуардса, что это такой богатый и могучий остров. О богатстве и обилии наших товаров шах узнал также из рассказов о нашей торговле с Московией и другими странами. Он много расспрашивал также о ее королевском величестве, об обычаях и законах королевства, часто повторяя на своем языке: «бара колла», т. е. «хорошо сказано». Также много спрашивал он о короле Филиппе и о его войне с турками на Мальте. Затем он спросил, какова главная причина моего приезда в его царство. Удостоверившись, что англичане приехали для торговли товарами, шах спросил, какие товары они будут привозить в Персию. «Такие же товары, сказал Эдуардс, как и венецианцы. Живя в нашей стране в городе Лондоне, они посылают товары в Венецию, а оттуда в турецкие владения, в Сирию, через Алеппо и Триполи. Из этих мест товары, через вторые и третьи руки с большими накладными расходами в виде многократных таможенных сборов и т. п., наконец, привозятся в вашу страну, в персидские города». «Какие же это товары?» — спросил шах. Эдуардс ответил, что они состоят из большого количества каразеи прекрасного качества, из тонких сукон всех сортов и цветов — красных, фиолетовых и других, и что это лучшие сукна в мире. Венецианцы вывозят из Англии не только готовые сукна, но, кроме того, большое количество готовой шерсти, которую они смешивают со своими шерстями, без чего они не могли бы выделывать тонких сукон. Эдуардс утверждал, что таким путем вывозится из Англии свыше 200 тысяч кусков каразеи и столько же тонкого сукна, кроме тонкой шерсти и других товаров и громадного количества подобных же сукон, вывозимых в Испанию, Берберийские страны

и другие земли. Тогда Суфий спросил, какими же средствами можно все эти товары возить в Персию. «Можно очень хорошо возить, — сказал Эдуардс, — через Московию и притом с большей безопасностью и в более короткое время, чем могут привезти венецианцы, которые сначала везут их из Англии в Венецию, а оттуда в Персию, через Турцию. А поэтому, если вашему величеству угодно будет даровать нам свободный проезд во все ваши владения с такими привилегиями, которые обеспечивали бы безопасность нашей жизни, имущества и товаров, мы будем доставлять в вашу страну и все эти и другие товары скорее и дешевле, чем вы можете получать их через турецкие руки». Такой разговор, в котором затронуты были и другие вопросы, продолжался между шахом и Эдуардсом два часа. Все это так понравилось шаху, что он даровал вышесказанному Артуру Эдуардсу новые привилегии для торговли товарами в Персии. Грамота была написана лазоревыми и золотыми буквами и передана хранителю большой печати Суфия.

Хранитель, по имени Коз-Калифэй, сказал, что когда шах (т. е. король или государь) будет торжественно заседать для печатания грамот, на этой последней привилегии будет поставлена печать, и она будет вручена Лоренсу Чэпмэну. В этой привилегии есть одна важная статья, касающаяся служащих и купцов: если агент заметит, что по своим негодным деяниям кто-нибудь из них захочет сделаться мусульманином (busormen), агент, где бы он ни обнаружил такого служащего, или служащих, имеет право арестовать его и заключить его в тюрьму, и никто не имеет права держать их у себя или оказывать им поддержку. Эта статья была дарована, принимая во внимание обычай персов, которые, будучи магометанами, дружески и ласково принимают, наделяя дарами и имуществом всех христиан, которые, изменяя своей религии, желают принять веру персов. И это тем более, что до дарования этой привилегии негодным слугам было очень легко обманывать и грабить своих хозяев, прикрываясь переходом в другую веру, и жить среди них в полной безопасности и так, что на них нельзя было получить суда и управы, нельзя было их ни наказать, ни получить обратно имущество, которое они себе присвоили.

До того времени как Суфий (который, как говорят, удивительно мудрый и милостивый государь) стал казаться благорасположенным к нашей нации и дал нам подобные привилегии, здешние жители худо обходились с англичанами и так их ненавидели, что не хотели притрогиваться до них рукой и презирали их, называя кафарами или гяурами (cafars or gawars), т. е. неверными или лживо верующими. Но после того, как они увидели, как велико расположение государя к англичанам, они стали относиться к ним с большим почтением, стали целовать их руки и обходиться с ними очень ласково. А раньше не считалось дурным делом грубить, обманы-

вать их, лжесвидетельствовать на них и брать обратно или возвращать уже купленный или проданный товар и менять его, когда только они этого хотели. Если же иноземец по несчастному случаю убивал перса, то за убитого они требовали жизни двух человек; за долги же иностранца можно было забрать имущество любого человека той же национальности и позволить себе другие подобные злоупотребления. Все это было неизвестно государю до жалоб наших людей и просьб о пресечении подобных злоупотреблений. Из-за перечисленных причин ни один купец, исповедывавший иную религию, не смел приезжать со своими товарами во владения шаха, а ведь это могло бы приносить большую прибыль и ему и его подданным.

Статьи второй привилегии, выданной Лоренсу Чэпмэну, и подлежащие присоединению к привилегиям, выданным раньше

10. Купцы имеют полную свободу, как это говорится в первой привилегии, ездить в Гилян и другие города владений шаха и теперь и впредь, когда для этого представится случай.

11. Если, по несчастью, какой-нибудь из английских кораблей разобьется или выбросится на берег моря в той или другой части шаховых владений, все его подданные обязаны оказать ему помощь со всей поспешностью, спасать товары и передавать их купцам, оставшимся в живых, или же хранить их в целости, пока кто-нибудь из купцов не востребует их.

12. Если кто-нибудь из вышесказанных купцов умрет в каком-нибудь большом или малом городе, или на караванной дороге, правители должны наблюдать, чтоб его имущество хранилось в целости и было выдано кому-нибудь другому из купцов, кто будет его требовать.

13. Вышесказанные купцы могут брать тех погонщиков верблюдов из сельских жителей, кого они пожелают. Ни один кизиль-баш не имеет права мешать и препятствовать им. Сказанные хозяева верблюдов должны отвечать купцам за товары, которые они получили из их рук, и принимать на свой счет потерю верблюдов или лошадей.

14. Сказанные возчики не имеют права спрашивать с купцов больше обусловленного соглашением вознаграждения.

15. Если есть договоренность с возчиками и дан задаток, то хозяева верблюдов должны наблюдать, чтобы соглашение исполнялось.

16. Если кто-нибудь из вышесказанных купцов страшится путешествия, хозяева верблюдов должны дать им одного или больше людей для сопровождения купцов и для охранения их и их товаров до того города, в который они направляются.

17. Во всех местах, т. е. во всех больших и малых городах и селениях, расположенных на караванных дорогах, все шаховы подданные обязаны давать купцам кров и съестные припасы за плату.

18. Вышесказанные купцы в любом городе, где сочтут наилучшим, могут строить любой дом или любые дома для своего собственного пользования. Никто не имеет права тревожить их и причинять им беспокойства; они могут останавливаться в караван-сараях, где им будет угодно и где они сочтут наилучшим.

Можно предполагать, что прибыли купцов от персидской торговли будут очень велики и со временем станут, может быть, даже больше, чем те, которые дает торговля португальцев с Восточной Индией, тем более что оборот с Англией по персидскому пути может совершаться ежегодно, тогда как португальцы совершают оборот из Каликута только раз в 2 года, да еще долго и с опасностями плывя все время по морю. Так как город и остров Ормуз, лежащий в Персидском заливе, является самым большим торговым городом Восточной Индии, куда свозятся товары из всей Индии, последние могут в более короткое время с большей безопасностью перевозиться через Персию и по Каспийскому морю и далее через Россию и Московию по рекам до города Ярославля, а оттуда опять все время водой до самой Англии.

Товары, которые можно получить из Персии в обмен на наши, состоят из шелков всех цветов, как в сыром, так и в обработанном виде, а также всякого рода пряности и москательные товары, жемчуг, драгоценные камни, разного рода ковры и иные роскошные товары. Мне говорили лица, недавно приехавшие из Персии, что в любом персидском городе вырабатывается больше шелка, чем сукна в Лондоне, и что одно селение в Армении, называемое Гильгат, ежегодно вывозит шелк на 500, а иногда и на 1000 мулах в Алеппо в турецкой Сирии, город находящийся в 4 днях пути от Триполи, где постоянно проживают венецианцы, высылающие оттуда шелка во все христианские страны в обмен на английские каразеи и сукна.

Как христиане становятся мусульманами и изменяют своей вере

Я уже выше отметил, что когда какой-нибудь христианин захочет стать мусульманином, т. е. изменяет своей вере и становится магометанином, персы награждают его многими дарами, а иногда и недвижимым имуществом. Способ действия таков: когда дьявол входит в сердце христианина и внушает ему изменить своей вере, он отправляется к султану или правителю и заявляет ему о своем дьявольском намерении. Правитель дает ему коня и спутника, который едет на коне перед ним, держа в руке саблю. Новый мусульманин со стрелой в руке разъезжает по городу, про-

клиная своего отца и мать. Если же он когда-нибудь вернется в свою прежнюю веру, то он повинен смерти: это и означает сабля, которую несут перед ним. Один молодой человек, слуга одного из наших купцов, был подозреваем в желании изменить своей вере, потому что не мог избежать наказания от своего хозяина за свои проступки. Но такова была воля божия: он внезапно заболел и умер прежде, чем предался дьяволу. Если бы он стал мусульманином, он причинил бы много хлопот купцам: ибо если бы он тогда сказал, что половина их товаров принадлежит ему, то его словам придали бы веру. Чтобы избежать такого неудобства, и было внесено в привилегию, чтоб ни один мусульманин и т. д., как это видно из грамоты *.

Во многих местах Персии палатки и домашнее имущество бедных людей, у которых нет ни верблюдов, ни лошадей, перевозится на быках и коровах.

О дереве, приносящем хлопчатую бумагу (bombasin cotton or gossampine)

В Персии очень много хлопчатой бумаги и притом очень хорошей. Она растет на некоем маленьком деревце, или терновом кусте, высотой доходящим до груди человека или несколько больше. У деревца тонкий ствол, как у терновника или у гвоздичного левкоя; оно очень ветвисто, и на каждой ветке растет плод или, скорее, стручок круглой формы, содержащий волокно. Когда эта почка, или стручок, достигнет величины грецкого ореха, он открывается, и обнаруживается волокно. Последнее продолжает расти, пока не становится похожим на руно шерсти, величиной с человеческий кулак; тогда оно начинает отваливаться, и его собирают как зрелый плод. Семена этих деревьев величиной с горошек, черные, несколько плоские, а не круглые; их сеют на вспаханной земле, и они в изобилии растут на полях во многих областях Персии и в других странах.

Как персы пишут

Артур Эдуардс показал мне грамоту Суфия, написанную их буквами в обратном порядке и подписанную рукою Суфия и его секретаря. Подпись Суфия состояла только из одного слова (я думаю, что его имя — шах), написанного золотыми буквами на красной бумаге. И вся грамота была написана на том же куске красной бумаги, длинном и узком — до

* На самом деле (см. XII, док. № 5) в грамоте, т. е. в официальном документе, статьи этой нет.

фута длиною и не шире трех дюймов. Личная печать шаха состоит из круглого печатного знака величиной не более английской золотой монеты, просто приложенного к бумаге без воска и без другой печати. Вся грамота кажется такой нелепой и беспорядочной, что можно подумать, что это какое-то случайное бумагомарание. Однако, говорят, что почти каждая буква с ее остриями и изгибами обозначает целое слово; это тем более вероятно, что исписанный ими кусочек бумаги в ладонь величиной содержит столько же, сколько содержится почти в целом листе нашего письма.

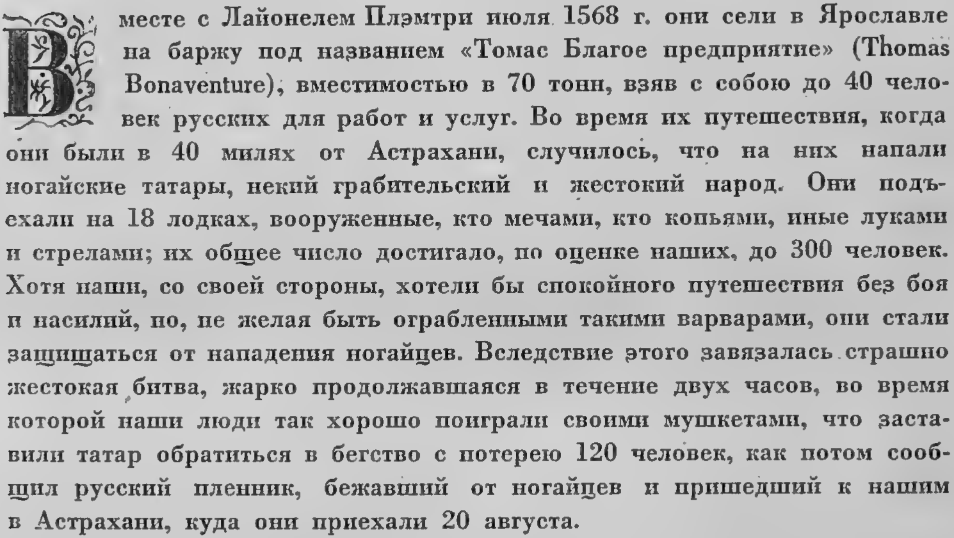

XIV

ТОМАС БЭНИСТЕР И ДЖЕФФРИ ДЭКЕТ

1568—1574 гг.

1. Пятое путешествие в Персию, совершенное г. Томасом Бэнистером и г. Джеффри Дэкетом, агентами Московской компании, начатое выездом из Англии в 1568 г. и продолжавшееся до 1574 г. Записано П. И. со слов Лайонеля Плэмтри.

Вместе с Лайонелем Плэмтри июля 1568 г. они сели в Ярославле на баржу под названием «Томас Благое предприятие» (Thomas Bonaventure), вместимостью в 70 тонн, взяв с собою до 40 человек русских для работ и услуг. Во время их путешествия, когда они были в 40 милях от Астрахани, случилось, что на них напали ногайские татары, некий грабительский и жестокий народ. Они подъехали на 18 лодках, вооруженные, кто мечами, кто копьями, иные луками и стрелами; их общее число достигало, по оценке наших, до 300 человек. Хотя наши, со своей стороны, хотели бы спокойного путешествия без боя и насилий, но, не желая быть ограбленными такими варварами, они стали защищаться от нападения ногайцев. Вследствие этого завязалась страшно жестокая битва, жарко продолжавшаяся в течение двух часов, во время которой наши люди так хорошо поиграли своими мушкетами, что заставили татар обратиться в бегство с потерею 120 человек, как потом сообщил русский пленник, бежавший от ногайцев и пришедший к нашим в Астрахани, куда они приехали 20 августа.

В городе Астрахани их путешествие несколько задержалось; они пробыли там 6 недель вследствие того, что к Астрахани, по внушению великого Турка, подступило большое войско, состоявшее из 70 000 турок и татар, в надежде захватить город внезапным нападением или взять его продолжительной осадой. Однако, в конце концов, с приближением зимы, а также вследствие известий, что русский царь снаряжает большую экспедицию для защиты Астрахани, они должны были снять осаду и уйти ни с чем *.

* Поход турок и крымских татар на Астрахань происходил по русским источникам не в 1568, а в 1569 г. Ближайшей задачей и турок и их союзников было выкопать канал на «Переволоке» и таким образом ввести турецкий флот в Волгу и затем

С отходом турок и татар наши люди получили снова возможность продолжать свое путешествие; пользуясь этим, они выехали из Астрахани и прибыли в Бильбиль в конце октября. Оттуда они отправились в Ширван (Shavaran); живя в палатках, они испытывали большие мучения от страшных стай шакалов или лисиц (sholcaves or foxes), которые так наседали на них, что вытаскивали их пищу из палаток и за ночь сожрали до костей огромного дикого кабана, которого прислал нашим в подарок правитель страны.

Оставшись в Ширване 3 или 4 дня для того, чтобы обеспечить себя повозками и другими необходимыми для путешествия предметами, они выехали оттуда и прибыли в Шемаху, находящуюся в 4 днях пути от вышесказанного Ширвана. В Шемахе все они вместе провели зиму, а в апреле следующего (1569) года направились оттуда в Ардебиль, город, имеющий большое значение и весьма чтимый по той причине, что там находятся гробницы персидских царей, погребенных по большей части здесь. Вот почему этот город сделался местом суеверного почитания персов. В этом городе Ардебиле они пробыли 5 или 6 месяцев, делая коекакие сделки и продавая кое-что; но оставаться здесь было напрасным делом, потому что в этом городе живет и посещает его гораздо больше дворян, чем купцов.

Пока они были в Ардебиле, там происходили большие религиозные смуты: брат искал истребить брата; ближайшие родственники шли друг на друга, так что один из наших — Лайонель Плэмтри — иной раз видел до 14 человек, убитых в драке. Он очень интересовался их приемами боя, любил наблюдать и очень недоверчиво относился к их ударам, и потому едва не разделил их кровавой трагедии, будучи два раза ранен стрелой, хотя и не до смерти.

Шах Тахмасп (Shaw Thomas) прислал гонца в Ардебиль, приглашая наших людей явиться к нему в Казвин. Томас Бэнистер тотчас же отправился туда, хотя г. Дэкет лежал тяжело больным в Ардебиле, так что почти не было надежды на его выздоровление. Когда Бэнистер приехал к шаху, последний принял его очень ласково и оказывал ему большое благоволение и особенную милость. Он удовлетворил все его просьбы, за

овладеть ее низовьями и городом Астраханью. Можно думать, что эти действия должны быть первыми шагами к нанесению большого контрудара Москве, незадолго перед тем завладевшей главным мусульманским центром Поволжья — Казанью. Поход этот был первым в истории непосредственным столкновением между русскими и турками. Неудачу похода можно объяснить естественными трудностями, отдаленностью операционной базы для турок и скрытым противодействием, которое оказывал туркам крымский хан Девлет-Гирей (1551—1577 гг.), боявшийся, что успех турок приведет к уничтожению той относительной самостоятельности, которой пользовался вассальный крымский хан по отношению к своему сюзерену — султану.

исключением одной: когда Бэнистер просил шаха о дозволении провезти через его владения некоторое количество коней в Индию, шах, казалось, очень не хотел дать ему разрешение на это. Однако он не отклонил этого прямо, но отложил решение вопроса на будущее. Что же касается самой торговли, то не было со стороны Бэнистера предложения или просьбы, которые не исполнялись бы, как только были произнесены. Сам шах купил у него много каразеи и так платил, как это только можно было желать; он даже часто посылал деньги за товар вперед, прежде чем получал самые товары, чтобы честно задуманная сделка была еще вернее.

Считаю нужным припомнить здесь одно, несколько странное, обстоятельство. Когда шах намеревался послать большую сумму денег в Мекку, в Аравию, как приношение их святому пророку Магомету, он не хотел посылать своих денег и монет, но отослал к английским купцам менять свои монеты на принадлежащие им в точном соответствии с их стоимостью. При этом он приводил тот довод, что деньги, нажитые нашими купцами, приобретены честным путем, добросовестно, и достойны служить приношением их святому пророку, а его собственные деньги скорее нажиты обманом, притеснениями и бесчестными средствами и потому не годятся для столь священной цели.

После 6 месяцев, проведенных в Казвине, вышесказанный Томас Бэнистер поехал в большой город Тавриз, где нашел г. Дэкета, которого оставил в Ардебиле, оправившимся от болезни.

Вышеупомянутый г. Дэкет оставался в Тавризе $2^1/_2$ года, продавая английские товары. Кроме разных других местных товаров, он закупал большие запасы чернильных орехов, в изобилии произрастающих в местности на расстоянии дня пути от Тавриза.

После этого Томас Бэнистер уехал из Тавриза в Шемаху распорядиться отправкой товаров, закупленных для Англии. Закончив их отправку, он выехал из Шемахи на верблюдах в Арраш, город, лежащий от Шемахи на расстоянии 4 дней пути на верблюдах, для закупки шелка-сырца. Но там, вследствие нездорового воздуха и гнилой воды в жаркое время года, он, Лоренс Чэпмэн и несколько других англичан, к несчастью, умерли. Как только узнал об этом г. Дэкет, он тотчас же выехал из Тавриза в Арраш, чтобы вступить во владение товарами, иначе, по обычаю этой страны, если нет другого купца или друга умершего, который мог бы вступить во владение оставшимся имуществом, все попадает в руки шаха. Впрочем, оставшиеся в Арраше товары нельзя было получить из рук чиновников, которые успели их захватить и запечатать, пока г. Дэкет не побывал лично у шаха и не выхлопотал у него приказа о их выдаче.

В то самое время, когда г. Дэкет хлопотал в Казвине о товарах, Лайонель Плэмтри, вследствие убеждений нескольких бухарцев, стал гото-

виться к путешествию в Китай с повозками и товарами и, подготовив все, украдкою выехал во главе каравана. Но когда он отъехал на 6 дней пути, за ним спешно послан был отряд из 50 всадников по велению Эразбек-Султана, шахова наместника, и вследствие стараний Хёмфри Гринселла (который позднее, находясь в Ормузе, в Восточной Индии, был зверски сожжен португальской инквизицией), чтобы вернуть его обратно и не допустить его предпринять такое опасное путешествие из боязни разных осложнений, могущих от этого последовать.

Затем г. Дэкет снова возвратился из Казвина в Шемаху и сейчас же стал готовиться к путешествию в Кашан, находящийся в 4 днях пути от Шемахи (sic!), взяв с собой 4 мулов, нагруженных деньгами.

На своем пути он проехал через Персеполь, древнюю столицу персидских царей, но теперь разрушенную и обезображенную. Остатки ее, которые еще можно видеть, состоят из двух ворот, отстоящих друг от друга на 12 миль, нескольких башенок в горах и водопровода для пресной воды *.

Вышеназванный город Кашан живет исключительно торговлей: он посещается индийскими купцами, и потому именно здесь ведется самая оживленная торговля во всей Персии.

Здесь наши люди закупили большие запасы всякого рода шелковых тканей, некоторое количество пряностей и добрый запас бирюзы.

Город выделяется своим благоустройством и хорошим управлением. Лентяев здесь не терпят. Ребенок уже с пяти лет занят работой. Не дозволяются ни злоупотребления, ни беспорядки, ни драки из-за игры. Игра в кости и карты немедленно карается смертью.

В Кашане они пробыли 10 недель, затем снова вернулись в Шемаху и, побывав в разных местностях страны для закупки шелка-сырца и других товаров, они, наконец, приехали снова в Ширван (Shavaran), где стояли в гавани их корабли; они погрузили товары, сами сели на суда и, подняв паруса, 8 мая 1572 г. направили путь к Астрахани. Вследствие постоянных перемен ветра и опасного мелководья Каспийского моря, они носились по морю около 20 дней. 28 мая они стояли на якоре в мелких водах; несколько русских казаков, изгнанников, поставленных вне закона, узнав, что наши находятся поблизости и везут с собою большие богатства, подошли к ним на нескольких лодках, прикидываясь друзьями, взошли на корабль, но тотчас же схватились за топоры и на решетках, закрывающих люки, истребили несколько человек из русских, находившихся на корабле. Увидев это, г. Дэкет, Лайонель Плэмтри, Уилльям

* Фантазия Дэкета или автора записки. Развалины Персеполя находятся более чем в 500 *км* от Кашана, до которого доехал Дэкет. Он мог проехать дальше в целях сделать рекогносцировку по направлению к Ормузу, но о такой поездке южнее Кашана он не говорит ничего.

Смитс, шкипер, человек большой храбрости, и Амос Райалль, находясь под спардеком, выказали такую отвагу, что очистили люковые решетки, перебили 14 казаков, столкнули и переранили еще 30 человек из нападавших, которых было по меньшей мере 150 человек, вооруженных мушкетами и другим оружием, пригодным для такого злого дела.

Тем не менее г. Дэкет и остальные англичане получили от неприятеля ранения и ушибы и были так теснимы превосходным по силе врагом, что им, наконец, пришлось войти в переговоры с казаками и сдать им корабль, заставив их перед тем поклясться на кресте, что англичанам не будет причинено еще какого-нибудь вреда.

Так корабль был взят, а все англичане тяжело ранены; казаки немедленно спустили их с корабля, дав им корабельный бот и два или три персидских щита, на которые положили конского и свиного мяса, не дав им никаких других съестных припасов и не оказав никакой помощи. Очутившись в таком положении, наши приложили все усилия, чтобы добраться до Астрахани. Когда они приехали туда, г. Дэкет подал челобитную правителю, чтобы тот выслал лодки и людей выручить и отобрать назад корабль, если это окажется возможным. Тот немедленно послал своего сына на 40 лодках с 500 людьми для преследования пиратов. По счастливой случайности им удалось найти место, где корабль с казаками стоял на якоре, но по своему легкомыслию они стали бить в барабаны прежде, чем подъехали к кораблю. Казаки, увидев лодки, перерезали канаты и ушли в море; лодки, не будучи в состоянии следовать за ними, вернулись обратно в Астрахань, после чего было вторично выслано 60 лодок для преследования разбойников. Эта вторая экспедиция добралась до места, где нашла многих из этих казаков и перебила их. Были найдены также места, где некоторое количество тюков с товарами было зарыто в земле в ящиках, взятых с корабля. Все это было снова возвращено английским купцам. Всего товару они получили обратно примерно 5 000 весовых фунтов на сумму в 30 000 или 40 000 фунтов деньгами. Все остальное казаки увезли с собою на корабле.

На том же месте были далее найдены тела казаков, убитых англичанами: они были зарыты в земле, завернутые в 40 или 50 ярдов атласа и тафты, а некоторые — в турецкие ковры, изрезанные и испорченные этими погаными пиратами. Многие из них были позднее захвачены в плен персами, которые очень расположены к англичанам, и подвергнуты жесточайшим мучениям во всех городах, получив возмездие по заслугам.

Наши люди, лишившись таким образом своих товаров и израненные, оставались около 2 месяцев в Астрахани, пока не излечились совсем. Набравшись понемногу сил, они заготовили лодки и поплыли вверх по Волге с теми товарами, какие им удалось получить обратно от казаков. Из Казани они поплыли к Ярославлю, но на этом участке пути лед в на-

чале октября загородил им дорогу. Внезапно ночью они были захвачены жестоким и сильнейшим морозом; вода настолько вследствие этого замерзла, что их лодки были раздавлены льдом и разбиты, вследствие чего они испытали новую опасность потерять и жизнь и товары. Все то, что им с большими хлопотами и усилиями удалось спасти, было перевезено на санях в Вологду, а оттуда большинство товаров отправлено к св. Николаю для погрузки на суда и отправки в Англию.

Но г. Дэкет, Лайонель Плэмтри и Амос Ройалль с некоторым количеством тюков отправились в Москву и там продали часть их царю. Последний, сожалея о тяжелых потерях, которые они понесли от его собственных взбунтовавшихся подданных, накупил для себя очень много товара и заплатил за него наличными деньгами. Проведя зиму в Москве и заготовив товары, пригодные для Англии, они выехали к св. Николаю и там сели на суда в августе месяце. Им пришлось выдержать ужасный переезд, длившийся 9 недель и 3 дня, недостаток в съестных припасах, жестокие противные ветры и другие приключения. Наконец, они приехали в Лондон в октябре 1574 г. Так окончилось это несчастное путешествие. Если бы богу угодно было послать ему успех и все товары прибыли бы в Англию так же благополучно, как они были заботливо заготовлены и с трудом приобретаемы, то это оказалось бы самым богатым по результатам путешествием и самым прибыльным по товарному обороту из всех, когда-либо предпринимавшихся английскими купцами. Однако, несмотря на все несчастия, они не упустили из рук своего главного предприятия, а потеряли только прибыль и барыш, которые могли бы получиться от использования товаров в это время.

2. Замечания о состоянии Персии, составленные во время вышеописанного пятого путешествия г. Джеффри Дэкетом, одним из агентов, участвовавших в этом путешествии.

Шемаха — лучший город во всей Мидии; главнейший товар этой страны — шелк-сырец, которого великое множество в городе, лежащем в 3 днях пути от Шемахи и называемом Арраш. В 3 днях пути от Арраша лежит страна, по имени Грузия (Grosin), обитатели которой — христиане; предполагают, что это тот же самый народ, который иначе называют георгийцами (Georgians). Там также продается много шелка. Главный город этой страны называется Зегам (Zegham) *, откуда ежегодно вывозится в Персию невероятное количество орехов одного и того же сорта и добротности, таких же вкусных и с такой же тонкой скорлупой, как наши лесные орехи. Их вывозят ежегодно на 4 000 груженых верблюдах.

* Один из главных городов Кахетии в XVI в.

Об имени персидского Суфия и почему его называют шахом и о других тамошних обычаях

Царь Персии, которого у нас мы называем великим Суфием, не называется так в Персии, но называется шахом. Было бы опасно там называть его великим Суфием, потому что Суфий на персидском языке означает нищий, и это было бы все равно, как если бы назвать его «великим нищим». Он живет в городе, называемом Казвин, расположенном в хорошей плодородной долине, длиной от 3 до 4 дней пути. Город выстроен плохо, по большей части из кирпичей, но не жженых на огне, а только высушенных на солнце, как построено большинство зданий в Персии. Царь уже 33 или 34 года не выходит за пределы своего дворца; причина этого неизвестна, но говорят, что это происходит от суеверного отношения к каким-то пророчествам, к чему все здесь очень склонны. Ему теперь около 80 лет от роду, но он очень бодр. Чтоб поддержать свою бодрость он имеет 4 постоянных жены и около 300 наложниц. Один раз в год к нему привозят красивых девушек и женщин, каких только могут найти в близких и отдаленных областях; он внимательно их осматривает, ощупывает все части тела, берет тех, которые ему нравятся, и отпускает некоторых из тех, которых раньше держал у себя, а теми, кого он отпускает, он награждает лиц, оказывающих ему наибольшие услуги. Если он при случае отбирает чью-нибудь жену, то муж последней бывает очень доволен этим, а в возмещение шах часто дарит мужу одну из женщин своего прежнего запаса, которую тот принимает с благодарностью.

Когда какой-нибудь иноземец-христианин является к шаху, он должен надевать пару новой обуви, сделанной в Персии, и от того места, где он входит во дворец, дорогу вскапывают, так что получается как бы насыпанная дорожка до того места, где он должен говорить с шахом. Когда шах разговаривает с иностранцами, он всегда стоит на верху на галлерее; когда иноземец уходит, насыпанная дорожка уничтожается, и пол опять выравнивается.

О религии персов

Религия персов одинакова с религией турок, за исключением расхождения по поводу того, кто был истинным преемником Магомета. Турки говорят, что преемником Магомета был некий Омар (Homer) и его сын Осман (Usman). Но персы говорят, что это был некий Али (Mortus Ali), что они доказывают следующим образом. Они рассказывают, что был созван совет, чтоб решить, кто будет преемником Магомета. Когда они воззвали к последнему, чтобы тот указал им свою волю и желание в этом вопросе, среди них появилась маленькая ящерица, объяснившая, что Ма-

гомету угодно, чтоб его преемником был Али. Это был доблестный человек; он убил Омара, турецкого пророка. У него был меч, которым он постоянно сражался, которым победил всех своих врагов и многих из них убил своими ударами. Когда Али умер, появился святой пророк, который возвестил, что вскоре появится белый верблюд, на которого пророк приказал положить тело и меч Али и пустить верблюда идти, куда тот хочет. Когда все было исполнено, белый верблюд понес тело и меч Али на берег моря; он вошел довольно далеко в воду и был вместе с телом и мечом Али взят на небо. В Персии долго надеялись на возвращение Али. На этот случай царь всегда держит оседланную лошадь, приготовленную для Али, и держал с давнего времени одну из собственных дочерей, готовя ее в жены Али, но она умерла в лето господа нашего 1573-е. Они говорят еще, что если он скоро не явится, то они перейдут в нашу веру. Они подобны евреям, ожидающим, что их Мессия придет, будет вечно царствовать над ними как светский царь и избавит их от плена, в котором они ныне находятся среди христиан, турок и язычников.

Персидский шах или царь не может сравниться по силе и могуществу с турком; хотя его владения очень велики, но их и сравнивать нельзя с турецкими; нет у него ни хорошей артиллерии, ни ружей, ни самопалов. Несмотря на это, старший сын шаха, Измаил, около 25 лет тому назад выиграл большую битву у турок и перебил до 100 000 человек из их войска. После возвращения своего с войны он был брошен, по приказанию отца, в тюрьму, где и находится до сего дня. Его отец, шах, подозревает его в том, что он хочет свергнуть его и сам захватить власть.

Их мнение о Христе таково, что он был святым человеком и великим пророком, но не таким, как Магомет. Они говорят, что Магомет был последним пророком, с которым пророки кончились, и что поэтому он и был величайшим. Чтоб доказать, что Христос не был божьим сыном, они говорят, что у бога никогда не было жены, а следовательно, не могло быть сына или детей. Из самых отдаленных областей Персии они ходят на богомолье в Мекку, в Аравии, а по дороге посещают также гробницу Христа в Иерусалиме, которую они называют теперь Кыч-Кале (Couch Kaly).

Большинство пряностей, привозимых в Персию, вывозится с острова Ормуза, расположенного в Персидском заливе, называемом Sinus Persicus, между персидским и аравийским материками. Португальцы заходят в Ормуз как по пути в Восточную Индию, так и обратно домой и вывозят оттуда все пряности, с которыми дела ведутся в Персии и в смежных с нею странах. Перца они возят очень мало, и обходится он по очень дорогой цене.

Турки изредка привозят перец из Мекки, в Аравии, и продают его по той же цене, по какой продают перец, идущий из Ормуза. Шелка ни

откуда не ввозятся, но все вырабатывается персами в их собственной стране. Ормуз находится в 2 милях от персидского материка, куда португальцы ездят за пресной водой, уплачивая за это дань шаху или персидскому царю.

Внутри Персии нет ни золотых, ни серебряных рудников, но у персов имеются и золотые и серебряные монеты, а также мелкие медные монеты. В Персию ввозится несметное число голландских талеров, большею частью уплачиваемых за шелк-сырец.

У персов мало книг и еще меньше учености; по большей части они ничего не понимают ни в каких настоящих науках, за исключением до некоторой степени шелководства и таких дел, которые касаются ухода за лошадьми. В них они чрезвычайно сведущи.

Их светские законы, так же как и законы, касающиеся их религии, нечестивы и отвратительны. Если кто-нибудь оскорбит государя, то последний жесточайше наказывает не только его, но и его детей и родственников, сколько их у него найдется.

Воровство и убийство часто влекут за собой наказание, но последнее налагается исключительно по произволу правителя того места, где совершено преступление, и зависит от того, много ли у преступника друзей и может ли он откупиться деньгами.

В больших городах нередко возникают значительные беспорядки в народе по поводу того, который из сыновей Али выше. Часто из-за этого в городах дерутся 2 000—3 000 народа, как я сам видел в Шемахе, Ардебили или в большом городе Тавризе, где я видел человека, шедшего с боя и хвастливо несшего в руке четыре или пять человеческих голов, держа их за волосы. Хотя персы бреют голову обычно два раза в неделю, они оставляют на голове чуб волос длиной фута в два. Я спрашивал зачем они оставляют такие чубы на голове. Мне ответили, что таким образом они легче перенесутся на небо, когда умрут.

Для отправления религиозных дел у них есть священники, одетые, как и все другие люди. Каждое утро и в послеполуденное время они поднимаются на верхушку своих храмов и рассказывают сказку о Магомете и Али. Других молитв у них нет. Их пост бывает после рождества и состоит не только в воздержании от мяса, но и в воздержании от всяких кушаний и напитков, пока не стемнеет, но после этого они иногда едят всю ночь. И хотя пить вино противоречит их религии, однако по ночам они очень злоупотребляют им и напиваются пьяными. Пост их начинается в новолуние, но они не начинают поститься, пока не увидят нового месяца, и кончается пост только тогда, когда они увидят следующий молодой месяц, хотя бы из-за облачной погоды его долго не было видно.

Среди персов есть святые люди, которых они называют сеидами (Setes). Они считаются святыми потому, что они или кто-нибудь из их

предков побывали на богомолье в Мекке, в Аравии. Ибо, кто идет туда на богомолье и посетит гробницу Магомета, тот и все его потомство называются после этого сеидами и считаются святыми людьми; и сами они смотрят на себя так же. Если кто-нибудь начинает спор с одним из таких людей, тот говорит, что он святой, что поэтому ему нужно верить и что он не может лгать, хотя бы он на самом деле лгал бесстыднейшим образом. Так в человеке появляется слишком много святости. А ведь нет большей гордости, чем гордость ума, возвеличивающего себя тем, что он представляется святым самому себе в своем собственном мнении. Эти сеиды бреют всю голову, кроме мест на обеих сторонах несколько выше висков. Эти места они оставляют небритыми, заплетают волосы, подобно женщинам, и отращивают их как можно длиннее.

Каждое утро они молятся богу, Магомету и Али и во время молитвы обращаются на юг, потому что Мекка лежит в этом направлении от них. Во время путешествия, на дороге, многие из них, как только взойдет солнце, слезают с лошадей, обращаются на юг, кладут перед собой свои халаты, сабли и четки и, стоя прямо, обращаются с поклонами на юг. Во время молитвы они становятся на колени и целуют четки или другой предмет, который лежит перед ними.

Ни мужчины, ни женщины никогда не ходят мочиться, но берут с собой горшок с желобком, а когда помочатся, то споласкивают водой тайные части. Так поступают и мужчины и женщины, и это у них вопрос, имеющий большое религиозное значение. Когда они мочатся, то мужчины садятся на корточки так же, как и женщины.

Когда персы что-нибудь утверждают положительно, они клянутся богом, Магометом и Али, а иногда и всеми вместе, говоря на своем языке так: «Алла, Магомет, Али». Но если кто-нибудь клянется головой шаха, говоря: «Шахам башка», тогда вы можете поверить ему, если хотите.

Двор шаха содержится в большом великолепии. И хотя иногда никто из его советников и приближенных не видит его целый месяц или недель шесть, они все-таки ежедневно являются ко двору и некоторое время проводят во дворце, пока не станет известно, пожелает он приказать им что-нибудь или нет. Каждую ночь его охраняет отряд из 1 000 человек, называемых «кэршами». Он пользуется ими для рассылки в соседние области по самым важным делам. Когда он посылает одного из них хотя бы к самому знатному из своих подданных, последний повинуется посланцу, хотя бы тот избил его до смерти.

Два дня в неделю шах проводит в своей бане. Когда он собирается туда итти, он берет с собой пять или шесть своих наложниц, иногда больше, иногда меньше; один день последние заняты тем, что моют, растирают и купают его, а другой день стригут ему ногти и делают другие дела. Бóльшую часть своей жизни шах проводит среди своих жен и

наложниц. Он procарствовал уже около 54 лет и поэтому считается очень святым человеком: персы всегда особенно чтут своих государей, если они царствуют пятьдесят лет или больше, ибо они измеряют божью милость счастьем человека, а его неблаговоление — человеческими несчастьями и невзгодами. И турецкий султан очень почитает этого шаха за то, что тот царствует так долго.

Я уже вам говорил, что у шаха четыре жены и столько наложниц, сколько он хочет. Если у кого-нибудь из наложниц родится ребенок и шах намерен ему передать свое наследство, тогда, если умирает одна из его жен, он делает женой наложницу, к которой он благоволит больше всего, а ребенка, которого больше всех любит, назначает своим преемником.

Обо всем, что я слышал об обычаях, связанных с их браками, я не осмеливаюсь писать из боязни оскорбить честную совесть и чистые уши. Об их посте я уже говорил выше. Обрезание детей в семилетнем возрасте у них происходит так же, как у турок.

Как я уже сказал, дома в Персии, по большей части, строятся из кирпича, но не жженого, а только высушенного на солнце. В домах у них очень мало хозяйственной утвари, за исключением ковров и медных изделий, ибо все их котлы и блюда, на которых они едят, — медные. Они едят на полу, сидя на коврах и поджав ноги, как портные. Нет такого человека, даже из самых простых, который не сидел бы на ковре — хорошем или плохом; весь дом или вся комната, в которой они обычно сидят, устлана коврами. Их дома всегда с плоскими крышами из глины. В летнее время они лежат на них всю ночь.

У них очень много рабов и рабынь. Рабы и рабыни — один из лучших видов товара, который человек может здесь приобрести. Когда персы покупают молодых девушек или женщин, они ощупывают все части их тела, как у нас делают с лошадьми. Если кто купит молодую женщину и она ему нравится, он держит ее для своего собственного пользования, пока это ему угодно, а затем продает ее другому, который поступает с ней точно так же, так что случается, что одну и ту же женщину в течение 5—6 лет перепродают от 12 до 20 раз. Если перс держит рабыню для себя и увидит, что она ему изменяет и отдается другому, он может убить ее, если это ему угодно.

Когда купец или путешественник проезжает какой-нибудь город, где предполагает пробыть некоторое время, он на время своего пребывания нанимает женщину, а иногда двух или трех. Приезжая в другой город, он поступает точно таким же образом, так как персы отдают в наем своих женщин, как у нас отдают в наем лошадей.

Есть большая река, текущая в Джаватской дороге и впадающая в Каспийское море у города, называемого Баку (Bachu). Около этого го-

рода можно наблюдать странную вещь: из земли здесь выходит большое количество масла, за которым приезжают из самых далеких концов Персии: во всей стране оно служит для освещения домов.

Это масло — черного цвета и называется нефтью. Его перевозят по всей стране на коровах и ослах, и вы можете часто встретить караваны из 400 и 500 таких животных.

Есть у того же города Баку и другой сорт масла: оно белого цвета и ценится очень дорого; по предположению, это то же масло, которое у нас называется петролеум. Неподалеку от Шемахи есть вещь, похожая на смолу; она также выходит из земли. Мы испытали ее, и на наших судах она отлично служит вместо смолы.

В Персии существуют два вида коров: одни — подобны коровам нашей страны, другие — в высшей степени уродливы, с выдающимися костями, очень худые и почти без шерсти; молоко их не совсем сладкое. Они напоминают тех, о которых говорится в писании, — тех, которые во сне фараона означали семь голодных годов: более худых и уродливых животных нигде не увидишь.

В Ширванской области, иногда называемой Мидией, если вы остаетесь в поле поблизости от селения, то, как только спускаются сумерки, вокруг вас появляются 200—300 лисиц [шакалов. — *Ю. Г.*], которые поднимают удивительный вой, и если вы плохо смотрите за своими припасами, то вряд ли они уцелеют, разве только шакалы захотят поделиться ими с вами.

На Каспийском море нет ни приливов, ни отливов; лишь иногда при очень сильных ветрах оно поднимается очень высоко. Вода в нем очень соленая. Тем не менее пресная вода, текущая из большой реки Волги, приводит к тому, что вода в море остается пресной по крайней мере на 20 лиг. Каспийское море удивительно богато рыбой, но, насколько я мог узнать, в нем нет никаких видов чудовищных по размерам рыб; однако в нем водятся особые виды рыб, которых нет в здешних частях света *.

Баранина там очень хороша: овцы крупные, с большими задами и очень большим количеством жира на них. Рис и баранина составляют главную пищу персов.

* Т. е. в английских морях.

XV

ХРИСТОФОР БЭРРОУ

1579—1581 гг.

1. Грамота ее королевского величества к шаху Тахмаспу, великому Суфию Персии, посланная с Артуром Эдуардсом, Уилльямом Тэрнбуллем, Матвеем Тейльбойсом и Петром Гаррардом, назначенными агентами Московской компании во время шестого путешествия в Персию, начавшегося в 1579 г.

Благороднейшему и непобедимейшему императору Персии, королю Ширвана, Гиляна, Грузии, Хорассана и великому правителю Индии.

Елизавета, божией милостью королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры и пр. и пр. благороднейшему и непобедимейшему императору Персии, королю Ширвана, Гиляна, Грузии, Хорассана, великому правителю даже в пределах Индии шлет привет.

Благороднейший и непобедимейший государь, прошло уже десять лет или около того, как мы после почтенного посольства, выполненного дворянином Антонием Дженкинсоном, нашим возлюбленным подданным, к вашему благороднейшему и непобедимому отцу, старались через посредство купцов Томаса Бэнистера и Джеффри Дэкета, наших подданных, чтоб во всех королевствах, подчиненных его власти, было дано рыцарям Уилльяму Гаррарду, Томасу Офли и Уилльяму Честеру и купцам Роланду Хэйуорду, Лайонелю Дэкету, Уилльяму Аллену, Томасу Бэнистеру и Лоренсу Чэпмэну и их компании свободное право въезжать в его земли и страны во всякое время, когда они хотят и могут, и заниматься там торговлей товарами и точно так же, после обмена или продажи привезенных ими товаров, вывозить оттуда с его подобного же милостивого разрешения и при его благорасположении такие предметы, которыми его владения изобилуют и которыми наши владения скудны. Такое наше ходатайство, благородный государь, ваш отец принял с такой благодарностью и благоволением, что не только даровал нестесняемую и выгодную для нас свободу въезда, как мы этого желали, но и предоставил эту свободу и эти выгоды нашим купцам на многие годы и время. Благими результатами его удивительной щедрости наши подданные поль-

зовались при таком мягком к ним отношении и при такой свободе, которые не оставляли желать ничего большего и продолжались до тех пор, пока войны, все более и более умножившиеся в странах, через которые наши подданные должны совершать свое путешествие в Персию, не воспрепятствовали им в их путешествиях и не прекратили их торговли. Ввиду того что сказанная компания желает в кратчайший срок, к благоденствию и к выгоде ваших и наших владений, возобновить эту торговлю, она в настоящее время послала в Персию своих факторов и агентов, купцов Артура Эдуардса, Уилльяма Тёрнбулля, Матвея Тэйльбойса и Петра Гаррарда с их сотрудниками. Мы молим ваше непобедимое величество принять их столь же ласково и оказать им столь же любезный прием, какой ваш отец оказал Томасу Бэнистеру и Джеффри Дэкету, и наградить их такой же свободой действий. Они, как мы надеемся, не окажутся недостойными ее и не позволят себе дурных поступков по отношению к вашим подданным, и сами мы будем пользоваться этой свободой, всегда помня о вашем добром отношении к нам, и с нашей стороны будем проявлять такое благорасположение к вам. Самое дело и время покажут, насколько упомянутая выше торговля полезна обеим сторонам. Ибо так уже устроил единый бог, высший правитель всех вещей, что каждый человек нуждается в помощи другого. Что же касается наших людей и подданных английской национальности, то на самом деле вы увидите, как они склонны подчиняться человеческому долгу, и вы никогда не раскаетесь, что даровали им свободу торговли и не будете стыдить нас, что мы добивались получить ее для них из ваших рук. Поэтому да соизволит ваше величество даровать им означенные права по нашей усердной просьбе, о чем мы горячо и настоятельно вас просим. Мы же, как это подобает государю, если только будем иметь в будущем случай, покажем, что мы не забываем о столь великом благодеянии. Желаем вашему величеству благоденствия и счастливой жизни. Дано в нашем Вестминстерском дворце июня 10-го дня, в лето господа нашего 1579, царствования же нашего в двадцать первое.

2. Уведомления и донесения о шестом путешествии в страны Персии и Мидии компании английских купцов по открытию новых мест торговли, собранные из отдельных писем за 1579, 1580 и 1581 гг., писанных Христофором Бэрроу, служащим означенной компании, к своему дяде г. Уилльяму Бэрроу.

Прежде всего следует знать, что корабли, предназначенные для путешествия к св. Николаю в России, на которых ехали факторы и товары для персидского путешествия, вышли из Грэйвзенда 19 июня 1579 г. и прибыли к св. Николаю в России 22 июля. Здесь факторы и купцы высадились, товары были разгружены и погружены на дощаники (doshnickes),

т. е. местные барки, для того, чтоб дальше вести их оттуда вверх по реке в Вологду. 25 июля дощаники отправились от Розового острова, близ св. Николая, вверх по р. Двине, на переменных (peremene), иначе сказать на почтовых, т. е. двигаясь непрерывно под парусами, на веслах, отталкиваясь шестами и людской тягой. В Колмогоры они пришли 27-го, 29-го вышли оттуда вверх по вышесказанной реке Двине и пришли в Устюг, находящийся в начале течения р. Двины и при устье Сухоны (Sughano), 9 августа. Здесь они остановились на самое короткое время для того, чтобы запастись съестными припасами и сменить некоторых казаков * или лодочников. Они вышли из Устюга в тот же день вверх по реке Сухоне и прибыли в Тотьму (здесь считают несколько больше чем полдороги от Устюга) 15-го. Тут снова сменили нескольких казаков; выехав в тот же день, дощаники пришли в Вологду 19 августа. Выгрузив в Вологде товары, наши люди оставались там до 30 августа. Заготовив в Вологде телеги (telegas) или повозки для погрузки товаров, наши выехали оттуда сухим путем в Ярославль 30 августа в 8 часов утра и 7 сентября в 5 часов пополудни прибыли на 25 телегах, груженных вышесказанными товарами, к восточному берегу Волги против Ярославля. Тогда 3 струга или баржи, заготовленные для перевозки товаров в Астрахань (где товары должен был встретить корабль, предназначенный для перевозки их в Персию), подошли из Ярославля к левому берегу Волги и здесь приняли вышесказанные товары. Когда барки были снабжены всем необходимым и совершенно готовы к отходу, наши отплыли на них из Ярославля вниз по реке Волге (14 сентября в 9 час. утра) и прибыли в Нижний-Новгород 17 сентября в 3 часа пополудни. В Нижнем-Новгороде наши купцы предъявили царские грамоты о беспошлинном проезде и, пробыв там около трех часов, чтобы запастись необходимым, поехали дальше. Они приехали в Казань, или, вернее, к месту недалеко от этого города, 22 сентября в 5 часов пополудни. Там они оставались до 26-го по причине противных ветров и того, что им пришлось набрать новых казаков на место тех, которые ушли от них. 26-го они вышли оттуда около 2 часов пополудни и 28 сентября в 10 ч. утра пришли в город Тетюши (Tetushagorod), находящийся на крымской стороне Волги на широте 55° 22′.

Тут они стали на якорь и пробыли около трех часов. Выехав оттуда, они прибыли в Увек, расположенный на крымской стороне (на западном берегу Волги), 5 октября около 5 часов утра. Это место считается на полдороге между Казанью и Астраханью. Там растет большое количество

* Термин «казак» употреблялся в основных областях московского государства для обозначения всякого человека, не приписанного к какой-нибудь общественной группе и не включенного в число тяглых людей. Таких «вольных» людей было достаточно как на северодвинском, так и на волжском речном транспорте. С верхней Волги термин перешел и на низ вместе с водворением там русских.

солодкового корня; земля очень плодородна. Находят там яблони и вишневые деревья. Широта Увека 51° 30′. На этом месте стоял прекрасный каменный замок, по имени Увек; к нему примыкал город, который русские называли Содомом. Город этот вместе с частью замка был поглощен землей по божьему правосудию за беззаконие обитавших в нем людей. До сего времени можно еще видеть часть развалин замка и могилы, в которых как-будто были похоронены знатные люди, ибо на одной из могил можно еще рассмотреть изображение коня с сидящим на нем всадником, с луком в руке и со стрелами, привязанными к его боку. Был также там на одном камне обломок герба с высеченными на нем письменами; часть их истреблена непогодой, а часть остается в полуразрушенном виде. Однако очертания букв еще сохранились, и мы сочли их армянскими. Мы нашли высеченные письмена и на другой еще могиле. Наши купцы выехали из Увека сказанного 5 октября в 5 часов пополудни и пришли к Переволоке 10-го около 11 или 12 часов ночи. Они не останавливались здесь, но прошли мимо нее. Слово Переволока (Perovolok) на русском языке означает узкую полосу земли или перешеек между двумя водными пространствами, и называется это место так потому, что здесь от реки Волги до реки Дона, или Танаиса, считается тридцать верст, т. е. столько, сколько человек может легко пройти пешком в один день. В 7 верстах ниже, на острове, называемом Царицыным (Tsaritsna), русский царь держит в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги, называемый татарским словом «караул» *. Между этим местом и Астраханью есть еще пять караулов или сторожевых отрядов. Первый называется «Каменный караул» — он находится в 120 верстах от Переволоки.

Второй называется «Ступино-караул» (Stupino Carawool) и находится в 50 верстах от предыдущего.

Третий называется «Полый (Polooy) караул» и находится в 120 верстах от второго.

Четвертый, по имени «Кизеюр-караул» (Keezeyur), находится в 50 верстах от третьего.

Пятый, по имени Ичкебри (Ichkebre), находится в 30 верстах от четвертого, а от Ичкебри до Астрахани — 30 верст.

16 октября наши купцы благополучно прибыли в Астрахань на своих трех стругах около 9 часов утра и нашли там корабль, приготовленный для персидского путешествия, в полном порядке и готовности. 17-го четыре главных фактора: Артур Эдуардс, Уилльям Тэрнбулл, Матвей Тэйльбойс и Петр Гаррард, были приглашены на обед к астраханскому главному дьяку, или секретарю (diake or secretary), Василию Федоровичу Шелепину, который рассказал им о смутах, происходящих в Индии и Пер-

* Первоначальный облик города Царицына (ныне Сталинграда).

сии, и о том, как турки с помощью крымских татар покорили бо́льшую часть Мидии и теперь владеют ею; он объяснил им также, что зима — у ворот и что если они выйдут в море на своем корабле, то они рискуют подвергнуться всем случайностям, вытекающим из того, что им придется зимовать в Мидии или в иных местах, так как у них не будет никакой надежды вернуться обратно в Астрахань. Вследствие вышеизложенного, сказанные факторы приняли решение остаться на всю зиму в Астрахани, чтобы лучше разузнать о состоянии Мидии и Персии.

19 ноября при северном ветре был большой мороз и по реке шел крупный лед. На следующий день, 20 ноября, лед на реке стал и продержался до Пасхи.

22 декабря скончался пушкарь корабля Джон Мур.

В четверг, 7 января, между 8 и 9 часами ночи вокруг луны образовался крест с орехами на северном и южном концах его. 6 января, в «Двенадцатый день», который русские зовут крещением (Chreshenia), астраханские русские прорубили отверстие во льду на Волге и торжественно по обычаю своей страны святили воду, причем в это самое время все солдаты в городе, стоя на льду, стреляли из ружей, тем самым оказывая почесть начальнику крепости. Это был князь (duke), имя которого — Федор Михайлович Троекуров (Troiocouria), стоявший у самого нашего корабля и наблюдавший за народом, стоявшим на льду; был дан залп всей артиллерией нашего корабля, т. е. из 15 орудий, а именно — 2 фальконов, 2 фальконетов, 4 фоулеров, 4 фоулеров с казенной частью и 3 других мелких орудий для стругов, стреляющих крупной дробью. После этого последовал залп крупной артиллерии замка.

31 января случилось большое лунное затмение: оно началось около 12 часов ночи, продолжалось приблизительно часа полтора и окончилось 1 февраля около половины второго часа ночи. Луна была совершенно затемнена в течение получаса.

26 февраля по случайной причине вспыхнул пожар в поселении ногайских татар в $^3/_4$ мили от астраханской крепости, называемом «юртом». Пожар начался около 10 часов ночи и продолжался до полуночи; половина селения сгорела и много скота погибло. Ногайцы, обитающие в этом поселении, — вассалы русского царя. Говорят, что там живет мужчин, женщин и детей около 7 000 человек. В эту ночь была тревога в Астрахани — в замке (кремле) и в городе. Астраханский воевода (captaine) содержит своих солдат в полном порядке и готовности; их всего 2 000 стрельцов и казаков, из них 1 000 стрельцов, которые считаются настоящими солдатами; как солдат, всегда охраняющих крепость, их не употребляют ни на какие иные работы, кроме упражнений во владении своим оружием, караулов и т. п. Казаки также учатся владеть своим оружием; они сторожат город, и обычно им поручают всякого рода работы.

7 марта 1580 г. к Астрахани подошли ногайские и крымские татары в количестве 1 400 всадников и расположились вокруг нее. Однако расстояние до ближе всего стоявших татар было не менее $2^1/_2$ верст от замка и города. Одни стояли на крымской стороне Волги, другие — на ногайской, но никто не заходил на остров, на котором расположена Астрахань. Рассказывали, что среди татар были два сына крымского хана. 8-го они отправили к астраханскому воеводе гонца сказать, что они хотят прийти к нему в гости. Тот ответил, что он готов их принять, и, взяв в руки большое ядро, велел гонцу сказать пославшим его, что на их долю придется немало таких игрушек, пока их будет хватать. 9-го разнеслись вести, что крымцы решили взять крепость и город приступом и заготовляли вязанки тростника для этой цели. 10-го от ногайцев убежали и пришли в Астрахань двое русских, бывших там пленниками, и двое татар-рабов. В тот же день князю донесли, что в гостином дворе видели двух ногайцев, которых сочли лазутчиками, но они исчезли раньше, чем их заподозрили в этом. Гостиный двор (Gostine house) находится несколько за городом; там тезики (tisiks), или персидские купцы, обыкновенно останавливаются со своими товарами. 11-го вышеупомянутые двое ногайцев и еще третий с ними рано утром снова появились в гостином дворе, но были захвачены русскими и приведены к начальнику крепости (воеводе). На допросе они показали, что приходили единственно затем, чтобы отыскать своих двух рабов, которые от них бежали. После этого рабов им выдали; такую благосклонность воевода обычно проявляет только в тех случаях, когда беглецы — нерусские; русские же беглецы были освобождены. 13-го татары сняли свой лагерь и направились к северу, в страну ногайцев.

17 апреля, по сделанным наблюдениям, отклонение стрелки компаса доходило в Астрахани до 13° 14′ к западу. Этой весной в Астрахань пришли вести, что персидская царица (царь был слепым) выступила в большой поход на турок, которые занимали Мидию, и нанесла им большое поражение. Несмотря на это Дербент и бо̀льшая часть Мидии все еще находятся во владении турок и заняты ими. Посоветовавшись между собою, факторы компании решили, что оставят в Астрахани Артура Эдуардса с половиной товаров, а что с другой половиной остальные три фактора поедут на корабле в предположенное путешествие к берегам Мидии, чтоб посмотреть, что можно было бы там сделать. Если же в этих местах нельзя будет вести безопасно торговлю, то они решили ехать дальше к берегам Гилянской области, прилегающей к Каспийскому морю и граничащей с Персией. В силу этого решения они приказали казакам половину товаров погрузить на корабль, взяв с собой также кое-какие товары у тезиков, или персидских купцов.

29 апреля Амос Райалль и Антоний Марш, служащие компании, были отосланы вышеупомянутыми факторами из Астрахани вверх по Волге в

Ярославль с осведомительными письмами для Англии и с приказанием задержать в России те товары, которые могли прибыть в этот год из Англии для поддержания намеченных торговых отношений с Персией, до тех пор, пока можно будет принять окончательное решение о том, что можно предпринять в тамошних странах.

1 мая утром, когда корабль был вполне готов к отплытию, факторы пригласили князя Федора Михайловича Троекурова и старшего секретаря Василия Федоровича Шелепина с главнейшими приближенными князя на банкет, данный на корабле, и угощали в полное их удовольствие, а при их отъезде был дан залп всей корабельной артиллерии. Затем, около 9 часов вечера того же дня наши подняли якорь и отплыли из Астрахани. Так как был очень слабый ветер, то корабль версты три вела на буксире лодка, после чего они снова бросили якорь, имея при себе паузок (pavos), или лихтер для оказания помощи на мелководье. 2 мая в 4 часа утра они снялись с якоря и пошли вниз по реке Волге к Каспийскому морю. 7 мая утром они прошли мимо дерева, стоящего по левой руке, если плыть вниз, и называемого «Магомет-Агач», или Магометово дерево; около 3 верст далее, т. е. к югу от дерева, есть место, называемое Учуг, что значит по-русски запруда (впрочем, учуг — название запруды на татарском языке). Здесь есть несколько хижин, и русский царь постоянно держит на этом месте несколько стрельцов для охраны рыболовов, работающих на этом учуге. От Астрахани до учуга считают 60 верст; наши проплыли вниз по реке, не останавливаясь у Учуга. 9-го и 10-го они попадали в мелководье и были принуждены облегчить корабль при помощи паузка. 11 мая они послали в Учуг за другим паузком. В этот день по несчастной случайности корабль наскочил подводной частью на край паузка. Компании пришлось бы понести большие убытки, если бы главнейшая часть товаров не была сложена на паузок, ибо, несмотря на откачивание воды тремя насосами и на то, что они отливали воду бадьями и всякими наилучшими средствами, какие они только могли найти, корабль был наполовину залит водой прежде, чем пробоина была найдена и течь остановлена. 12-го к ним пришел паузок из Учуга; при его помощи они разгрузили корабль от всех товаров. 13 мая к ним подошла маленькая лодка, посланная астраханским воеводой узнать, вышел ли корабль в море из мелководья. 15-го после больших трудов и усилий наши вывели корабль из мелей и мелкой воды, над чем они хлопотали с 9 мая до этого дня: им пришлось проводить свой корабль по трехфутовой глубине и даже меньше.

16 мая они подошли к Четырем Буграм, или острову с четырьмя холмиками; до него считается 40 верст от Учуга, это — последний кусок твердой земли перед открытым морем. 17 мая они вышли в открытое море и, находясь к 11 часам утра в 12 верстах от Четырех Бугров, при

глубине $5^1/_2$ футов, наши люди перенесли товары из паузка на корабль и наполнили его всем, что было необходимо. 18 мая около 7 часов утра паузок ушел в Астрахань. Ветер дул с ю.-в., и наш корабль стоял на месте. Наблюдение над высотой солнца показало широту 45° 20′. 19-го при ю.-з. ветре они продолжали оставаться на месте. 20-го ветер подул с с.-з.; около 1 часа ночи они подняли паруса и прошли 3 мили к ю.-з. и ю.-ю.-з., а затем около 9 часов утра бросили якорь при глубине $6^1/_2$ футов, потому что ветер стих. Измерение показало широту 45° 13′. 21-го при с.-з. ветре подняли паруса и шли к ю.-з. и ю. до 11 часов; глубина была 9 футов. В полдень измерили широту, которая оказалась 44° 47′; в это время глубина была $3^1/_2$ сажени; вышли из мелей. От Четырех Бугров до открытого моря считается около 50 верст. От полудня до 4 часов они прошли $5^1/_2$ миль в с.-в. направлении; в это время глубина оказалась в $5^1/_2$ сажен, а вода — солоноватой. С этого времени до 12 часов ночи они прошли пол-лиги к ю.-в. и 10 лиг — к ю.; оказалось 11 сажен глубины, а вода — солонее.

Далее, до 3 часов утра 22 мая они прошли 53 лиги; глубина оказалась в 16 сажен. Оттуда они прошли на парусах до полудня $7^1/_2$ лиг по направлению к ю.-з. и отметили широту 43° 15′, глубину — 28 сажен и каменистое дно. Далее, до 8 часов вечера они прошли $5^1/_2$ лиг к ю.-в. и отметили глубину 43 сажени и каменистое дно. С этого времени до 4 часов утра 23-го прошли $3^1/_2$ лиги к ю.-в. и не достали дна на глубине 52 сажен; до полудня прошли 9 лиг к ю.; измерение широты показало 42° 20′. Далее, до полудня 24-го прошли $17^1/_2$ лиг на ю.-з.; измерение широты показало 41° 32′. От полудня до 7 часов вечера прошли 4 лиги в ю.-ю.-з. направлении и ясно увидали горы и холмы, почти все покрытые снегом. Средние из них были прямо к з. от корабля. Ближайшее расстояние до берега было около 12 лиг; опустив лот на 200 сажен, не достали дна. До полуночи шли на ю.-з. и прошли около 3 лиг; далее, до 4 часов утра 25 мая прошли 3 лиги на з. при малом ветре; очутившись вблизи берега, убрали паруса и качались на волнах. В полдень измерение показало широту 40°54′; лот, опущенный на 200 сажен, не достал дна. В 4 часа пополудни при с.-з. ветре подняли паруса и до полудня 26-го прошли к в.-ю.-в. 4 лиги. С этого времени до 8 часов вечера прошли 3 лиги к ю.-в. при северном ветре. Затем, до 2 часов утра 27 мая прошли 8 лиг к з.-ю.-з.; с с. дул сильный ветер. От 2 до 4 часов прошли 1 лигу на ю.-з. и, когда рассвело, они увидали ровно тянущийся берег в расстоянии не более 3 лиг от них; берег состоял из неровных, оторванных одна от другой, высот. Некоторые скалы выступали далеко в море, до 5 лиг от берега (они называются Бармак-Таш). Наши прошли между этими скалами и берегом и около 5 часов утра прошли мимо гавани Бильбиль, куда должны были бы пристать, но не могли этого сделать. Тогда, подвигаясь вдоль бе-

рега, они подошли около 2 часов пополудни к селению Бильди (Bildih) в Мидийской или Ширванской земле и стали на якорь против него на 9 футах глубины. Как только они спустили якорь, к ним подъехала лодка, в которой сидело 7 или 8 человек — двое турок, остальные — персы, вассалы турок. Приехавшие обратились к ним с приветствием и, казалось, были рады их приезду. Они сказали нашим факторам, что турки завоевали всю Мидию или страну Ширван, что турецкий паша занимает с турецким гарнизоном Дербент, что Шемаха в конец разорена и что в ней осталось очень мало или вовсе не осталось жителей. Факторы, желая лично переговорить с пашой, отправили одного из тезиков, т. е. купцов, которые ехали с ними из Астрахани в качестве пассажиров, и одного из служащих, Роберта Гольдинга, со встретившими их солдатами к начальнику Баку, города, находящегося у самого берега моря, чтоб уведомить его о своем приезде, о том, какие товары они с собой привезли, и о том, что они желают быть дружественно приняты, дабы спокойно и безопасно вести торговлю этими товарами. От Бильди, места, где они пристали, Баку отстоит на расстоянии дня пути, очень легкого для пешеходов; самая близкая дорога сухопутьем — не более, вероятно, чем 6 лиг. Этот город окружен стенами и сильно укреплен. Когда гонец явился к начальнику города Баку, последний принял его весьма дружественно и, узнав, кто были те, которые приехали на корабле, и что̀ они с собою привезли, он, казалось, был этим очень обрадован. Сказанному Гольдингу он дал разрешение возвратиться на другой же день, 28 мая, и обещал день спустя сам приехать на корабль. С этим ответом Гольдинг возвратился на корабль в упомянутый день, 28 мая, около 9 часов вечера. 29 мая утром факторы приказали раскинуть шатер на берегу около корабля для приезда начальника. Последний прибыл около 3 часов пополудни с конвоем, примерно, из 30 солдат для своей охраны. Они были в кольчугах, некоторые имели серебряные рукавицы, а другие — стальные; и те и другие — очень хорошего качества. Факторы встретили его у входа в шатер, и после очень дружественных приветствий начальник прошел в шатер, окруженный факторами; факторы поднесли ему в подарок бархатное одеяние и другое из красного сукна, которые тот принял с благодарностью. После того, как они поговорили между собой через переводчиков как о самом их путешествии, так и о причинах их приезда, а начальник, со своей стороны, ознакомил факторов с состоянием этой страны, факторы обратились к нему с просьбой, чтобы он помог им иметь личное свидание и разговор с пашой. Тот ответил, что просьба их очень разумна и что в этом деле он охотно окажет им всяческое содействие. Он добавил, однако, что дорога в Дербент, где находится паша, очень опасна и что поэтому он сначала пошлет уведомить пашу об их приезде и о том, какие товары они с собой привезли и на какие товары они хотели бы их выменять,

уверяя, что попросит пашу позаботиться о их заготовке. Он поэтому выражал желание, чтобы факторы посоветовались между собой и сообщили ему, каких товаров они больше всего желают и какое количество их они хотели бы, чтобы было заготовлено. Пока факторы совещались по этому вопросу, начальник стал разговаривать с одним из купцов-тезиков, ехавших с нашими на корабле из Астрахани. Тезик, между прочим, уверил начальника, что в предшествующую ночь факторы и их спутники приняли решение вернуться обратно в Астрахань и готовы были поднять якоря, что и было на самом деле, но шкипер корабля, Томас Хэдсон из Лаймхоуза, убедил их, что ветер неблагоприятен для возвращения, и привел еще другие доводы.

Когда факторы возобновили разговор с начальником, они сказали, что хотят ехать к паше и чтоб он их доставил туда под верной охраной. Он охотно согласился на их просьбы, но пожелал, чтобы они отправились с ним в одно ближайшее селение, провели там ночь вместе с ним, а на следующий день они поедут с ним в Баку, откуда уже отправятся в Дербент. Им не очень хотелось ехать с ним на ночь, потому что запасы на дорогу не были приготовлены, и они просили остаться у себя до следующего утра. На это начальник сказал, что ему сообщили, что накануне ночью они намеревались уехать обратно и что если такая вещь случится, то он подвергнется большой опасности лишиться головы. Поэтому он просит, чтобы ему дали кого-нибудь в заложники. Один из факторов, г. Гаррард, вызвался добровольно ехать с ним; не умея говорить по-русски, он взял с собою Христофора Бэрроу и одного русского переводчика. Вечером они проехали на конях от берега моря до селения, расположенного на расстоянии около 10 миль от берега, где во время ужина начальник долго разговаривал с г. Гаррардом о нашей стране, где она находится, какие страны ее окружают и с кем мы ведем торговлю, ибо по русскому названию нашей страны он никак не мог догадаться, кто мы такие. Но когда по описанию положения нашей страны он увидел, что мы — англичане, он спросил, не королева ли девственница у нас государем. Когда мы это подтвердили, «тогда, — сказал он, — ваша страна называется Ингельтерра, не правда ли». На это был дан утвердительный ответ, и он очень был рад, что имеет теперь достоверные о нас сведения. Начальник очень ухаживал за нашими: он посадил рядом с собой г. Гаррарда, а Христофора Бэрроу и русского переводчика для турецкого языка — поблизости. Был там также один гилянский купец, которого он, повидимому, держит в большом почете. Он посадил его рядом с собой по другую сторону, а его приближенные сидели вокруг него, толкуя между собою. Сидят они на корточках или же поджав ноги крестом.

Когда принесли ужин, начальник просил наших откушать. После того, как съеден был суп, сделанный из риса, и вареное мясо, подан был

на блюде густо сваренный рис с медом; затем подали на подносе целого жареного барашка и поставили перед начальником. Он подозвал одного из слуг, который разрезал барашка на куски и, разложив на отдельные блюда, снова поставил их перед начальником. Последний дал одно блюдо г. Гаррарду и его спутникам, другое — своей свите, а тем, кто сидел далеко, он бросал мясо со стоявших перед ним блюд. За ужином он предлагал много вопросов г. Гаррарду и Христофору Бэрроу о том, что англичане едят, и спрашивал, едим ли мы мясо и рыбу по своей охоте или же согласно каких-нибудь правил. Пьют они там только воду. После ужина, гуляя по саду, начальник спросил г. Гаррарда, каков обычай у англичан — спят ли они в доме или же в саду и что он сам предпочитает. Тот ответил, что он ляжет, где будет угодно начальнику, но что по английскому обычаю спят в домах. Тогда начальник приказал поставить нашим кровати в домах, а своим родственникам — сторожить их ночью, на случай, если бы им что-нибудь понадобилось. Сам же он со своей свитой и с солдатами лег в саду.

Рано утром он послал коней за остальными из тех, кто должен был ехать в Дербент, и вместе с тем послал 10 баранов для экипажа корабля. В этом селении была баня. Начальник пошел в нее утром, уговаривая г. Гаррарда последовать его примеру и самому помыться, что тот и сделал. Вскоре после того, как они вышли из бани и сидели за завтраком, приехали г. Тэрнбулл, г. Тэйлбойс и Томас Хэдсон, шкипер корабля. Когда все поели, они отправились в Баку, но Христофор Бэрроу возвратился на корабль, потому что ушиб ногу и не мог ехать на коне. Из Баку же они проследовали в Дербент, как это было обещано начальником. На пути их сопровождали для безопасности дворянин и несколько солдат, которые везли письма от начальника Баку к дербентскому паше, очень дружественно и сочувственно для англичан написанные. Во время пути в Дербент ехавшие избегали обычных дорог, очень в это время опасных, и ехали по лесам, пока не доехали почти до самого города Дербента. Тут дворянин поехал вперед с письмами от начальника к паше, чтобы уведомить о приезде английских купцов. Паша, получив письма и узнав суть дела, был рад таким известиям и выслал навстречу нашим несколько солдат, вооруженных огнестрельным оружием. Они встретили наших за 2 мили от города, приветствовали их с большой почтительностью и потом, почтительно отсалютовав, поехали впереди них. Несколько поближе к замку наших встретил новый отряд солдат, которые после подобных же приветствий и поклонов также поехали впереди них. Затем знатные люди, военачальники и дворяне, встретили их у ворот города и замка. Когда они вступили в замок, то последовал залп из 20 крупных артиллерийских орудий, а паша послал г. Тэрнбуллю прекрасного коня, оседланного под верх, стоимостью до 100 марок. Так наши англичане были препрово-

ждены к паше. Тот, поговорив с ними, приказал подать парчевую одежду, которую велел надеть на г. Тэрнбулля. После этого он разрешил им удалиться и отдохнуть, так как они были сильно утомлены путешествием, сказав, что на следующий день он будет вести с ними дальнейшие переговоры. На другой день, когда факторы снова явились перед пашой, как было условлено, они просили его о даровании им привилегии, по которой они могли бы безопасно торговать во всех местностях, входящих в состав его владений, предлагая, что если его величеству (sic!) угодно получить что-либо из тех товаров, которые они привезли, то пусть он изложит свои пожелания начальнику города Баку, и товары будут немедленно переданы ему. Ответ паши был таков, что он с большой охотой даст им желаемую ими привилегию; что же касается безопасности купцов, приехавших из столь далекой страны, то он, зная, что в его владениях царит смута, хотел бы, чтобы они привезли свои товары сюда, в Дербент, и продавали бы их тут. Со своей стороны он обещал им заготовить товары, в которых они нуждаются, обещая, что он будет их защитой, дабы никто не нанес им никаких обид.

Вследствие этого факторы послали Томаса Хэдсона обратно на корабль с приказанием привести его в Дербент. Паша отправил с ним одного из своих дворян к начальнику города Баку, чтобы уведомить последнего о принятых решениях. Исполнив это поручение, начальник города Баку и посланец паши с дюжиной солдат отправились из Баку в сопровождении Томаса Хэдсона и прибыли на корабль, стоявший в Бильди, 11 июня. Начальник и его люди, побывав на корабле и осмотрев его, тотчас же уехали, а посланец паши с тремя другими турками остался на корабле и пробыл на нем до того времени, когда корабль пришел в Дербент. Широта Бильди, по неоднократным наблюдениям, равна 40° 25′; отклонение компаса равно 10° 40′ от с. к з. По возвращении Томаса Хэдсона в Бильди, корабль принужден был оставаться на месте вследствие противных ветров до 4 часов утра 16 июня, когда был поднят якорь, поставлены паруса и корабль вышел в Дербент. 22 июня в 10 часов утра он прибыл туда, став на якорь против города, к ю.-в. от замка при $4^1/_2$ саженях глубины. Тут наши привели в порядок свою артиллерию, которую они до того времени спрятали, чтобы облегчить корабль при качке. После полудня паша спустился к морскому берегу и остановился против корабля. Артиллерия была установлена, орудия заряжены, и был дан залп из всех орудий в честь паши. Сейчас же после того как паша удалился, он разрешил факторам возвратиться на борт корабля. 29 июня товары были выгружены и перенесены в сад паши, где последний отобрал то, что он хотел, взяв в качестве пошлины по одному куску каразеи или другого товара на каждые 25 кусков, иначе сказать из расчета 4%. После отбора товаров пашой, факторы решили послать часть остального товара

в Баку для скорейшей его распродажи. Для этой цели они получили от паши письмо к начальнику города Баку, которое было составлено благожелательно к ним и в их пользу. Сейчас же был погружен и отправлен в небольшой лодке местной постройки товар ценностью почти на 1 000 фунтов стерлингов, а именно: 100 кусков каразеи, 7 кусков тонкого сукна, 2 бочонка кошенили, 2 бочонка олова и 4 бочонка с пучками пряжи. С товаром поехали служащие компании Уилльям Уинколль (Winckle), Роберт Гольдинг и Ричард Рельф с двумя русскими, из которых один был переводчиком, и кроме того четыре человека при лодке. Они выехали из Дербента на этой лодке 19 июля и прибыли в Бильди 25-го. Переход и перевозка товаров в Баку обошлись дорого; хотя товары в Баку продавались туго, зато начальник города выказывал нашим большую дружбу как вследствие письма к нему паши, так и вследствие дружеского обращения с ним факторов, как об этом уже писано выше. Желая посмотреть, что̀ можно сделать в Шемахе, отстоящей от Баку на один день пути, Роберт Гольдинг отправился туда, но на обратном пути на него напали разбойники, и он был ранен в колено стрелой, причем едва не лишился жизни и товаров, хотя ему удалось убить из мушкета одну из разбойничьих лошадей и прострелить одному турку обе щеки из пистолета. 6 августа факторов уведомили, что их корабль погнил и так ветх, что сомнительно, чтобы на нем можно было возвратиться в Астрахань. Они тотчас же вошли в соглашение с одним армянином, по имени Яковом, и купили у него судно, называемое бусой, вместимостью около 35 тонн, которое в том же году пришло из Астрахани и в данное время стояло на якоре у острова, называемого Зир (Zere), в 3 или 4 лигах за Бильди, к в. от него. Факторы предполагали для большей безопасности взять бусу с собой на возвратном пути в Астрахань и поэтому написали Уинколлю и остальным в Баку, чтобы они совершили приемку этой бусы и погрузили на нее в Бильди товары, подлежавшие возвращению в Дербент, что и было ими действительно исполнено. Но когда все товары были погружены в сказанную бусу в Бильди и наши были готовы к отъезду оттуда в Дербент, поднялась страшная буря с ветром, дувшим с открытого моря; силой бури разорвало канаты и швартова, судно было выброшено на берег и разбилось в щепки о скалы. Люди, бывшие на нем, все спаслись; спасли и часть товаров. Но у них была коробья (corobia), или ящик, в котором спрятаны были талеры и золото, полученные за товары компании, проданные нашими в Баку. Когда ее вытаскивали из бусы, она упала вдоль борта судна в воду среди скал и погибла. Погибли также тюки с сукном, которые оказалось невозможным вытащить из бусы; но другие вещи, из наиболее ценных, они спасли.

18 августа факторы получили от паши 500 батманов шелка-сырца, как часть сделанной у него покупки; за остальным товаром он приказал им притти на другой день.

19-го факторы, как было назначено, отправились к паше, но в этот день им не удалось говорить с ним: им было сказано, как бы от его имени, чтобы они посмотрели и сообразили, не остаются ли они в долгу перед пашой. Это очень огорчило факторов. Г. Тэрнбулль ответил, что их головы и их имущество — все зависит от милости паши. Тогда им ответили, что не об этом идет дело, но чтобы они пересмотрели свои счета, чтобы выяснить, в каком положении находятся их взаимные расчеты. 20 числа они пересмотрели счета, а 21-го опять пошли говорить с пашой, но им было отказано в аудиенции.

22 августа факторы получили с бусы, пришедшей из Астрахани, известие, что Артур Эдуардс, которого факторы оставили в Астрахани с половиной товаров, скончался.

23-го факторы получили от паши еще 500 батманов шелка-сырца. 4 сентября пришли вести в Дербент, что при возвращении Гольдинга из Шемахи на него напали разбойники-турки и что он ранил одного из них.

5 сентября мальчик Товия Эткинс, сын корабельного пушкаря, умер от поноса и был похоронен 6-го в 2 милях к ю. от Дербентского замка, где армянские христиане обычно хоронят своих покойников. Около 20 сентября в Дербент пришли известия, что буса, купленная у Якова армянина, разбилась в Бильди, но факторы не получили от наших людей никаких точных письменных сведений.

26 сентября на борт корабля погрузили 40 кип шелка. С 26 сентября по 2 октября на корабль запасали хлеб, воду и другую необходимую для морского запаса провизию. 2 октября факторы внезапно получили приказание очистить занимаемый ими дом и выбыть из города со всеми своими запасами, вследствие чего им пришлось вывезти все свое имущество на морской берег против корабля и оставаться там всю ночь. Причиной такого внезапного удаления их из города было то — как они потом узнали, — что паша получил известие, что турецкий султан посылает ему помощь денежными средствами и что деньги эти уже подходят к самому городу.

3 октября все было перенесено с берега на корабль. В этот же день факторы ходили к паше прощаться, причем поручили его заботам тех служащих компании, которые были посланы в Баку, рассчитывая оставить их в этой стране. Он велел записать их имена и обещал, что они не будут ни в чем нуждаться и не подвергнутся никаким обидам. Простившись с пашой, факторы вернулись на корабль, предполагая тотчас же поднять паруса и отплыть в Астрахань, ввиду попутного ветра, дувшего с ю.-ю.-в. Когда уже все было готово, чтобы распустить паруса, перед

кораблем появился человек, который начал свистать. За ним сейчас же послана была на берег лодка. Он оказался армянином, посланным от Уилльяма Уинколля с написанными им табличками, в которых сказанный Уинколль коротко описал несчастную гибель бусы и сообщал, что они ехали от Бильди к Дербенту со всеми вещами, которые им удалось спасти, в маленькой лодке и должны были высадиться в одном месте, на морском берегу, называемом Армянским селением. Вследствие этого факторы тотчас же велели остановить корабль, надеясь, что при ю.-ю.-в. ветре, который тогда дул, Уинколль и его товарищи будут в состоянии доехать от того места, где они находились, до корабля, а если нет, то факторы предполагали выйти в море со следующим попутным ветром к тому месту, где находился Уинколль, и. если будет возможно, взять их с собой. Такая задержка и то обстоятельство, что упущены были ветры южных румбов, сделались источником величайших затруднений, которые нашим пришлось позднее испытать из-за льдов и других обстоятельств, входя в устье Волги, как об этом будет сказано ниже.

4 октября дул ю.-ю.-в. ветер; корабль стоял на якоре. В этот день Христофор Бэрроу был послан на берег в Дербент достать кое-какие необходимые для путешествия вещи, а с ним один или два тезика, которые должны были ехать на корабле в Астрахань в качестве пассажиров. Будучи на берегу, он увидел, как прибыла турецкая казна, сопровождаемая 200 солдат и 100 саперов для прокладки дороги, не считая командиров и дворян. Паша, его подчиненные и солдаты в парадной одежде и снаряжении выехали за 3 или 4 мили от Дербента навстречу сказанной казне и приняли ее с большой радостью и торжеством. В деньгах они нуждались больше всего, так как незадолго до того солдаты, не получая платы, были готовы разгромить дворец паши. Между ними было большое смятение, потому что паша долго откладывал и не выплачивал им задолженных денег. Казна прибыла на 7 повозках; с нею было привезено 10 слитков желтой меди.

В тех местностях Мидии, где наши купцы были, нельзя было никак и ни за какую цену купить никакого другого товару, кроме шелка-сырца, да и тот можно было получить только через посредство паши; последний же вскоре после прибытия наших наложил дань шелком на всю страну. Его отношения к нашим купцам в этом деле если и не были вполне справедливыми и не совсем отвечали заключенному договору, все же не были и совсем нечестными. Из тех товаров, которые они привезли, он взял бо́льшую часть за свой счет по очень низкой цене сравнительно с их стоимостью, а так как именно он заготовил им в обмен такое количество товара, какое они без его посредства не могли бы получить вследствие смуты в стране и большой опасности сухопутных путешествий, то паша и поступал с ними, как ему было угодно.

Известия, которые наши купцы получили еще в Астрахани о войнах между турками и персами, были близки к истине. Турецкое войско с помощью крымцев в количестве 200 000 человек, по словам двух испанцев, которые служили в этих войсках, вторглось в Мидию и завоевало ее в 1577 г. Когда турецкий султан узнал об этом завоевании, он назначил Османа-пашу (упомянутого выше пашу и правителя Дербента) губернатором всей страны; последний поселился в Шемахе, главном городе Мидии и самом оживленном торговом городе страны. В знак благодарного принятия его услуг и в награду за великое завоевание великий султан послал ему драгоценную саблю.

После того как упомянутый паша по-своему привел страну в порядок и поставил, где считал нужным, гарнизоны, войско было распущено и ушло обратно. Но когда персы узнали о роспуске и уходе турецкого войска, они вступили в Мидию и опустошили ее огнем и мечом, истребляя на своем пути людей, скот и все остальное, что могло оказаться пригодным для турок. Опустошив всю Мидию, они подошли, наконец, к Шемахе, где находился упомянутый выше паша, наместник великого султана, и осадили ее. Последний, видя, что не сможет долго им сопротивляться, бежал из Шемахи в Дербент, где и остается в настоящее время.

Дербент — сильная крепость, построенная Александром Великим. Она расположена так, что персы, не имея артиллерии, могут взять ее только голодом. Когда турки бежали из Шемахи, персы разграбили последнюю, не оставив в ней ни живого существа, ни какого бы то ни было имущества, а затем возвратились в Персию и сосредоточились вокруг Тавриза, где между ними поднялись какие-то несогласия относительно царской власти. Позднее персы, узнав, что новая турецкая армия послана великим султаном и идет в Мидию, собрали большое войско и, внезапно напав на турок, нанесли им поражение и перебили их всех до единого. Поражение турок повергло в печаль дербентского пашу и заставило его усилить меры к обеспечению своей безопасности. Кроме того, ему донесли, что кизильбаши, т. е. персидские дворяне, задумали напасть на него и что неподалеку от Баку стоит войско, готовое начать осаду этого города. Поэтому паша объезжал и осматривал дербентскую крепость и источники воды, которые были проведены в нее, и приказывал делать исправления там, где находил какие-нибудь неисправности *.

* Все, что говорит Христофор Бэрроу о турецко-персидских войнах этого времени и об отголосках этих войн в Закавказье и Дагестане, в общем соответствует истине. Враждебные отношения между обоими мусульманскими государствами усилились после воцарения в Персии шиитской династии Сефевидов. Внутренние династические усобицы обычно тесно спутывались с многочисленными турецко-персидскими войнами XVI в. Восставший против Тахмаспа брат его Ильхас нашел союзников в лице турок и вызвал нашествие последних на Иран, последствием чего было бегство шаха из Тавриза и

Широта Дербента (по неоднократно произведенным там точным измерениям) — 41°52′. Отклонение компаса в этом городе — около 11° от с. к з. От Дербента до Бильди — 46 лиг по сухому пути. От Дербента до Шемахи сухого пути — 45 лиг. От Шемахи до Баку — около 10 лиг, что составляет приблизительно 30 миль. От Баку до Бильди — 5 или 6 лиг сухопутьем, а водой — около 12 лиг. От Дербентской крепости в восточном направлении до берега Каспийского моря тянутся на одну английскую милю две каменные стены. Эти стены в 9 футов толщины и в 28 или 30 футов вышины; расстояние между ними составляет 160 землемерных шагов, т. е. 800 футов. Еще и теперь можно заметить развалины этих стен, тянувшихся в море под водой около полумили. Точно так же в западном направлении от крепости видны остатки каменной стены, идущей в глубь страны; стена эта, как рассказывают, шла от этих мест до Эвксинского Понта и была построена Александром Великим одновременно с Дербентской крепостью.

5 октября около полудня при с.-с.-в. ветре наши купцы подняли якорь и поплыли вдоль берега в южном направлении искать своих людей. Но, когда они прошли около 4 миль, ветер, перейдя к востоку, стал противным, и они принуждены были бросить якорь при 3 саженях глубины.

6-го они подняли якорь и отошли несколько дальше в море, где спустили якорь на 7 саженях глубины; корабль их давал течь и так прогнил сзади грот-мачты, что человеку можно было бы процарапать его борт ногтями. 7-го около 7 часов утра они подняли паруса при ю.-з. ветре. Наши купцы пришли к заключению, что время года очень позднее, ко-

перенесение столицы в Казвин (1548—1552 гг.). В 1559 г. восстал сын Солимана Великолепного — Баязид; разбитый при Конии, он нашел убежище в Персии. Последовавшая затем новая персидско-турецкая война закончилась невыгодным для Персии миром 1569 г. и убийством турецкого царевича Баязида. Об этих событиях обстоятельно рассказывает Дженкинсон (см. отд. X). После смерти шаха Тахмаспа (1576 г.) в Персии наступила новая полоса политических замешательств и несчастных войн с турками. Пользуясь внутренними усобицами и частой сменой шахов в 1576—1578 гг., когда три сына Тахмаспа сменили один другого на персидском престоле, турки завоевали Закавказье до Азербайджана включительно. События эти произошли между возвращением Дэкета в Англию и последней экспедицией, в которой принимал участие Христофор Бэрроу; о них и предупреждали англичан русские власти в Астрахани. При третьем преемнике Тахмаспа, его старшем сыне, полуслепом шахе Мохаммеде, персам в конце 1570-х годов удалось вытеснить турок из Азербайджана, но при этом они сами опустошили всю страну и разрушили столицу Ширвана — Шемаху; турки, однако, удержались в Грузии, Дагестане и на Северном Кавказе. Таково было положение, которое застала английская торговая экспедиция в 1580 г., и вот почему ей пришлось ограничить свои действия только занятыми турками северным Ширваном и Дербентом. Только позднее, уже в начале XVII века (и то после ряда неудач), шаху Аббасу Великому, сыну Мохаммеда, удалось одержать верх над турками и вернуть под свою власть завоеванные ими территории.

рабль слаб — дает течь и прогнил, — и поэтому решили не ждать более Уинколля и его товарищей, но покинуть их, а самим итти прямо к Астрахани. До полуночи они прошли к с.-с.-в. около 16 лиг, но ветер перешел на с.-с.-з., стал очень крепчать и перешел в настоящую бурю, которая заставила их убрать все паруса, кроме передних нижних; с ними им пришлось выйти в море и в ю.-з. и ю.-ю.-з. направлении. А 8-го около 2 часов ночи к великому их горю и неудобству с кормы корабля упал в воду их большой бот; пришлось отрезать канаты, а они надеялись спастись на нем в случае кораблекрушения. Около 10 часов утра они увидели берег лигах в пяти к ю. от Дербента и пошли вдоль берега на ю.-ю.-в. до Низовой, где стали на якорь при 3 саженях глубины на хорошей якорной стоянке с илистым грунтом. Этому они были очень рады, как и тому, что ветер стал дуть с с.-з. и буря стала несколько утихать. Уинколль и его товарищи, находясь в Армянском селении около 18 верст к западу от Низовой, против которой наши стали на якорь, видели корабль, когда он проходил мимо них, и ночью послали вслед им человека вдоль берега моря. Он дошел до того места, где стоял корабль, и при помощи головешек, зажженных на вершине дерева, стал подавать сигналы, которые и были замечены с корабля. Тотчас же была спущена на берег шлюпка, чтоб узнать что̀ значат эти сигналы. Шлюпка привезла письмо Уинколля, извещавшего, что они находятся в Армянском селении со всеми товарами, какие у них есть, и просившего, чтобы их вместе с товарами забрали на корабль. 9-го дул легкий ветер, и корабль, снявшись с якоря и выйдя в море, продвинулся несколько в сторону вышесказанного селения, где и бросил якорь. 10-го послали шлюпку к Армянскому селению за людьми и товарами с указанием: если ветер не позволит им возвратиться на корабль, то корабль сам подойдет за ними к селению. В этот день было тихо. 11 октября дул с.-з. ветер, и корабль простоял на месте. 12-го при ю.-в. ветре, подняв якорь, подошли и стали вновь на якорь против Армянского селения. Шлюпка подъехала к кораблю и сообщила, что нашим на берегу грозила бы опасность быть ограбленными татарами, если бы только их не защищали вооруженные огнестрельным оружием воины. Тогда шлюпку снова послали обратно с приказанием, чтобы они безотлагательно поспешили на корабль, чего бы это им ни стоило. После этого все они в тот же день перебрались на борт корабля, за исключением Ричарда Рельфа и двух русских. Но как только шлюпка вернулась к борту корабля, подул с.-в. ветер, и море вздулось так, что пришлось поднять шлюпку на борт и стоять до 13-го. В этот день была прекрасная погода, и рано утром шлюпка была спущена с корабля и отправлена за сказанным Рельфом и двумя русскими, которые ждали на берегу, совершенно готовые, а с ними — два испанца, взятые в плен в Голетто в Берберии и служившие у турок солдатами. Этих испанцев из христианского милосер-

дия также приняли на корабль; их привезли в Англию и здесь, в Лондоне, отпустили на свободу в сентябре 1581 г. В этот день ветер дул с с.-с.-в.; погода была ясная. 14-го послали шлюпку на берег, чтобы пополнить запас пресной воды. 15-го простояли на месте из-за слабого ветра и тумана. 16 октября при в.-ю.-в. ветре подняли якорь, распустили паруса и пошли на с. к Астрахани. Ночью бросили якорь на десятисаженной глубине, примерно в 5 милях от берега земли Шалхала (Shalkaules countrey); место это находится в 8 милях к с.-с.-з. от Дербента.

17-го дул очень бурный северный ветер, и они стояли весь день и всю ночь. 18-го около 1 часа пополудни ветер подул прямо с ю.-в.; они снялись с якоря и прошли до 4 часов 6 лиг к с.-с.-в. и тогда при продолжавшемся ю.-в. ветре увидали землю на протяжении около 10 лиг. Оттуда до полуночи они прошли 12 лиг к с.-с.-в. Далее, до 7 часов утра — 8 лиг в том же направлении. Затем ветер стал в.-ю.-в. и поднялся сильный шторм. Лот показал 17 сажен и песчаное дно. В это время, по мнению шкипера, мы находились около мыса Шетли *. С этой поры и до полудня прошли 5 лиг к с. Поднялась буря с ветром; лот показал 5 сажен. Затем, до 8 часов вечера прошли 7 лиг к с.; ветер сменился с.-в. с небольшим дождем; спустили паруса и стали на якорь на 3 саженях с мягким илом и простояли тут всю ночь. 20-го весь день и всю ночь дул с.-в. ветер с маленьким дождем, как и накануне.

21 октября ветер был с.-з.; снова стояли на якоре. 22-го около 3 часов пополудни подняли якорь при з.-с.-з. ветре; до 6 часов вечера прошли 4 лиги и стали на якорь в $2^1/_2$ саженях на мягком иле при легчайшем з. ветре.

23-го около 6 часов утра снялись с якоря, поставили паруса при легком в. ветре и прошли до 2 часов пополудни 6 лиг к с.-з. по направлению к берегу и стали на якорь при 6 футах глубины. Отсюда отлично был виден низкий берег с песчаными холмами. От ближайшего берега корабль был в расстоянии около 3 миль. Они предположили, что земля, против которой они стояли, лежит к з. от четырех островов, называемых по-русски Четыре Бугра, на самом деле по проверке потом оказалось, что они находились в расстоянии около 50 верст, или 30 английских миль, к ю.-з. или еще с уклоном к ю. от вышесказанных Четырех Бугров.

24 октября ю.-в. морской ветер, называемый Гилявар (Gillavar), заставил их стоять на месте. 25-го решили послать на шлюпке Роберта Гольдинга с несколькими русскими, приказав им итти на веслах на с. вдоль берега искать Четыре Острова и пройти таким образом в Учуг, там высадить Роберта Гольдинга, чтобы он ехал в Астрахань и передал письмо Амосу Райаллю. В письме изложена была просьба достать паузки, которые должны были встретить наш корабль у сказанных Четырех Остро-

* Вероятно, где-нибудь около Аграханской косы.

вов. Шлюпке же с русскими велено было возвратиться из Учуга к кораблю со съестными припасами. Шлюпка отошла от корабля около 9 часов утра. 26, 27, 28 и 29 октября дули в. и с. ветры; корабль все время стоял на месте. 30-го ветер подул с ю.-в.; подняли якорь и поплыли в с.-в. направлении, но корабль так накренился на сторону, обращенную к берегу, что наши принуждены были тотчас же спустить паруса и стать на якорь. С этого места корабль больше не сдвинулся. В этот день хлеб выдавали по порциям, но в их нужде господь послал им две стаи куропаток, летевших с берега и садившихся на корабль и вокруг него. Это их очень подкрепило, а один из ехавших, лежавший больным, на сохранение жизни которого было мало надежды, стал поправляться.

4 ноября шлюпка вернулась с некоторым количеством припасов и сообщила, что Четыре Острова находились приблизительно в 60 верстах от них к с.-в. Когда Роберт Гольдинг приехал в Астрахань и передал письмо факторов Амосу Райаллю о приходе корабля и о состоянии, в котором он находится, было обо всем сообщено князю, астраханскому воеводе, вместе с просьбой о паузках. Он был очень рад слышать, что наши возвратились благополучно, и велел как можно скорее отправить два паузка и один струг со стрельцами для охраны и защиты наших. С этим стругом и паузками Амос Райалль спустился к Четырем Буграм или, иначе сказать, к четырем упомянутым выше островам и, согласно указаниям факторов, остановился там со своими судами. 5 ноября наши на корабле решили послать плотника с 4 русскими на шлюпке к Четырем Буграм просить Амоса Райалля приехать с паузками к кораблю как можно скорее. Шлюпка с этими людьми отошла от корабля утром и через час встретилась с маленькой лодкой, на которой были русские; лодка шла на веслах к кораблю из Учуга и везла дикую свинью и другие припасы на продажу. Шлюпка вернулась к кораблю вместе с лодкой; русские остались очень довольны платой, которую они получили за привезенные припасы; в тот же день они отправились в своей лодке назад в Учуг; с ними в той же лодке был послан корабельный плотник на Четыре Бугра, лежавшие по дороге, передать Амосу Райаллю изложенное выше поручение. С 5 ноября по 9 корабль стоял на месте; дули противные ветры с востока. В этот день, 9-го, к кораблю подъехала небольшая лодка с русскими, привезшая съестные припасы от Амоса Райалля и сообщение, что он с паузками и стругом уже 5 дней как находится у Четырех Бугров, поджидая подхода туда корабля; 10 ноября на корабле были в недоумении, подойдут ли паузки, и послали Томаса Хэдсона, шкипера корабля, на шлюпке к Четырем Буграм (со шлюпкой вместе ушла и сказанная выше лодка) за паузками, чтобы он привез известие, придут ли паузки, или нет. Дул с.-в. ветер и стоял туман. 11-го при северном ветре и тумане корабль стоял на месте. 12 ноября приехали к кораблю Амос Райалль.

Христофор Фоусет и новый пушечный мастер; с ними вместе возвратился и шкипер Томас Хэдсон; но струг со стрельцами остался у Четырех Бугров и, когда стало морозить, вернулся оттуда в Астрахань. Амос Райалль заявил, что он отправил плотника обратно с Четырех Бугров на маленькой лодке 10 ноября и удивлялся, что тот не приехал на корабль. Как после узнали, в тумане, стоявшем накануне, он не нашел корабля и проехал мимо него, а потом, возвращаясь обратно, нашел его на якоре, но на нем — никого, кроме русских, оставшихся стеречь корабль. Уехав оттуда, он отправился на Учуг и здесь остался ждать. Тотчас же по приезде паузков к кораблю, были приложены все старания, чтобы с возможной быстротой погрузить на них все товары, а когда с товарами было покончено, на паузки взяли все, что могли, из артиллерии, снастей и провизии.

13 ноября утром Амос Райалль был отправлен на маленькой лодке в Астрахань доставить провизию и перевозочные средства, чтобы выручить наших и помочь им, так как они не могли итти далее Четырех Бугров; однако его захватил мороз, и ему пришлось ехать в Астрахань на лошадях. На Учуге он нашел плотника, возвратившегося из своего неудачного плавания и сильно пострадавшего от холода. В тот же день и все наши пошли на паузках с товарами к Четырем Буграм, оставив корабль на якоре, а в нем — двух русских. Кроме того, трое других русских поехали на паузках за съестными припасами для себя и для двух остававшихся на корабле, обещав возвратиться как можно скорее. Они обещали за 20 рублей деньгами попытаться провести корабль в какую-нибудь гавань, где бы он мог перезимовать в безопасности, или же стеречь его всю зиму там, где он стоял. Им было обещано уплатить деньги, если они это выполнят. В тот же день, едучи на паузках, наши увидали Четыре Бугра верстах в восьми к ю.-в. Однако при с.-в. ветре море замерзло так, что они не могли ни грести, ни управлять своими паузками, ни двигаться на них, но должны были пустить их по воле ветра и льда. Так дрейфовали они во льду 40 часов, уносимые в море в ю.-в. направлении. 16 ноября лед стал. Пока они дрейфовали во льду, опасность для них была очень велика, ибо часто, когда лед ломается силой ветра и моря, отдельные глыбы его вскидываются и громоздятся одна на другую с такой громадной силой, что страшно смотреть. И это часто происходило так близко от паузков, что наши ждали, что их поглотит вода к их окончательной гибели. Но бог, который сохранил их от стольких опасностей, и на этот раз послал им спасение и избавление.

Через 3 или 4 дня после ледостава, когда лед стал твердым и прочным, они выгрузили весь свой товар, состоявший из 48 кип шелка или тюков шелка-сырца, сложили его на льду и прикрыли его всем, что было у них под руками. Не имея съестных припасов, они решили оставить весь товар там же на льду и итти к берегу. Поэтому они переломали все

свои сундуки и коробьи (Corobias); из них и изо всего, что было у них под рукой, они наделали саней для каждого человека, который и должен был тащить их по льду; на сани они положили одежду для тепла и провизию, какая у них была, а также всякие другие вещи, которые они могли захватить с собою, и таким образом пошли от своих товаров и паузков. Выйдя рано — около 1 ночи — и идя по льду, они подвигались к северу, стараясь выбирать кратчайший путь, и в тот же день, около 2 часов пополудни, увидали Четыре Бабы — четыре холмистые острова, носящие такое название. Они направились к ним и остались там на ночь. По их расчетам, покинутые ими товары и паузки находились верстах в 20 от этих Четырех Баб.

На следующее утро они пошли оттуда на восток и еще до полудня пришли к Четырем Буграм (или Четырем Островам, о которых говорилось выше); расстояние между тем и другим местом — около 15 верст. Там провели они всю следующую ночь и оттуда отправились в Астрахань. На другое утро, очень рано, они сбились с дороги, вследствие уговоров шедших с ними русских, и забрали слишком влево, вопреки мнению шкипера Хэдсона. Они бродили по льду 4 или 5 дней, не зная, зашли ли они в землю крымских татар или нет. Наконец, им посчастливилось найти дорогу, которую уже проездили; скрещиваясь с их путем, она шла обратно к морю. Они пошли по ней, и после 2 дней пути она привела их в селение, называемое Красным Яром (на английском языке это значит Красная скала — Red cliff) — название, известное некоторым из путешественников.

Здесь провели они ночь; есть им было нечего, кроме одного каравая хлеба, который нашелся у русских, оставленных стеречь корабль всю зиму (как об этом сказано выше); они случайно повстречали их на своем пути к Астрахани. милях в 5 не доходя до Красного Яра. Те сообщили нашим, что корабль был разбит льдом в щепки и что сами они еле спаслись.

Рано утром пошли они из Красного Яра на Учуг и часов около 9 утра, будучи верстах в 9 от Учуга, встретили Аммоса Райалля с плотником, которого он нашел на Учуге, и с пушечным мастером, незадолго до того приехавшим из Англии. С ними было 65 казаков, имевших при себе столько же лошадей, и 50 стрельцов для охраны. Они везли съестные припасы и посланы были князем привезти товары в Астрахань. Встреча принесла всем много радости.

Факторы отправили за товарами Амоса Райалля с его спутниками. а также шкипера Томаса Хэдсона и его помощника Томаса Пэриса. Сами же факторы со своими спутниками дошли пешком до Учуга, где отдыхали этот день и следующую ночь. Из Учуга отправились они в Астрахань, куда и прибыли в последний день ноября.

Те, кто поехал за товарами, расставшись с факторами, дошли в этот

день до места в 10 верстах от Четырех Баб, где и остановились на ночь. Они выехали на рассвете следующего дня и к полудню достигли Четырех Баб, где и ночевали. Томас же Хэдсон, плотник и пушкарь выехали немедленно дальше искать, где были сложены товары. Они нашли их и на другой день вернулись к своим спутникам к Четырем Бабам и рассказали, в каком состоянии нашли они те товары.

3 декабря рано утром все они выехали от Четырех Баб к месту, где лежали товары, в тот же день погрузили на сани все товары, которые нашли, и со всей возможной скоростью направились к Астрахани. Когда они приехали к Четырем Буграм, где провели ночь, утром еще до свету на них напала многочисленная шайка конных ногайских татар. Они подскакали со страшным криком и улюлюканьем, но наши так огородили себя санями, что ногайцы не смогли подступиться к ним: они только ездили вокруг и пускали в них стрелы, они ранили одного из бывших с нашими русских и быстро ускакали.

Когда рассвело, они стали появляться на довольно далеком расстоянии; их было очень много, но на наших они больше не нападали. В тот же день наши выехали на санях по направлению к Астрахани, куда и прибыли благополучно 4 декабря часов около 3 пополудни. Все наши очень радовались своему счастливому избавлению от стольких тяжелых случаев, беспокойств и бедствий, постигавших их во время путешествия. Много у них было причин восхвалять всемогущего, который столь милосердно спас и сохранил их. Они оставались всю зиму в Астрахани, где пользовались большим благоволением и дружбой князя-воеводы и старших чинов города. Зимой, однако не случилось ничего, что стоило бы отметить.

Весной 1581 г., около половины марта, лед вскрылся, и Волга под Астраханью совершенно очистилась. 9 апреля, погрузив на струги все товары, пришедшие обратно из Мидии, агенты Уилльям Тэрнбулль, Матвей Тэйльбойс, Джайльс Кроу, Христофор Бэрроу, Михаил Лэйн, пушкарь Лоуренс Проуз, Рэндольф Фокс, Томас Хэдсон, Товия Пэрис, красильщик Морган Хэббльсэорн, хирург Рич, Роберт Гольдинг, Джон Смитс, плотник Эдуард Ридинг и пушкарь Уилльям Перрин отправились с товарами из Астрахани на струге вверх по Волге в Ярославль, имея с собой 40 человек русских, из которых 36 было вольных казаков-гребцов, остальные же были купцы-пассажиры. Они оставили в Астрахани с бывшими там английскими товарами Амоса Райалля, Уилльяма Уииколля и Ричарда Рельфа, поручив им обменять и продать сколько смогут товаров тезикам, если таковые приедут весной этого года в Астрахань, или другим лицам, насколько это будет возможно. Остальное же вместе с тем, что им удастся получить в обмен, доставить в Ярославль ближайшим летом, когда царская карета будет переправляться через Волгу. 21 апреля наши пришли на стругах к Переволоке, но не останавливались там потому, что много

мучились с ледоходом по пути из Астрахани. 3 мая около полудня прибыли в Увек. Поднимаясь дальше по реке, Уилльям Тэрнбулль 17 мая поехал в маленькой лодке вперед в Тетюши, чтобы запастись провизией и послать ее на струг, который находился тогда примерно верстах в 230 от Тетюшей. 23 мая они встретили лодку со съестными припасами, которую выслал Уилльям Тэрнбулль из Тетюшей. В тот же день прибыли на струге в Тетюши, где остановились на ночь, а на другое утро своевременно выехали дальше. Уилльям Тэрнбулль еще раньше выехал вперед в Казань, чтобы озаботиться всем необходимым и подготовить отправку своих спутников. 26 мая их струг пришел в Казань, где и оставался до 4 июня. 30 мая факторы отправили Джайльса Кроу в Москву с письмами. 4 июня струг отплыл из Казани и пришел в Ярославль 22-го около 5 часов утра.

23-го приготовили телеги, чтобы везти товар в Вологду. 24-го, уложив на телеги товары, выехали с ними в Вологду. От Ярославля стояли в 5 верстах.

29 июня наши благополучно приехали в Вологду; все товары были в полном порядке. Того же 29-го числа Уилльям Тэрнбулль и Петр Гаррард выехали водой на переменных в Колмогоры, а 3 июля, погрузив товар в небольшой дощаник, и остальные выехали на нем из Вологды к Розовому острову у св. Николая, куда благополучно прибыли 16 июля, найдя там агентов компании для России и присланные из Англии суда, уже погруженные и почти готовые к отплытию. 25-го вышел в Англию с рейда св. Николая их корабль «Елизавета».

26-го оттуда же вышло судно «Томас Аллен и Мэри Сюзан»; на нем ехали Уилльям Тэрнбулль, Матвей Тэйльбойс, Томас Хэдсон и другие лица. Товары, возвратившиеся из персидского путешествия, были погружены на судно «Уилльям и Джон», шкипером которого был Уилльям Байгэт; на нем с некоторым количеством товаров ехали Петр Гаррард и Товий Пэррис.

11 августа это последнее судно закончило свою погрузку, получило отправление и вышло с рейда св. Николая. С ним вместе шло и другое из зафрахтованных компанией судов, под названием «Томэзин»; шкипером его был Христофор Холл. Во время обратного пути на родину оба эти судна испытали неблагоприятную погоду и отдалились одно от другого. «Уилльям и Джон» пришел в Ньюкэстль 24 сентября. Оттуда Петр Гаррард и Товий Пэррис проехали в Лондон сухим путем и привезли туда известие о возвращении судна. 25 сентября оба судна благополучно прибыли в Лондонскую гавань и бросили якорь около Лаймхоуза в Уопинге *, где и были разгружены в 1581 г.

* Уопинг (Waping) — лондонский пригород, теперь городской квартал на правом берегу Темзы против Лаймхоуза, такого же пригорода Лондона.

XVI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Письмо г. Генри Лэйна к достопочтенному г. Уилльяму Сэндерсону с кратким изложением открытий на северо-востоке за 33 года (написано после 1583 г.).

Господин Сэндерсон, вы недавно обратились ко мне с просьбой. Я искал то, что вас интересовало, и, хотя не мог найти бумаг, которые я ранее хранил, а потом дал на время другим лицам, все же, пользуясь лондонскими копиями моих старых писем, чтобы удовлетворить просьбу лица, которое имеет в виду доставить удовольствие многим, я вкратце и как только можно верно изложил нижеследующее. Грубый набросок может быть изменен по вашему усмотрению, т. е. как угодно тому, кто берет на себя весь труд.

Первая достойная всякого почтения попытка открыть через северо-восточные и северо-западные моря путь в Китай имела место в 1553 г., в последний год царствования короля Эдуарда VI, и была осуществлена, главным образом, благодаря привилегии его величества, поддержке знатных людей его времени, иждивению и трудам господина Себастьяна Каботы, в то время руководившего открытиями, совместно с сэром Эндрю Джёддом, сэром Джорджем Барнсом и сэром Уилльямом Гаррардом, сэром Антонием Хэсси и компанией купцов. Общее руководство экспедицией было вверено некоему рыцарю, сэру Хью Уиллоуби, представительному дворянину, под начальством которого было достаточно большое число кормчих, шкиперов, купцов и моряков. Экспедиция располагала тремя хорошо снаряженными кораблями, а именно: «Добрая Надежда», «Эдуард — Благое Предприятие» и «Доверие». «Эдуард — Благое Предприятие», при кормчем Ричарде Ченслоре и шкипере Стифене Бэрроу, открыв Вардехус на Финмаркенском берегу, отделился вследствие бури или тумана от других судов и открыл бухту св. Николая, ныне главную гавань для России, там благополучно перезимовал и получил помощь от жителей селения, называемого Неноксой.

Другие два корабля, пытаясь пройти далее к северу (как видно из записок, найденных позднее и написанных сэром Хью Уиллоуби), встретили в сентябре такие ужасные холода, что должны были повернуть

обратно и искать зимовки. Но не найдя входа в вышесказанную бухту св. Николая, они пристали к безлюдным берегам Лаппии и вошли в реку, немедленно после того замерзшую, которая позднее была открыта и называется Арзина река; она лежит к востоку от русского монастыря, называемого Печинго. Оттуда они никогда не возвратились, но все, в числе до 70 человек, погибли от неопытности и оттого, что не сделали себе землянок и печей. Их нашли русские рыбаки в следующем, 1554 году, а в 1555 г. место это, как будет видно ниже, посетили английские купцы.

В 1554 г. сказанный корабль «Эдуард — Благое Предприятие» вернулся со своим экипажем в Лондон (хотя на обратном пути и был ограблен фламандцами). Они продолжили свои действия и открытия до самого города Москвы, откуда привезли грамоты, написанные по-русски, за печатью короля или великого князя; они искали и другие два корабля, но судьба последних осталась им неизвестной.

В 1555 г. вышеназванная компания купцов-предпринимателей при новой финансовой поддержке отправила туда два корабля, а именно: «Эдуард — Благое Предприятие» и другой, носивший имена короля и королевы, «Филипп и Мария»*. В письмах их величеств к названному московиту были рекомендованы ему некоторые их подданные, туда ехавшие. Из них некоторые, а именно: Ричард Ченслор, Джордж Киллингуорзс, Генри Лэйн и Артур Эдуардс, по приезде в бухту поднялись вверх по Двине до Вологды и отправились впервые в Москву. Там, по ознакомлении с привезенными ими грамотами, им был оказан особо любезный прием, отведено помещение и назначено содержание. Вскоре они были допущены к государю. Их торжественно провезли по Москве в сопровождении дворян и привезли в замок и дворец, наполненные народом и некоторым количеством вооруженных стрельцов. Они прошли разные комнаты, где были собраны напоказ престарелые лица важного вида, все в длинных одеждах разных цветов, в золоте, парче и пурпуре, подобно тому, как и наша прежняя одежда в Англии украшалась головными уборами, драгоценностями и цепями. Это оказались не придворные, а почтенные москвитяне, местные жители и уважаемые купцы, по тамошнему обыкновению одетые таким образом в одежды, украшенные предметами из царского гардероба и царской казны; все это дано было им на время с обязательством возвратить в казну.

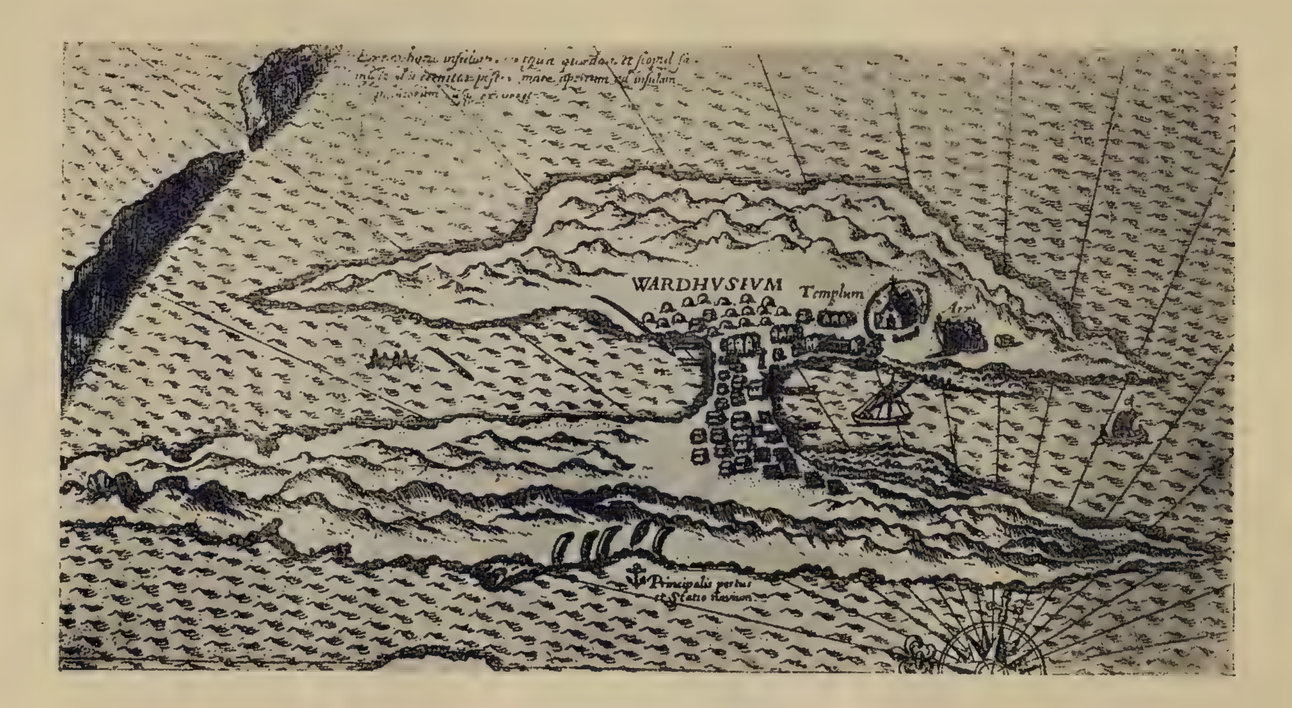
Когда наших ввели в помещение, где был государь, — в большую комнату, устланную коврами, они увидели людей, занимавших высшее положение и имевших еще более богатый вид; их было свыше ста и сидели они четыреугольником. Когда англичане вошли и поклонились,

* Королева Мария была замужем за испанским королем Филиппом II, который вследствие этого брака считался королем Англии до смерти Марии в 1558 г.

они все встали; остался сидеть один только государь; да и тот вставал всегда, когда читались или произносились имена нашего короля и королевы. После разговоров, ведшихся через переводчика, наши поцеловали его руку и были приглашены к обеду. Их отвели в другое помещение; к обеду их провели через различные комнаты, в которых можно было видеть массивную серебряную и позолоченную посуду; а некоторые предметы по величине были похожи на бочонки и на тазы для умывания. Когда они вошли в столовую, очень большую, они увидели, что государь сидит с непокрытой головой, а его корона и богатая шапочка находятся на высокой подставке рядом с ним. Неподалеку сидели его митрополит, разные его родственники и главные татарские начальники. Никто не сидел напротив него, а равно никто за другими столами не сидел спиной к нему. Когда за столами рассажены были приглашенные, для англичан, которых русские называли «гости корабельские» (ghosti carabelski), т. е. иноземцы или корабельные купцы, был приготовлен стол посередине комнаты прямо против государя. После этого начали разносить блюда молодые люди из знати в таком богатом наряде, какой описан выше. С государева стола (не считая того, что подавалось им прямо) наши получали каждое из его кушаний, подаваемых в массивной золотой посуде, которое присылали им, каждый раз называя их по христианскому имени, например: Ричард, Джордж, Генри, Артур. То же повторялось с хлебом и с напитками из очищенного меда (mead), приготовленного из белого светлого пчелиного меда (honey). Когда все встали из-за стола, государь подозвал наших к своему столу, чтобы дать каждому по кубку из своих рук, и взял в свою руку бороду г. Джорджа Киллингуорзса, которая свисала через стол, и шутливо передал ее митрополиту, который, как бы благословляя ее, сказал по-русски, что это — божий дар. И, действительно, в то время борода его была не только густая, широкая и русого цвета, но в длину имела пять футов и два дюйма. После этого, откланявшись, уже когда стемнело, они отправились на свое подворье в сопровождении людей, несших кружки с напитками и готовые блюда с мясом.

В этот же год г. Киллингуорзс, остававшийся агентом в Москве почти два года, принял меры к тому, чтобы получить в распоряжение два корабля с прахом сэра Хью Уиллоуби и его спутников, причем было возвращено и спасено много съестных припасов и товаров.

В 1556 г. компания отправила в Россию два корабля и новых шкиперов и моряков для приведения обратно в Англию обоих кораблей, замерзших в Лаппии на вышесказанной реке Арзине. Два корабля, высланные в этот год из Англии в бухту св. Николая, захватили с собою груз и пассажиров, а именно: русского посланника по имени Иосифа Непею и его спутников, ехавших вместе с Ричардом Ченслором на «Эдуарде». Но случилось так, что о двух кораблях, шедших из Лаппии

КАРТА ВАРДЕХУСА (ВАРДО)

De Bry's Collections of Travels and Voyages, Petits (Eastern) Voyages, Part X. Frankfort 1613, составленная на основании путешествия Линсхотера 1594—1595 г.

с новым шкипером и моряками, больше никогда не услышали. Предполагают, что после двухлетней зимовки в Лаппии они обветшали и в непогоду в бурном море пошли ко дну, причем потонули и несколько русских купцов и слуг посланника. Третий корабль — вышеназванный «Эдуард» — также погиб, разбившись о скалы у северных берегов Шотландии; погиб шкипер Ченслор и много других. За едва спасшимся русским посланником, его другими людьми, нашими моряками и теми товарами, которые удалось спасти, были отправлены от имени короля, королевы и английских купцов г. доктор Лоренс Хёсси с другими лицами. Потом, как видно из хроники, они были с честью приняты в Лондоне.

В том же году компания снарядила и послала пинассу «Сэрчсрифт» для открытия гаваней в северных странах от Норвегии до Вардехуса и далее до бухты св. Николая. Ее шкипером и кормчим был Стифен Бэрроу, поехавший с братом своим Уилльямом Бэрроу и 8 человеками экипажа. Их открытия имели место за бухтой св. Николая в направлении к стране самоедов, народа, обитающего около реки Оби; они открыли пролив или море и остров, называемый Вайгач, впервые нанесенный ими на карту. Будучи в тамошних местах, они лопатами выбрасывали со своей пинассы снег в августе. Ввиду такой крайности и недостатка времени они вернулись в Россию и зимовали в Колмогорах.

В 1557 г. компания на четырех добрых кораблях отправила на родину вышеназванного посланника и вместе с ним послала для дальнейших открытий нового агента, г. Антония Дженкинсона, который затем в 1558 г., при весьма благосклонном отношении московского государя и снабженный его грамотами, проехал рекой Волгой в Казань, предполагая открыть сухопутную дорогу в Китай; он встречал войска и отряды диких татар; но, соединясь с купцами из Бактрии или Бухары и Ургенча (Urgeme) и путешествуя на верблюдах, он доехал до Бухары, но не далее. Сведения о его приеме тамошним королем следует получить от г. Дженкинсона, который в 1559 г. вернулся в Московию, а в 1560 г., вместе с Генри Лэйном, возвратился на родину в Англию: в этом году в первый раз корабли пришли обратно благополучно, без потерь и кораблекрушений, мертвого фрахта и пожаров. В это же время началась торговля через Нарву в Ливонии, граничащей с Литвой и всеми русскими владениями. Тамошние рынки, ярмарки, товары, большие города и реки были обследованы различными служащими компании; отчеты их получал агент Генри Лэйн, представивший их компании в 1561 г. Торговые сношения с Ригой и Ревелем с давних пор и в давнее время поддерживались нашей английской нацией, но торговать с Нарвой до этого времени мешали нам данцигцы и любекцы.

В 1561 г. вышеназванный г. Антоний Дженкинсон поехал агентом в Россию; год спустя, проехав всю реку Волгу до Астрахани и переехав

Каспийское море, он прибыл в Персию и открыл торговлю с этой страной.

Между 1568 и 1573 гг. туда же после г. Дженкинсона совершили несколько путешествий Томас Олкок, Артур Эдуардс, г. Томас Бэннистер и г. Джеффри Дэкет. Если бы последние не были ограблены разбойниками около Волги, то барыши, добытые ими, спасли бы и покрыли все великие потери, расходы и убытки компании (так называемой старой компании). Но верна поговорка: в единении малые вещи растут, а в несогласии великие уменьшаются. Это лучше всего должна понять компания. Непослушание некоторых, правда немногих лиц, и злоупотребления нечестных факторов были важными причинами неудач компании.

Артур Эдуардс был снова послан в 1579 г., но умер во время путешествия, находясь в Астрахани. По поводу всех этих дел следует также припомнить путешествия посланника сквайра г. Томаса Рэндольфа в 1567 г. и недавнее путешествие сэра Джерома Боуса в 1583 г.; оба путешествия имели в виду дальнейшие открытия и получение прав и привилегий свободной торговли; но я их не касаюсь. В заключение поручаю вашей памяти всех помянутых мною людей за их труды и искания в данном направлении (как теперь другие действуют в иных направлениях), как достойных джентльменов, посылавшихся государями для блага родины. Вместе с тем сердечно с вами прощаюсь. Из Сент Маргаретс, близ Дартфорда в Кенте *.

Ваш *Генри Лэйн.*

* Сравнение с документами, напечатанными выше, показывает, что Лэйн перечисляет не все путешествия англичан за период 1553—1581 гг.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Ахтерштевень — деревянная (в XVI в.) часть, прикрепляемая к задней части киля; на ахтерштевень с внешней стороны привешивается руль.

Бакан — сигнальный маяк.

Бакборт — левый борт судна.

Бар — песчаная коса при впадении реки в море.

Батман — персидская мера веса, равна $6^1/_2$ англ. фунтам.

Бейдевинд — попутный ветер.

Бизань-мачта — задняя мачта на трехмачтовом судне.

Бист — мелкая персидская монета, равная $2^1/_2$ англ. пенсам.

«Бочка» или *«гнездо»* — особый вид упаковки металлических сосудов, при которой один сосуд вкладывается в другой.

Брашпиль — ручной механизм типа лебедки, при помощи которого выбирается якорная цепь и поднимается якорь.

Буса — большая морская ладья с высокими бортами, приподнятыми при помощи набоев, т. е. набитых по бортам досок. Бусы служили также для поездок русских по Каспийскому морю.

Ванты — канаты, соединяющие мачту с бортами судна.

Галеоны — гребные суда на Каспийском море.

Гиллявар — морской ветер.

Гротзейль — оснащение парусами грот-мачты.

Грот-мачта — средняя мачта на трехмачтовом судне.

Диферентовать — уравновесить.

Дрейф — относ судна морским течением.

Зонд — см. лот.

Кабельтовы — мера длины для коротких морских расстояний; в собственном смысле длина якорного каната.

Кабестан — вертикальный ворот для навивания якорного каната при заводе судна.

Каравеллы — небольшие одно- или двухмачтовые суда.

Киль — основная продольная ось корабля в виде выдающегося наружу бруса, расположенного по всей длине судна в нижней его части. К килю прикрепляются шпангоуты — ребра корабля.

Лига (league, фр. lieue) — морская миля, равная около 4 километров.

Лихтер — см. паузок.

Лот — прибор для измерения глубины.

Люк — отверстие в палубе или на борту судна.

Марс — площадка на скрещении мачт и реев.

Марс — корабельная снасть.

Паузок — легкое судно, употребляемое для облегчения и разгрузки больших судов.

Пенсы русские — под русскими «пенсами» разумеются, несомненно, алтыны. Если шах приравнивается к 6 алтынам, то туман, равный 200 шахам, равняется 1200 алтынам, или 36 рублям.

Пинасса — небольшое морское судно, иногда отправляемое в самостоятельное плавание (см. путешествие Стифена Бэрроу), иногда служившее в качестве большого бота на борту более крупного судна.

Райна — см. рей.

Реи — перекладины на мачтах, служившие для установки и укрепления парусов.

Румбы — направления ветров.

Сажень — мера длины в 6 футов (fadom или fathom). Проходит по всему тексту.

Струги — плоскодонные гребные суда на Волге.

Тезик — персидский купец.

Туман — крупная персидская денежная единица.

Фальконеты, *Фальконы*, *Фулеры* — различные виды пушек.

Фок-мачта — передняя мачта трехмачтового судна.

Форзейль — оснащение фок-мачты парусами.

Шах — персидская денежная единица, равная 6 англ. пенсам.

Штирборт — правый борт судна.

Швартоваться — причалить, привязавшись к канатам.

Эсквайр — почетный титул английского дворянина.

Ярд — английская мера длины. Ярд равен 3 англ. футам, или 0,9144 метра.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ПЕРЕВОД ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ НА КАРТЕ ДЖЕНКИНСОНА

(Расположены сверху вниз и слева направо)

1. Золотая баба — золотая старуха — предмет религиозного культа обдорцев и югорцев. Жрец вопрошает этого идола о том, что им делать и куда им перекочевать; идол (достойно удивления) дает точные ответы, и события точно сбываются.

2. Жители этих стран поклоняются солнцу в виде красного холста, привешенного к жерди. Они проводят жизнь в становищах, питаются мясом всех животных, в том числе змей и червей, и имеют свой собственный язык.

3. Скалы эти, напоминающие облик людей, вьючных животных (верблюдов), прочего скота и других предметов, были собранием людей, пасущимся стадом и табунами. Вследствие некоей изумительной метаморфозы, они внезапно обратились в камни, ничем не изменив своей прежней формы. Это чудо совершилось около 300 лет тому назад.

4. Киргизский народ живет толпами, т. е. ордами, и имеет следующие религиозные обычаи: когда жрец совершает богослужение, то он берет кровь, молоко и навоз животных, смешивает их с землей и вливает в сосуд; затем влезает с ним на дерево и, когда соберется народ, прыскает в него эту жидкость, и такое опрыскивание почитается ими за бога. Когда кто-нибудь из них умирает, то вместо того, чтобы хоронить его, они вешают его на дерево.

5. От Мангышлака до Шайсура* они совершают путь 20 дней; на пути нет никаких обиталищ и большой недостаток в воде. От Шайсура до Бухары — такое же протяжение пути, опасного от разбойников.

6. Малый Хорасан, завоеванный в 1558 г. персидским шахом с помощью татар.

7. Самаркандия была некогда столицей всей Татарии; теперь она лежит в безобразных развалинах, смешанных со многими следами древности. Там похоронен тот Тамерлан, который, пленив турецкого императора Баязета, велел носить его напоказ, закованного в золотые цепи.

8. Каскара (Кашгар). В 30 днях пути отсюда начинаются границы Китайской империи. От этих границ до Камбалу путь продолжается 3 месяца.

* В тексте путешествия Дженкинсона Шайсур называется Селизюр.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

[С]траница	Строка	Напечатано	Следует читать
55	8 снизу	очень	очень много
73	9 »	после того мы	после того, как мы
111	10 »	25-го	24-го
111	4 »	26-го	25-го
111	3 »	27-го	26-го
112	1 сверху	28-го	27-го
112	5 »	29-го	28-го

[Г]отье и Новицкий. Английские путешественники.

Готье и Новицкий — 1232.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ АНГЛИЧАН В МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ИРАН в 1553–1581 г.г.
Масштаб
180 0 180 360 540
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Путь Ченслера
Путь Уиллоуби (без Ченслера)
Путь Стиф. Бэрроу
Путь Соутэма и Спарка
Путь Пэта и Джэкмана
Путь Дженкинсона
Путь Дэкета
Граница Московского государства в XVI в.
Граница Турции
Направление турецкого наступления на Иран в 1560-70 г.г.
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ М.
ЧЕРНОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСК. М.
ТУРЦИЯ
ИРАН
Нов. Земля
Вардо
Кола
Лампожня
Сорока
Сумский Посад
Холмогоры
Повенец
Онежское оз.
Ладожское оз.
Сольвычегодск
Трондьем
Вологда
Новгород
Ярославль
Псков
Тверь
Владимир
Казань
Н. Новгород
МОСКВА
Лондон
Киев
Днепр
Дон
Волга
Урал
Ишим
Обь
Дунай
Астрахань
Хива
Бухара
Дербент
Ширван
Баку
Константинополь
оз. Ван
Тавриз
оз. Урмия
Казвин
Кашан

